

Россия как она есть

Олег Арин

Разрушители мозга
(Ненаучная наука России)

Москва 2015

ББК 87.6 66.4

A81

Арин Олег Алексеевич (Alex Battler)

A81 **Разрушители мозга** (Ненаучная наука России).
(Серия: Россия как она есть). – М. : Издательство
ИТРК, 2015. – 368 с.

ISBN 978-5-88010-350-8

Эта книга Олега Арина посвящена проблемам науки в России, которая, по его мнению, переживает не просто кризис, а катастрофу. Речь идет об общественных науках, которые по сути превратились в идеологическое оружие в борьбе против враждебного Запада и одновременно в провозглашение утопических идей, на основе которых Россия вновь-де станет великой мировой державой. Такой еслибизм стал возможным вследствие качественного падения уровня науки, творцы которой элементарно потеряли способность размышлять. Наука превратилась в ненауку, в журналистику.

Подобное умозаключение автор демонстрирует на конкретных примерах из разных областей обществоведения. Он убедительно показывает, что даже сами научные работники не понимают, что такое наука и кто такой ученый. В этой связи автор поместил в книгу целый раздел для объяснения научно-ведческих терминов и понятий в сфере науки. И в этом сборнике Арин не изменяет своему острому стилю и награждает убийственными характеристиками так называемых ученых, уничтожающих российскую науку.

Персональный сайт автора www.olegarin.com

ISBN 978-5-88010-350-8

©Арин Олег Алексеевич (Alex Battler), 2015

Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме.

Самая серьезная потребность есть потребность познания истины.

Гегель

Главное препятствие познания истины есть не ложь, а подобие истины.

Лев Толстой

Если нет сил гореть и разливать свет, то хоть не засти его.

Лев Толстой

Содержание

К читателям	6
Часть I. Российская наука: мифы и реальность	14
<i>Плоды российской науки</i>	<i>15</i>
<i>Российская наука в грезах и реальности.....</i>	<i>20</i>
<i>Научно-технологический потенциал России: сравнительный анализ</i>	<i>29</i>
<i>Проблемы образования в России, или иллюзия бурной деятельности (ИБД).....</i>	<i>46</i>
<i>Ученые и студенты России.....</i>	<i>65</i>
Часть II. Академики и доктора наук	71
<i>Академик Титаренко – «Лысенко» востоковедения..</i>	<i>71</i>
<i>«Менталитет» Сергея Чугрова и российская ненаука</i>	<i>110</i>
<i>Знание иностранных языков</i>	<i>127</i>
<i>Учебное пособие по внешней политике Японии как зеркало деградации российского японоведения</i>	<i>130</i>
<i>Капицу – в академики?</i>	<i>165</i>
<i>Рецензия на диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук Мадам Х. «Место и роль национальных государств в процессах глобализации».....</i>	<i>171</i>
<i>Диссертация М.В. Шарко на соискание ученой степени доктора политических наук как зеркало полной деградации общественной науки в России ..</i>	<i>191</i>
<i>Плагиаг</i>	<i>228</i>

Часть III. Фальсификация науки и фальсификаторы	230
<i>Мадам Нарочницкая, Энгельс и панславизм</i>	<i>230</i>
<i>Мифы русских патриотов о России и Западе (Критическая рецензия на писания В. Мединского) ..</i>	<i>242</i>
<i>Генеалогия В.И. Ленина</i>	<i>279</i>
<i>Еще раз о генеалогии В.И. Ленина</i>	<i>281</i>
<i>Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!</i>	<i>285</i>
<i>Сталин: факты против фальши</i>	<i>291</i>
Часть IV. Бумеранг.....	307
<i>Критика с позиции демократ-либерала.....</i>	<i>308</i>
<i>Антисоветизм за работой.....</i>	<i>314</i>
<i>Борис Соколов: с одной стороны, ничего, с другой – очень наивно</i>	<i>332</i>
<i>Не зашкаленные</i>	<i>335</i>
<i>Слабость против силы.....</i>	<i>337</i>
Часть V. Что такое наука и кто такой ученый	343
<i>Ученый – это кто?.....</i>	<i>343</i>
<i>О науке и учености.....</i>	<i>345</i>
<i>Так что же такое наука?.....</i>	<i>354</i>
<i>Отличительные признаки науки.....</i>	<i>360</i>

К читателям

Эта книга продолжает серию «Россия как она есть». Я решил частично оставить название, данное электронной версии ранее выпущенного сборника о российской науке, который назывался «Разрушители мозга (О российской лженауке)» (2011). Но на этот раз из заглавия пришлось убрать слово *лженаука*, поскольку некоторые читатели мне обоснованно указали на то, что лженаука обычно ассоциируется с шарлатанами, современными алхимиками и лжефизиками. По мнению президента РАН В. Фортова, «лженаукой в современном мире занимается примерно столько же людей, сколько и наукой» (Lenta.ru: 05.02.2014). Если иметь в виду, что наукой, по данным ЮНЕСКО, в 2009 г. занимались 7,1 млн человек, то столько же приходится и на лжеученых.

Тема это, безусловно, важная, но в моем сборнике речь идет об ученых, которые составляют пласт именно в академической науке. Так, по крайней мере, кажется не только обывателям, но и самим ученым. На примере российского обществоведения, в основном востоковедческого профиля и работ международников, я показываю, что подавляющая часть таких ученых к науке не имеет отношения. Более того. Работы таких людей значительно опаснее, чем выдумки шарлатанов и различных пройдох от лженаук по одной простой причине. Последние две разновидности мошенников видны сразу, и обладающий хоть каплей мыслительных способностей читатель/исследователь их не берет в расчет. Первые же, как правило остепененные различными научными регалиями, воспринимаются весьма серьезно. Именно такие определяют нынешний уровень российской науки и нередко, особенно экономисты и международники, оказы-

вают влияние на формирование и проведение внутренней и внешней политики. Результат такого «научного» воздействия вполне очевиден. Трагедия некогда великой страны не имеет прецедентов в мировой истории. Безграмотные советники и вообще шарлатаны заняли доходные места в государственном аппарате на всех его ступенях, привели в негодность науку и, процветая сами, угробили страну.

Итак, эта книга о российской науке, или, вернее, о том, во что она превратилась в капиталистической России.

В этом сборнике я сохранил часть статей предыдущего издания. Хронологию их нет необходимости соблюдать, т.к. каждая тема или статья могут жить своей жизнью. Сюда же я добавил те из них, которые были разбросаны в других книжках, не имеющих прямого отношения к науке, но влияли на нее или отражали в той или иной степени размышления людей, причастных к науке. Наконец, еще одна часть – это статьи, вывешенные у меня на сайте, которые не успели попасть в бумажные варианты изданий.

Проницательный читатель, дочитавший книгу до конца, может задать обоснованный вопрос: а где позиция автора относительно реформы РАН? Столько копий по этому поводу ломают в печати, а у автора не нашлось ни одного слова, чтобы как-то прокомментировать этот процесс. Хотя на сайте я много раз объяснял читателям свою позицию, коротко повторю ее и здесь. Я убежден, что РАН в принципе не поддается реформированию. Точно так же как не поддается реформированию вся нынешняя общественная система в России. Выходом из этого стратегического тупика могут быть только революционные преобразования всей системы, соответственно и сферы науки. Трагедия нынешней России заключается в том, что отсутствуют революционные преобразователи. И в первую очередь их нет в среде научного сообщества. Эта прослойка нынешней интеллигенции демонстрирует абсолютную политическую апатичность, социальную дряблость, рабскую покорность нынешнему строю. Не только они сами, но и их «труды» не породили боевых скакунов революции. Россия не породила своих вольтеров, руссо, гольбахов, не говоря уже о кондильяках или джефферсонах. Более того,

многие из них не только склонили свои выи перед строем, но согнулись и перед религией, естественной противницей всякой науки. Главная забота у этой, так сказать, научной интеллигенции – это дармовые поездки за рубеж (конференции, командировки), получение зарубежных грантов, а как высшая награда – преподавание в каком-нибудь зарубежном университете. Ну и, конечно, чтобы в ходе реформ не выгнали с работы. Отсюда и лизоблюдство. В общем, не до науки. Предполагаю, что, если закрыть все общественно-ведческие институты, никто и не заметит. Так мне видится издадека.

Сборник состоит из пяти частей.

Первая часть посвящена мифам о состоянии современной российской науки, которыми убаюкивают себя российские ученые, и суровой реальности, которая высвечивается из элементарной статистики.

Во второй части описаны творения ученых и кандидатов в ученые, из-за которых Россия как раз и пожинает плоды своего отставания от всех развитых стран мира.

В третьей поднята тема фальсификаций в науке, которая расцвела пышным цветом в современной России благодаря так называемым ученым, мозги которых поражены паранойей антикоммунизма и антисоветизма.

Четвертую часть я посвятил своим ответам на рецензии моих идеологических оппонентов, чтобы высветить антинаучность их аргументаций и вообще слабость их научной методологии, которая фактически выросла из позитивизма и неопозитивизма, что сами критиканы не осознают.

Наконец, пятая часть – это объяснение, что такое наука и кого можно, а кого нельзя считать ученым. Хотя в первых двух статьях эта тема мной была изложена в публицистической манере, я все-таки добавил в эту часть два параграфа из первого тома своего научного труда «Мирология: прогресс и сила в мировых отношениях». В них детально изложены критерии и отличительные признаки науки. Любопытного читателя хочу проинформировать,

что два тома из 5-ти томника «Мирологии»¹ уже вышли в издательстве ИТРК.

О языке сборника. Как и в предыдущих моих книгах из серии «Россия как она есть», я не придерживался одного стиля. Одни статьи написаны в публицистической манере, другие в научном формате, хотя он резко отличается от формата всех российских ученых. В этом сборнике есть специфика. В силу его содержания мне приходилось критиковать персонально тех или иных ученых или называющих себя таковыми. В политкорректной манере таких деятелей от науки практически невозможно критиковать, поскольку то, что они пишут, просто не укладывается в голове и вызывает в ответ только ненормативную лексику, которая законодательством России запрещена. Пришлось ограничиться не совсем политкорректным юмором и сарказмом. Что же касается фальсификаторов-антисоветчиков и антикоммунистов, которые сами в выражениях не стесняются, то поскольку они мои идеологические враги, постольку и мой ответ соответствует разговору с врагами. Во всяком случае, так поступали все убежденные в своих взглядах мои учителя. «С одной стороны», «с другой» – это я оставляю для употребления тем, кто не определил свою сторону в познании истины или тем политкорректным и безмолвным «некто».

Хочу предупредить также, что во многих статьях я критикую их авторов за ненаучный термин «АТР», укоренившийся и вбитый колом в неподатливые головы горе-ученых. Это часто выглядит назойливо и, возможно, представляет меня как человека, уже не помнящего того, о чем писал. Но дело в том, что статьи были написаны по разному поводу, и упоминаются в них разные люди, претендующие на научный статус, которые, к моему несчастью, жуют этот уже набивший оскомину термин. Но не моя в этом вина. Употребляют и нарываются, так сказать. Не указать на это я не мог. Почти во всех критических статьях я «домогаюсь» правиль-

¹ «Мирология» выпускается под моим канадским именем Алекс Бэттлер. О биографических подробностях можно прочитать у меня на сайтах.

ного употребления терминологического значения слов. Это тоже часто звучит назойливо. Причина та же. Употребляют и учат этой глупости молодое поколение будущих научных работников.

Далее. Мои научные определения науки и ученого приведены в конце сборника. Читатель может не понять, чем это я все время недоволен и почему я того-то и того-то не называю ученым. Чтобы было понятно, даю предварительное разъяснение моего понимания этих терминов.

В общественном сознании россиян сложилось убеждение, что человек, обладающий какой-нибудь ученой степенью или даже работающий в сфере научно-интеллектуальной деятельности, является ученым. Да и почти все «остепененные» тоже считают себя учеными. Нередко можно слышать, как новорожденный кандидат наук, выступая на какой-нибудь конференции, говорит: «Я, как ученый, считаю...» На самом деле далеко не каждый академик является ученым, что я постараюсь донести по ходу развития текста книги. В то же время человек без всякой степени может быть ученым. Например, Ф. Энгельс не имел даже докторской степени, однако как ученому-обществоведо ему не было равных в XIX в., кроме Маркса. Мое определение ученого будет повторено многократно по тексту в контексте других определений в науке.

Свою классификацию научных сотрудников я воспроизведу ниже. Сейчас коротко.

Ученый – это человек, открывший законы или закономерности природы или общества. Значимость и качество ученых зависит от масштаба их открытий и влияния на развитие человечества. Гений совершает открытия, влияющие на ход развития всего человечества (Платон, Аристотель, Ньютон, Лейбниц, Гегель, Маркс, Эйнштейн). Талантливый ученый открывает (в основном) законы в рамках какой-либо одной научной дисциплины (Ом, Ампер, Фарадей, Лобачевский, Менделеев, Павлов, Фрейд, Смит, Рикардо, Кейнс). Способный – совершает открытия в узкой сфере какой-либо из научных дисциплин (их много).

С определенной натяжкой к ученым можно отнести также класс людей-изобретателей, которые придумывают нечто такое, что отсутствует в природе или обществе.

В рамках Российской академии наук, по крайней мере в области общественных наук, работает армия научных сотрудников. Довольно сложно выделить среди них подлинных ученых (просто никто этим не занимался), но могу предположить, что они все-таки есть и что ученых среди них наберется максимум процентов пять. Значительно больший процент (около 10–15%) приходится на специалистов: это те исследователи, кто обладают знаниями по изучаемому предмету. Кандидат наук обычно владеет знаниями по весьма узкому кругу явлений. Он значительно шире для доктора наук. Остальные – научные работники, и их – огромная армия. Их «бесценность» двояка. Во-первых, в самом прямом смысле этого слова: они ничего не стоят как ученые, а во-вторых, несмотря на это, государство тратит громадные ресурсы на обеспечение жизнеподдержания этой армии прожорливых околонучных приживал, будь они кандидатами или докторами наук.

Что касается званий член-корреспондентов и академиков, в российских условиях они обычно даются за бюрократические достижения директорам институтов и их замам. К науке эти звания, за редким исключением, почти не имеют отношения (надеюсь, что в естественных науках картина несколько иная). Вообще-то директор института и ученый – вещи несовместимые по той простой причине, что ученый никогда не сможет стать бюрократом, к чему вынуждает директорская должность. Знаю это по собственному опыту, хотя бы потому, что бюрократ из меня не получился.

Особую настороженность должны вызывать различные ученые степени и звания у действующих политиков. Все они, уверен, «липовые» кандидаты и доктора. Ко мне, к примеру, неоднократно обращались с предложением за небольшие суммы написать докторские диссертации для такой категории лиц. Но это уже отдельная, так сказать, криминальная тема, требующая отдельного анализа. Важно только, чтобы читатель зафиксировал для себя, что сложился

постоянно действующий механизм «остепенения» политиков, о чем весьма робко начали писать в печати¹.

Здесь коротко изложу то, о чем талдычу уже много лет и о чем, собственно, эта книга – то, что я понимаю под словами *наука* и *ученый*. И уж читатель сам решит, читать ему эту книжку до конца или бросить прямо сейчас.

Одним из признаков отличия ученого от неученого является то, что первый строит свой анализ на базе понятийно-категориального аппарата, второй – на уровне слов и терминов. В первом случае процесс познания, или, если придерживаться гегелевской терминологии, погружение в предмет осуществляется через последовательную триаду разум – рассудок – разумный рассудок (или рассудочный разум). На последнем этапе происходит слияние познающего и предмета, т.е. акт познания, другими словами, открытие закона бытия предмета или явления. Во втором случае работает принцип здравого смысла, который позволяет описать явление, но не понять его сущность. В таком ключе, в частности, пишутся почти все работы в области современного китаеведения и японоведения, а также в сфере международных отношений..

И еще два слова о терминах *журналист* и *публицист*.

Журналист пишет свои статьи или книги по принципу: что вижу, то пишу, т.е. на основе поверхностного взгляда на те или иные явления. Журналистика – это жанр, отражающий текущую реальность как можно в более понятной для среднего читателя форме. Журналисту некогда копаться в глубинах темы, поскольку ему приходится писать практически обо всем. Поэтому даже яркие журналисты не в состоянии проникнуть в суть общественных процессов. Не потому, что они глупы, а потому что таков их жанр. Хотя на фоне общей массы серых ученых некоторые наиболее выдающиеся журналисты могут показаться очень «учеными».

¹ См, напр., статью Алексея Савина «Диссертации оптом и в розницу» // Мир за неделю, 9–16.10.1999. Правда, в 2010–2015 гг. появилась лавина статей на эту тему.

Публицист – это тот же научный работник, который пытается в средствах массовой информации в популярной форме изложить ту или иную идею, до этого выношенную на основе научного исследования. Между прочим, одним из выдающихся публицистов первой половины XIX в. был Генрих Гейне (кстати, он имел степень доктора юридических наук). Ленин также подписывал свои работы – «публицист Ульянов/Ленин». А вот «ученый тютюкин», купивший свою клептоманскую мазню, обязательно «зарегалит» свое произведение.

Вот примерно об этом обо всем и пойдет речь в этой книге.

10 марта 2015 г.

I

Российская наука: мифы и реальность

Модернизация, инновация, нанотехнологии стали самыми популярными словами в современной России. Кремлевский чиновник Владислав Сурков в интервью газете «Ведомости» даже описал намерения правительства построить суперсовременный научный городок с населением под 30 тыс. человек, по сравнению с которым аналогичные городки в Силиконовой долине США выглядят как архаика. Как не без иронии отметил английский журнал «Экономист», это не пародия, а план Кремля. Правда, интервью было озаглавлено: «Чудо возможно». По крайней мере российские руководители в него верят. Потрясающая неадекватность в реальности напоминает поведение советского руководства в последние годы своего существования.

Когда-то неграмотные советские руководители, клюнув на миф о создании Тихоокеанского сообщества, который в их головах воспринимался как восточный филиал НАТО, угрожали миллиарды долларов на борьбу с этим несуществующим сообществом. Более того, такое «сообщество» в принципе нельзя было создать всего лишь из-за одного слова – *Тихоокеанское*, поскольку никто не мог объяснить, какие государства могли бы быть отнесены к Тихому океану (многие из предполагаемых стран одновременно выходят и на Индийский, и на Атлантический, и даже на

Северный Ледовитый океаны). Однако непонимание реальностей мира политиками – это всего лишь следствие непонимания ученых, в данном случае международников, которые заблудились в этих реальностях. Эти миллиарды гробились «благодаря» просчетам даже очень видных фигур в научном сообществе, таким как Е. Примаков и М. Титаренко, талдычащих о возникновении «Азиатско-Тихоокеанского региона» («АТР») как некой международной целостности, который, дескать, станет центральным к началу XXI в. – Не стал. И не станет, поскольку термин «АТР» не смог превратиться в понятие, т.е. за ним не стояло объективной реальности. Стояла же обыкновенная пропагандистско-идеологическая мишура, на которую клюнули упомянутые академики (побуждая не менее десятка востоковедов разрабатывать популистскую идею об «АТР»), а за ними и руководители «партии и правительства», особенно пустомеля Горбачев. И таких примеров я мог бы привести десятки, когда из-за неадекватных представлений о мире на обслуживание мифов тратятся миллиарды долларов. В нынешней России степень подобной неадекватности увеличилась на порядок.

И подтверждает мой вывод информационный материал, который отражает результаты научной деградации.

Плоды российской науки

31 декабря 2013 г.

Ученые подсчитали, что в нашей галактике могут существовать «десятки миллиардов» обитаемых миров, передает Reuters (Newsru.com: 28.03.2012).

* * *

Вот такая глупость поддерживается учеными-шарлатанами, среди которых немало российских ученых-космологов.

Многие из них, неся подобную чушь, исходят из вероятностей наличия там-то и там-то воды или какого-нибудь органического вещества. Никому из них не приходит в голову, что даже при наличии органического вещества для того, чтобы возникла базовая бактерия, необходимо около 2000 ферментов, которые имеют свои специфические формы и различные катализ-действия. Чтобы она возникла случайно, необходимо по крайней мере 10^{40000} попыток. В свое время Фрэд Хойл совершенно справедливо сравнивал это событие с шансом, что «ураган соберет Боинг-747 из обломков на свалке». В своей монографии «Диалектика силы: онтобия» мне пришлось подробно показать, как этот шанс реализовывался на Земле и как бактерия «дошла» до человека, единственного существа во Вселенной, которое и есть жизнь. Повторить этот путь невозможно в принципе. Именно в этом состоит наша уникальность во всей Вселенной. И в этой связи бредни о НЛО, внеземных цивилизациях, жизни на Марсе и где угодно – это или чистый бизнес (НАСА так вытягивает деньги), или беспросветная необразованность. Вне Земли разумной жизни нет и быть не может. Это аксиома!

А вот другой сюжет приблизительно на ту же тему. Академики РАН сообщают ТАКОЕ:

**Академик РАН объяснил, почему россияне
недовольны властями:
виноваты солнечные вспышки**

Выражать свое недовольство существующим положением дел в стране россиян вынуждает в том числе повышенная солнечная активность – так объяснил рост оппозиционных настроений член Российской академии наук Георгий Голицын.

Еще в 2008 году действительный академический советник Академии инженерных наук России Юрий Зайцев утверждал, что очередной цикл солнечной активности, пик

которого придется на 2011–2012 годы, ознаменуется повышенными выбросами радиации и социальными волнениями, – приводит слова Голицына Интерфакс.

Пик грядущей солнечной активности, во время которого произойдет наибольший выброс солнечной радиации и корональной массы, заявлял он тогда, придется на конец 2011 – начало 2012 года. В этот же период по всей России прошли массовые акции протеста, вызванные недовольством официальными результатами федеральных выборов. По мнению академика, активность на Солнце может привести к социальным потрясениям – войнам и революциям, но также и к духовным, научным и техническим прорывам.

Стоит отметить, что на днях Зайцев предупредил землян о начале новой фазы солнечной активности, пик которой придется на 2012 и последующие за ним годы. Правда, по мнению экспертов, он будет слабее, чем в 2000 году, и не должен оказать серьезного влияния на здоровье людей и работу техники (Newsru.com: 05. 06.2012).

Справка для непосвященных: Георгий Сергеевич Голицын (род. 23 января 1935, Москва) – академик РАН по Отделению океанологии, физики атмосферы и географии (1987), с января 1990 по 2008 г. – директор Института физики атмосферы РАН им. А.М. Обухова, специалист по физике атмосферы и океана, теории климата, доктор физико-математических наук.

Этот академик почему-то не объяснил, почему такая солнечная активность не сказалась и не спровоцировала волнений ни в Китае, ни в Японии, ни во многих других государствах, а спустилась с небес только на Россию. Видимо, космические силы осознанно выбирают только православную Русь.

Наука в России теперь ни к чему

Общая культура любой страны зависит от уровня образования, а образование, в свою очередь, зависит от состояния науки. Мне приходилось много раз писать, что наука, пре-

жде всего общественная, исчезла из российского горизонта, частично сохранившись только в работах исследователей в негосударственных научных учреждениях. Естественна и статистика, приведенная ниже:

Интерес россиян к научно-техническим открытиям за последние шесть лет значительно снизился – с 68% в 2007 году до 47% в 2013 году. Параллельно снижению интереса к науке и технике росло количество безразличных к новым достижениям в этих сферах: с 28% шесть лет назад до 49% сейчас. Кроме того, 79% россиян не смогли назвать хотя бы одного видного ученого (в 2007 году таких было 67%) (Newsru.com: 28.02.2013).

Мне уже неоднократно приходилось разоблачать антикоммунистов всех мастей. В качестве примера привожу еще одну фамилию из сферы философии. Это Илья Касавин, член-корреспондент РАН, профессор философских наук, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, главный редактор журнала «Эпистемология & философия науки». Из его интервью:

Наука занимается своей, достаточно узкой, областью. Она не исчерпывает нашей жизни. Было бы наивно полагать, что с помощью научных методов мы сможем решить все наши личные или социальные проблемы. И никакой нормальный ученый такого мнения не придерживается. Идеология сциентизма, которая на этом настаивает, как раз лежала в основе марксистской теории. И от этого, конечно же, следует отказаться.

Что заставляет врать этого член-корреспондента? Во-первых, марксистская теория возникла до сциентизма. Во-вторых, именно советские марксисты критиковали сциентизм, в то время как именно буржуазная наука его возносила. Достаточно посмотреть Философский энциклопедический словарь за 1983 г., чтобы убедиться в этом. Я напомнил о таких фальсификациях только для того, чтобы никого не смущали всяческие научные регалии некоторых «ученых», которые на самом деле являются обыкновенными шарлатанами, помешавшимися на антисоветизме и антикоммунизме.

И вот какие результаты мы имеем от такой науки. Я уже помещал эту фотографию в первой книге этой серии, но, думаю, она здесь тоже как нельзя к месту. Космонавты Олег Кононенко и Антон Шкаплеров на борту МКС, украшенной иконами. (ISS030-E-210349 (15.01.2012)). И руково-

дят ими иконофилы. И после этого кто-то удивляется, почему падают ракеты и не взлетают спутники. А бог, как известно, Бауманку и Массачусетс (МТИ) не заканчивал. Несмотря на это, вездесущий бог стал проникать не только в школы, но и в такие высшие учебные заведения, как в ту же Бауманку, МГИМО и т.д.

Обратной стороной его вездесущности стало умертвление мозгов громадного количества населения страны, особенно женского пола. Религия и колдуны – две стороны одной медали, под названием мракобесие.

Самое уникальное то, что нынешние ученые, за исключением единиц, даже не осознают уровень падения науки. Об этом свидетельствуют опросы самих ученых о месте России в мировой науке. Их результаты меня поразили не меньше, чем упование на «чудеса» кремлевских руководителей.

Российская наука в грезах и реальности

Ученые и «народ» о месте российской науки

В «Независимой газете» (25.06. 2008) появилась статья с результатами опроса на этот счет. Вот что в ней говорится:

Исследовательская группа из Института статистических исследований и экономики знаний Государственного университета – Высшей школы экономики недавно завершила по-своему уникальный проект – “Обследование условий работы ученых и привлекательности научной карьеры”.

Населению и ученым задавались такие вопросы: *«Как бы вы оценили современный уровень отечественной науки в сфере ваших научных интересов по сравнению с мировым уровнем?»* Варианты ответов: выше мирового уровня; соответствует мировому уровню; ниже мирового уровня.

Вопрос к населению: *«Как вы считаете, Россия сильнее или слабее развитых стран мира в области научных исследований?»* Варианты ответов: сильнее; на том же уровне; слабее. (ГНЦ – Государственные научные центры).

Хотя вопросы заданы как бы по-разному, на самом деле они совпадают: «отечественная наука» = «Россия в области научных исследований». Ответы представлены в таблице.

Это уникальная таблица. Наверняка она с погрешностями (как и любая социальная статистика), но в ней в любом случае отражен порядок.

Итак, формально население оценивает науку в России в несколько раз «сильнее/выше» мировой, чем ученые. На самом же деле «сильнее/выше» и «на том же уровне» по своему качеству почти не отличаются. (В нюансах, естественно,

Население, 2006				Сильнее/выше
34	29	21	16	
Население, 2003				На том же уровне
27	23	31	19	
Население, 1997				Слабее/ниже
22	19	34	25	
Лица с высшим образованием, 2006				Затруднились ответить
31	31	35	3	
Ученые, 2007				
5	53	42		
Ученые моложе 40 лет				
5	56	33		
Ученые РАН				
9	59	32		
Ученые из корпораций				
2	61	37		
Ученые из ГНЦ				
3	50	47		
Ученые из вузов				
3	47	50		

ГНЦ – Государственные Научные центры

никто не разбирался.) Получается, что и население (50%) и ученые (58%) практически одинаково высоко оценивают уровень отечественной науки. А ученые РАН (68%) даже значительно опережают в оценках население. В другой таблице уточняется оценка ученых из разных институциональных организаций, но в среднем получается, что около 60% респондентов считают, что уровень отечественной науки «выше и/или на уровне мирового».

Такое совпадение, как минимум, свидетельствует об одинаковом уровне знания «ученых» и «населения» относительно науки. То есть мои знания о «сфере моих научных интересов» серьезно не отличаются от знаний «населения» о моих же научных интересах. Не правда ли, любопытно?!

Газета не приводит критерии, по которым респонденты оценивали уровень науки. По количеству ли открытий в фундаментальных областях? По количеству лауреатов Нобелевских премий? По количеству ученых вообще, в той или иной области в частности? По финансированию науки? По количеству патентов и изобретений?

Предполагаю, что никаких критериев и не было. А был опрос на глазок, «вообще». Что нормальное явление для России. На самом же деле и «население», и «ученые» навешали себе лапшу на уши. И по отношению к себе, и в отношении «мира».

Эта тема подробно разбиралась у меня в монографии «Общество: прогресс и сила (Критерии и основные начала)» (Москва, Изд-во ЛКИ, 2008), одну главку из которой в несколько измененном и сокращенном варианте я хочу воспроизвести ниже. Она нужна для того, чтобы сравнить уровень советской науки с уровнем, к которому скатилась нынешняя наука.

Общество и наука: достижения и проблемы

1 июля 2008 г., февраль 2009 г.

Ученые постоянно сталкиваются со сложностями подсчета «науки»: что считать? кого считать? и т.д. Тем не менее ученые изыскивают те или иные индикаторы, которые позволяют по крайней мере выявлять некоторые тенденции.

Так, английский ученый Джон Зиман на базе обработки большого статистического материала сделал вывод: «Если считать логарифмически, то эти цифры хорошо ложатся на простой закон: “размер” науки постоянно удваивается каждые 15 лет. За столетие это означает увеличение в 100 раз. То есть на каждую научную работу или на каждого ученого в 1670 г. приходилось 100 работ в 1770 г., 10 000 – в 1870 г. и 1 000 000 в 1970 г. Экстраполяция назад не совсем аккуратна, существуют флуктуации на основной кривой, но

как общее описание она верна – со всеми этими погрешностями. Будет или нет, но предполагается, что в 2070 г. количество ученых достигнет цифры 100 млн или около того и 10 млрд в 2170 г.».

Насчет 2170 г. не уверен, что прогноз верен, поскольку многие демографы уверяют, что уже сейчас изменилась демографическая ситуация в мире: рост населения через некоторое время должен прекратиться. Что же касается 2070 г., то Зиман, похоже, прав, поскольку в настоящее время общее количество ученых, по самым грубым прикидкам, составляет около 35 млн человек¹. Здесь, правда, вновь возникает одна непростая проблема: кого считать ученым.

Для Зимана, видимо, проблем с таким подсчетом нет, поскольку, по его мнению, «быть ученым – значит осуществлять исследования». То есть ученый – это исследователь. Я думаю, что такая формулировка неверна, т.к. исследователей, «прикладников» – тьма, а ученых – единицы. Причем даже среди них ученый ученому рознь. Однако для статистики определение Зимана достаточно плодотворно, тем более что в качестве участников научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) статистика включает именно исследователей, среди которых обычно называют ученых, инженеров и технический персонал. (Иногда, в таблицах ограничиваются первыми двумя группами.)

В общем-то в нынешнее время, скорее всего, два индикатора – количество вовлеченных в НИОКР и затраты на эти работы – дают общее представление о развитии или неразвитии науки и техники. При этом нужно учитывать, что стоящие за этими индикаторами цифры весьма относительны, и их следует воспринимать лишь как показатели тенденции. Приступим к рассмотрению некоторых цифр из этой сферы.

Есть смысл обратиться к фундаментальной работе группы ученых из Университета ООН, собравшей немалый

1 В эту цифру, очевидно, входят все работники научных и образовательных учреждений, включая обслуживающий персонал.

статистический материал по развитию науки и технологий с упором на развивающиеся страны. И хотя работа опубликована в 1994 г., в ней обозначена важная для данной книги динамика развития НИОКР.

Распределение расходов на НИОКР (в %, в текущих ценах)

	1973 г.	1980 г.	1988 г.
Развивающиеся страны	2,8	6,4*	3,9
Латинская Америка и Карибы	0,8	1,7	0,7
Африка (исключая арабские страны и ЮАР)	0,1	0,3	0,1
Арабские страны	0,2	0,4	0,1
Азия (исключая арабские страны, Японию и Ю. Корею)	1,7	4,0	3,0
Индустриальные страны	97,4*	93,6*	96,1
Япония и Южная Корея	7,9	10,2	19,3
Австралия и Новая Зеландия	1,2	0,9	0,9
СССР и Восточная Европа	33,0	27,2	17,3
Западная Европа	21,6	24,2	25,8
Северная Америка	33,7	31,1	32,8
Мир (в %)	100	100	100
В млрд долл.	97	218	435

* При суммировании авторы источника ошиблись на 0,1–0,2%, хотя такая ошибка несущественна.

Из таблицы видно, что, несмотря на некоторый рост расходов на НИОКР среди развивающихся стран, львиная доля (более 97%) продолжает приходиться на индустриальные страны. Но даже среди развивающихся стран это распре-

деление неравномерно: совершенно очевидно, что бóльшая часть из 3,9% за 1988 г. приходилась на Китай, Индию, Тайвань.

Распределение исследователей (ученых и инженеров), вовлеченных в НИОКР (в %)

		1988–1989 гг.
Развивающиеся страны		18,6
	Латинская Америка и Карибы	2,9
	Африка (исключая арабские страны и ЮАР)	0,6
	Арабские страны	1,3
	Азия (исключая арабские страны, Японию и Южную Корею)	13,8
Индустриальные страны		81,4
	Япония и Южная Корея	11,7
	Австралия и Новая Зеландия	1,0
	СССР и Восточная Европа	26,6
	Западная Европа	16,7
	Северная Америка	25,4
	Мир (в %)	100
	Количество (тыс.)	4130

Прим.: Рассчитано авторами на основе данных ЮНЕСКО, ОЭСР и национальной статистики за соответствующие годы.

Хотя удельный вес исследователей развивающихся стран (18–19%) выше удельного веса их затрат на НИОКР, все же разрыв значительный в пользу индустриальных государств. Обращаю внимание на цифры по СССР и Восточной Европе. По количеству ученых эта подгруппа в 1988–1989 гг. превосходила и Западную Европу и Северную Америку, а по затратам на НИОКР в 1973 и в 1980 гг. была выше первой и чуть ниже второй. Но после прихода к власти

в 1985 г. Горбачева-разрушителя эти цифры стремительно пошли вниз.

Необходимо обратить внимание и на цифру 4,1 млн человек – такое количество исследователей было занято работой в области науки и техники в 1989 г. во всем мире. (Напоминаю, что к «исследователям» в контексте НИОКР причисляют ученых, инженеров и технических работников.) В процентном отношении ко всему населению земного шара (1989 г. – 5 190 млн чел.) это составляло 0,079 %. В 1940 г. их было всего 100 тыс. (0,043%), а в 1960 г. – 1 млн (0,033%). (Джон Зиман такое количество предсказывал к 1970 г.) В 1983 г. только в зоне ОЭСР в этой области работало 1 754 430 человек, из них 700 000 – в США. Теперь обратимся к более поздним данным.

НИОКР: расходы и количество вовлеченных по регионам и некоторым странам

	Расходы на НИОКР (% к ВВП) 2000–03	Кол-во вовлеченных в НИОКР (на 1 млн чел.), 1990–2003
Регионы		
Наименее развитые страны	...	...
Арабские страны	...	...
Восточная Азия и Тихий океан	1,7	740
Латинская Америка и Карибы	0,6	306
Южная Азия	0,7	132
Африканская Сахара	...	...
Центральная и Восточная Европа и СНГ	1,0	2204
ОЭСР		
Всего	2,5	3108
Страны с высокими доходами	2,5	3748
Отдельные страны		
США	2,6	4484

Япония	3,1	5287
ФРГ	2,5	3261
Франция	2,2	3213
Великобритания	1,9	2706
Швеция	4,0	5416
Россия	1,3	3319
Китай	1,3	663
Индия	0,8	119

Совершенно естественно, что проценты процентам рознь: все зависит от масштабов валового внутреннего продукта. Если раскрыть эти проценты, то получится, что в 2004 г. 25 стран ЕС потратили на НИОКР около 200 млрд евро, США – 250 млрд, Япония – 120 млрд евро. Расходы других значимых стран составляли (в 2003 г.): у Китая – 16 млрд евро, у Германии – 55 млрд, у Великобритании – 30 млрд, у Франции – 36 млрд, у России – 5 млрд евро.

Затраты на НИОКР

	США	Германия	Япония	Китай	Россия
Затраты в \$ млрд по ППС, 2007 г.	344	67	139	87	20
Затраты в \$ млрд в текущих ценах, 2006 г.	343	231 (ЕС)	130	136	н/д
Кол-во исследователей, 2006 г.	1 387 882	282 063	709 691	1 223 756	464 357

Исм.: OECD. Main Science and Technology Indicators, April 2008.

По затратам на развитие НИОКР Россия находится за пределами двадцатки первых стран и значительно уступает по объемам структурообразующим государствам. Это количественная сторона. Качественная сторона связана с деградацией самих ученых, звания и степени очень многих из которых «добыты» очень сомнительными способами (эта тема здесь не затрагивается).

И еще один ряд цифр, демонстрирующий положение России в науке. В 2008 г. Россией было опубликовано 27,6 тыс. научных статей в научных журналах. В Индии – 38,4 тыс., в Бразилии – 30 тыс., в Китае – 112,3 тыс., а в США – 332, 9 тыс. статей. Потрясает же, однако, не столько отставание России от названных государств, а то, что в 1990 г. Россия опубликовала то же самое количество статей, что и в 2008 г., в то время как у Индии это количество увеличилось приблизительно в два раза, у Бразилии в 8 раз, у Китая – почти в 14 раз (The Economist, A special report of managing information, February 27th 2010, p. 18).

Занимая столь «впечатляющие» позиции в мире, можно ли всерьез мечтать о «чуде», о каком-то прорыве в «модернизацию» всего общества. Видимо, можно, если жить в России «за кремлевской стеной». И при этом грозить «шведу», в нынешней ситуации – США, что мы вас не только догоним, но и перегоним. Одно дело, когда такая «угроза» раздается от национал-патриотов, другое – слышать это от ученых. Почему-то им почти невозможно признать, что американцы по затратам на науку и технику занимают лидирующее положение, причем с большим отрывом от других не менее развитых стран. Показательной стороной их успеха является и такой индикатор, как количество Нобелевских лауреатов.

Количество лауреатов в разных странах за 1901–2007 гг.

Всего	США	Англия	Германия	Франция	СССР/РФ	Япония
533	242	80	66	27	12	8

Хотя в процедуре и системе присуждения этой премии существует достаточно много изъянов, тем не менее пока она является самым важным индикатором признания заслуг, в данном случае именно ученого.

Обычно некоторые страны и их представители часто сетуют на то, что США крадут чужие мозги, заманивают выгодными условиями работы и высокой зарплатой. И вообще-де основной контингент американских ученых это не

американцы, а иммигранты. Действительно, половина американских физиков, лауреатов Нобелевской премии за последние семь лет, были рождены за границей. А половина ученых со степенью PhD (эквивалент кандидатской степени в России), работающих в США, иммигранты. Непонятно только, что это меняет? Это всего лишь значит, что американское государство создает благоприятные условия для научной работы. И удачное сманивание «мозгов» является как раз сильной стороной американской политики. Следствием такой политики является и то, что США не только находятся на первом месте по инвестициям в НИОКР, по «завоеванию» Нобелевских премий, но занимают первое место и по регистрации патентов, и по количеству образованных рабочих.

* * *

Из приведенных материалов должно быть ясно, что не только нынешние российские руководители, но и научные сотрудники не в состоянии объективно оценить место российской науки в мире. Я не говорю об исключениях. Я говорю о массовом явлении. На основе же иллюзий, самобмана невозможно решать насущные проблемы страны, невозможно даже осознать эти проблемы. Что постоянно подтверждается практикой внутренней и внешней политики современной капиталистической России.

Научно-технологический потенциал России: сравнительный анализ

15 мая 2011 г.

В последние года два слова *инновация* и *модернизация* стали чуть ли не определять путь развития России, на который она вступает под руководством молодых и энергичных руководителей страны, которые уверяют, что такая стра-

тегическая линия, т.е. упор на науку и новые технологии, должна кардинально изменить структуру российской экономики, вывести ее наконец из сырьевого капкана и превратить Россию в наукоемкую экономическую базу мирового масштаба. Прекрасно!

Не все, но многие понимают, что реализация такой стратегии требует мощного научно-технологического потенциала, в оценках которого, однако, имеются существенные расхождения. Естественно, все познается в сравнении. Напомню, что из опросов населения и отдельно ученых, проведенных три года назад Институтом статистических исследований и экономических знаний Государственного университета – Высшей школы экономики получалось, что 50% населения и 58% ученых (а среди последних 68% – сотрудники РАН) оценили уровень российской науки как «выше мирового». В среднем же около 60% респондентов признали, что уровень отечественной науки «выше или на уровне мирового»¹. Если так, тогда можно считать стратегическую задачу выполнимой. Правда, более поздние опросы несколько омрачают этот оптимизм. В частности, в ходе опроса молодых ученых, проведенного в марте 2011 г. на одной из конференций молодежи в Москве, 20% респондентов оценили состояние отечественной науки как «катастрофическое», а 35% – как «неудовлетворительное». И только 32% сочли его «удовлетворительным». Причем, по мнению 39% респондентов, за последние 10 лет состояние науки «ухудшилось или значительно ухудшилось», 24% – «не изменилось» и только 32% – «улучшилось»².

Из результатов этого опроса следует, что молодые люди более реалистично оценивают ситуацию в науке, чем маститые ученые и особенно начальники от науки, а это прежде всего те, кто дает радужную картину «наверх». Видимо, до «верха» так и не дошло известное открытое письмо российских ученых, работающих за рубежом, в котором они

1 Независимая газета. 25.06.2008.

2 Итоги анкетирования участников всероссийской научной конференции «Россия 2030 глазами молодых ученых». 11 марта 2011 г., Москва (<http://www.rusrand.ru/>).

назвали положение дел в российской фундаментальной науке «катастрофическим».

При этом следует сказать, что оптимизм многих научных работников России не является показным: они действительно верят в высокий уровень российской науки. Поскольку я знаю реальное положение дел в науке, меня это крайне поражало, пока я не провел собственные опросы ученых, в основном среди международников, японоведов и китаеведов. И оказалось, что ни один из них четко не понимает разницу между наукой и ненаукой, между ученым и неученым. Это – качественная сторона оценки науки, которую я вынужден буду затронуть в конце данной статьи.

I

А пока от слов перейду к статистике, которую средний русский пытается всегда избежать, предпочитая «низким истинам» (= статистика) «нас возвышающий обман» (= слова). Количественная сторона научно-технического потенциала современной России представлена в таблице¹.

Научно-технический потенциал ведущих стран мира

	Ед. изм.	Год	США	ФРГ	Англия	Франция	Япония	КНР	Россия
Население	млн	2013	316.1	80.6	64.1	66	127.3	1 357	143.5
ВВП	US\$ млрд	2013	16 800	3 636	2 536	2 737	4 902	9 181	2 118
Место			1	4	6	5	3	2	8
СПЖ* со дня рождения из 223 стран		2014	79.6	80.4	80.4	81.7	84.5	75.2	70.2
Место			42	28	29	15	3	100	151
ИРЧП** из 187 стран		2013	5	6	14	20	17	91	57
Доля в ВВП	%	2010	17.9	11.6	9.6	11.9	9.5	5.1	5.1

¹ Данные статистики к этой статье обновлены в феврале 2015 г.

Разрушители мозга

Место в мире среди 191 страны			2	11	32	8	35	138	136
Доля в ВВП	%	2012	5.4	4.6	5.6	5.9	3.8	н/д	4.1
Место в мире среди 153 стран			52	79	45	34	104		98
Затраты на НИОКР	По ППС, US \$ млрд	2014	465	92	44	52	165	284	40
Доля в ВВП	%	оценка	2.8	2.9	1.8	2.3	3.4	2	1.5
Кол-во исследователей	тыс.	2011	1 413 (2009)	328 (2010)	262	240 (2010)	657	1 318	448
на 1 млн человек		2012	3 979 (2011)	4 139	4 024	3 918 (2011)	5 158 (2011)	1 020	3 096
Кол-во патентов***		2011	12 649	4 982	1 371	2 053	13 705	958	48
Доля в мире	%		29.2	11.4	3.1	4.7	31.4	2.2	0.1
Пользователи Интернета	на 100 чел.	2010	74.2	82.5	84.7	77.5	77.6	34.4	43.4

Прим.: Патенты*** – вычислены на основе методики ОЭСР; ИРЧП** – индекс развития чел. потенциала; СПЖ* – средняя продолжительность жизни.

Ист.: OECD 2013. Main Science and Technology: volume 2013/1; Human Development Report 2014; The World Factbook. CIA, 2015; 2014 Global R&D Funding Forecast // R&D magazine. December 2013, p. 7; The World Bank, February 2015.

В таблице приведены некоторые важные индикаторы научно-технического потенциала России на фоне ведущих стран мира. Один из них – затраты страны на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). По сумме финансирования НИОКР Россия отстает от всех основных развитых стран плюс КНР, а по доле НИОКР в ВВП (1,5%) отстает от первой двадцатки стран мира. Следует обратить внимание, что в 1991 г. по затратам на НИОКР РСФСР отставала только от США, Японии, Германии и Франции.

На Западе при затратах на НИОКР большое внимание обращают на «соотношение сил» между правительством и

предпринимательским сектором. В России доля госбюджета в НИОКР составляла около 65% от всех затрат (2008 г.). На бизнес приходится только 29%, что отражает слабость «других источников финансирования»¹.

В таблице приведено только количество исследователей, вовлеченных в НИОКР. По этому показателю позиция России в мире вроде бы не так уж плоха – 4-е место. Но если внимательнее посмотреть на количество вовлеченных в НИОКР, вырисовывается другая картина. Воспользуюсь для этого русскими источниками.

В 2008 г. в НИОКР было вовлечено около 761 тыс. человек, включая исследователей, техников, вспомогательного и прочего персонала. При этом на исследователей (375 804 чел.) в 2008 г. падало 49,4% вовлеченных в НИОКР. На вспомогательный персонал (194 769 чел.) – 25,9%, на технический (60 218 чел.) – 7,9%, на прочий персонал (130 461 чел.) – 17,1%². Эти цифры показывают, что *более половины вовлеченных в НИОКР не являются исследователями*. В результате если по общему количеству вовлеченных в НИОКР на 10 000 чел. Россия занимала 10-е место в мире, то по исследователям уже 19-е место. А далее по годам все «ниже и ниже». В 2011 г. количество участников НИОКР сократилось до 448 тыс. чел., почти на 313 тыс.

Чтобы картина была более ясной, надо зафиксировать и такой момент: более 70% исследователей не имеют ученых степеней. Другая проблема – возрастная. За период между 2002 и 2008 гг. стало значительно меньше исследователей в среднем возрасте. Более 40% исследователей перешагнули порог пенсионного возраста.

Среди показателей научно-технического потенциала определенное значение имеет количество публикаций. Хотя подсчет этого индикатора страдает многими изъянами и не свидетельствует о качестве этого потенциала, однако он по крайней мере отражает количественную сторону разбираемого потенциала.

1 *The Current Status of Science around the World*. UNESCO, 2010, p. 217.

2 *Российский статистический ежегодник 2010*. Росстат, 2010, с. 560.

Итак, Россия по данному индикатору в 2008 г. находилась на 14-м месте в мире, скатившись с 7-го места в 1995 г. (В 1980 г. СССР занимал 3-е место в мире.) В результате Россия уступает не только всем ведущим странам Запада, Японии и Китаю, но даже такой небольшой стране, как Южная Корея. Обогнала ее и Индия (36,3 тыс. статей в 2008 г.), а через год-другой обгонит и Бразилия (26,5 тыс.). Обращает на себя внимание и такая динамика. В 1988 г. в СССР было опубликовано около 38 тыс. статей, в 2008 г. уже в России их количество уменьшилось до 27,1 тыс., в то время как на Бразилию приходилось тогда всего 2,9 тыс., а на Китай – 6,7 тыс. статей. Другими словами, все страны наращивают их количество, а Россия сокращает.

Важнейшим результирующим индикатором, прежде всего технологического потенциала страны, являются патенты, фиксирующие главным образом прикладные открытия для использования в технологиях. По количеству патентов, вычисленному по методике ОЭСР, Россия уступает всем основным странам мира, а ее доля в мире практически незаметна. Эта оценка подтверждается данными о торговле технологиями. Так, в 2008 г. Россия экспортировала технологий на сумму всего лишь 0,8 млрд долл., тогда как, скажем, Венгрия – на 2,5 млрд долл., Финляндия – на 3,8, США – почти на 86 млрд долл.

На Западе агрегатным показателем общего развития страны является Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), формирующийся из многих показателей, имеющих отношение к науке (здоровье) и образованию. В 2010 г. по ИРЧП Россия заняла весьма непочетное 65-е место среди 169 стран. За последние два-три года Россия несколько улучшила этот индекс (в 2013 г. у нее было 57-е место), но хочу напомнить, что СССР в самые плохие его годы (1990 г.) занимал по этому показателю 33-е место. Динамика, как говорится, на «лице».

Однако конечным агрегатным показателем развития страны является средняя продолжительность жизни, которая напрямую связана с развитием науки. Все остальные индикаторы – производные от науки. Этот тезис был мной научно обоснован в упомянутой монографии «Общество:

прогресс и сила (критерии и основные начала)». Из 223 стран и гособразований Россия в 2014 г. заняла по этому показателю 151-е место. Другими словами, Россия оказалась в компании наименее развитых стран мира – вывод, психологически не укладывающийся в голове русского человека. Но это факт!

В определенной степени о качестве науки той или иной страны свидетельствуют международные призы, в первую очередь самый престижный из них – Нобелевская премия. Из приведенной ниже таблицы видно, что «русские» не находятся на передовых позициях по данному показателю. Подавляющее преимущество на стороне англосаксов.

Количество лауреатов Нобелевской премии в разных странах (1901–2014)¹

Всего	США	Англия	Германия	Франция	Швеция	СССР/ РФ*	Япония	Китай
887	314	106	91	55	30	22	22	7

* Прим. Нобелевские премии по литературе получили двое русскоязычных писателей без российского/советского гражданства, поэтому их награды в таблице не учитываются. У Ивана Бунина на момент присуждения премии не было гражданства, у Иосифа Бродского было американское гражданство. В то же время в таблице учтена премия польского писателя Генрика Сенкевича 1905 г., так как на тот момент Польша частично входила в состав Российской империи.

Картина более чем красноречивая. При этом надо иметь в виду, что из 22 премий, падающих на СССР/Россию, на СССР приходится 17, остальные 7 на царскую Россию и РФ (после 1991 г.). Опять же двое лауреатов из России после 1991 г., Жорес Алфёров и Виталий Гинзбург, получили свои премии за работы, осуществленные в период Советского Союза. (В царской России было всего двое лауреатов: Иван Павлов и Илья Мечников.)

1 Нобелевские лауреаты по литературе, медицине, химии, физике, экономике и мира с 1901 по 2014 год // <http://www.nobeliat.ru/countries.php>

И еще об одном наблюдении, отражающем русский умустрой. В связи с Нобелевской премией и другими международными научными премиями русские имеют привычку указывать на следующий фактор. Дескать, да, например, Нобелевские премии, скажем, по экономике или по химии были присуждены американцу и бельгийцу, но они русские по рождению и обучению. Следовательно, этих ученых надо рассматривать как представителей России. Такая «логика» распространяется на всех западных ученых русского происхождения, таких как Питирим Сорокин, Василий Леонтьев, Илья Пригожин и др. В таком ключе, например, подавалась информация о присуждении самой престижной премии в области математики «французскому ученому русского происхождения» Максиму Концевичу, а также «российскому математику» Якову Синаю, который давно живет и работает в США.

Это абсолютно неверный подход. У американцев чуть ли не половина ученых состоит из иммигрантов. Но раскрылись они как ученые именно в США. Это означает, что именно в этой конкретной стране ученому дают возможность раскрыться. Например, среди американских нобелевских лауреатов много японцев и китайцев по происхождению. Но ни Япония, ни Китай не причисляют этих ученых к своим странам. Что совершенно правильно.

В подсчете научной продукции, следует принимать во внимание наиболее значимые открытия, которые обычно фиксируются в авторитетных научных журналах и занимающихся наукой СМИ. Приведенная ниже таблица фиксирует самые значимые открытия в мире за первое десятилетие XXI в.

Самые значимые 10 открытий в мире в 2000–2010 гг.

По версии журнала Science (17 December 2010)	По версии американского телеканала Discovery (16 December 2009)
1. "Темная материя" генома	1. Скорость таяния ледников
2. Становление космологии как науки	2. Картирование генома человека

3. "Древняя ДНК"	3. Обнаружение воды на Марсе
4. Вода на Марсе	4. Получение стволовых клеток эти- ческим путем
5. "Репрограммирование клеток"	5. Управление протезами с помощью сигналов мозга
6. "Микробиом"	6. Обнаружение планет-"пришельцев"
7. Экзопланеты	7. Новые предки человека
8. Воспалительные процес- сы в организме	8. Подтверждение существования темной материи
9. Метаматериалы	9. Изучение мягких тканей динозавра
10. Изменения климата Земли	10. Открытие нового космического объекта в Солнечной системе

Хочу обратить внимание, что в этих открытиях главным образом участвовали американцы, западноевропейцы и японцы и ни в одном из указанных открытий не были зафиксированы русские ученые.

А вот как выглядит полный список важнейших изобретений за последние несколько сот лет по версии британцев:

1) Рентгеновский аппарат, 2) пенициллин, 3) двойная спираль ДНК, 4) космический челнок «Аполлон-10», 5) «Фау-2» (немецкая одноступенчатая баллистическая ракета, явившаяся после войны прототипом для разработки первых баллистических ракет в США, СССР и других странах, первый в истории объект, совершивший суборбитальный космический полет), 6) первый локомотив «Ракета», 7) компьютер Pilot ACE (один из первых построенных в Великобритании, он позволил четко понять, что компьютер обладает потенциально очень полезными возможностями), 8) паровая машина, 9) Ford Model T (автомобиль, выпускавшийся Ford Motor Company с 1908 по 1927 г.; обычно он рассматривается в качестве первого доступного автомобиля, выпускавшегося миллионами штук), 10) электрический телеграф (BBC, 4 Nov. 2009).

И среди названных открытий русские не были замечены, за исключением доработки «Фау-1» в сфере космоса.

Обобщающим индикатором научно-технологического потенциала является Индекс глобальной конкуренции, которым пользуются ученые и практики для оценки перспективности той или иной страны. Сам индекс рассчитывается на основе десятков параметров, в том числе и относящихся к науке и технике. В представленную таблицу я вынес в основном именно эти параметры, точнее, их оценки со стороны организации, которая составляет этот Индекс глобальной конкуренции.

Индекс глобальной конкуренции (место в мире), 2014 г.

	США	ФРГ	Япония	КНР	Россия
2014-2015 (из 144 стран)	3	5	6	28	53
2013-2014 (из 148)	5	4	9	29	64
2012-2013 (из 144)	7	6	10	29	67
2011-2012 (из 142)	5	6	9	26	66
2010-2011 (из 139)	4	5	6	27	63
2009-2010 (из 133)	2	7	8	29	63
2008-2009 (из 134)	1	7	9	30	51
Качество начального образования	36	22	10	59	57
Качество образов. системы	27	12	33	52	84
Способность к инновациям	2	4	7	40	66
Качество НИИ	4	8	7	39	56
Затраты компаний на НИОКР	4	5	2	23	62
Вклад университетов в НИОКР	4	10	16	32	67
Укомплектованность учеными и инженерами	4	18	3	43	70
Патенты в сфере технологий, на 1 млн чел.	11	6	2	34	41

Ист.: The Global Competitiveness Report 2014-2015. WEF. Geneva, 2014.

Обращает на себя внимание низкий рейтинг России, которую обогнали даже такие развивающиеся страны, как Индия и Бразилия, а также множество государств из зоны Третьего мира. Внимательно стоит проанализировать каждую строчку этой таблицы, чтобы понять, как глубоко вниз упала Россия в области науки и техники.

II

Почему это произошло? От правильного ответа на это вопрос зависят методы и способы лечения страны.

Многие полагают, что одной из причин является утечка мозгов из России. Хотя такой ответ не объясняет причину, однако он действительно является одним из факторов понижения научного потенциала страны. Вот как об этом пишет российская пресса.

Замдиректора Института США и Канады В.Б. Супян со ссылками на различные источники приводит такие данные: «По оценке председателя профсоюза научных работников России Валентина Калинушкина, за последние 10 лет от 500 до 800 тыс. российских ученых покинули страну для работы за рубежом. Западные оценки гораздо скромнее – максимальная цифра из имеющихся оценок составляет 200 тыс. ученых, выехавших из России. Исследование, проведенное в Гарвардском университете, предлагает еще более скромные оценки: за период после 1991 года Россию покинули от 10 до 30 тыс. ученых»¹.

А вот более поздние данные. Их приводит О.А. Ускова – президент Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ). Она пишет: «Только в прошлом году (в 2009 г.) в рамках профессиональной эмиграции в США уехали 56 тыс. человек, в Израиль – около 13 тыс., в Австралию – 12 тыс., в Германию – 9 тыс. и в Канаду – 8 тыс. человек»². Хочу особо отметить, что это только за один год.

1 Независимая газета. 01.07.2003.

2 Там же. 22.12.2010.

Ускова приводит и такую интересную цифру, свидетельствующую о результатах «научного сотрудничества» молодых ученых России с зарубежными странами. Она указывает: «...на сегодняшний день более 90 тыс. молодых российских ученых и специалистов на постоянной основе работают в США, 40 тыс. – в Германии, 20 тыс. – в Великобритании, около 4 тыс. – в Японии и около 25 тыс. – в Китае» (там же).

Известно, что большая часть таких ученых находит возможность продлить командировки, чтобы не возвращаться на родину, в результате чего командировка превращается в эмиграцию. По мнению Усковой, если такая практика сохранится, то к 2018 г. «Россия может практически полностью лишиться креативного научного слоя. В этом случае создание собственного инновационного сектора станет просто невозможным, и мы опять окажемся в технологической зависимости от западных стран» (там же).

Насчет работы российских ученых за рубежом. У многих в России превратное представление об их вкладе в науку США, которая, дескать, развивается не просто за счет иммигрантов, а главным образом за счет «российских мозгов». Вынужден в этой связи привести данные д-ра физмат. наук С.В. Егерева, которые хотя и относятся к концу 1990-х годов, но порядок их не изменился и по настоящее время. Со ссылкой на американские источники он указывает: «Итак, распределение профессорско-преподавательского состава университетов США по странам и регионам происхождения – осень 1998 года: США – 87,2%; Канада – 0,8%; Европа – 4,2%; СССР/Россия – 0,3%; Латинская Америка – 1,8%; Африка – 0,8%; Азия – 4,4%; прочие – 0,8%»¹. То есть на Россию приходится наименьший процент. Поэтому все разговоры о том, что «Америка выживает за счет русских мозгов», не имеют основания.

Тем не менее «утечка мозгов» существует, и этот фактор нельзя сбрасывать со счетов.

На Западе, говоря о существенном отставании российской науки от мирового уровня, называют также такие фак-

1 Литературная газета. 28.05.2003.

торы, как отсутствие стратегического планирования развития науки, низкие заработные платы научных работников, отсутствие исследовательских работ в стенах университетов, резкое ухудшение качества преподавания в высших учебных заведениях и, я мог бы добавить, в средних школах. Все это имеет место быть, и каждый из перечисленных факторов достоин отдельного анализа. Здесь же хотелось бы обратить внимание на последний из них – образование, которое в этой статье я специально не рассматривал в силу очевидности его краха. Это заключение подтверждают уникальные результаты опроса, которые могут сравниться только с аналогичными результатами опросов в странах Карибского бассейна. Опросы проведены ВЦИОМ в конце января 2011 г., с ними можно ознакомиться на сайте Центра от 22 января того же года (Пресс-выпуск №1715).

Итак, оказалось, что более 80% россиян не могут назвать ни одной фамилии ученого-современника. Чаще всего участники опроса называли имена Жореса Алфёрова, Сергея Капицы, Сергея Королева и Андрея Сахарова. Эти же ученые возглавляли список, составленный по итогам аналогичного опроса в 2007 г. Вместе с тем доля россиян, которые не смогли вспомнить ни одного имени, значительно выросла с 2007 г. – тогда она составляла 67%.

Доля участников опроса, которые сказали, что их интересуют новейшие достижения науки и техники, за четыре года снизилась с 68 до 54%. Одновременно увеличилась доля тех, кто безразлично относится к открытиям в науке и технике (с 2 до 43%).

В феврале 2011 г. были обнародованы результаты опроса ВЦИОМ, в соответствии с которыми почти треть россиян считает, что Солнце вращается вокруг Земли. Каждый десятый опрошенный заявил, что радиоактивное молоко делается безопасным после кипячения. И т.д. в том же духе.

Предполагаю, что окончательное утверждение ЕГЭ и всяческих богословских наук в школе приведет к тому, что в представлениях школьников Солнце и Земля вообще прекратят вращаться, а весь мир окажется скроенным по канонам первой страницы библии.

III

Но прежде чем указать на главную причину кризиса науки и техники в России, следует обратить внимание на такой фактор, на который никто не обращал внимания: понимание самими учеными того, что является наукой, а что нет, о чем я мельком упомянул в начале статьи.

На эту тему у меня написано немало работ, часть которых я поместил в данный сборник. Здесь же я приведу только определение ученого, данное мной на понятийном уровне.

Ученый – это человек, который открывает законы природы и общества. Его масштабность зависит от того, на каком уровне познания действуют открытые им законы: *всеобщего, особенного или частного*. К первому уровню относятся ученые-гении, которых за всю историю человечества наберется не так много. Их открытия носят **всеобщий** характер, то есть охватывают как онтологию, так и гносеологию (эпистемологию). На этом уровне находятся Платон, Сократ, Аристотель, Гегель, Кант, Коперник, Лейбниц, Ньютон, Р. Клаузиус, лорд Кельвин, Л. Больцман (последние трое – авторы второго закона термодинамики), Эйнштейн, Маркс и некоторые другие. Обычно это ученые энциклопедических знаний. Это те ученые, которые ускоряли развитие всего человечества.

Ко второму уровню – **особенное** – относится значительно большая часть ученых, открывавших законы в конкретных науках. Это такие, как Ом, Ампер, Менделеев, Гаусс, Лобачевский, Паскаль, семья Кюри, Шредингер, Гейзенберг и др.

К третьему уровню – **частное** – примыкает еще большее количество ученых, открывающих законы или закономерности по частным проблемам внутри конкретных наук. К таковым относятся, например, лауреаты Нобелевской премии последних двадцати-тридцати лет.

Открытие законов или закономерностей обычно происходит в сфере фундаментальных наук, которые концен-

трируются на поиске общих закономерностей окружающего мира. Их не надо путать с учеными-прикладниками. Последние занимаются внедрением результатов фундаментальных открытий в практику (в конкретные отрасли науки и производства). Как раз именно эта категория составляет подавляющую часть «ученых в рамках НИОКР». Не уверен, что их можно назвать учеными, скорее, исследователями, хотя их значимость нельзя недооценивать.

Исходя из такого понятийного понимания слова *ученый* многие академики в основном общественного профиля, учеными не являются. В лучшем случае они – специалисты в той или иной области, а в худшем – научные работники, подпадающие под термин «вспомогательный персонал» в системе НИОКР.

А теперь возвращаюсь к главной причине упадка науки в современной России. Она заключается в том, что Россия выбрала неверный стратегический путь развития, связанный с утверждением капитализма. Любой либерал тут же мне возразит, указав на то, что в других капстранах наука развивается, почему же она не может развиваться на российской капиталистической почве? Ответ заключается в том, что **в мире существуют три крупнейшие державы, в которых капитализм западного типа не может развиваться в принципе**: Россия, Китай и Индия. А именно этот формационный тип и внедрен в российскую действительность (у КНР и Индии другие, азиатские, варианты). Существует много причин объяснений этому, и я это показывал в своих специальных работах. Здесь могу только напомнить, что даже в период развития капитализма в России с 1880 по 1913 г. наука, несмотря на некоторый ее всплеск, продолжала качественно отставать от западной науки без перспектив ее догнать, о чем свидетельствует сравнительный анализ количества крупных открытий в России и в западных странах, четко подсчитанных американским автором Чарльзом Мюрреем в его фундаментальном труде¹.

1 Ch. A. Murray. Human accomplishment: the pursuit of excellence in the art and sciences, 800 b.c. to 1950. New York: Perennial, 2004.

IV

Чтобы читатели не тешили себя иллюзиями о великом прошлом России «без большевиков», приведу короткий информационный материал.

О достижениях русских ученых национал-патриотами сложено мифов-легенд не меньше, чем о грамотности русского народа. Некоторые, типа В. Мединского, пытаюсь преувеличить их количество, подсчитывают и тех ученых, которые эмигрировали из России. Другие, несмотря на свой антисемитизм, причисляют к русским и евреев, например Илью Мечникова, или обрусевших французов или немцев (т.е. иммигрантов, которых следовало бы, по их логике, отнести к ученым тех стран, где они родились). Причем ни те ни другие вообще не оговаривают критерии, на основании которых относят того или иного человека к ученым.

На самом деле с наукой и учеными в России до большевистской революции ситуация была весьма неблагоприятной. Объективную картину в этой сфере можно почерпнуть из упомянутой выше уникальной монографии Чарльза Мюррея «Достижения человечества», в которой он проанализировал ситуацию в науке в основных странах мира на протяжении от 800 г. до н.э. до 1950 г. Технология его анализа и подсчета подробно изложена в моей монографии «Общество: прогресс и сила», поэтому здесь повторяться не буду. Приведу только результаты его анализа по российским ученым, ограничиваясь периодом до 1917 г. Он выделил в ряде научных областей ученых, сделавших крупные открытия. Картина получается следующая. В области астрономии из 124 ученых фигурирует только один русский – М. Ломоносов (благодаря его исследованиям атмосферы Венеры). В биологии из 193 ученых русских двое (Дм. Ивановский и Ф. Левене). Химия: из 204 ученых русских четверо (Д. Менделеев, А. Бутлеров, В. Оствальд, В. Марковников). Землеведение: из 85 ученых русский один (Э. Ленц). Физика: из 218 – двое русских (П. Лебедев, А. Попов). Математика: из 191 – русских четверо (Н. Лобачевский, С. Ковалевская, П. Чебышев,

А. Марков). Медицина: из 160 – один русский (К. Клаус¹). Технологии: из 239 – двое русских (К. Циолковский, А. Попов – он упоминается дважды).

В особом списке у Мюррея «наиболее выдающиеся» ученые, которые входят в «двадцатку» наипервейших. В этом списке обозначен в разделе «химия» только Менделеев. Обращает на себя внимание и то, что до Ломоносова ни один из русских ученых не попал в поле зрения мировой науки.

Хочу подчеркнуть, что работа Мюррея, пожалуй, единственная вообще в таком роде, а главное, что она не идеологизирована. У него совершенно не было намерений игнорировать или унижать какую-либо страну. Хотя и есть некоторые изъяны в методологии анализа степени «значительности» научного события или конкретного ученого, тем не менее способ подсчета Мюррея на сегодняшний день следует признать самым объективным. И данные этой книги подтверждают в общем-то очевидный факт, что Россия до революции уступала всем европейским странам и США на поприще науки.

Два слова о Д.И. Менделееве. Его открытие периодической системы, без сомнения, является одним из выдающихся событий в области химии. В данной сфере он действительно великий ученый. Однако его работы в области экономики, которые некоторые оценивают очень высоко, носят дилетантский характер, в чем можно убедиться, прочитав его книгу «Заветные мысли». К этому следует добавить и политическую близорукость Менделеева, которая становится особенно очевидной в связи с его оценками прогрессивности капитализма вообще, а российского в частности перед самой революцией 1905 г. Только улыбку вызывают его оценки перспективы Русско-японской войны. Это так же, как и с Л. Толстым, который в эпилоге «Войны и мира» философствовал о мировой истории. И. Тургенев в связи с этим писал П. Анненкову:

1 Мюррей здесь ошибся. К. Клаус, из балтийских немцев, хотя и был фармацевтом, но больше занимался химией. Он открыл химический элемент рутиний..

«Беда, если самоучка принимает философствовать, как это делает Толстой». Таким же самоучкой в экономике был и Менделеев. Хотя собранный им материал, в частности о внешней торговле, имеет весьма полезный прикладной характер, а некоторые суждения относительно китайско-русских отношений вызывают приятное удивление.

* * *

На контрасте с капиталистическими периодами развития России социалистический период демонстрирует «Большой взрыв» в развитии науки и техники, в результате чего СССР фактически приблизился к самой мощной в научно-технологическом отношении державе – США за весьма краткий исторический период. Отсюда мой основной вывод таков: только возврат к социализму в его осовремененной модификации сможет вернуть Россию на уровень мировой научной и технологической державы.

Если же этого не произойдет, то в ответ на оптимистические взгляды многих российских ученых, что, дескать, худшее позади, вынужден категорически заявить: оно еще впереди.

Проблемы образования в России, или иллюзия бурной деятельности (ИБД)¹

Возврат России на капиталистический путь развития объективно требует иной формы образования в стране, которая существенно должна отличаться от форм социалистического периода. Капитализм предполагает другой тип мышления и другой тип людей.

¹ Эта статья была опубликована у меня в книге: Олег Арин. Россия в стратегическом капкане. М.: Алгоритм, 2003, с. 280–98, а также у меня на сайте. И хотя статья была написана более 10 лет назад, она почему-то пользуется наибольшей популярностью, почему я и решил воспроизвести ее в данном сборнике.

И если в западных обществах капитализм естественным путем вытекал из феодализма и структурировался как бы снизу, т.е. у части населения феодальное мышление преобразовывалось в капиталистическое мышление и, соответственно, в поведение, то в России капитализм навязывался сверху обществу, которое в массе своей имеет общинный социалистический тип мышления. Это одна из важнейших причин провала капиталистических реформ, разрушивших страну. Поэтому образовательная реформа нужна реформаторам для того, чтобы с ее помощью изменить тип мышления россиян в соответствии с требованиями капиталистической экономики и политики. И в качестве модели и образцов не случайно обращаются к западным моделям, поскольку они, на их взгляд, очень хорошо соответствуют потребностям экономики и политики.

На самом деле и в области образования реформаторы совершают ту же самую ошибку, какую они совершили при внедрении рыночной модели. Что я и попытаюсь доказать в данной статье.

Хочу оговориться: специально как научную дисциплину тему образования я не изучал. Но в силу обстоятельств мне приходилось читать лекции и в советское время (как по линии общества «Знание», так и в вузах), и на Западе (в Канаде), и в капиталистической России. То есть мне есть что сравнивать.

Данная статья состоит из трех частей: мои впечатления о системе образования на Западе и в России; современная ситуация в системе образования и науки в России; планы реформы школьного образования в России, к чему они могут привести; сравнение подготовки студентов международников в МГИМО (Университет) и во Флетчеровской школе права и дипломатии (США); наконец, в заключение мои выводы. Стилистически все части неоднородны: в одних преобладает лирика и эмоции, в других – сухая статистика, в третьих – элементарная логика. Благодаря такой мозаике я надеюсь, что читателю будут понятнее идеи, которые я хочу высказать.

А что на Западе? Российские реформаторы любят ссылаться на Запад и нередко на Японию в качестве образцов школьной и вообще образовательной системы, которую не грех перенять. Что касается Японии, сразу хочу предупредить: Япония ни для кого не может быть образцом для подражания, поскольку ее культура и вся система жизни в корне отличаются от всего мира: она не может быть ни повторена, ни адаптирована за пределами самой Японии.

В свое время попытки американцев воспроизвести японскую модель на некоторых предприятиях окончились полнейшим провалом. По-японски, оказалось, могут работать только японцы и никто иной. На эту тему написано множество книг. И здесь я к этому больше не буду возвращаться.

Запад нам ближе. Посмотрим, что у них.

Для начала немного лирики.

Система школьного образования в Северной Америке резко отличается от всех остальных. Зная, что сознание нации в значительной степени формируется со школьной скамьи, я пытался выяснить, по каким учебникам учатся дети начальных классов. Мой, казалось бы, простой вопрос ставил библиотекарей в тупик. Они не могли рекомендовать ни одного учебника по той простой причине, что таковых просто не существует. Каждая школа имеет свою программу, а ученики еще более индивидуальную программу в зависимости от наклонностей и способностей. Поначалу мне показалось это очень здорово, пока не выяснил, что по индивидуальным программам обучают тех, кто не может усвоить общих программ, т.е. отстающих. Нет и общенациональных сказок для детей дошкольного возраста. Мне, например, казалось, что сказку «Алиса в Стране чудес» знают все англоговорящие. Нет. Спрашиваю Алису – так зовут работницу банка, китайянку по национальности: «Тебя, наверное, так называли в честь Алисы из страны чудес?» Она мне в ответ, что первый раз слышит о такой «стране». Для проверки гипотезы в свою очередь прошу канадцев-англосаксов назвать какие-нибудь имена китайских писателей или поэтов. Ни разу никто мне не ответил на этот вопрос. В России, например, любой ребенок, где бы он ни жил, знает про

Муху-Цокотуху, Таракана-Тараканище, стихи Агнии Барто, Чуковского, Маршака. Не говоря уже о сказках про Курочку-Рябку, Ивана-дурачка и т.д. Здесь этого нет. У всех свои сказки. С одной стороны, это вроде бы хорошо. Развивается индивидуализм, разнообразие. С другой – нет объединительного начала через литературу. Это является проблемой, которая осознается культурологами, например, известным в США Е. Хиршем, пытающимся создавать общие учебники для всех. Но пока не очень получается.

Е.Д. Хирш, всю жизнь занимающийся проблемами образования в США, после многолетних исследований пришел в ужас от результатов. Оказалось, что средний уровень грамотности американцев в начале XX в. был выше, чем в конце века. Одним из важных факторов такого состояния было то, что в начале века в США действовали единые учебники для всей страны и приблизительно единый комплект предметов (т.е. система, которая была унаследована ими еще от Европы). После Второй мировой войны система единых учебников начала разрушаться. Тогда было решено, что каждый штат или даже учебное заведение могут сами определять содержание учебников и количество предметов. Это привело к резкой дифференциации знаний не только по различным штатам, но и по различным учебным заведениям даже между частными школами, не говоря об общественных школах, которые финансируются государством. А вот некоторые цифры.

Эксперты школьного образования приводят, например, такие данные: одна четверть школьников из пяти миллионов «настолько плохо говорит по-английски, что не понимает, о чем идет речь в классе». В той же публикации: знания 78% школьников в районе недалеко от Лос-Анджелеса не соответствуют стандартам американских требований. Профессор Американского университета Бенжамин Х. Александр в одном из своих выступлений приводит пример, как рабочий, закончивший «весьма респектабельную высшую школу Данбар в Вашингтоне», не умеет читать. И все свое выступление он убеждает в полезности уметь читать для будущей жизни. Не менее любопытные факты приводит один из американских журналов: оказывается 14%

американцев в возрасте между 18 и 24 годами не могут найти на карте собственную страну, 25% не могут показать Тихий океан, а 20% взрослых американцев не могут назвать ни одной страны Европы¹. Где оно, общество знаний?² Естественно, все это не могло не сказаться и на высшем образовании.

Один из американских управленцев жалуется: 95% людей с дипломами колледжа не могут правильно написать американские слова, половина не могут составить простое предложение. Все это напоминает ему «Темные времена» в период Средневековья, когда цивилизация и обучение исчезли из Европы. Это не является преувеличением.

А вот данные по Канаде, которые приводит преподаватель одного из престижных университетов страны – Йоркского университета в Торонто – Джоан Х. Бургесс. Она провела исследование среди студентов первого курса гуманитарного профиля, которые по окончании средних школ имели высшие баллы по истории Канады. Хотя, как пишет госпожа Бургесс, она и подозревала, что будут проблемы, но результаты превзошли все ее ожидания. Результаты таковы: 95% из опрошенных не смогли назвать пяти последних премьер-министров Канады, 61% не смогли назвать первого англоговорящего премьер-министра, а 83% – франкоговорящего. Некоторые, кстати, написали, что первым англоговорящим был Уинстон Черчилль. (Для канадцев эти вопросы крайне важны, поскольку они только и считают, на каких постах и сколько находятся англоговорящие и франкоговорящие их лидеры.) Далее. Только 9% ответило правильно на вопрос, какое событие предшествовало образованию Канады (1867 г.). Правильный ответ для канадцев, естественно, означал Гражданскую войну в США, но многие называли Первую мировую войну, Американскую революцию, Французскую революцию. 55% студентов не смогли назвать дату образования Канады. 59% не смогли назвать ни одного канадского художника, а 62%

1 U.S. News and World Report. May 29, 1995.

2 И в то же время США по науке впереди планеты всей. Противоречие? Безусловно. Но в системе капитализма оно не решается.

– ни одного канадского писателя, 81% – ни одного канадского режиссера¹.

В некоторой степени это связано с постоянным повышением оплаты за учебу, которая в принципе доступна не всем. Положение усугубляется недавно введенным новшеством: университеты подняли плату за обучение для студентов не из «своих провинций». Учитывая, что наиболее приличные университеты находятся в провинциях Онтарио и Британская Колумбия, студенты других провинций должны платить больше, чем онтарийцы или «британцы», или учиться в своих провинциальных университетах, дипломы которых практически нигде не ценятся.

Теперь несколько слов о моем личном опыте. Хотя мне, как недавно приехавшему иммигранту, практически невозможно было устроиться на работу в учебные заведения, тем не менее мне все-таки удалось короткое время проработать в качестве профессора в Университете Британской Колумбии. В этой связи я столкнулся с некоторыми неожиданностями, знания о которых могут быть полезны для профессоров, намеривающихся иммигрировать в Канаду. Сначала о студентах.

Я читал курс лекций из цикла «Сравнительное страноведение» с упором на страны Восточной Азии. Записавшиеся студенты были с различных факультетов (исторического, экономического, политологического) уровня 3–5-х курсов. Я ориентировался на свой опыт преподавания в России, исходя из российских стандартов уровня студентов соответствующих курсов. В ходе чтения лекций я обнаружил, что большинство студентов (за редким исключением) вообще не представляют тематику моего курса. Я вынужден был упростить подачу материала до уровня лекций, которые я читал по линии общества «Знание». Когда же они мне написали заключительные работы – типа курсовых, я был в шоке от примитивности понимания ими проблем. Как минимум, половине я намеривался вкатить двойки (у них 100-балльная шкала оценок). На всякий случай я посоветовался со своим знакомым профессором, что делать. Он сказал, что

1 Globe and Mail. January 7, 1997, p. D-3.

в таком случае надо создавать специальную комиссию по каждому студенту и у каждого в отдельности принимать экзамены в рамках комиссии, на что, намекнул он, уйдет много времени, и, дескать, к чему тебе эти хлопоты. Короче, я наставил очень много троек. Справедливости ради следует сказать, что несколько человек предмет изучили блестяще. В результате на следующий семестр ко мне не записался ни один студент, поскольку они недобрали нужного количества баллов, и фактически им снова надо было платить и добирать свои баллы на каких-нибудь других курсах. Это был мой серьезный прокол, т.к. я не предполагал, насколько преподаватель зависит от студентов. Они платят, они и выбирают таких преподавателей, которые дадут им возможности набрать нужное количество баллов для более быстрого получения искомого диплома. Знания в такой системе взаимоотношений всех волнуют в последнюю очередь. В этом я вижу одно из самых негативных качеств платного образования. Деньги, а не стремление получить знания, определяют образовательную политику.

Думаю, что это сказывается и на самих преподавателях. Я прослушал лекции многих профессоров, американских и канадских, да и сам читал им лекции на семинарах. После этого я потерял полное уважение ко многим из них. Специфика такая. Большинство из них является узкими специалистами какой-то темы или проблемы. Например, профессор экономики, специалист по Китаю (сам, кстати, китаец по происхождению), может не знать, какое государство КНР (например, что там правит Коммунистическая партия Китая), но в деталях знает, как работают банки в Шанхае или каковы условия создания иностранных фирм в свободной экономической зоне – Шэньчжэнь. Главная задача – дать студентам практические знания, а не общие, и уж по крайней мере менее всего они озабочены, чтобы научить студентов думать, размышлять. Такой подход, видимо, в целом сказывается и на научном потенциале профессоров. Я перечитал почти всю литературу, касающуюся восточноазиатского региона. За исключением максимум десятка работ, все остальное – пустая болтовня. Об уровне специалистов по России можно судить хотя бы уже потому,

что большинство из них даже не знают русского языка. Я не могу представить, чтобы какой-нибудь наш американист или канадолог не знал бы английского.

Будучи русским человеком, я не скрывал своих оценок их научного уровня, за что, естественно, был «наказан» их негативным отношением к себе. Надо иметь в виду, что канадцы вообще не любят «умников». Не случайно любой нестандартный канадец вынужден покинуть свою страну, чтобы где-нибудь – обычно это случается в США – раскрыть свои таланты. И только получив признание за рубежом, у него есть шанс обрести имя и в своей стране. Только постфактум канадцы «вспоминают», что, например, известный писатель, пишущий «про шпионов», Ян Флеминг – канадец, американский экономист и дипломат Джон Кеннет Гэлбрейт родился в Канаде и т.д.

Сказанное не означает, что в США или в Канаде с образованием и наукой так уж плохо. Наоборот, США, например, по науке и образованию находятся впереди всех стран мира. Но только вовлечена в научно-технический прогресс элитная часть общества, получающая образование не на общих основаниях и не в обычных вузах, а в элитных. К последним относится около 20 научно-образовательных центров, среди которых всемирную известность имеют семь-восемь. Это Калифорнийский университет в Беркли, Массачусетский технологический институт в Кембридже, Стэнфордский, Гарвардский, Вашингтонский (Сиэтл), Принстонский, Йельский (Нью-Хейвен), Чикагский университеты и некоторые другие. Именно там сосредоточены научные и преподавательские кадры, которые и делают науку в США.

Разочарованный в уровне подготовки на Западе (я имею в виду свою личную практику) по сравнению с временами СССР, я был просто обескуражен, когда начал с 1997 г. преподавать в Москве одновременно в двух высших учебных заведениях: один частный «университет» (где я вел два курса «История политической мысли» и «Стратегия безопасности великих держав»), другой – МГУ на двух кафедрах (на одной вел курс «Экономика стран Восточной Азии», на другой «Сравнительное страноведение»).

Знания студентов частного (а значит, платного) университета соответствовали приблизительно знаниям школьников 8–10 классов советского периода. Как я выяснил у студентов, столь слабые знания у них из-за того, что в школах отсутствовали учителя истории, английского языка, обществоведения. Из 20 человек у меня могли сдать экзамен не более 2–3 студентов, остальным были гарантированы «неуды». Но факультетское начальство попросило меня «войти в положение» и поставить им хотя бы тройки, иначе они, не дай бог, отсеются вместе со своими деньгами.

В МГУ ситуация с уровнем знаний студентов была значительно лучше, но проблема заключалась в том, что большинство студентов работало (никаких стипендий не хватало), в результате чего они пропускали занятия. Экзамены они могли сдать только потому, что я давал возможности им списывать и не осмеливался задавать дополнительные вопросы. Иначе 90% студентов экзамены не сдали бы.

Все это означает, что даже дипломированные выпускники фактически имеют липовые дипломы, не подкрепленные реальными знаниями. В этой же связи хочу подчеркнуть: система списывания, укоренившаяся в России и с которой вынуждены мириться все преподаватели, фактически означает отсутствие знаний у студентов. На Западе списывание исключено в принципе (так же как и «взаимопомощь» между студентами на экзаменах), поскольку оно рассматривается чуть ли не как уголовное преступление. По крайней мере расплата очень суровая – исключение из университета.

Мое общение со студентами и преподавателями в нынешней России привело меня к выводу о том, что произошла катастрофа: такого падения среднего уровня знаний я не встречал нигде. И это мое впечатление подтверждается «скучной» статистикой.

Статистика¹. Для начала есть смысл привести такой агрегатный показатель, как Индекс развития человеческого

1 Я не стал здесь обновлять статистический материал, поскольку современный уровень образования представлен в таблицах статьи, помещенной выше.

потенциала (ИРЧП), который определяется через три интегративных показателя: продолжительность жизни, уровень знаний (состоящий из двух блоков: уровень грамотности и совокупный показатель охвата детей школьным образованием) и «достойный уровень жизни» (определяемый подушным обеспечением дохода, скорректированного на базе паритета покупательной способности).

Россия по данному индексу занимала в 1998 г. 62-е место среди 174 государств. Именно это же место она имела отдельно по шкале «уровень грамотности», уступая по нему не только всем развитым странам, но, между прочим, Кубе и Белоруссии (56 и 57-е место соответственно), а также ряду азиатских, латиноамериканских и африканских стран¹. Примечательно, что в 1995 г. она занимала 57-е место. А в 1990 г. Советский Союз в свои самые плохие годы по этому же индикатору занимал 33-е место. Таким образом, за восемь лет почти 30 государств сумели обойти пореформенную Россию.

Рассмотрим некоторые цифры более детально.

В 1917 г. образование работающего человека в России составляло 1 год обучения; в 1941 г. – 4 года; в 1960 г. – 6 лет, в 1990 г. – 10,5 лет (для сравнения в США – 14 лет). В 1990 г. в СССР было 5,2 млн студентов, в США – около 13,8 млн.

В 1999 г. в вузах России насчитывалось 4 073 тыс. студентов (в США – около 15 млн). При этом надо учесть такие моменты: на дневных отделениях училось 2 213 тыс. студентов, на вечерних – 228 тыс., на заочных отделениях – 1 275 тыс. студентов². Зная уровень преподавания на вечерних и заочных отделениях, можно смело считать дипломы таких студентов липовыми. К ним же можно добавить 345 тыс. студентов частных самостоятельных «академий» и «университетов». Качество их образования также близко к нулю.

Теперь о финансовой стороне образования. Многое будет понятно при сравнении с США. В США статья бюджета по образованию в 1999 г. составляла 3,3%, т.е. 56 млрд долл. В 2000 и 2001 гг. эти суммы выросли до 63 и 68 млрд

1 Доклад о развитии человека за 2000 год. ПРООН, 2000. Нью-Йорк, 2000.

2 Госкомстат России за 2000 г. // Интернет.

долл.¹ Но это всего лишь небольшая часть затрат на образование. Если учесть все относящиеся к образованию расходы федерального бюджета, которые проходят по другим ведомствам (например, через министерство сельского хозяйства), тогда названные суммы в 1999 г. увеличатся до 83, 1 млрд долл., в 2000 г. – до 90,1 млрд долл. Но и это не все. К названным расходам добавляются расходы штатов, местных региональных властей и поступления от частных лиц и организаций. В 1997 г. общая сумма на образование с учетом всех названных структур была равна 572, 4 млрд долл.², а в 1999 г. она достигла 619 млрд долл. Эта как раз та сумма, которая и отражает те самые 5,4% ВВП, указываемые в международных статистических справочниках³.

Хотя эти суммы и впечатляют, надо иметь в виду, что относительные пропорции расходов на образование для стран, устремленных в будущее, т. е. развивающихся стран, еще более внушительны: для верхней десятки они достигают уровня 20–23% бюджета и далее до 37-го места – от 20 до 10%.

С Россией дело обстоит следующим образом. С 1991 по 1999 г. расходы на образование упали на 48%, а удельные расходы на одного ученика на 38%. Реально это означает следующее: в 1999 и 2000 гг. из бюджета федерального правительства на образование было выделено 3,6 и 3,75%, почти как в Америке. Но эти доли означают всего лишь 1,0 и 0,97 млрд долл.⁴ Российская статистика не дает подробной информации, как раскладываются эти цифры и существуют ли дополнительные каналы для финансирования образования. Поэтому названные цифры, видимо, следует рассматривать как конечные, без каких-либо добавлений. (Хотя на самом деле это не так, но об этом речь ниже.)

Реформа. Из приведенных цифр видно, в сколь катастрофическом состоянии находится образование в современной

1 *A Citizen's Guide to the Federal Budget*. Fiscal Year 2001, p. 13.

2 *Statistical Abstract of the United States: 2000*. U.S. Census Bureau, p. 153–4.

3 Доклад о развитии человека за 2000 год, с. 194.

4 Госкомстат России за 1999 и 2000 г.; Независимая газета. 16.02.2000.

России. Все понимают, что из нее надо как-то выбираться. По инициативе министра образования В. Филиппова предлагается некий вариант реформы, который базируется на двух столпах: переход на 12-летнюю систему и введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) в школах, который дает право абитуриентам при необходимом наборе баллов для поступления в вузы. Причем, что особенно важно, как неоднократно подчеркивал министр, такого типа реформа не потребует от правительства дополнительного финансирования.

Однозначно предсказываю: эта реформа провалится точно так же, как и все реформы, подвязанные под идеологию рыночной экономики. И вот почему.

Реформисты уповают на то, что при школах будут сформированы попечительские советы, куда, кроме родителей, должны войти заинтересованные в улучшении образования частные лица и организации. Предполагается, что именно они организуют своего рода накопительный (финансовый) фонд для продвижения реформы, т.е. улучшения всей системы среднего образования. Подобные расчеты построены на песке.

Авторы этой идеи постоянно ссылаются на опыт Запада, где действительно функционируют подобные попечительские советы. Но они плохо представляют реальную силу этих советов. Они, видимо, не в курсе, что несмотря на наличие таких советов, львиная доля финансирования все равно падает на государство. В Западной Европе в среднем эта доля находится на уровне 98% от всех поступлений на образование. Часто говорят о США. Здесь мы располагаем более подробными цифрами.

В 1997 г. в США доля внегосударственного финансирования образования в целом была равна 30,7%. Несколько иначе выглядит раскладка этой доли для общественных учебных заведений всех уровней и в т.ч. частных: в первом случае финансирование «со стороны» составляло всего лишь 16,9%, во втором – 87,6%. Надо при этом отметить, что в общественных заведениях училось около 58 млн человек, в частных – около 9 млн. Таким образом, основная часть учащихся финансировалась государством.

Еще более любопытная картина в системе среднего образования. Внегосударственные источники финансирования общественных школ составляли всего 2,5%, а в частных – все 100%¹. Это означает, что внегосударственное финансирование аккумулируется только в привилегированных частных школах и практически мало что попадает в общественные школы. Такая ситуация, которая в США была названа критической, и породила Правительственную программу, сверстанную еще при Клинтоне. Она предполагает дополнительное субсидирование именно общественных школ, которые, по признанию самих американцев, находятся в непотребном состоянии. Я здесь даже не затрагиваю такие детали, что и в самих общественных школах основная часть «внешних пожертвований» оседает в старшей возрастной группе (9–12 классы), куда из-за большого отсева не доходят ученики из малоимущих семей.

Тем не менее даже в США львиная доля (около 70%) финансирования учебного процесса падает на государство.

Российские реформаторы, слепо следуя западным моделям, в частности, решили внедрить систему единого государственного экзамена – ЕГЭ.

Сразу же следует сказать, что хотя на Западе эта система действительно распространена, она тем не менее подвергается критике, а престижные университеты ее просто не придерживаются. В ней слишком много изъянов.

Пример из собственного опыта. Я несколько раз сдавал английский язык по системе TOEFL. И в первый раз, когда я почти не знал английского языка, и в последний раз, когда я на английском языке уже мог читать лекции, я получил приблизительно одинаковое количество баллов. Просто в первом случае я случайно зачеркивал нужные кружочки, причем вероятность попадания довольно высока особенно, если владеешь элементарными навыками логического мышления. Даже совершенно не зная предмет, при удачном стечении обстоятельств можно набрать необходимое количество баллов. Когда же речь идет о частном учебном заведении, вообще не имеет значения, сколько

1 *Statistical Abstract of the United States*: 2000, p. 154.

баллов набрал. Сколько бы ни набрал, тебя зачислят. Главное, чтобы ты заплатил за учебу. В частных заведениях берут учеников не за знания, а за кошельки (именно с таким случаем я столкнулся в одном из «университетов», о котором говорил выше).

Кроме того, в России все эти «тесты» будут заранее известны всем «кому надо», точно так же как всегда были известны темы сочинений. В этой стране никакая «тайна» не устоит перед нужными, влиятельными или богатыми людьми.

Но даже если исключить все махинации вокруг тестов, главный порок ЕГЭ заключается в кажущейся его справедливости. На самом деле справедливости быть не может уже в силу разительного контраста в качестве обучения в столицах и на местах. Можно ли представить, что ученик села Подкуйково смог бы так же отвечать на предполагаемые тесты, как и ученик московской школы? О каких равных возможностях можно говорить, когда тот же ученик из Подкуйкова даже не видел в глаза компьютеры, точно так же, как и его учитель. Но в силу случайных обстоятельств он успешно угадал нужное количество ответов по тесту и таким образом получил право поступить в МГУ, тем самым отсеяв более образованного москвича, который в силу тех же случайных обстоятельств не набрал нужного количества баллов. Таких случайностей по стране может оказаться не одна тысяча, и такими студентами будут заполнять университеты, в том числе и престижные. И эта масса неграмотных студентов первые два-три года будет повышать свои знания до уровня московских школьников 10–11 класса. В результате подобная «справедливость» обернется резким понижением качества студентов, а в последующем понижением уровня всей образованной части России. Правда, у меня такое ощущение, что это уже произошло.

Следовательно, если эта система ЕГЭ приживется, она нанесет невообразимый вред всей системе образования и, естественно, науке. Единственное утешение, что нынешние власти все равно не смогут ее распространить. (К сожалению, распространили. – *Примеч. 2015 г.*)

В целом же два «столпа» реформы – 12-летка и ЕГЭ являются собой: первая – расслоение населения уже в школьный период, вторая – еще большее снижение качества образования в стране.

А теперь о качестве образования в вузах.

МГИМО и Флетчеровская школа права и дипломатии (при Университете Тафта). Качество знаний студентов зависит от трех факторов: набора предметов, образованности самих преподавателей и качества учебников. Здесь я хочу сравнить все эти «качества», взяв для примера МГИМО (факультет международных отношений) и Флетчеровскую школу, которая тоже готовит студентов для работы в сфере внешней политики.

На такое сравнение меня подвиг один вопрос, на который я долгое время не мог дать ответа. В одной из своих последних книг я проделал анализ концепций внешней политики США и России. Было такое ощущение, что американские концепции готовили профессионалы, а российские – дилетанты. Поскольку Доктрина внешней политики России была подготовлена в стенах МИД, т.е. работниками, большинство из которых окончили МГИМО МИД РФ, я решил повнимательнее посмотреть, как их обучают. Посмотрев, понял, что удивляться безграмотным внешнеполитическим документам не стоит. Их качество заложено уже в процесс обучения. Теперь по порядку.

В учебном плане по специальности Международные отношения (срок обучения пять лет) бросается в глаза то, что на общие гуманитарные и социальные дисциплины выделяется 1460 часов. Входит в этот блок весь набор общественных наук – от философии до русского языка и речи. Судя по количеству часов, отведенных каждому предмету (их 15), можно предположить освоение только зачаточных знаний. Поскольку за 100 часов освоить философию в принципе нельзя, точно так же как и за 30 часов логику и риторику. То есть их можно освоить на уровне представления о предмете. Но главное то, что весь этот блок к международным отношениям никакого отношения не имеет. Это своего рода общекультурологический ликбез, кото-

рый, возможно, компенсирует низкий уровень школьного образования.

Столь же странным выглядит второй блок – Общие математические и естественно-научные дисциплины (600 часов) и отдельно – Математика и информатика и Концепции современного естествознания (по 150 часов каждый курс).

Третий блок – Общепрофессиональные дисциплины, которым отводится 4140 часов. Этот блок уже ближе к профессии, но вызывает крайнее удивление количество часов, отведенных изучению первого и второго иностранного языка (соответственно 2000 и 1000 часов). На остальные 17 предметов отводится всего лишь 1140 часов. Иностраный язык, безусловно, важен. Но дело в том, что уже при поступлении в МГИМО абитуриенты достаточно хорошо знают язык (иначе они просто не поступят), и в дальнейшем он может совершенствоваться только на базе практики. То же количество часов, которое выделяется по программе, было бы обоснованным, если бы готовили переводчиков или специалистов по лингвистике.

Два остальных блока – Специальные дисциплины и Дисциплины специализации (1900 и 1200 часов) имеют непосредственное отношение к будущей работе в сфере внешней политики. Правда, не совсем понятны две такие «дисциплины» – Гражданская оборона и Военная подготовка (32 и 454 часа).

Аналогичная ситуация с предметами и по специальности «регионовед».

При суммировании получается, что из 9450 часов более половины отводятся дисциплинам, не имеющим отношения к специальности. То есть выпускают не специалистов по внешней политике и международным отношениям, а более или менее вообще образованного человека.

Во Флетчеровской школе нет ни одного предмета, который не относился бы к сфере международных отношений. Среди них, например, такие предметы – Правовые и институциональные аспекты МВФ и ВБ; Глобализация Центральной Азии и Кавказа, Мировые религии, насилие и решение кон-

фликтов; Телекоммуникационное моделирование и анализ политики; Экономика и политика глобального Интернета; Роль силы и т.д. Очень важный курс – Анализ информации и статистические методы в процессе принятия решений. На это обстоятельство я обращаю особое внимание, поскольку российские творцы внешнеполитических концепций никогда не считают затраты на проведение внешней политики, никогда не оценивают финансовые суммы, необходимые для реализации той или иной внешнеполитической цели или задачи.

Совершенно естественно, среди предметов фигурируют отдельные курсы по особо важным странам и регионам, как Китай, Россия, Европа, Ближний Восток и Восточная Азия.

Среди предметов нет ни одного «пустого» предмета. Каждый из них привязан к реальным проблемам международных отношений, причем предметы меняются в зависимости от изменения международной ситуации или переактуализации международных проблем. Все они в той или иной степени отражают текущий момент.

Главное отличие набора предметов в МГИМО и Флетчеровской школе заключается в том, что в первом случае большинство их носит общеобразовательный характер, во втором – чисто прикладной, предельно привязанный к современной ситуации.

Спор о том, какой вариант образования лучше: универсальный или прикладной в капиталистической системе – решен в пользу США.

Это одна сторона проблемы. Другая – качество преподавания, что означает качество преподавателей. Я не беру исключения, они всегда и везде существуют. Я имею в виду усредненного преподавателя, и не только из МГИМО. Поскольку я знаю лично очень многих преподавателей как на Западе, точнее, в США и Канаде, так и в Москве, мне есть что сравнивать. Вынужден констатировать, что качество преподавания (я имею в виду в данном случае предметы по международной тематике и экономике) в Москве крайне низкое. (Во второй части данного сборника я продемонстрирую это на конкретных примерах.)

Все это ведет к тому, что студентам преподносится неадекватная картина мира, где знания не соответствуют реальности. В США тоже такое может случаться, но поскольку там множество учебных заведений международного профиля, то в каких-то из них обязательно найдутся высококлассные преподаватели-ученые, которое отобразят подлинную реальность. И студенты едут к ним! В России же, кроме МГИМО, больше нигде не готовят специально студентов международного профиля. В результате будущие дипломаты выходят в свет с искаженными представлениями о мире.

В значительной степени это происходит потому, что большая часть преподавателей не занимаются исследовательской работой и пользуются учебниками, написанными «учеными»-дилетантами. Окаменевшие и несовременные учебники не соответствуют нынешним реалиям, какие бы громкие имена с академическими регалиями за ними бы ни стояли.

В США, как известно, преподаватели и ученые являются собой единое целое. Прежде чем вести какой-либо курс, американский преподаватель до этого сам основательно изучает определенную проблему. Он знает ее не по учебникам. В этом преимущество американской системы науки и высшего образования.

Другими словами, все три фактора, касающиеся обучения, работают против качественного образования в России.

Как выбраться из этой ситуации? Упомянутая выше школьная реформа, повторюсь, обречена на провал не только из-за ее методологических посылок, но главным образом из-за отсутствия достаточных финансов. Просто несерьезно говорить о реформах при бюджете на образование в один млрд долл. Существует постановление министерства образования о ЕГЭ. Там много всего наговорено, нет только одного: сколько денег потребуется на реализацию этого постановления. Отсутствие такой информации означает, что это постановление не будет выполнено точно так же, как и масса постановлений президента по какому бы ни было поводу. Ректор МГУ В. Садовничий, кажется, единствен-

ный дискусант по поводу реформ, приводит такие цифры. Годовой бюджет МГУ равен 30 млн долл., бюджет среднего американского вуза равен 800 млн долл., а престижного – от 3 до 5 млрд долл.¹.

О какой реформе может идти речь, когда весь бюджет правительства равен приблизительно 30 млрд долл. О какой реформе может идти речь, когда средняя зарплата учителей (в 2001 г.) равна 1170 р. (в реальности от 350 до 600 р.), причем долг государства по зарплате учителям составляет почти один млрд долл.² О какой реформе может идти речь, когда, по словам того же ректора, зарплата профессора МГУ ниже зарплаты дворника. И т.д., и т.п.

Проблема заключается в том, что при нынешней рыночной системе ни одна реформа либерального толка, подвязанная под стандарты Запада, не может быть реализована в принципе. Потому что Россия и рынок в его западном варианте вещи несовместные. Речь должна идти первоначально о реформе всей общественно-экономической системы России, возвращении страны на естественный путь развития, который так или иначе связан с социалистическими вариантами, адекватными новым международным реальностям. Только так можно решить все проблемы в России, в том числе и образовательную проблему.

Необходимо усвоить и такую банальную вещь: есть некоторые стратегические сферы (транспорт, энергетика, стратегическое сырье), и среди них сфера образования, которая даже в развитых капиталистических странах не отдается на откуп рынку. Эти отрасли слишком связаны с национальными интересами и безопасностью государства. Они никогда и нигде не решались на уровне частного бизнеса, каким бы мощным он ни был. Передача этих отраслей в руки бизнеса означает неизбежное крушение государства. Об этом свидетельствует и опыт последних лет в России.

1 НГ Наука. 24.01.2001.

2 Известия. 07.02.2001.

Ученые и студенты России

27 мая 2010 г.

В начале апреля (2010 г.) я прибыл в Москву почти на два месяца с обширной программой, о которой чуть ниже. Вначале о другом.

Прибыв в Москву, я сразу получил совет, как и где мне жить. Некоторые мои знакомые не знали, что теперь я живу в Нью-Йорке, а узнав, в ужасе накидывались на меня с приблизительно такими словами: «Да ты что, с ума сошел! Толчея, небоскребы, куча народу. Лучше переезжай к нам, в Черногорию. Чистое море, тишина, людей почти нет. Красота!». Спрашиваю: «Откуда ты знаешь? Ты там жил?» – «Не жил, но пару раз останавливался».

Интересная черта русских: все мерить на свой аршин. Если им лично что-то нравится или не нравится, именно так должно быть и у всех. А мне, например, наоборот, не нравится тишина, я не люблю «чистый воздух» и природу (поэтому терпеть не могу дачи), мне нравится, когда много народу и т.д. От тех условий, в которых живут советчики, я бы помер с тоски, любуясь на собственные грядки. Но мне в голову не придет советовать другим, где жить и в каких условиях, например, переехать в Нью-Йорк. Элементарный здравый смысл подсказывает, что у других могут быть различные предпочтения и пристрастия. Но давать «советы» и вообще «учить жить» – это одна из черт русской культуры.

Итак, по программе я должен был прочитать курс лекций на кафедре телевизионной журналистики МГУ, еще две лекции в двух важных организациях, по традиции посетить свои старые институты, поучаствовать в конференции по экономике, побывать на представлении одной важной книги, а также на двух демонстрациях (1 и 9 мая) в рядах левых. А теперь по порядку.

Преподавание. У меня оказалась группа из 20 человек, из них 18 девушек. Уровень – первый курс магистратуры (т.е. это те, кто уже проучился четыре или пять лет в университете). Ходила же на лекции половина студентов, другая где-то подрабатывала. Правда, часто присоединялись трое-четверо студентов первого курса. Кстати, оказались очень любознательные.

Предмета моего курса (Политика великих держав в современном мире) они не знали. Студентки, одну из которых я назвал Уникалия, поражали меня довольно часто. Эта Уникалия численность население Китая определила сначала в 10 млн, но, подумав, поправилась – 10 млрд человек. Большинство «университеток» не знало и количество населения земного шара. Но эта Уникалия потрясла меня и на экзамене: она искренне говорила, что население США делится на 70% верующих и остальных «протестантов». Кто такие «протестанты», объяснить она не смогла. А цифру «12» (по Индексу развития человеческого потенциала, означающего место страны, на котором находятся США) она поначалу оценила в граммах, затем в килограммах. Я в шутку предложил оценить эту цифру в процентах, и она со мной согласилась.

Другая студентка, весьма агрессивная, ни разу не посетившая занятия, потребовала от меня на экзамене, чтобы я поменял ей билет или хотя бы один из вопросов. Естественно, ответы на них она списала, но не смогла расшифровать ни одну аббревиатуру в экономической таблице, которую я им дал заранее. В общем, четверо у меня экзамен не сдали. Были, правда, и прилежные студенты, и заинтересованные. Одна из них даже купила «Науку логики» Гегеля, книгу, которую я часто упоминаю как универсальный философский труд. Бедная девушка, зря потратила деньги. «Наука логики» не для женщин.

В целом же такие как Уникалия не уникальны. Мои знакомые из других высших заведений, включая Дипакдемию, уверяли меня, что уровень образования упал за предельную черту, что совпадало и с моей практикой преподавания в других высших заведениях Москвы. Уровень знаний большинства студентов на последних курсах, по

крайней мере общественных наук, соответствует уровню школьников 11 класса советского периода. И я не преувеличиваю. Безусловно, есть, как всегда, исключения, но не они формируют «основной поток».

Подобная отсталость ощущается и в науке. Книги, выпускаемые как академические, устарели еще не выйдя в свет. Такое впечатление, что они были написаны 30–40 лет назад. Я имею в виду качество анализа. Банально, скучно, без мыслей. Просто информация о предмете. Правда, теперь информация стала идеологизированной. Но главное другое: все авторы, и не только японисты, а страноведы вообще, не знакомы с новыми подходами, с теориями международных отношений. Это касается и экономистов. В монографиях (учебники) по теме «Мировая экономика» авторы не различают основные понятия, таких как *интеграция*, *интернационализация*, путая последнюю с *глобализацией*. В результате у них, например, не только НАФТА, но и АСЕАН – интегрированные блоки. Мои знакомые японисты не могут отличить науку от простого описательства проблем. Они не могли даже вообразить, что цель науки, в том числе общественной, – открытие законов и закономерностей. Им казалось, что в общественных науках таких открытий сделать невозможно. Все это говорит о том, что они не знают мировой науки и об открытиях в общественных науках. На примере последнего «фундаментального» труда академика М. Титаренко я вынужден буду показать невежество этого академика, от которого не слишком далеко ушли и другие академики и член-корреспонденты.

Когда-то я с большим уважением относился к академику Н. А. Симонии, который в свое время написал уникальную монографию «Страны Востока: пути развития» (1975). И он, как мне казалось, действительно заслужил звание академика. Но вот я покупаю учебник под названием «История России и мира в XX – начале XXI века» для 11 класса. Написана Н.А. Симонией и Н.В. Загладиным (видимо, сын работника ЦК КПСС). Кто какую главу писал – не указано. Следовательно, ответственность за все главы несут оба. Учебник весьма идеологизирован и писан в пробуржуазном ключе. Авторы сожалеют, что белые в гражданской войне не выи-

грали у красных. Красные, большевики, Сталин, коммунисты все время обвиняются во всех грехах (в неправильной внутренней и внешней политике). И только непонятно, почему, несмотря на все неправильности, красные выиграли у белых, а Сталин победил Гитлера, и вообще как это страна стала второй сверхдержавой мира в свой тоталитарный период. Вот так и учат в новое капиталистическое время, после чего молодое поколение перестает отличать миллионы от миллиардов, а проценты от килограммов.

Но это еще цветочки. В одном научном учреждении перед весьма интеллигентными учеными я делал доклад о понятиях и закономерностях международных отношений. После моего выступления я получил любопытные ремарки и замечания слушателей. Один из них спросил: «Вы в основном напираете на материальные факторы в вашем анализе. А где же дух? Где же Вавилонская башня и ковчег Ноя?» Я опешил: «Причем здесь Вавилонская башня и Ной?» «Ну как же, – продолжал спрашивающий, – ведь от Ноя пошла история человечества».

Я поначалу подумал, что это шутка. Но когда и другой слушатель начал говорить о библии, Ное и духе, я понял, что они говорят всерьез. Спорить или возражать людям, которые выводят науку из библии, я не стал. Все сотрудники считают себя учеными и несут «духовный свет» миру, который могут понять, видимо, только православные, то есть они сами.

У русских ученых есть еще одна интересная черта. Возможно, она есть и на Западе. Просто я этого пока не замечал. Так вот. У себя на сайте и в газете «Завтра» я опубликовал рецензию на книгу Джорджа Фридмана «Прогноз на 21-й век». И получил от многих читателей разгром взглядов Фридмана, а заодно и меня, совместно с Фридманом. Интересно, что ни один из них книгу Фридмана не читал. А читал только мою рецензию. Понятно, что любая рецензия – это краткий пересказ книги. Причем сам пересказ зависит от идеологической позиции рецензента. На одну и ту же книгу могут быть различные рецензии в зависимости от политических или идеологических пристрастий автора.

Поэтому, чтобы соглашаться или не соглашаться с автором книги, надо как минимум прочесть ее всю самому. Это элементарное правило в науке. Русские же, не читая книги, обрушиваются на автора без тени сомнения в своей правоте. Это еще раз демонстрирует отсутствие научной культуры, что чревато искажением в оценках как ученых, так и самой науки. Правда, не среди всех.

Мои постоянные читатели хорошо знают, как скептически я отношусь к уровню научных работников и вообще к состоянию науки в России. В том числе и к экономистам, которые обычно свой анализ строят на базе еслибизма.

Однако. 22 апреля я участвовал в Международной научной конференции, организованной экономическим факультетом МГУ и Академией философии народного хозяйства, президентом которой является д. э. н. Ю.М. Осипов. Я был крайне удивлен, что, как оказалось, немало экономистов объективно представляют, на каком уровне находится реальная экономика России, и что она не может быть ни модернизирована, ни инновационирована при нынешней системе власти. О последней они вслух не говорили, но эта идея вытекала при объяснении тормозящих факторов развития. Причем экономисты из других городов (например, из Новороссийска, Краснодара) в своем понимании фундаментальных экономических проблем ничуть не уступали экономистам-москвичам. Один же из выступающих (д.э.н. А.Ю. Архипов), помимо совершенно трезвой оценки текущей ситуации, удивил формой подачи материала. С помощью ряда художественных картин, картинок и фотографий объяснял экономические сущности тех или иных явлений.

Вообще, деятельность Ю.М. Осипова, который еще является и Директором Центра общественных наук при МГУ, а также его заместителя к.э.н. Е.С. Зотовой, умудряющихся организовывать чуть ли не десятки конференций в год, просто потрясает. Такую сверхэнергию редко можно встретить.

Знакомство с такого типа учеными вселяет надежду. Не все потеряно.

В этом меня убедило представление в Музее космонавтики коллективной монографии «Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 года» (Москва: Издательство «РОСофт», 2010. 864 с.). Во-первых, книга уникальна уже тем, что в ней приняло участие 45 авторов. Обычно я всегда пытаюсь увильнуть от участия в коллективных монографиях, хотя и вынужден был это делать из-за сложившейся практики в советские времена (я был соавтором более 20 коллективных монографий). На этот раз я не смог отказаться, с одной стороны, из-за самой «космической» темы, которую я так или иначе обязан был знать, с другой – из-за участия в ней глубокого ученого – академика Б.Е. Чертока, можно сказать, отца научной космонавтики, и Ю.М. Батурина, уникального полигистра, т.е. знатока многочисленных наук, с которым меня связывала старая дружба. Во-вторых, уникальность книги заключается в том, что в ней дан прогноз на 90 лет, что с научной точки зрения невозможно, но пофантазировать не возбраняется. В ходе представления книги я встретил интересных ученых, среди которых несколько космонавтов с научным мышлением, в частности А. Сереброва. Причем обращало на себя внимание то, что почти все они из поколения советского периода. Но именно их знания (а это кандидаты, доктора и академики технических, физических и физико-математических наук) оказались невостребованными в современной России, которая, несмотря на болтовню руководителей об инновациях и модернизации, в основном сконцентрировалась на спорте, а не на науке. Такова печальная реальность.

II

Российские академики и доктора наук

**Академик Титаренко –
«Лысенко» востоковедения**

8 ноября 2010 г.

*Политкорректность запрещает называть козла козлом.
Результат – все козлы думают, что они львы.*

Из словаря автора

На Западе уже давно некоторые ученые бьют в колокола в связи с деградацией общественных наук. Этот процесс охватил весь капиталистический мир, что естественно. Наука вскрывает истины, объективные явления, а это современному капитализму ни к чему. На интуитивном уровне он уже понимает свою историческую обреченность, но стремится заблокировать все работы, которые эту обреченность доказывают научно.

В России же, сделавшей в конце прошлого века ставку на обреченный капитализм, процесс деградации науки принял такие масштабы, что те работы, которые выходят

из-под пера современных «ученых», вряд ли вообще можно называть наукой. Прежде всего я имею в виду «науку», расцветшую в официальных учреждениях в рамках Российской академии наук – РАН. Об этом мне неоднократно приходилось писать¹. Патриотически настроенный обыватель имеет свои контраргументы: «Как же так, сколько у нас академиков, член-корреспондентов, докторов!» и т.д. говорит лишь о том, что люди, отстаивающие честь отечественной науки, не понимают разницы между наукой и ненаукой. То же касается и самих «ученых», судя по их оценкам самих себя в отечественной среде. Подобное непонимание вынуждает меня вновь вернуться к данной теме на примере академика М. Титаренко. Конечно, я мог бы взять в качестве примера любую другую работу, скажем, американского ученого. Но поскольку русский читатель не всегда знаком с западной литературой, беру работу конкретного россиянина, имея в виду еще три другие причины. Во-первых, он пишет на темы мне хорошо знакомые, которыми я занимался несколько десятков лет. Во-вторых, он является директором Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН, тем самым оказывая влияние на научный уровень всего Института. Наконец, в-третьих, и это самое главное. Мне совершенно случайно попала в руки его книга «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии» (Москва: Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.), в аннотации к которой написано, что это «новый фундаментальный труд академика РАН М.Л. Титаренко...». С такой формулировкой согласен и сам автор, который в Предисловии пишет: «Предлагаемый читателям труд...» (с. 8) затрагивает комплекс «новых вопросов теории международных отношений в условиях глобализации» (с.11).

Я бы не стал трогать именно этого академика (мог бы для примера взять, скажем, книги академика Е.М. Примакова), если бы в аннотации не были написаны слова «фун-

1 Мне приходилось писать и о деградации «советской науки» (см.: Алиев Р.Ш.-А. [О.А. Арин] Власть и наука, или как аукнется, так и откликнется. – Пульс реформ (юристы и политологи размышляют). М.: Прогресс, 1989, с. 109–31.

даментальный труд». На самом деле это сборник статей и докладов на конференциях, о чем сам автор неоднократно проговаривается на страницах своего «труда» (напр., см. с. 99). Проблема же заключается в том, что и сам автор, и те, кто готовил ему этот опус, т.е. сотрудники Института, уверены, что они действительно написали «научный труд». Причем здесь сотрудники? Да притом, что, будучи директором Института, Титаренко физически не смог бы сам написать такое количество страниц вследствие загруженности бюрократической работой и постоянных разъездов на международные конференции. Сосредоточиться в таком статусе именно на «научном труде» просто невозможно.

Выдает Титаренко свое неавторство и ссылками на англоязычную литературу, которую он в принципе не мог бы одолеть из-за незнания английского языка. Неслучайно на международные конференции он постоянно возит с собой переводчицу.

Причем он сам подтверждает мое предположение часто употребляемым местоимением: «мы считаем», «мы полагаем», «на наш взгляд» и т.д., что вполне соответствует образу его работы. Я понимаю, что «мыкание» является общепринятой традицией в так называемой научной среде России, от которой американцы давно отказались. Но в данном случае уверен, что это – действительно «мы». И поэтому авторская благодарность в адрес помощников (Шабалин В.И., Демченко М.В., Уянаев С.В., Ганшин В.Г., Сафронова Е.И., Румянцев Е.Н.) носит совершенно искренний характер.

Как бы то ни было, сам Титаренко и, полагаю, его «соавторы» искренне рассматривают этот сборник статей и докладов в качестве научного достижения. И само научное звание – академик (а это звание автора труда) может для обывателя быть достаточным, чтобы написанное приобрело научные черты. К сожалению, в настоящее время в России звание «академик» крайне редко имеет отношение к науке. В наши дни даже степени доктора, кандидата наук потеряли свое научное значение: с одной стороны, из-за легкой их «покупаемости», с другой – просто из-за общей деградации научной мысли. Мне попался автореферат док-

торской диссертации А.В. Семина по японо-китайским отношениям за 1991–2007 гг. – диссертации, которая, кстати, «выполнялась» именно в ИДВ. В советское время диссертации по исследованию или описанию двусторонних отношений обычно представлялись на соискание степени кандидата наук, причем со значительно большим лагом времени. Докторская же предполагала более широкую тему с нерешенными или спорными проблемами. Звания же академика и членкора были и остались номенклатурными и чаще всего достаются директорам или зам. директоров институтов. Или – по утвержденным квотам – присваиваются обитателям районов Сибири и Дальнего Востока. А в настоящее капиталистическое время – и за нужные связи и деньги.

Некоторые признаки науки

Для начала несколько слов о признаках науки в контексте сборника Титаренко.

Во-первых и прежде всего – Титаренко в своем сборнике пишет, находясь, если воспользоваться терминологией Томаса Куна, в рамках «старой парадигмы». Так, он использует старый терминологический аппарат, причем уже опровергнутый практикой. Скажем, использует термин *Азиатско-Тихоокеанский регион*, к которому я еще вернусь. Старая парадигма проявляется и в постоянных ссылках (как в советские времена) на руководителей государства (в данном случае – на Путина и Медведева: с. 13, 19, 24 и т.д.). Академик, очевидно, не понимает, что высказывания и декларации руководителей, как правило, имеют политическую подоплеку, но порой отражают полную неграмотность тех речеписцев, которых подобрал себе в помощь нынешний тандем. Устаревшая парадигма продолжает определять и его манеру перечислять важные визиты руководителей в ту или иную страну, описание которых съедает немалое количество страниц. Перечисление визитов государственных функционеров в «фундаментальном труде» – просто несерьезно, имея в виду, что подавляющее большинство визи-

тов на самом деле сводится к профукиванию государственных денег, поскольку они, за крайне редким исключением, не дают никакой отдачи. Думаю, что достойный ученый, наоборот, подсчитал бы, какой ущерб наносят эти бесконечные визиты казне государства и его гражданам как налогоплательщикам.

Во-вторых. Научный труд должен строиться на понятийном аппарате, а не на словесах или даже терминах. Таковой у академика Титаренко отсутствует полностью. И поэтому неудивительно, что он не понимает даже таких часто употребляемых им терминов, как *интеграция* и *глобализация*. Я уже не говорю о таких ключевых понятиях, как *полюс* или *центр силы*. Хочу отметить, что среди востоковедов (в данном случае я имею в виду японоведов и китаеведов) я не встречал ни одного исследователя, работы которого бы строились на основе четкого понятийного лексикона.

В-третьих. Академик пишет об экономических взаимоотношениях между странами Дальнего Востока, в частности между КНР и Россией. И при этом ни разу не приводит ни одной статистической таблицы, из которой ясна бы была динамика этих отношений, скажем, с момента перехода России на капрельсы. Хотя какие-то цифры в книге есть, но они разбросаны по всему тексту. Без обширной статистики, которая позволяет проследить определенные закономерности, не может быть фундаментального труда, но только чисто журналистское описание этих взаимоотношений.

В-четвертых. Смею утверждать, что когда ученый постоянно пишет: «с одной стороны», «с другой стороны» – это означает, что он не разобрался в предмете. У любого явления бесконечное множество сторон, а истина одна. Можно ли представить, чтобы при формулировке какой-либо закономерности в одной системе координат, было бы сказано: с одной стороны, $2+2=4$, а с другой – $2+2=5$? В этом же контексте назойливые фразы, что «в последнее время» что-то стало актуальным или какие-то явления «проходят стадию значительных изменений», достойны аспирантов, которые только начинают свою исследовательскую деятельность. Таким «ученым» всегда кажется, что все началось с того момента, когда они коснулись некой темы. Но для академика

писать в «последнее время» о том, что было и 10, и 20, и 30 лет назад, просто непристойно.

В-пятых. Две трети книги – это повтор одних и тех же идей, что как раз и свидетельствует о том, что эта книга представляет собой в основном сборник выступлений на конференциях.

В-шестых. В этом «труде» не выведено ни одной закономерности, не говоря уж о законе/законах. В фундаментальных трудах открываются «всеобщие» законы и их сопряженности с «особенным» и «частным». В политэкономии такими трудами являются труды А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса; ближе к нашему времени – А. Маршалла, еще ближе – Й. Шумпетера, Дж. Кейнса и др. Среди международников XX в. тоже было немало ученых. Для примера назову некоторых американцев: Г. Моргентау, Дж. Модельски, К. Холсти (канадец), К. Уолц и др. А среди русских, точнее, советских, ученых я выделил бы Э. А. Позднякова. С их «закономерностями» можно не соглашаться, но о них можно спорить на языке науки.

Упомянутый же сборник Титаренко и К° не дает такой возможности. Это вполне естественно, поскольку на самом деле он является пропагандой политических лозунгов и устаревших штампов. «Научная» же часть текста просто отсутствует из-за вышеназванных причин. О том о сем – это журналистский текст явно не для «академической» книги. Поскольку к науке сей труд не имеет отношения, то его выводы, предложения так же не имеют и научного содержания. Что я и постараюсь доказать уже на конкретных примерах.

Сразу же предупреждаю читателей: мне придется обильно цитировать автора. Иначе мне могут не поверить, что такое можно написать.

О ключевых понятиях и категориях

Выше я отметил, что одним из признаков научного исследования является использование четкого понятийного

аппарата. О необходимости определять ключевые слова в исследованиях постоянно напоминали все великие философы. Без определения, скажем, слова *демократия*, каждый под ним будет понимать все что угодно. М. Титаренко, хотя по образованию и философ, видимо, не встречался с подобным требованием. В результате полное непонимание таких понятий, как интеграция, сила, цивилизация, АТР. Я даже не уверен, что он различает термины: понятие и категория. Начну с ключевых экономических понятий, которыми он пользуется чуть ли не на каждой странице.

Интеграция, интернационализация и глобализация

Академик Титаренко постоянно пишет об интеграции в «АТР» и о необходимости России войти в это интеграционное поле. Одна из его главок так и называется: «Россия и Китай на интеграционном поле АТР: опыт и перспективы взаимодействия» (с. 356). (К термину так называемого «АТР», повторяю, я еще вернусь.)

Как можно находиться в интеграционном поле, когда там, в несуществующем «АТР», отсутствует интеграция? Можно, конечно, но только в научном бреду, не понимая разницы между интеграцией, интернационализацией и глобализацией по сути.

Вот еще одна глупость. Пишет: «КНР становится инициатором большинства интеграционных формирований в Восточной Азии, бросая вызов Японии, которая традиционно считалась лидером интеграционных процессов в этом регионе» (с.18). У академика получается, что в Восточной Азии существует множество интеграционных формирований. Сколько же? Где они? И сопутствующий вопрос: что, руководители КНР и Японии сознательно иницируют такие формирования? Неужели сей фундаменталист не понимает, что *интеграция – это объективный процесс*, вытекающий из другого экономического процесса, который называется *интернационализацией*?

Пассажи о «двух моделях» глобализации, сопрягаемые им с цивилизациями (с. 55–6) даже бессмысленно

приводить именно из-за отсутствия в них какого-нибудь научного содержания. И главным образом из-за того, что Титаренко не понимает экономической сути употребляемых им слов (см. также с. 356).

Разница же между вышеназванными терминами объяснена в сотнях книг, посвященных мировой экономике. Коротко эти термины на понятийном уровне означают следующее.

Мотивом *интернационализации* является доступ к рынкам торговли и приложения капиталов; сутью интеграции является формирование тесно переплетенных экономических анклавов, т.е. соединение всех циклов экономической деятельности в единое целое; глобализация – распространение финансово-инвестиционной и информационной деятельности на весь мир в стремлении взять его под контроль.

В экономическом смысле в мире существует только один интегрированный район – это Европейское сообщество. (Титаренко называет «интеграционной группировкой» еще и СВА – с. 380.) Даже НАФТА не является интегрированным блоком из-за фактически неинтегрированных отношений между Канадой и Мексикой и даже Мексикой и США. За исключением Западной Европы, в мире нет ни одного района, где бы существовал интеграционный анклав.

Допускаю, ученый не согласен с такими определениями. Тогда он обязан оговорить, что да, есть такие-то определения этих ключевых терминов, но я с ними не согласен. И хотя специально этими вещами не занимался, предлагаю свои определения этих терминов или использую их в интерпретации такого-то или такого-то ученого. И тогда будет понятно, о чем ведет речь автор. О чем же говорит Титаренко, не ясно, поскольку смысл упомянутых терминов кардинально расходится с пониманием этих слов экономистами, по крайней мере западными. Хотя, возможно, для русских такие «пустяки» и не имеют никакого значения. Среди русских я знаю только одного экономиста, который четко разбирается в этих терминах. Это – д.э.н. А.Д. Бородаевский.

О непонимании Титаренко сути термина *интеграция* свидетельствует и такой его пассаж: «...рано или поздно

Америке придется столкнуться с высокоинтегрированным рынком стран Восточной Азии, где ключевую роль будет играть Пекин» (с. 19).

Академик не понимает, что в интегрированном рынке нет ключевой фигуры, поскольку *интеграция – это сплав всех без центра*. Кто в Европейском экономическом пространстве является «ключевой» фигурой? Германия? Франция? Великобритания? Все они ключевые, именно поэтому регулируется этот анклав «коллективно» на основе всяческих институциональных механизмов. Другое дело, можно сказать, что вокруг Китая закручивается интеграционное поле, которое, возможно, приведет к образованию «интеграционного пространства» в Восточной Азии. Но и это утверждение необходимо было бы подтвердить большим количеством статистического материала, в противном случае это было бы пустым утверждением.

Комплексная мощь, или сапоги всмятку

Титаренко сообщает, что под руководством член-корреспондента РАН, профессора Б.Н. Кузика разработана методология прогнозирования, которая дает возможность на основе понятия *комплексная мощь* подсчитать мощь не только Китая, но и любого другого государства (с. 44). Что они и сделали усилиями двух институтов (ИДВ и Институт экономических стратегий РАН, директором которого как раз и является Б.Н. Кузык).

Для начала следует упомянуть, что термином *комплексная мощь* (с прибавлением слова *государственная*) китайские руководители пользуются как минимум лет десять, т.е. до «разработки» упомянутой методологии. На самом деле то, что эти два ученых обозначили в качестве «комплексной мощи», никакого отношения к «мощи» не имеет. Поскольку они просто представили набор явлений, которые не поддаются подсчету. Они в «комплексную мощь» ввели девять параметров: управление, территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, вооруженные силы, внешняя политика. Спрашивается:

как можно подсчитать мощь «религии» и «культуры»? Являются ли обширная территория или громадное население элементами мощи? На основе каких единиц можно подсчитать мощь «управления»? Чем определяется мощь «внешней политики»? И т.д. Можно ли через какие-либо количественные параметры соединить «управление» и «религию» или «политику» и «экономику»? Это все равно что подсчитать «мощь» петуха через количество яиц, снесенных курицей, с «политикой» петуха в отношении курицы.

В качестве иллюстрации подсчета мощи Титаренко приводит расчеты китайского экономиста Ху Аньгана, в соответствии с которыми:

китайский показатель комплексной государственной мощи (КГМ) вырос до 7,8%, что ставит КНР на 2-место в мире. По оценкам китайских экспертов, разница в комплексной государственной мощи Китая и США неуклонно сокращается: если в 1980 г. КГМ КНР составляла только 1/5 от американской, в 1995 г. – 1/4, то в 1998 г. этот показатель вырос до 1/3, а сейчас и того более. Согласно этим же оценкам, ныне Япония занимает 3-е место, хотя показатели ее совокупного потенциала лишь немного уступают китайским. На 4-м месте находится Индия – 4,36% мировой мощи. Россия оказывается по соответствующим показателям на 5-м месте. К началу XXI в. соотношение российского и китайского потенциалов составило примерно 1:3 (с. 239).

Такое ощущение, что китайские эксперты «украли» методику подсчета у Титаренко и Кузика, либо в Китае тоже имеет место быть «титаренковщина». Совершенно очевидно, что вся эта «комплексность» подсчитывалась на основе экономического потенциала, скорее всего ВВП, с учетом количества населения и территории. Иначе каким образом эти ученые могут доказать, что Индия находится на 4-м месте, а Германия, судя по методике их подсчета, на каком-нибудь 10–15-м? Не исключаю, возможно, за счет того, что религиозный фактор – индуизм в Индии и православие в России – по своей «мощи» побивает протестантство в Германии.

Эти два мудреца, видимо, не знают, что такого типа «оригинальные» подсчеты несколько десятков лет назад

в США предлагали американские теоретики: супруги Гарольд и Маргарет Спрут, также Рэй Клайн и многие другие. Никто ничего подсчитать не мог. Похожие на приведенные выше подходы не могли быть плодотворными в принципе, поскольку не были выработаны критерии подсчета. Для того же чтобы их выработать, поначалу надо разграничить на понятийном уровне термины мощь и сила, определить единицы измерения каждого из этих понятий, а затем критерии эффективности их действий. То, что предложено Титаренко и Кузыком (в изложении первого), – это устаревший хлам, давно уже отвергнутый серьезными учеными. Их болтовня на эту тему годится только для журналистов или политиков, далеких от науки. Или же для вывода, который вытекает из комплексного исследования мощи Китая и России, проделанного этими двумя институтами. Их вывод таков: «Стратегия решения задач мирного развития и подъема как Китая, так и России при адекватном понимании важнейших внутренних факторов такого развития в глобализирующемся мире *требует координации и долгосрочного сотрудничества на основе стратегии соразвития*» (с. 386; выделено Титаренко).

Сколько же надо было затратить денег, чтобы родить такую «мышь»?

О цивилизации и культуре

В данном «труде» много пишется о цивилизации и культуре, в частности в главе «Россия и Китай в межкультурном диалоге». На самих этих понятиях академик решил остановиться подробнее. В отношении цивилизации он процитировал известного американского социолога П. Сорокина, который, дескать, развил теорию Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах как основе локальных цивилизаций (с. 54). Из последующих рассуждений видно, что Титаренко как бы соглашается с формулировками Сорокина. Посмотрим, как американский социолог определил это понятие. Вот эта цитата:

В безграничном «океане» социокультурных явлений существуют крупные *культурные* системы, иначе называемые *культурными* суперсистемами или же *цивилизациями*, которые функционируют и как реальное единство. Они не совпадают с государством, нацией или любой другой социальной группой. Обычно границы этой культурной сущности перекрывают географические границы национальных, политических или религиозных единиц (с. 54; курсив мой. – О.А.).

Из этой цитаты очевидно, что, по Сорокину, термин *цивилизация* синонимичен термину *культура*. Другими словами, он не разделил эти понятия, а следовательно, не определил ни одно из них, поэтому они в научном смысле просто неоперабельны.

Далее Титаренко пишет: «По Данилевскому, Гумилеву и Тойнби, век цивилизации насчитывает около двух тысяч лет. Исключение составляет китайская цивилизация – более 5 тыс. лет непрерывной истории» (с. 54).

Очень хорошо. Только где, в каком месте какого произведения названные ученые дали определения «цивилизации». В работах, названных авторитетов, включая Арнольда Тойнби, я такого определения нигде не встречал, а встречал те же самые описания, в которых слово *цивилизация* перемежается со словом *культура*.

И между прочим, сам же Титаренко через несколько страниц пишет:

Такое положение дел отражается и на понимании категории¹ «цивилизация», определяемой через культуру. Цивилизацию называют «культурой в широком смысле слова», «культурной целостностью», «собираением культурных характеристик и феноменов», «культурой городов», «судьбой культуры» и т.д. В результате возникает такое многообразие определений цивилизации, которые не углубляют и не дополняют друг друга, а вносят сумятицу и путаницу в теорию и практику (с. 105).

И здесь я с ним не могу не согласиться.

¹ Вот свидетельство того, что философ не понимает разницы между категорией и понятием. В данном случае речь идет о понятии.

А вот далее начинается «курьез». Академик пишет:

Как представляется, решение этой проблемы в значительной степени может быть облегчено путем выявления ключевого принципообразующего подхода в восточных культурах, например, в китайской цивилизации – принцип Дао, индийской – Ом, западноевропейской – Логос или русской – Глагол. Такой метод определения культур и цивилизаций берет за основу структурно-функциональный архетип цивилизации (с. 105; курсив мой. – О.А.).

Автор только что критиковал смешение терминов *цивилизация* и *культура* и тут же сам предлагает подход, который не дает различия между этими терминами, т.е. не выводит их на понятийный уровень.

Можно, конечно, оспорить и сам метод из-за его неадекватности для формулирования названных еще-не-понятийных-терминов. Первые два принципа (Дао и Ом/Аум) берутся из философско-религиозных представлений, второй – из типа мышления европейцев как мышления рационального, последний, явно взятый из стихотворения Пушкина «Пророк» («глаголом жгит сердца людей»), видимо, должен означать... черт-те что. Но дадим слово евразийцу и космисту, доктору философских наук Анатолию Лукьянову, у которого, не исключая, и списан вышеприведенный «метод» академика Титаренко. Вот что пишет на сайте «Мир России» в статье «Росс и Дао» (в 2004 г.) профессор Лукьянов:

Глагол – это и есть то значение, которое вкладывается в слово Росс, и в этом значении архетип Росса уравнивается с архетипами Дао, Логоса и Ом, которые тоже имеют основное значение глагола (слово, глагол, говорить, глаголить). Пророк Пушкин отправился глаголом поднимать этническую духовность, а нам же остается только верно внимать и распознавать в его виршах песнь Росса.

Хотя из пассажа этого евразийца я ничего не понял, но сейчас речь не о «глаголах и существительных». Здесь важно только подчеркнуть, что академик, не разобравшись в этих важных понятиях, в последующем будет писать о том, как цивилизации должны взаимодополнять и дружить, особенно русская цивилизация с китайской. К этому

еще следует добавить, что он просто не владеет методикой определения понятий, что свидетельствует о том, что труд Гегеля «Наука логики» ему незнаком. Хотя, не исключая, что Гегеля он и проходил во время учебы в университетах. Но не «прошел».

А теперь мне придется обратиться к одному важному термину, который имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

О несуществующем Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)

Я имею в виду пресловутый термин «АТР», которым продолжают оперировать некоторые ученые старой парадигмы. В одной из своих монографий («АТР: мифы, иллюзии и реальность». М.: Флинта, Наука, 1997) мне пришлось подробно доказывать, что «АТР» в качестве политического или политико-экономического региона не существует. Никто из употребляющих этот термин не смог выдвинуть критерий для обоснования целостности данного региона. В результате – разброс мнений о количестве стран, входящих в «АТР», варьировался от 15 до 61. После этого говорить о том, что на этот регион приходится 40 или 60% мировой экономики, просто бессмысленно. На основе ложного термина строились различные концепции и доктрины типа «Тихоокеанского сообщества» или что к началу XXI в. «АТР» станет центром в мировой политике. В рамках этих концепций провалились все инициативы о безопасности региона, в первую очередь советские, предлагавшиеся в период правления Горбачева. Это естественно, поскольку все они строились на ложных парадигмах об «АТР».

Титаренко же, как и многие его коллеги востоковеды, продолжает талдычить об этом «АТР». Академик пишет: «В настоящее время АТР превращается в самый мощный центр мирового экономического и культурного развития» (с. 14). («В настоящее время» у него было и 20 и 30 лет назад.) В другом месте пишет: «Процесс возвышения и рост международного влияния Китая, движение в сторону пре-

вращения его в новую сверхдержаву совпадает с процессом перемещения центра силы в мировой системе с Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион» (с. 156). Помимо того что человек не понимает, что такое «центр силы», он продолжает повторять фразу, которая «АТР»-говорунами баблонится уже лет 30.

Титаренко умудряется в этот самый «АТР» загнать Индию и Пакистан (с. 16), которые, исходя из его логики, расположены в зоне не Индийского, а Тихого океана. Туда же он вкатил и страны Центральной Азии.

В одном месте, в сноске, он пытается дать определение Восточной Азии (Тихоокеанская Азия). Оба термина, судя по структуре их расположения, являются у автора синонимами. И оказывается это вот что такое: «Под данным термином подразумевается так называемая Большая Восточная Азия, включающая Северо-Восточную (Дальний Восток РФ, МНР, КНДР, РК, Китай, Японию) и Юго-Восточную Азию (Индокитай, Малайский архипелаг)» (с. 14). (Про «Малую Восточную Азию» – ни слова.)

Спрашивается, каким образом, если говорить об Индокитае, Мьянма, расположенная в зоне Индийского океана, входит в Тихоокеанскую Азию. Точно так же как и Индонезия, немалая часть которой обращена к Индийскому океану. Их можно было бы с тем же основанием отнести к Индийской Азии (если уж за основу берется принцип океана).

А вот как он делит «АТР» по экономическому принципу. «Как известно, в Азиатско-Тихоокеанском регионе действуют три основных центра экономического притяжения: 1) Япония и Южная Корея; 2) «Большой Китай» – КНР, включая Гонконг, Тайвань; с ним тесно взаимодействует Сингапур; 3) группа стран АСЕАН» (с. 27). Помимо того что с экономической точки зрения эта фраза неверна (слово *притяжение* абсолютно бессмысленно), почему их надо подвизывать под Тихоокеанский регион, когда все они взаимодействуют практически вне Тихого океана, а через внутренние моря. Фактически речь идет в большинстве случаев о странах именно Восточной Азии, состоящей из США и ЮВА.

Многие в «АТР» включают и страны Американских континентов (Канаду, Мексику, Чили и др.). А одна японистка (Н. Стапран) умудрилась туда весьма своеобразным образом впихнуть даже Европу. Титаренко же постоянно говорит о странах Восточной Азии, из политических соображений впихивая туда и Индию с Пакистаном.

Некоторым читателям может показаться, что разговор на эту тему не имеет смысла: дескать, какая разница, как называть регион. Вроде бы и так ясно, о чем идет речь. Это абсолютно неверно. Если нет научного обоснования региона, который нечто аморфное делает целостностью, то не может быть и продуктивной политики, поскольку целостность (и в данном случае уместным будет слово *интегрированность*) требует одного типа политики, размытость – другого типа. Повторяю, в свое время японская доктрина «Тихоокеанского сообщества» не была реализована по простой причине: все запутались, какие страны относятся к Тихому океану. Кого брать, кого нет в это Сообщество? Сам же термин был придуман американцами из чисто геостратегических анти-советских мотивов: в связи с попыткой создать широкий антисоветский (а потенциально и антикитайский) альянс из как можно большего количества государств Азии и Тихого океана. Военно-политические мотивы исчезли, а термин остался для обозначения другой политико-экономической структуры. Это классический пример подтверждения теории Куна о старых парадигмах. Они умирают только с исчезновением тех, кто их сконструировал. Следует обратить внимание, что специалисты по Дальнему Востоку в США и даже молодые исследователи в России стали реже прибегать к этому ложному термину. Но академик Титаренко застрял в старых парадигмах навсегда. Видимо, это и определяет «фундаментальность» его сборника.

Доморощенное евразийство, или маниловщина национал-патриота

Одной из концепций, с которой Титаренко носит с маниакальным упорством уже лет десять, является док-

трина «евразийства». В свое время в монографии «Двадцать первый век: мир без России» (Москва: Альянс, 2001) мне уже приходилось давать отпор этому бреду, но доктрина продолжает процветать до сих пор. Вообще-то Россия действительно уникальная страна. Чем больше она деградирует, тем более глобальные планы по мироустройству и внедрению русской цивилизаторской миссии на мировой арене проталкиваются национал-патриотами.

Ни в предыдущих работах, ни в нынешней у Титаренко нет обоснований, почему русские люди должны быть «евразийцами». Только ли потому что территория России находится в географическом пространстве Европы и Азии? Австралийцам почему-то в голову не приходит называть себя «тихоокеанийцами» из-за того, что их территория на севере и на востоке омывается водами Тихого океана. На что уж турки, которые рвутся в ЕС и упираются носом в Европу, но и те не называют себя евразийцами. Нет никаких объективных оснований превращаться русским в евразийцев, но политические есть, которые якобы могут позволить России наконец-то занять «достойное место в мире». Итак, чистая политика. Допустим. Каковы же цели и задачи «евразийцев»? Академик Титаренко по этому поводу пишет так:

Поскольку Россия выступает своеобразным географическим и геополитическим мостом между цивилизациями Европы и Востока (прежде всего Северо-Восточной Азии), для нее овладение знаниями о традиционных культурах ее азиатских соседей – главная предпосылка конструктивного участия в межкультурном диалоге и важнейшее условие культурной самоидентификации. Это выдвигает важнейшую задачу разработки новой методологии межкультурного общения. Такой методологией, на мой взгляд, может быть идеология нового евразийства, которая органически сочетает ценности русской и европейской философий, русской и европейской цивилизаций и систем мышления стран Востока (с. 84).

Методологически и идейно эта переключка основывается на том, что евразийство рассматривает мировую культуру как симфонию равноправных и равноценных культур,

отношения между которыми строятся по горизонтали на основе взаимовлияния, взаимной учебы, соразвития и процветания (с. 91).

К «мосту» я еще вернусь. Для начала о «симфонии» культур. И особенно о «соразвитии» (почему-то хочется это слово заменить словом «соитие») и «сопроцветании». Последние слова у него используются постоянно на протяжении всего «труда», в конечном счете став словами-паразитами. Академик, видимо, свалился с Луны или никогда не изучал мировой истории, редкие периоды в которой проходили без войн, когда одна культура била другую хоть по «горизонтали», хоть по «вертикали». В результате вместо «соразвития», не говоря уж о «сопроцветании», происходило уничтожение одних и развитие и процветание (без «со») других. Уничтожались государства, империи, культуры, цивилизации. Авторам этих пассажей нужно бы почитать книжки про Кортеса и Писарро о том, как они создавали «симфонию культур» с народами майя и инками. Или поразмыслить, как нынешние американцы и афганцы с иракцами «взаимовлияют» на культуры друг друга.

Равноправие культур!? Неужели господин академик всерьез считает, что культура бушменов «равноправна» культуре китайцев, японцев или англичан? Давайте тогда «сравноценим» культуру папуасов с культурой русских¹, раз уж все равноправны и ценны. Что же это за методология, которая не учитывает ни исторического опыта, ни даже элементарной логики?

Как можно сочетать ценности русской и европейской философии, когда в России (не путать с Советским Союзом) не было ни одного философа, а были теологи, все «глубокие мысли» которых в конечном счете сводились к Всевышнему?

1 Правда, к своему величайшему удивлению, я обнаружил, что среди 1750 национальностей в России (по последней переписи населения октября 2010 г.) есть и такая национальность – папуасы хули (код 1740). См. источник на сайте «Всероссийская перепись населения 2010» (www.perepis-2010.ru). Приложение №1, в котором указаны все национальности, проживающие в России.

Сочетать русскую и европейскую цивилизацию!? Тысячу лет не сочетались, а теперь вдруг засочетаются.

Для сочетания систем мышления Востока и Запада академик сделал некое открытие. Оказывается: «Китай расположен на евразийском континенте и потому неизбежно участвует в формировании евразийского мировоззрения» (с. 115). Я не поверил своим глазам, тут же бросился к глобусу, и тот подтвердил выученный мной еще в пятом классе факт: Китай все-таки с Европой, слава богу, не смыкается (в отличие от России). Ну, поверим на слово Титаренко, академик все-таки. С какой же системой мышления европейцев хотят соединить евразийцы? И здесь Титаренко выступает как китаист, причем весьма профессиональный. Он подробно пересказывает учение Дао и каноны конфуцианства, добавляя к ним мысли древнекитайского философа Мо Ди (по которому академик когда-то защитил кандидатскую диссертацию). Из сочетания Дао, космоса (естественно, «мыслящего»), мудростей Конфуция выстраивается цепочка, ведущая к необычному для Запада умозаключению, выраженному устами древнекитайского философа Ян Чжу: «Среди всего живого самый одухотворенный – человек» (с. 106).

Мне уже приходилось давать оценки теории мыслящего «космоса» в книге «Диалектика силы: онто́бия» (Москва: Едиториал УРСС, 2005) как абсолютно ненаучной теории русских «вселенцев». Исходя из этой мистической теории, Титаренко и в китайской философии узрел главное действующее лицо Вселенной – человека. И поэтому, дескать:

В условиях политической и экономической интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона и включения Китая в процесс глобализации национальные духовные ценности китайского Дао могут приобрести тенденцию к перерастанию в общечеловеческие и повлиять на духовную жизнь других народов (с. 115).

Справедливости ради хочу подчеркнуть, что Титаренко весьма профессионально описал идеи китайских философов (заканчивал все-таки философские факуль-

теты в Китае), но, видимо, не изучал философов западных. Судя по всему, ему незнакомо знаменитое изречение Протагора, родившегося, кстати, даже раньше Ян Чжу, которое гласит: «Человек есть мера всех вещей!» Западная философия ничуть не меньше китайской уделяла внимание человеку как венцу природы. И почему идеалистическая школа Дао должна оплодотворять Запад? Здесь своих идеалистов пруд пруди. Достаточно прочитать работы современного китайского (ум. в 1990 г.) философа Фэн Юланя, у которого вроде бы учился и академик Титаренко, чтобы понять, что философские взгляды китайцев и европейцев совпадали на онтологическом уровне. Не особенно пересекаясь. При этом надо подчеркнуть, что ни западные ценности, ни китайские не стали «общечеловеческими». Предполагаю, что для народов Африки, Южной Азии и Латинской Америки и те и другие как были чужды, так и остались.

Если же говорить о китайской культуре, то и она не очень-то внедряется в культуру западных людей. Несмотря на то что чуть ли не в каждом крупном городе Запада существует Чайна-таун. Я, живя подолгу в Ванкувере, Париже и Нью-Йорке, где существуют большие анклавы китайцев, что-то не замечал влияния китайской культуры ни на Канаду, ни на Францию или Америку (за исключением «влияния» в виде китайской кухни.) Не только я, но и любой культуролог, специально занимающийся проблемами «сочетаемости» культур, подтвердит этот очевидный вывод. Поэтому то, что «духовные ценности Дао» перерастут в общечеловеческие, означает пустую фразу, свидетельствующую о непонимании автором реальностей в мире.

Хотя думаю, что Запад в контексте сочетаемости культур Титаренко притянул ради целостности своей доктрины «евразийства». На самом деле этот «бездуховный» Запад академик терпеть не может, что весьма красноречиво продемонстрировано в главе «Фактор США в российско-китайских отношениях» (с. 322–44). Исключения делаются только в моменты, когда этот гнусный Запад приглашает его на очередную конференцию, в рамках сотрудничества ИДВ, например, со Стэнфордским университетом. Или еще

с каким-нибудь. Но это временная слабость. После конференции она проходит.

Другое дело Россия и Восток. Здесь автор делает одно гениальное открытие, боюсь, еще никем не оцененное. Вот до каких глубин он докопался:

Открытие подлинного лика этой культуры помогает России совершить акт духовной саморефлексии и высветить ряд азиатских черт в собственной духовной культуре. Читатель, может быть, удивится, но, например, гуманизм (человеколюбие) как качество русской духовности первоначально имел широко разветвленные азиатские корни. Это положение вытекает из того, что идея человеколюбия и основанные на ней гармония отношений между людьми, гармония человека и окружающего его естественного мира, гармония человека и государства – эти фундаментальные мировоззренческие ценности являются общими и российскому евразийству, и национальным идеологиям наших азиатских соседей. В контексте этого замечательно звучат слова из древнекитайского трактата “Чжун юн” (“Следование Середине”): “Человеколюбие – суть человечности” (с. 116).

С ума сойти! Действительно удивил. Надо же, оказывается, русские и здесь ничего сами не придумали, китайцы до них додумались до человеколюбия. Но зато, открыв это, Россия совершила духовное самоотражение (по-философски «саморефлексию»). Если бы академик не рассказал нам об этом, мы до сих пор так и витали бы в облаках, мучаясь вопросом: откуда у нас такое вселенское человеколюбие?

У меня такое ощущение, что этот человек впал в нирвану и находится в космическом пространстве. Он же космист, им это запросто.

Об оторванности академика от грешной земли говорит тот факт, что, получается, он не изучал ни истории России, ни истории Китая, которые не подтверждают, что принцип человеколюбия лежал в основе этих государств. В Китае из-за бесконечных внутренних войн столетиями лилась кровь, в России – то же самое. Где там гармония человека и государства?

Вопреки уверениям специалиста по Китаю этой гармонии не было и в XX в., в том числе и во взаимных отношениях. Ну как можно писать такую чушь:

Одна из важных черт российско-китайского междивилизационного диалога в XX веке в основном заключалась во взаимной учебе и сопряжении китайского китаецентризма, русского интернационализма, соборности, всечеловечности, космизма (с.71).

Во-первых, в XX в., большая часть которого приходилась на советский период истории России, никакой соборности и тем более космизма не существовало даже как элементов идеологии советской страны. Во-вторых, интернационализм был не русский, а советский. Академик, видимо, уже забыл это слово. В-третьих, разве этот мудрец не знает, что русские войска в начале XX в. участвовали в подавлении «боксерского восстания»? Что в 1920-е годы китайские милитаристы постоянно угрожали дальневосточным землям СССР? Или в 1960-е годы не было Даманского? Фактически с начала 1960-х годов до середины 1980-х отношения были крайне напряженными. А если исходить из работ сотрудников ИДВ того периода, то они были просто враждебными. Более того, будучи консультантом в аппарате ЦК КПСС по Китаю, Титаренко тоже приложил руку к такому состоянию двусторонних отношений. Вот тебе и космист!

Но как можно докатиться до такой горячки? Вот что он пишет:

Русский космизм и китайское учение о Дао и единстве человека, Неба и Земли создают духовно-философскую основу для перехода человеческой культуры в ноосферу, преодоления негативных аспектов одностороннего технократизма западной цивилизации» (с. 76).

Почему бы не добавить: «всей Вселенной»?

На основе приведенных мистических и религиозно-идеалистических построений вряд ли можно перейти в «ноосферу», только – в сумасшедший дом. А написать такое можно, только находясь в «палате №6»:

Следует специально отметить, что современное российское евразийство – объективный планетарный факт, географическая, гуманитарная и социальная реальность. Россия охватывает части европейского и азиатского пространства и соединяет их в Евразию, она включает в свою сферу элементы европейской и азиатской культур и синтезирует духовную культуру высшего антропокосмического качества» (с. 117).

И эти «высшие антропокосмические качества» мы, конечно, наблюдаем ежедневно в России, в которой не проходит дня без убийств, катастроф, тысяч смертей от алкоголя, наркотиков, ДТП и просто болезней. На глазах происходит скукоживание «космистского» народа. Причем, уверяю, чем больше «космизма» внедряется в сознание людей, тем быстрее идет процесс вымирания.

Между прочим, хочу обратить внимание на такое совпадение. Недавно известный холуй Н. Михалков обнаружил свой Манифест, в котором обнаружили такие слова: «Нам свойственно особое сверхнациональное, имперское сознание, которое определяет российское бытие в системе особенных – евразийских – координат. Ритм нашего развития и территория нашей ответственности измеряются континентальными масштабами».

Ну ладно, этот «мыслитель» хоть не претендует на звание академика РАН. Пока. А ведь аналогичный бред пронизывает всю концепцию евразийства Титаренко. Прошу прощения у читателя за длинную цитату, но не могу не привести ее. Редко можно встретить такое:

Новое евразийство выступает восприимчиком, продолжателем и хранителем великих гуманистических соборных традиций русской культуры. Оно дает возможность преодолеть извечную поляризацию по линиям Восток – Запад, Север – Юг и открывает путь процветанию всех наций на евразийском пространстве. Новое евразийство несет в себе уникальный механизм работы, согласования, соразвития и сопроцветания азийской и европейской культур, который поднимает, оживотворяет и одухотворяет глубокие национальные традиции, раскрывает их истоки, показывает их единство и различие и формирует способы их созвучия (с. 118).

Какой слог! Даже одно слово «оживотворяет» может привести в восторг! И все это пишет человек, называющий себя ученым? Академиком? Слишком скромно. Он еще и Певец всех культур! Можно сказать – Объединитель! А если по нему, по-титаренковски, то Со-Единитель! И не важно, что он не знает даже географии. Она не «созвучна» его вселенскому думострою. Слишком мелкий камешек. Но очень важный.

Мост между Западом и Востоком или все же между Севером и Югом ?

С географией у академика явные нелады (почти как у среднего американца). Он с упоением говорит о необходимости для России создать мост между Востоком и Западом, чтобы стать как бы связующим звеном между этими двумя осями.

Вообще-то идея «моста» обуревает всех евразийцев. С давних времен они пишут и говорят о том, что Россия является или должна стать мостом между Западом и Востоком, правда, обычно в экономическом контексте. Имеется в виду, что такая «Трансѳевразийская магистраль» будет способна конкурировать с морскими путями из Азии в Европу. Об этом без усталости твердили и в советские времена. В нынешние капиталистические об этом заговорили уже руководители страны. Как-то даже была опубликована статья В. Путина, где он всерьез писал об этом самом мосте¹. У Титаренко эта тема тоже является «актуальной». Но как говорится, есть проблемы. Он предлагает «воссоздание и реконструкцию Транссибирского контейнерного моста “Европа – АТР” за счет реконструкции Транссиба и БАМа...» (с.28) и т.д. в типично еслибистской манере, присущей «россам».

1 В свое время мне пришлось среагировать на его статью в главке «И снова строим-строим, мы строим “общий дом”... в “АТР”» книги «Стратегические контуры Восточной Азии в XXI веке. Россия: ни шагу вперед». Москва: Альянс, 2001, с. 131–5.

Спрашивается, зачем этот «мост» нужен Азии (тем более «АТР», куда входит, если следовать логике «АТР»-болтунов, чуть ли не половина земного шара)? Таких вопросов академик-еслибист не задает. Он даже не задумывался над тем, что и без этого «моста» некоторые страны Дальнего Востока, например та же Япония или КНР, имеют более тесные экономические связи с Западной Европой, чем расположенная куда ближе к ней Россия.

Но самое смешное другое: если бы этот мудрец взглянул хотя бы один раз на глобус, то обнаружил бы, что южная часть территории России на Дальнем Востоке (где-то около 43° ю.ш.) граничит с о. Хоккайдо (даже не со всей Японией), а северные части российской территории на Востоке соприкасаются с американской Аляской (это 169° з.д.). Таким образом, в случае строительства такого «моста» с Европой могут соединиться только Япония (через о. Хоккайдо) ну и, конечно, жители Аляски, которые, правда, как мне кажется, в Европу не рвутся. Получается, что бесконечные разговоры об этом «мосте», так сказать, «Трансевразийской магистрали» между Западом и Востоком, относятся лишь к одной Японии, поскольку остальным странам Восточной Азии и даже США добираться до Европы через этот «мост» значительно затратнее, чем любым другим путем. Это еще без учета безопасности для их товаров, которую нынешняя российская власть просто не сможет обеспечить.

Восточная Азия же находится внизу, на Юге, под Россией. И здесь у России есть масса возможностей связать, например, страны юга Азии с Севером, а лучше всего с Северным полюсом.

В целом же на Востоке России – нет Азии, если, конечно, Аляску не относить к Азии. Хотя, впрочем, если аляскинских алеутов и эскимосов назвать азиатами с «азиатскими» корнями, то возможно и это. А учитывая гнусное поведение американцев во всем мире (о чем не устает напоминать наш академик), их тоже можно принять за азиатских варваров. И тогда, чем черт не шутит, доктрина Титаренко о «мосте» может и заработать.

Построят не построят экономический «мост» – неизвестно. А вот другой «мост», оказывается, уже существует давно. И это уже не смешно. Это настоящая клиника:

По своему положению Россия находится на стыке многих крупнейших цивилизаций мира: европейско-германской, американской, греческой, китайской, японской, арабско-исламской, угро-финской, тюркской. Россия сомкнула Восток и Запад на “Оси Истории”, задающей циклы формированию и развитию цивилизаций, ей досталась роль связующего звена живого организма евразийского континента. История не раз уже показывала, что от духовного самочувствия России в значительной мере зависит духовное, а вместе с ним интеллектуальное и физическое самочувствие всех континентальных цивилизаций – и тех, в которых духовное превалирует над интеллектуальным и физическим, и тех, в которых интеллектуальное и физическое превалирует над духовным (с. 116).

Конечно же, при чтении данного пассажа любой «росс» испытывает ни с чем не сравнимую гордость. Я никогда не предполагал такого континентально-исторического влияния России, благодаря которому когда-то греки правили чуть ли не всем миром, а затем подключилась и Римская империя. Затем крошечная Португалия под влиянием настроений времен великих князей Василиев (I и II) и Ивана III захватила чуть ли не полмира. Испания, понятно, учуяла воздействие «духовного самочувствия» Василия III и Ивана IV и тоже начала цивилизовать весь мир. Ну и т.д. А феодальная Россия времен Петра I и Екатерины II подвигла на развитие капитализм в этой загнивающей Европе с ее тщедушной европейско-германской цивилизацией. О Китае и Японии можно даже не говорить. Без россов там всякие Токугавы и Мины интеллектуально и физически просто не смогли бы и выжить.

Думаю, что Сапармурат Туркменбаши, написавший свой фундаментальный труд «Рухнама», из которого весь мир узнал, что своим существованием он обязан великому народу – туркменам, прочти он труд Титаренко, перевернулся бы в гробу. Ведь получается, что не туркмены, а русские создали «Ось Истории». Да и французы с их сырно-винной цивилизацией умылись бы слезами, если бы

узнали об этом «труде». Опасаюсь, что и «приземленные» американцы были бы не в восторге. Слава богу, и те, и другие, и третьи, кроме своих мудрецов, ничего не читают.

Да. Еще полезная информация в этом пассаже. Неожиданно для себя я узнал о такой «крупнейшей цивилизации мира», как угро-финская, после чего срочно решил увеличить свой словарный запас эстонского языка, который на данный момент состоит из двух матерных фраз, одной нематерной и 10 разрозненных слов.

Выше речь шла о «вселенских» идеях. Теперь пора поговорить о конкретных странах, тем более что о них тоже написано в этом «труде» немало. Прежде всего, конечно, о Китае и России. Начнем с первой.

Китай: социализм и конвергенция

Сразу же хочу отметить, что не специалист по Китаю может почерпнуть немало информации о многих конкретных вещах, касающихся современного положения в этой стране. Академик часто туда ездит на различные конференции, да и Институт Дальнего Востока процентов на 80 – китайского профиля щедро спонсирует директорские поездки.

Так вот, описывая феноменальные результаты развития нынешнего Китая, академик пытается дать трактовку термина *социализм с китайской спецификой*. Эта тема действительно непростая, и она в наибольшей степени требует научного осмысления, поскольку затрагивает сущности современного капитализма и социализма. На Западе в пропаганде она решается довольно просто. Например, в журнале «Экономист», являющемся апологетом либерально-рыночного капитализма, когда вынуждены признавать успехи китайской экономики, упор делают на то, что это происходит за счет рынка капиталистического типа. И что в Китае фактически утвердился капитализм, хотя и в несколько своеобразной форме. Когда же вспоминают о «демократии» или о правах человека какого-нибудь диссидента типа получившего Нобелевскую премию мира Лю Сяобо, начинают говорить о социалистической авторитарной системе, которая

якобы тормозит развитие Китая. Довольно интересно, что российские «левые» тоже убеждены, что в Китае капитализм, а правые, в том числе специалисты по Китаю из буржуазного лагеря, – что там социализм (отсюда они часто делают выводы о будущей угрозе Китая интересам России).

А вот как интерпретирует эти явления бывший работник ЦК КПСС Титаренко:

Реальная практика нынешнего китайского руководства свидетельствует о том, что оно идет как бы “на двух ногах”. Одна нога – это рыночно-капиталистические отношения, а другая – это социально-ориентированные реформы и подходы. Именно наличие подобного внутреннего противоречия побудило Пекин пойти на замену термина “социализм” или “начальный этап социализма” (они сохраняют свое гражданское право в идеологической культуре общества) близким, более понятным и адекватным реальностям Китая термином сяо кан – “общество малого благоденствия”. Это снимает определенные противоречия в восприятии концепции социализма, переживающего начальный этап своего развития (с. 136).

Академик не понимает качественную разницу между термином *социализм* и термином *сяо кан*, выдавая их за терминологические синонимы. Хотя на самом деле *социализм* – это понятийный термин, означающий переходную стадию от капиталистической формации к коммунистической, в то время как *сяо кан* – это просто слова, обозначающие уровень социально-экономического развития страны. Интерпретируя эти термины в вышеприведенном смысле, Титаренко фактически приписывает руководителям КНР попытку затемнить социальный смысл термина «социализм» экономизированным словом, означающим отказ от социализма. На самом деле руководство КНР не только не отказывается от термина *социализм*, который зафиксирован в Конституции КНР и во всех партийных документах, но и реально развивает его понятийное содержание на уровне базиса, выделяя его поэтапность через уровень экономического развития.

А «две ноги» на языке марксистов означают базис и надстройку. В толковании Титаренко, определения «ног»

могут подходить для описания любого капиталистического государства, поскольку все они строятся на рыночно-капиталистических отношениях и социально ориентированных подходах. В китайском же варианте действительно в базе существуют как важный фактор (но не единственный) рыночно-капиталистические отношения, но в отличие, например, от стран Западной Европы этот сектор жестко контролируется КПК и подчинен плановому развитию в соответствии с задачами и целями очередной пятилетки. Но более важна другая «нога»: она называется, господин Титаренко, надстройкой. Надстройка же КНР в настоящее время классически социалистическая со всеми атрибутами и изысками начальной стадии социализма.

Следующая фраза академика подтверждает, что он совершенно забыл азы марксизма, хотя вроде как выдает себя за сторонника социалистического развития. Он пишет:

Мы наблюдаем углубление политики конвергенции рыночных, “капиталистических” принципов хозяйствования и принципов социально-ориентированной экономики, нацеленной на поддержание социалистических тенденций. Акцент сделан на защиту интересов широких слоев наемных работников во всех сферах и отраслях экономики – и государственной, и негосударственной, в промышленности, аграрной сфере и в сфере услуг (с. 135).

Из этой фразы вытекает, что у него базис и надстройка «конвергируются». В экономике и политике слово *конвергенция* означает слияние (иногда соединение, сближение, сочетание). Базис и надстройка в принципе не могут конвергироваться без взаимного уничтожения. В других значениях этого слова, например, *соединение*, они просто теряют свое понятийное содержание. То есть, говоря о процессе конвергенции, этот бывший коммунист фактически говорит об исчезновении и социализма, и капитализма и превращает их в нечто – слово, которое он еще не придумал.

В другом пассаже он углубляет тезис о конвергенции:

Нынешний опыт Китая – это действительно великий эксперимент всемирного значения, поиск модели конвергентного общества, объединяющего идеи социальной справедливо-

сти и экономической эффективности (социалистическая рыночная система) ... (с. 63).

Этот бывший коммунист, видимо, никогда не читал работ крупнейших западных специалистов по конвергенции – таких как У. Ростоу, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл (США), О. Флехтхайм (ФРГ), Ж. Фурастье (Франция) с их концепциями постиндустриальных и технотронных обществ, в которых воцарится «общественный баланс» и исчезнут все эти гнусные классовые противоречия. Правда, все эти технотронные иллюзии названных ученых испарились еще в 1970-е годы. Но с начала XXI в. им на смену пришли теории «ноосферных» обществ, в которых благодаря науке и технике все будут благодетельствованы их плодами. Нынешний кризис показал, что эти теории так же не работают, как и предыдущие теории конвергенции.

На самом деле суть теорий конвергенции на идеологическом уровне – это борьба противников социализма с его сторонниками. Разнокачественные формации в принципе не могут ни «объединиться», ни «соединиться», ни «слиться». Какая-то из них в борьбе уничтожается. Яркий пример – Россия. Капитализм уничтожил социализм.

И когда Титаренко пишет о модели «конвергентного общества» в Китае, он фактически извращает суть развития китайского общества, что вполне естественно для человека, который для объяснения сложных общественных процессов прибегает к языку шарлатанов от космизма, к идеализму полурелигиозных философий и к великому русскому еслибизму. Таков умустрой академика РАН.

И подтверждает этот вывод ряд его суждений о современной России. Но прежде чем перейти к России, уместно показать несколько вспышек бреда академика, когда он размышляет о других странах и проблемах.

«Наука» по-титаренковски, или научная горячка

О Японии:

Углубление российско-китайского партнерства придает РФ более прочные позиции, что, думается, побудит Японию ис-

кать расположения России и Китая для того, чтобы сохранить хотя бы нынешний уровень независимости и позиции в мире (с. 20).

А кто угрожает независимости Японии? От кого проистекает угроза? От США? Или, может быть, от Папуа–Новой Гвинеи? Или, может, государство Вануату вознамерилось поглотить страну самураев?

О США и ООН:

Особую озабоченность вызывает то, что Вашингтон фактически нивелирует роль ООН, являющуюся краеугольным камнем современного международного устройства. Тем самым обесцениваются правовые нормы и правила, закрепленные в Уставе ООН, предпринимаются попытки утвердить “закон большого кулака” (с. 530).

Академик, видимо, не знает, что ООН содержится как минимум наполовину на денежки США и Японии, т.е. две страны контролируют почти половину «пакета акций». Титаренко должен бы знать: у кого такой процент, тот и владеет компанией, в данном случае такого клуба для бесед, как ООН, постулаты и правовые нормы которой нарушаются сразу же, как только они мешают реализовывать «национальные интересы» США и их союзников. Это, господин академик, азбука политэкономии и теории международных отношений. Я бы на месте США вообще прикрыл бы эту говорильню. Однако с помощью этой компании Вашингтон может вешать лапшу на уши мировому сообществу о «демократичности» американской внешней политики, получив одобрение со стороны большинства членов этой организации. Так что ООН, господин академик, – американский инструментарий! Давно бы пора усвоить¹.

1 До сих пор не усвоил. В статье «О роли и значении отношений между РФ и КНР в контексте основных особенностей современной международной обстановки» («Проблемы Дальнего Востока». 2010. №1) он воспроизвел все свои елибиистские идеи. Это еще раз подтверждает его абсолютную неспособность мыслить научно.

О ШОС и других организациях.

Сначала – о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), куда входят Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан. На тему ШОС уже написана несколько диссертаций, суть которых заключается в том, что она, ШОС, может стать антизападной силой, прежде всего антиамериканской. Задач у нее много, но главная – борьба с терроризмом на территории указанных стран.

Титаренко пишет о том, что ШОС может оказать влияние на СВА и Центрально-Азиатский район (ЦАР) (с. 25). А тов. В. Путин, на которого ролебно ссылается академик, даже назвал эту организацию в числе «принципиально новых механизмов позитивного влияния на эволюцию системы международных отношений» (там же).

Титаренко не смущает то, что «исторические» высказывания российских руководителей никогда не сбываются. Чего только не наобещали Путин с Медведевым и в сфере международных отношений, и в области внутрироссийских дел. Так какое влияние оказала ШОС хотя бы в выполнении главной своей задачи – борьбы с терроризмом? Хроника событий на Северном Кавказе говорит только об одном – никакого. Как убивали там, так и убивают. Политическая ситуация в зоне ЦАР не только не улучшилась со дня основания ШОС (2001 г.), а даже ухудшилась. Китай со своим «терроризмом» справляется, как известно, сам, без участия остальных государств этой организации.

Еще более нелепо рассматривать ШОС с антизападных позиций. Во-первых, группа нищих государств (за исключением КНР) просто не в состоянии противостоять Западу или США. Во-вторых, они сами, включая Китай и Россию, стремятся развивать отношения с этим пресловутым Западом, в том числе и с США.

Таким же бредом, как бы демонстрирующим мощь этой организации, являются подсчеты количества населения, территорий и прочих макропоказателей. Титаренко даже умудрился приплести сюда ЭСКАТО (Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана), в зоне

которого, с гордостью сообщает академик, проживает 3,8 млрд человек (с. 26). Ну и что, что проживает?

В таком же ключе Титаренко и другие пишут о БРИК (Бразилия, Индия, Россия и Китай). За исключением Китая, две страны, Индия и Бразилия, несмотря на рост экономики, не являются и не будут являться структурообразующими государствами мира в силу множества причин, включая и отсутствие у их руководителей таких намерений. К тому же все они подвязаны под американскую экономику.

Это касается и оценок, относящихся к группе стран АСЕАН. Вот какие перлы выдал академик по поводу этой организации: «АСЕАН, которая во все *большой мере* становится центром влияния в АТР (курсив мой. – О.А.)» (с. 21). А «в меньшей мере» она уже была «центром влияния» в «АТР»? А Китай куда делся? А Япония, а США? Или группа беднейших государств (за исключением Сингапура и Малайзии) формирует «центр влияния»? Вообще, академику нужно бы понимать, что означает слово *влияние*?

Далее: «Некоторые страны не скрывают, что хотели бы видеть в России противовес замыслам США по формированию однополюсного мира, а также выступают против доминирования любой державы в Юго-Восточной Азии» (с. 21).

Это что же за дурные страны такие, которые в нищей России хотят видеть противовес замыслам США? Тем более что США не «замысливают» создавать однополюсный мир, а уже его создали. И очень даже доминируют в той же ЮВА. А страны АСЕАН очень стремятся развивать с этой страной не только экономические отношения, но даже военно-политические, как раз в противовес будущему доминированию Китая. То есть на полную катушку осуществляют экономическое сотрудничество с КНР и одновременно на всякий случай укрепляют военно-политические связи с американцами. Поскольку не очень понятно, как будет вести себя Китай, став единственным гегемоном в ЮВА.

На разоблачение нелепостей в разделе «Россия–Индия–Китай» у меня уже сил нет, поэтому сразу же перехожу к белиберде о России.

Вместо России – Еслибляндия

Ваш корабль тонет, только очень медленно.

Китайская поговорка

Академик-еслибист много пишет о российско-китайском сотрудничестве в том смысле, что, дескать, оно было бы еще более интенсивным, если бы Россия повернулась «лицом» на Восток. У него даже одна из книг называется «Россия лицом к Азии».

В этой связи дается немало цифр роста торгово-экономического сотрудничества, правда, без таблиц, которые могли бы подтвердить его динамику. Сообщается о бесконечных визитах российских руководителей с их высказываниями о важности сотрудничества с КНР. Но, судя по всему, академик ни разу не проверил, как согласуются слова и дела руководителей государства, как в реальности реализуются проекты. Например, с позиции развития отношений с КНР Титаренко высоко оценивает месторождения Восточной Сибири, «в том числе Ковыктинское в качестве одного из наиболее перспективных и часто обсуждаемых» (с. 24, 28, 366, 387). Как позже стало известно, этот проект оказался нереализуемым.

Если же проанализировать все предложения и проекты с российской стороны, скажем, лет за 10, обнаружится что как минимум более половины из них так и остались в ранге «намерений». Вот именно эту сторону «сотрудничества» и надо было проанализировать в работе с обозначенным названием. Или объективно проанализировать причины провалов фактически всех Федеральных целевых программ экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья, а не только программы 1996–2005 гг. (с. 379), и не ссылаться на болтовню руководителей любого ранга или рассказывать о достижениях Байкальского экономического форума и выступлении на нем какого-то

московского бюрократа. Ан нет, цель «фундаментального труда» все-таки иная. В одном месте академик пишет:

Кроме того, в политическом плане экономическая интеграция российского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем позволит найти оптимальное решение проблемы миграции из Китая в Россию и создать в перспективе новые рычаги давления на Японию и США как в рамках тихоокеанской политики, так и в масштабах глобальной мировой политики (с. 27).

Во-первых, странно, что сотрудничество России с Китаем академик рассматривает как потенциальный рычаг давления на США и Японию. И что же за интеграция будет в Восточной Азии, если одна из интегрирующихся сторон собирается давить на другие стороны? Во-вторых, он сам же описывает плачевное положение российского Дальнего Востока (РДВ) (с. 51), с чем нельзя не согласиться, поскольку там полнейший провал любого развития. В-третьих, придавая такое большое значение РДВ, абсолютно не показана реальная ситуация в этом регионе.

Фактически – масса слов о перспективах китайско-российского сотрудничества и отсутствие анализа реальных возможностей со стороны России развивать такое сотрудничество. Кроме того, чтобы обосновать тезис о том, что доля Дальнего Востока в общем объеме торговли РФ должна превышать долю Европы, надо экономически (через сопоставление цен на товары) доказать, что торговля с Востоком для России выгоднее торговли с Западом. Повторяю экономически, а не пустой болтовней.

О современной России академик пишет как о великой державе, как «глобальном игроке», подтверждая эти утверждения ссылками на руководителей страны (с. 8). Не забыл он пропеть осанну и Путину, при котором, дескать, воцарилась стабильность (с. 7). Видимо, не знает, что при Путине все отрицательные макропоказатели России, включая и такой агрегатный, как Индекс развития человеческого потенциала, резко ухудшились. Такое ощущение, что человек не живет в современной России, что, возможно, и верно (всё командировки, командировки). Но ведь есть

статистические справочники и сборники хотя бы того же Роскомстата. Неужели в ИДВ никто не занимается современной российской экономикой?

Титаренко даже умудрился написать о том, что нынешнее правительство печется о «благополучии» всего народа. Где он видел, чтобы капиталистическое общество, особенно такое, какое сложилось в России, заботилось о народе? Даже у самых прикормленных Кремлем идеологических выкормышей типа Сванидзе или Млечина язык не повернулся бы произнести подобную сверхочевидную ложь. Ученый, строящий свой анализ на лжи, и, думаю, в данном случае сознательной (не совсем же Титаренко невменяемый), не может считаться ученым.

Не зная реального положения в России, Титаренко назойливо пишет в контексте китайско-российских отношений о «со-развитии». То есть совместном развитии России и Китая. Китай – да, но Россия? Сам же указывает на серьезные проблемы в РДВ (с. 51), который, несмотря на «со-развитие» с Китаем, до сих пор продолжает тонуть в дерьме, и нет конца этому процессу.

Совершенно не показав реальные выгоды России от сотрудничества с КНР, академик продолжает свой юмористический рассказ: «В XXI век Китай и Россия вступили как две великие державы – стратегические партнеры...» (с. 43). Уважаемый, хочу проинформировать, что как раз к началу XXI в. Россия превратилась в разоренное государство, экономика которого за 20 лет сократилась наполовину. Какая же это «великая держава»?

Где-то в душе Титаренко все-таки понимает, что он несет ахинею о возможностях России. Об этом свидетельствуют и его рекомендации, как исправить положение. Например он пишет, что «целесообразно рассмотреть возможность разработки концепции внешнего курса России в качестве евроазиатской державы, оптимизации российского участия в интеграционных процессах в регионе...» (с. 28–9). На других страницах еще масса «предложений». Но опыт его явно ничему не научил. Он проговаривается: «В ИДВ в 1994 г. выдвигали целый ряд практических рекомендаций по вопросам координирующей роли правитель-

ства в развитии и т.д. Эти предложения, на наш взгляд, сохраняют свою актуальность» (с. 29).

Если они сохраняют свою «актуальность» через 12 лет, то почему нынешние рекомендации ни с того ни с сего начнут реализовываться? Уверяю, господин академик, что и нынешние «предложения» сохранят свою актуальность не только через 12 лет, но и через 100, не исключая и 200 лет. И на это указывает опять же сам академик.

В самом начале своего «труда» Титаренко напомнил избитую фразу Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном...», и через два абзаца пишет, что эти слова «по-прежнему остаются исключительно актуальными» (с. 5).

То есть за два с половиной века Россия так и не стала «прирастать», ничего не изменилось. Значит, чего-то великий Ломоносов не учел. А не учел он простых вещей, в его время почти не изученных: экономической рентабельности развития того или иного региона и закономерностей развития экономических отношений с той или иной страной. А они свидетельствуют, что климатические и географические условия РДВ и Сибири неблагоприятны для развития экономики на этих обширных пространствах в рамках, подчеркиваю, капиталистической формации. Относительное развитие они неслучайно получили именно в советское, социалистическое время. А поскольку ныне на дворе опять капитализм, эти регионы будут продолжать стагнировать и не дадут возможности России «интегрироваться» в неинтегрированный регион «АТР», которого к тому же и не существует. Только по отдельным направлениям, причем на основе сырья и военной техники (пока она еще будет производиться), будет происходить умеренно поступательное движение в экономическом сотрудничестве со странами Восточной Азии.

И не надо пытаться кого-то убедить, что Россия уделяет недостаточное внимание Азии, а концентрируется на Западе. Уделяет она ей внимание ничуть не меньшее, чем Западу. Просто объективная реальность, порождаемая неразвитостью дальневосточных краев России, не позволяет

ей, скажу так, паритетно развивать отношения и с Востоком и Западом. Так было на протяжении 200 лет, о чем говорит средняя цифра в 10% от общей торговли, приходящейся на «Восток/Азию». В 1802–1804 гг. (когда начался статистический учет внешней торговли России) на Азию (в то время под Азией понимались Средняя Азия и Персия) приходилось 10% экспорта и 17% импорта. К 1897 г. эти пропорции изменились в таких соотношениях: экспорт – 10,5%, импорт – 11%¹. В 1999 г. на Восточную Азию (17 стран) экспорт – 10,2%, импорт – 6,7%. В 2000-е годы эти соотношения практически не изменились.

А посему надо усвоить: Россия в силу множества причин была, есть и будет устремлена на Европу. И это не зависит от желаний и воли руководителей страны. Это объективная реальность.

И поэтому все, что пишет академик Титаренко о Евразии, об «АТР», не имеет никакого отношения к науке. Это, правда, не означает, что он все эти глупости пишет сознательно. Отнюдь нет, он просто типичный пример русского думостроя, основанного на еслибизме. А он не подвластен никакой науке. Но что это такое, тип русского мышления?

Ответ прост: *русский умострой – это вылепливание в мозгу того, чего нет в мире, но чего хочется ему, русскому, чтобы было.*

Обычно любой исследователь выводы делает в конце работы. Титаренко их делает почти в самом начале. То есть еще не исследовал тему, а вывод уже есть. И вот он каков:

Основополагающий вывод нашего исследования таков: только развивая и углубляя добрососедство, дружбу, стратегическое взаимодействие и сотрудничество, наши страны способны уверенно продвигаться по пути соразвития с учетом самостоятельного выбора, сделанного российским и китайским народами (с. 53).

Такой «обобщающий вывод» не глядя можно сделать не только по какой-то конкретной стране, но и в отношении всего мира. И в конечном счете он сведется к призыву кота

¹ См.: *Россия: Энциклопедический словарь* (на базе Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, т. 54–55). Л.: Лениздат, 1991, с. 329.

Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!» А чего ради? Титаренко тут как тут: «Во имя мира, стабильности и развития» (Раздел 5, с. 509–16). И дает кучу политических пожеланий, к науке не имеющих отношения. Кто против?

* * *

В Предисловии академик заявил: «Автор откровенно высказывает свою точку зрения и открыт к диалогу и дискуссии» (с. 11). Естественно, он лицемерит. Он даже запретил публиковать мои статьи в журнале «Проблемы Дальнего Востока» и вообще упоминать мое имя. Это нормально для бюрократа от науки. Но я обращаюсь к тем, кто написал ему этот «труд», и даже прошу вас: опровергните все мои утверждения, докажите, что я ошибаюсь в отношении вашего босса, коль вы открыты к полемике. Защитите его. Может, я действительно в чем-то неправ. Иначе вы запяtaientе себя как ученые и даже научные работники, позволив упомянуть свои имена в Предисловии к этой позорной книге. Я обещаю опубликовать ваши ответы на своем сайте или в издаваемых моих книгах полностью.

Хочу сделать очень важную оговорку. Читатель не должен воспринимать все сказанное выше так, что чуть ли не все сотрудники ИДВ представляют собой пустых болтунов. Я знаю многих из них, и среди них есть немало исследователей, которые профессионально знают свои исследовательские ниши. Их мало, но они есть. По понятным причинам я не могу назвать их имена. Это касается и других учреждений востоковедного профиля. Но, повторяю, не они определяют общую атмосферу в науке. К сожалению, определяется она «учеными»–бюрократами с высокими научными званиями. Лысенковщина вернулась в Россию. И приняла облик титаренковщины. Такова реальность. Вот такие академики когда-то разваливали Советский Союз. Сейчас они добивают Россию.

«Менталитет» Сергея Чугрова и российская ненаука

Читатели давно уже обратили внимание на то, что я довольно часто критикую российскую науку, утверждая, что ее практически не существует. Обычно я имею в виду общественные науки, хотя мог бы подтвердить это результатами и некоторых естественных наук, например в области космогонии, биологии и психологии. Тем не менее в данной статье я хотел бы сконцентрироваться именно на общественоведении.

Некоторые читатели упрекают меня в том, что я критикую общественную науку вообще, не приводя доказательств или конкретных имен ученых. Дескать, как же так, столько книг выпускается, столько имен озвучивается, а науки нет?! Десятки академиков и членкоров, тысячи докторов, десятки тысяч кандидатов варятся в научном котле России, а науки нет? Если так, то как же тогда отличить ученого от неученого?

Вообще-то подобные вопросы правомерны, тем более что подчас действительно ученого от его антогониста не могут отличить и они сами. Неслучайно некоторые из них, пишущие о науке и ученых, оговаривают, что они понимают под этими словами. Как говорится, есть проблема. В данной статье я предлагаю свое решение. Но прежде хочу сказать следующее.

Во-первых, мне уже неоднократно приходилось высказывать свое суждение о том, кого считать ученым, кого нет. Эти мои рассуждения были разбросаны в ряде работ (например, в книгах «Стратегические контуры Восточной Азии в XXI веке. Россия: ни шагу вперед», «Диалектика силы: онтобия»), непосредственно к теме науковедения не имеющих отношения. Сейчас я хочу собрать их вместе.

Во-вторых, в качестве конкретных лиц как неученых я регулярно называю двух академиков – Е. Примакова и М. Ти-

таренко, поскольку знаю их лично, а также тот «вклад», который они внесли в советскую и российскую науку. А лучше сказать, в ее развал. Кроме того в этой связи я упоминал целую плеяду «ученых», русских и нерусских, которые пишут о международных отношениях и проблемах внешней политики (см.: «Двадцать первый век: мир без России»). Правда, этих ученых я критиковал и критикую опять же не с позиции науковедения, а с позиции их концепций, которые формулируются ими не на основе науки, а под влиянием идеологии, или есфибизма.

В данной же статье я намерен на конкретном примере показать разницу между наукой и псевдонаукой. Но прежде несколько общих положений, или признаков, которые дают возможность сразу же выявить лженауку в российском варианте.

Первым признаком лжеученого является злоупотребление иностранными словами. Как правило, это означает, что свои идеи, мысли и суждения он позаимствовал из работ зарубежных ученых. В чем же здесь проблема? Она в том, что российский исследователь попадая в сети, скажем, английского языка, одновременно попадает в круг тех явлений, которые этим языком описываются, но которых может не быть в российской действительности. Через иностранные слова он неосознанно переносит западные явления на российскую почву, тем самым искажая реальную российскую действительность.

Например, слово *truth*, которое на русский язык в первом значении переводится как *правда*, для американца или англичанина в первую очередь означает истину, в то время как для русского «правда» – это не обязательно истина. В русскую «правду» заложен еще некий этический смысл. Еще большие расхождения в восприятии слов *совесть* и *демократия*. Так, у Запада совершенно иное представление о демократии, чем у русских, поэтому ссылаться на западных ученых, доказывая необходимость демократии в России, точно такая же ошибка, как и уверять американцев, что истина должна обладать еще и моральными качествами. И так со множеством слов.

Мне сразу же могут возразить, что, дескать, у каждой науки есть свой особый язык, особая терминология, и она универсальная, международная. И это действительно так, когда речь идет о специфических терминах типа кварка в физике или квейла в психологии. Но я веду речь не о специальных терминах, а о словесных звеньях, которые или легко переводимы на родные языки, или просто не нужны в родном языке, поскольку отсутствуют явления, отраженные в некоем слове. Как канадцу, для меня, например, естественны слова *discourse* или *pattern* в разговоре на общественные темы. Но как русскому мне непонятно, зачем эти же слова нужны в русской речи или письменном тексте, когда в русском языке есть адекватные термины для обозначения первого слова: лекция, трактат, суждение и даже разговор, для второго – образец, схема, пример. И таких ненужных «словей» в общественной литературе пруд пруди. Вот, для примера, выдержка из научного доклада (14 июня 2006 г.) некоего «ученого»: «Происходившее с конца 1990-х годов повышение ценности государства как *теоретического норматива*, как *идеи*, не привело к **валоризации** *актуального* российского государства... надрыв **витальной** силы русского народа, что на массовом уровне смутно ощущается (не рационализируется) как потеря исторического **фарта**» (жирным шрифтом слова выделены мной. – О.А.). Ну какое надо иметь сознание, чтобы выдать такой словесный бред? Обратите внимание! Как только автор использовал слово «валоризация», он поневоле принял идущий за ним контекст идеи, которая сопровождала слово «валоризация». Потому что идею «*актуального... государства*» нельзя передать в русском языке в приведенном варианте из-за отсутствия самого явления. Такое выражение могло отражать только некое западное явление, которое автор, не задумываясь, перенес на российскую действительность.

Встреча с двумя-тремя подобными словами достаточна для того, чтобы прекратить чтение. Заранее ясно – это автор с зашоренными мозгами, неспособный сказать что-то свое.

К сожалению, следуют подчеркнуть, что процесс погубления русского языка охватил не только науку, но и все российское общество, особенно его так называемую элиту.

Второй признак лжеученого – его идеологизированность на почве антисоветизма и антикоммунизма. В работах такого мудреца непременно будет присутствовать в лучшем случае искажение, а в худшем – просто сознательное вранье о классиках марксизма-ленинизма и их последователях. В речах и писаниях этих горе-мудрецов всегда есть эдакая покровительственная нотка в адрес Маркса, Энгельса или Ленина. Этот тон особенно распространен среди нынешних российских научных «корифеев» капиталистической ориентации. Дескать, да, что-то там они написали, для своего времени вроде бы и совсем неплохо, но работы их не выдержали испытания временем, то они не учли, а в этом вопросе совсем заблудились. В общем, наивные ученые, занимавшиеся утопиями, что с них взять?

В более ожесточенном варианте представляется и «взгляд» на СССР. Затасканной подтасовкой является перенос негативных сторон сталинского периода на весь период истории Советского Союза. Причем если западные антикоммунисты действительно мало знали и знают о советской реальности, то одна разновидность нынешних российских антикоммунистов распространяет ложь сознательно, другая – из-за полного отсутствия способности размышлять. Как только встречается какая-нибудь антикоммунистическая фраза, сразу же становится ясно, что работа не имеет отношения к науке. *Задача науки – докопаться до истины, вскрыть законы природы и общественного развития.* Суть антикоммунистической «науки» – попытка доказать ложность коммунистических идей и «истинность» идей буржуазных. Работы подобного типа науку фактически подменили антикоммунистической пропагандой. Среди откровенных антикоммунистов нет ни одного ученого в области общественных наук.

Третьим признаком лжеученого является неумение владеть понятийно-категориальным аппаратом. Они в большинстве своем вообще не обращают внимания на этот аппарат. Все их работы сотканы из мнений, суждений и частных случаев обо всем. Авторы таких работ, зацикленные на какой-либо идее, даже не понимают значений тех слов, которые они употребляют. Например, говорят об

«Азиатско-тихоокеанском регионе», а на самом деле речь идет о Восточной Азии; говорят о глобализации, на самом же деле речь идет об интернационализации; пишут о «центре силы», хотя речь идет об «экономическом полюсе». На первый взгляд вроде бы ничего особенного, мало ли кто что понимает под тем или иным словом. Но на основе непонятых слов формулируются доктрины, которые не могут быть реализованы в принципе, поскольку они описаны размытыми терминами, за которыми не стоят реалии. Например, Россия была постоянно вовлечена в балканские события. Чего ради? Отвечают: там существуют национальные интересы России. В чем они выражаются? А вот на этот вопрос никто не ответит, потому что сам термин *национальные интересы* научно не сформулирован. Это же касается и термина *национальная безопасность*.

Но есть некоторые ученые, которые вроде бы понимают важность определения терминов, но не понимают, к какому классу эти термины относятся: к понятиям или категориям. Если исследователь четко не осознает разницы между ними и их взаимобратимость, значит, он не понимает, какую сферу природы или общественной жизни отражают эти понятия и категории. Кроме того, он не понимает диалектики взаимопереходов понятий и категорий. Такой ученый не понимает движения явлений, каждый этап которого может вскрываться и, соответственно, обозначаться определенным понятием или категорией. Нельзя просто превратить какое-то слово или термин в понятие. Определение термина еще не есть *понятие*. Это всего лишь *понимание* или интерпретация автором содержания того или иного слова/термина. На этом этапе еще нет науки. Она начинается только тогда, когда автор представляет и описывает целый процесс, объективную реальность через цепочку понятий и категорий, их развитие, переход от одного к другому. В этом суть гегелевской диалектики, которая была взята на вооружение марксизмом. У марксистов понятия живут, развиваются. У буржуазных ученых они мертвы, статичны. С помощью мертвых понятий и категорий нельзя постичь научную истину. К чему, правда, буржуазная общественная наука на данном этапе и не стремится.

В любом случае признаком научного размышления является хотя бы обращение к понятиям и категориям.

В этом месте мне было бы уместно продолжить объяснение, что такое настоящая наука и кто такой настоящий ученый. Но, поскольку эта тема требует более подробного изложения, я ее оставлю «на потом». Однако, для того чтобы читатель сам поразмышлял на эту тему, приведу один пример не из научной сферы. В России есть некий безголовый певец по фамилии Николаев. Вообще-то таких много. Но я беру его в качестве примера. Так вот, его представляют: «Певец и композитор Николаев». Я знаю композитора Чайковского. Два композитора: Николаев и Чайковский. Разница между ними, как между небом и землей. Так что если я Николаева буду рассматривать как композитора, тогда для Чайковского я должен придумать какое-то другое название-определение. Думаю, что, скорее всего, Чайковский, Вагнер, Шостакович и другие аналогичные фигуры являются композиторами, а Николаев и подобные ему – это просто работники развлекательного музыкального жанра. Так же легко распознать ученых и научных работников. Но поскольку обыкновенный человек привык доверять титулам и званиям как признакам учености, то приходится постоянно напоминать и разъяснять, что не в них дело. Особенно в современной России, когда все это покупается.

А теперь продемонстрирую, как «работают» описанные выше признаки лжеученого, на конкретном примере. Так сказать, «перехожу на личности», чтобы не остаться в облаках абстракций. В таком качестве я беру доктора политических наук С. Чугрова (профессор МГИМО), точнее, его статью под названием «Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения», опубликованную в журнале «Полис» (№ 4, 2007).

Как уже говорилось, первым признаком неученого является захламление работы иностранными словами. Этот признак проявляется у Чугрова в полной мере. Вот одна из его фраз:

В этом случае, как правило, *деструкции* ценностно-смыслового ядра менталитета не наблюдается, равно как и цепной

реакции в виде *аномии*, ценностно-нормативного вакуума, разрыва в преемственности социальных и культурных норм и роста *ретритизма* (курсив мой. – О.А.) (с. 58).

О «менталитете» пойдет речь ниже. Спрашивается, зачем русский ученый употребляет английские слова *деструкция*, *аномия*, *ретритизм*, когда в русском языке есть адекватные по содержанию слова: соответственно *разрушение*, *разложение*, *отказ*, *отступление*, *уход на покой*? Существует немало русских слов, чтобы передать простую идею о том, что «разрушение определенной психологической структуры мозга не сопровождается негативными процессами в виде того-то или того-то». Но этот автор не может выразить свою мысль по-русски по той причине, что он находится в капкане некоего английского текста, составленного из слов, хорошо описывающих «ту реальность» и совершенно не подходящих под «нашу» реальность. Отсюда неоправданный англоязы. Его текст состоит из множества таких мудреностей, демонстрирующих «ученость» сего мужа. Вот еще некоторые из них: «амбивалентные тенденции» (двойственные тенденции), «компаративный анализ» (сравнительный анализ), «каузальная зависимость» (причинная зависимость), «экспликательные приемы» (разъяснительные приемы), «экзогенный фактор» (внешний фактор), «существенная ригидность» (существенная устойчивость, или консерватизм), «элементы играизационных практик» (думаю, что Чугров и сам не знает, что это такое), «девиантные формы» (формы, отклоняющиеся от нормы, или неправильные формы), «коннативный аспект» (волевой аспект), «индивид изоморфического типа» (сами догадайтесь), «экономические экспекции» (видимо, экономические ожидания), «аттитюды» (социальные установки). Ну не маразм? Чугров, правда, в скобках пояснил последний термин: «норма отношения к нормам» – просто бред какой-то! Про «концепты», «тезаурусы», «дискурсы», «континуальности» и «паттерны» я уж не говорю. Без них не обходится ни одна бредятина на философско-социологические темы.

Следует еще раз подчеркнуть. Приведенные слова – не просто мусор. Это признак человека, неспособного к са-

мостоятельному размышлению. Его «мысли» уже заранее определены набором слов, соответствующих другой реальности, но не той, в которой живет автор. Он пытается размышлять о ней на основе «иностранной» конструкции, которая может и подойти (бывали и такие случаи), а может и не подойти к российской действительности.

Я, естественно, не хочу быть понятым таким образом, что я вообще против использования иностранных слов в родном языке. Некоторые утвердились (парадигма, актор, стратагема), другие используются в качестве шутки или критики. Использовать можно, а иногда и нужно, особенно когда ты пытаешься вскрыть новое явление, еще не имеющее названия. Мне, например, понадобилось немало труда, чтобы придумать название явлению – «онтологическая сила» (онто́бия), чтобы отделить его от других видов сил. Но для этого я не стал обращаться к английскому или другому европейскому языку, а искал изначальный корень, смысл слова, описывающего явление, у языков-прародителей – греческого и латыни. По крайней мере это служит косвенным намеком на то, что мои идеи не «списаны» с работ неких ученых.

Я выступаю против такого использования иностранных слов, когда вполне достаточно русских, чтобы выразить свои суждения. Обычно статьи с «забугорной» терминологией я прекращаю читать, как только дохожу до какого-нибудь «дискурса», «мондиальности» или «витальности». Потому что, исходя из большой практики, знаю, что автор ничего путного уже не скажет. В лучшем случае перескажет работы какого-нибудь ученого США или Западной Европы, зачастую не сославшись на источник.

Второй момент – идеология антисоветизма и антикоммунизма. Конечно же, господин Чугров не упустил случая лягнуть и Маркса, и Советский Союз. Маркса, правда, он лягает хитровато. Он ставит его в ряд ученых в такой последовательности: Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер. То есть Чугров уравнивал его с учеными, которые по вкладу в науку и в мировую историю на порядки уступали титану Марксу. Ныне это обычная манера российских буржуазных ученых – постоянно принижать значимость Маркса. Причем та-

кой потребности именно в данной статье не было, поскольку Маркс не написал ни одной строчки про «менталитет», чему посвящена статья Чугрова.

Как и полагается, Чугров, исходя из собственного «менталитета», уравнил «сталинизм и фашизм», которые, по мнению этого мудреца, «выразились в массовом проявлении деструктивности (он хотел сказать “разрушения”)». Оказалось, что это и не плохо, поскольку они «вызывали к жизни новое направление исследований ментальности». Заиклившись на «деструктивности» сталинизма, Чугров почему-то не вспомнил, что именно при Сталине было создано мощное социалистическое государство, плодами которого до сих пользуется современная «демократическая» Россия.

Довольно забавно выглядят обвинения Чугрова в адрес СССР. Он пишет:

В советское время исследования менталитета находились под запретом, так как вступали в противоречие с идеологическими догматами о всесии человеческого разума (с. 50).

Понятно, сейчас предпочтительнее говорить о «всесии божественного разума». Возможно, это и так, тем более что бессилие «человеческого разума» демонстрирует сам Чугров.

Абзацем выше этот ученый муж пишет, что русские ученые и в XIX, и в начале XX в. тоже не употребляли слово *менталитет*, а писали о «душе» и «народном духе». Означает ли это, что тема «менталитета» при царизме была запрещена? Но если «менталитет» и «душа» одно и то же, а темы «души» и «народного духа» не были запрещены в советское время, то обоснованно ли обвинение в запрете? Этот господин, видимо, рассчитывая на полных идиотов, пишет, что только «с конца 1980-х годов страна стала открытой для реального международного сотрудничества ученых» (с. 50). И это пишет человек, который длительное время, работая в ИМЭМО АН СССР, мог воочию наблюдать, насколько часто сотрудники этого института (точно так же, как и других аналогичных институтов) выезжали на международные конференции в любую точку земного шара.

У таких «ученых», вроде этого мудреца, уже просто мания: ни Маркс, ни Советский Союз к его «менталитету» никакого отношения не имели, но «невозможно не лягнуть». Это еще один признак лжеучености.

А теперь посмотрим, что Чугров наисследовал в отношении «менталитета».

Этот господин взял на себя задачу определить понятие *внешнеполитический менталитет*. Надо иметь в виду, что в науке, если кто-то пытается перевести некое слово или термин на уровень понятия, он фактически вскрывает суть явления, отраженного в понятии. Это очень сложная вещь, требующая не только понимания самого явления, но и владения методологическими приемами обозначения этого явления в понятии или категории. Последнее требует основательной философской подготовки вообще и знания диалектики в частности. Иначе вместо формулировки понятия получится просто объяснение своего личного понимания термина или слова. В некоторых случаях это тоже неплохо. Чугров, естественно, такой подготовки не имеет, и диалектику он учил явно «не по Гегелю». Если вообще учил. Тем не менее взялся за раскрытие «понятия».

Поначалу он как бы захотел показать «историю вопроса». Это всегда важно – разъяснить читателям, что и кем сделано в той области, которую ты затронул. Причем это делается для того, чтобы показать: многие занимались, скажем, тем же «менталитетом», но у них ничего не получилось. Поэтому я взялся для того, чтобы показать, «как надо». Если же у предшественников «получилось», тогда нет смысла огород городить. Но раз пишу, значит, у предшественников не получилось или их надо серьезно уточнять. И такое бывает.

Оказывается, названной темой занимались чуть ли не все ученые начиная с первой половины XIX в. Не все, дескать, употребляли это слово (кто *душа*, кто *дух*, кто *видение мира*), но все имели в виду «менталитет». Дошло до того, что довольно известная книга Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление», которую господин Чугров явно не держал в руках, но сослался на нее, у него обозначена как «Первобытный менталитет». И оказывается, Леви-Брюль

внес «неоценимый вклад в разработку понятия “менталитет”». (Правда, эту ахинею Чугров, скорее всего, списал из статьи других авторов, помещенной в Интернете. Такое ощущение, что « всю историю вопроса» он списал у них¹.) Поскольку эту книгу когда-то мне пришлось прочитать, знаю точно, что в ней ни разу не употреблено данное слово. То есть Чугров, чтобы придать значимость теме исследования, начинает приписывать разработку темы как можно большему количеству ученых, многие из которых весьма бы удивились, узнав о своих «изысканиях». Это обыкновенное мелкое жульничество, свойственное многим функционерам «при науке».

Далее автор пересказывает определения «менталитета» из различных словарей и справочников. Не все они его устраивают из-за некоторых нюансов. Чугров, чтобы никого не обидеть, вежливо их уточняет. В отношении своих буржуазных соратников он весьма обходителен; как-никак из одной стаи. Поэтому он так скромно уточняет: «Скорее, “менталитет” – это совокупность, более того, система образов, обобщений и представлений. ...Справедливо рассматривать менталитет еще шире – как системно-структурное мировидение в облике образов мира» (с. 52). «В облике образов мира» – это, конечно, звучит красиво. По сути же, этот мудрец, не понимает, что если бы наше мировидение строилось на основе «образов мира» (а это есть чувственная, первоначальная фаза познания), мы бы до сих пор бегали с дубинками за мамонтами, будь оно, это мировидение и соответственно «менталитет», хоть системным, хоть структурным.

Я сейчас даже не собираюсь подвергать анализу определение Чугрова с позиции диалектики (ее там нет в принципе), а рассматриваю его с формально-логической точки зрения. Здесь мы видим очевидную **номинальную** форму определения классификационного типа. То есть попытку определить субъект (то, *что* определяется) через предикат (то, *через что* определяется). В подобных случаях обыч-

1 См.: Пушкарев Л., Пушкарева Н. Ментальность (Менталитет) // <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010513/1010513a1.htm>.

но субъект определяется через род и/или вид. Для таких определений есть некоторые правила. Одно из них – запрет порочного круга: в явном определении запрещается субъект определять через предикат, который, в свою очередь, до этого был определен через субъект. Еще одно правило – правило однозначности: в пределах определенной теории каждому предикату должен соответствовать только один-единственный субъект (но не наоборот). Это известные вещи, зафиксированные в «Философской энциклопедии» советского издания¹.

Философствующий профессор, до того как выдать свое определение, доказывал, что когда его предшественники писали о душе, о духе, о мировидении (т.е. о том, что Чугров назвал «системой образов, обобщений и представлений»), все они имели в виду именно «менталитет». Таким образом, у Чугрова «менталитет» определяется через «менталитет». Нарушено первое правило. Всяческие нюансы не имеют значения. К слову же *мировидение* можно прикрепить что угодно помимо «менталитета», но тем самым нарушается и второе правило логики в определениях. Ныне модные слова *система*, *системно-структурное* ничего не меняют, поскольку этот философ так нам и не объяснил, к какому роду явлений относится термин *менталитет* и какое его видовое различие в рамках некоего рода явлений. Он так же, как и десятки до него, дал описание, а не определение, ведущее к понятию. Если бы этот ученый знал логические операции в цепочке явлений «единичное–особенное–всеобщее», он мог бы четко научным языком дать отличие *менталитета* от *ментальности*. Но для Чугрова это невозможно, поскольку он сам четко не понимает разницы между сознанием и мышлением, как и того, что само

1 К слову. О «Философской энциклопедии», изданной при капитализме в 2004 г., даже страшно говорить. Она явно написана чугровыми. Например, «мышление» определяется «как направленный процесс переработки информации в когнитивной системе живых существ». Поскольку многие русские «философы» и «мудрецы» «живыми существами» называют даже Вселенную, то следует признать, что все что ни есть под луной, точнее, во всей Вселенной, есть «мыслящее» нечто. Уровень мышления пятитысячелетней давности.

сознание формируется в том числе и на базе бессознательного. Например, биологи и психологи вычислили, что на бессознательном уровне в секунду обрабатывается 10^9 бит информации, в то время как на сознательном уровне – 10^2 бит. Отделить их друг от друга невозможно, т.к. это процесс одновременный.

Перейду, однако, к главной идее Чугрова, которая, на его взгляд, вносит новые подходы «к изучению общего склада политического сознания и его динамики» (в скобках отмечу, что «менталитет», таким образом, у него относится все-таки к роду «сознание», т.е. к психологии).

И вот его определение данного «понятия»: «Внешне-политический менталитет – это та часть глубинного коллективного самосознания и самоощущения членов общества, которая включает в себя свойственное им коллективное бессознательное в виде специфических архетипов и врожденных образов и выражается в особом политическом мировосприятии, основанном на долгоживущих, устойчивых самоидентификациях по отношению к иным социокультурным и национально-этническим группам; это часть самосознания и самоощущения общества, которая относится к проблематике международных отношений и, в частности, к политической самоидентификации по отношению к окружающему миру» (с. 56). Ух! Фраза – прямо для Задорнова.

Этот студиоз полагает, что он дал определение. Пытаясь сформулировать некое понятие, относящееся к сфере внешней политики и международных отношений, автор «определяет» его через терминологию других наук – психологию (самосознание, самоощущение, бессознательное, восприятие) и социологию (самоидентификация, политическое мировосприятие), вернее, даже не определяет, а описывает с помощью слов других наук. Поскольку он сам не понял, что нагородил, именно в этой части и обнаруживается больше всего словесного бреда типа «аномии», «ре-триты» и прочие «артриты».

Этот доктор-профессор не понимает, что если ты даешь определение важному понятию, ты не просто должен четко определить сферу его применения (если это понятие не универсально, каковыми являются некоторые понятия

и категории философии), но и объяснить, какие другие понятия его породили и как оно вообще встроено в систему научного аппарата той науки, к которой оно приписывается волею ученого. И дело не в простой взаимозависимости между внешнеполитическим «менталитетом» и внешней политикой, а в том, в каком звене внешнеполитического процесса необходим анализ такого «инструмента», как внешнеполитический «менталитет».

Ведь автору, коль он такой приверженец западной политической мысли, должны быть известны такие подразделения теории внешней политики и международных отношений, как «имиджинология» (наука об образах) и «перцепциология» (наука о восприятиях). Уж по крайней мере книгу своего бывшего коллеги по журналу «Мировая экономика и международные отношения» Л.А. Зака («Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы». М., 1976) господин Чугров должен был бы знать. В рамках этих областей знаний тоже немало говорится о «внешнеполитических представлениях и образах», в частности, в процессе принятия внешнеполитических решений. В принципе весь «менталитет» Чугрова достаточно детально описан в рамках названных «наук».

На самом деле Чугров ничего нового своим «менталитетом» не сказал, а просто, как и подобные ему «ученые», заменил простые и очевидные термины на модные, как ему кажется, новые словечки, усложнив их методологическим и терминологическим аппаратом, создающим иллюзию «науки». Причем творит он эту словесную белиберду всерьез, полагая, что вносит нечто новое в науку.

На самом деле Чугров и ему подобные не могут внести в науку ничего нового не только вследствие тех причин, о которых сказано выше, но и из-за философской безграмотности, о чем свидетельствует и такой факт, как неспособность отличить категорию от понятия. У него «внешнеполитический менталитет» в одном месте категория, в другом понятие, и так без конца. Причем, конечно, он, как и Николай II, вещает только с помощью местоимения «мы». Получается, что целая компания писала эту статью и, следовательно, целая компания не понимает разни-

цы между категориями и понятиями, закономерностями перехода одного в другое и наоборот.

Вся эта галиматья проявляется в совершенно беспомощных рассуждениях о «мы» – группа и «они» – группа». Чугров дает высокую оценку некоему У. Самнеру, работа (1906) которого, по его мнению, до сих пор не потеряла своей актуальности. Оказывается, до сих пор актуальна вот такая мысль: «Самосознание не дано нам априорно». Думаю, если бы эти «мы»-чугровы покопались в работах философов, живших задолго до Самнера, то обнаружили бы аналогичную «гениальную» мысль. Предполагаю, правда, что даже в те времена она вряд ли бы показалась «актуальной». Но интересно другое. Чугров ссылается на такой великий авторитет, как Т. Алексеева, которая (цитирует он) утверждает, что «противопоставление своего/чужого, в сущности, носит субъективный характер и основывается на оценке, перцепции ‘чужого’» (с. 60). Татьяна (позволю себе так обратиться к своей бывшей приятельнице), неужели ты до этого дошла? Ну ладно писатель и философ по совместительству У. Эко, на которого ссылается Чугров, мог написать такое. С него и взятки гладки. Но как ты, профессор, доктор философских и прочих наук, можешь опубликовать подобное утверждение? Субъективно я могу относиться к тебе или даже к целым народам. Точно так же, как и Вася с Петей или Джон с Питером. Причем Васе нравятся китайцы, а тебе, например, американцы. Это субъективно. Но когда речь идет об отношении всей нации к другой нации, то здесь субъективность уступает место объективности. Например, как бы ты, Чугров, и твои соратники хорошо ни относились к США (американцам), очевидно, что большинство русских относятся к ним плохо. И их «перцепция», скорее всего, будет определяться некими объективными факторами, точно так же как определялось отношение русских ко всей фашистской Германии. «Перцепция», между прочим, до войны была неплохая, а военная и послевоенная практика эту «перцепцию» подправила. Неужели забыли, что все «перцепции» в конечном счете отражают общественную *практику*, которая не может быть *общественно* субъективна по определению? От-

казавшись от «наивного марксизма», вы попали в трясину глупого либерализма.

Развивая эту неверную мысль, Чугров продолжает: «Мы самоутверждаемся благодаря признанию нашей индивидуальности другими. Более того, наша идентичность складывается из характеристик, которые дают другие» (с. 60). Очередная глупость, навеянная изысканиями буржуазных социологов. Это воспроизводство философского идеализма уже в форме современного идиотизма в социологии – наказание за отход от диалектического материализма. Эта глупость разбивается даже одним из популярных афоризмов: «Человек – это то, что он сам думает о себе, то, что о нем думают другие, и то, что он есть на самом деле». На всякий случай разъясню афоризм: субъективно то, что человек думает о себе или что о нем думают другие; объективно – это то, что он есть «на самом деле». А истина всегда объективна. Последнее от «думаний» не зависит. Точно так же можно рассуждать о государстве.

Но, судя по словам господина Чугрова, которые я процитировал, он думает иначе. Тогда ему придется принять мою характеристику его личности, которую я дам в конце этой статьи. Может быть, тогда он и поймет свою «идентичность».

В качестве примера доминирования в России лжеученых я мог бы взять любую статью из любого обществоведческого журнала. Но выбрал статью Чугрова неслучайно. Этого нынешнего доктора я знаю с советских времен, когда он занимал должность заместителя главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения», в те времена очень влиятельного журнала среди международныхников. В 1987 г. я предложил в этот журнал статью с критикой «нового мышления», прежде всего одного из главных его постулатов о «деидеологизации» внешней политики, которую возвестил разрушитель Советского Союза «демократ» Горбачев. Тогда, возможно, еще на интуитивном уровне я чувствовал, что отказ от идеологии приведет к краху внешнюю политику СССР, а затем и самого советского государства. К сожалению, так и произошло. Но Чугров и другой заместитель главного редактора (И. Целищев)

оказались «на высоте»: спровоцировав обсуждение статьи на дирекции Института (а не на редколлегии журнала), поскольку сами решение поначалу принять не могли, они «зарубили статью», указав, что она противоречит идеям «нового мышления», изложенным в партийных документах, в частности в документах апрельского Пленума ЦК КПСС. Тогда господин Чугров был еще товарищ Чугров и неукоснительно следовал решениям партийных съездов. Не только. Он всегда был обходительным человеком, уважал начальство и всегда стоял на страже науки: никаких отклонений от партийной линии. После разрушения СССР товарищ Чугров, как и многие другие его коллеги, стали господами и теперь, наоборот, ту партийную линию критиковать разрешают, а нынешнюю – нет. Чугров в ряде своих статей уже с «новых позиций» расхваливал курс МИД РФ и мудрую деятельность самих министров иностранных дел (И. Иванова, само собой, и бывшего своего начальника Е. Примакова). Не имеет значения, что внешнеполитический курс и Примакова, и Иванова оказался безрезультатным, но Чугров успел прогнуться. Уникальное свойство у этого человека: всегда успевает прогнуться. Может быть, он вообще не разгибается? И это дает плоды. Умудрился занять пост в МГИМО в качестве заведующего какой-то кафедры. В конце концов он даже защитил докторскую диссертацию. Ему делает честь, что диссертацию, в отличие от многих политиков и бизнесменов, он варганил сам, пусть как минимум лет двадцать, но сам. Говорят, жутко умная диссертация. И вот новая награда: назначили главным редактором журнала «Полис». Я не очень регулярно следил за этим журналом. Некоторые говорили, что журнал неплохой. Теперь, когда его начальником стал такой «ученый» и лизоблюд, как господин Чугров, думаю, его качество должно сильно улучшиться. То есть еще больше соответствовать «новому мышлению» российских буржуазных ученых. Между прочим, когда я предложил ему статью о религии, он, зная мой атеизм, тут же заявил, что такие статьи он (журнал) публиковать не будет. Это и понятно. Если нынешний президент и его преемник публично крестятся, и даже президент РАН физик Осипов верит в бога, то какие же могут быть статьи,

направленные против религии. Вот если бы тиснуть статейку, где говорится о взаимодополняемости науки и религии, тогда другое дело. Думаю, что недостатка в статьях не будет: подобных «ученых» сейчас в России «тьмы и тьмы».

А теперь обещанная характеристика «идентичности» господина Чугрова в полном соответствии с его терминологией: Чугров – это индивид изоморфического типа деструктивной части российской науки, с очевидной каузальной зависимостью от буржуазного паттерна в дизвительной России, но сохраняющий существенную ригидность из-за отсутствия когнитивного ретритизма.

В переводе на русский язык все это означает, что человек по фамилии Чугров есть представитель лизоблудствующей части общественной науки России, деятельность которого направлена на уничтожение науки и укрепление ненауки.

Трагедия российской науки в том, что ею командуют вот такие больные «менталитеты».

Кстати, чтобы не мучились с этим «менталитетом». Предлагаю поменять его на нормальное русское слово – умустрой, который является национальной формой русского мышления. И сформулировать, если уж очень надо для «инструментария», внешнеполитический умустрой как представление нации о мире и о себе. Вот и все.

Знание иностранных языков

11 сентября 2014 г.

Эта заметка – ответ на письма читателей: нужно ли изучать иностранные языки, коль существуют переводы.

Проблема перевода текстов очень сложная тема. Я ограничусь только несколькими примерами. Одно дело переводы художественной литературы и совсем другое – научной. В

первом случае тема давно переросла в целую науку перевода, в которой есть множество направлений и течений. Дословно переводить или не дословно, кто лучше переводит: поэт или профессиональный переводчик и т.д.

Пример с Гёте: «суха теория» или «сера теория»? В оригинале «сера». Пастернак переводит как «суха». Будучи русским поэтом, он прав. Но Гёте противопоставляет по цветам серое и зеленое (зеленый/золотистый – цвет жизни, солнца), что для него имело иное, не только поэтическое значение (он научно занимался теорией цвета). Пастернак в «сухом» видел качество, отсутствие души, которое не наполняет «древо жизни». Как русскому, мне ближе перевод Пастернака, но как немцу, естественно, мне понятен больше Гёте. Но если я хочу в полной мере насладиться гениальностью стиха Гёте, понять вложенный в него авторский смысл, я обязан читать его произведения на немецком. В переводе Гёте другой.

В свое время я прочитал все 10 томов Гейне. Был в него влюблен. Но по-настоящему я осознал его величие, читая подлинники. Точно так же как и произведения, изданные под именем Шекспира. На английском – это другой Шекспир. Я уже не говорю о стихах на японском языке. Эстетика стиха и его смысл процентов на 90 кроется в самих иероглифах, в зрительном соответствии слова и его написания – так сказать, картины стиха.

Надо ли в таком случае изучать языки оригиналов или нет? Ответ очень простой: если хочешь прочитать с познавательной точки зрения, то можно читать перевод, если хочешь понять глубину смысла, вложенного автором и отраженного в изложении, будь то проза или поэзия, нужно читать оригинал. Переводы, которые хотя и не адекватны оригиналам, дают первый, приближенный взгляд на авторов. Например, мне нравится восточная поэзия (Рудаки, Фирдоуси, Омар Хайям, Насир Хосроу, Низами, Руми, Саади, Хафиз, Мирза-Шафи и др.). Но поскольку специально культурой Востока я не занимаюсь и не пытаюсь углубить свои знания по этому региону, я ограничиваюсь просто переводами. (Энгельс, между прочим, пытался выучить и персидский, и арабский.)

Другое дело наука. Страновед обязан знать язык изучаемой страны. И само собой, исследователь любой науки в настоящее время обязан знать английский язык, поскольку около 90% научной литературы в мире издается на английском. Это как латынь в Средневековье вплоть до начала XIX в. Если кто-то из научных работников не знает английского, его писания можно игнорировать «не глядя». Он не может ничего путного написать, не зная, кто и что пишет по его теме в мире. Мне пришлось прочитать претенциозную работу по медицине очень титулованных медиков, обвешанных научными званиями и степенями, но не владеющих никакими языками. Из прочтения обнаружил, что изложенная информация просто отражает их личный опыт и абсолютно не соответствует мировым знаниям в этой области. Доверять таким «ученым»-медикам однозначно нельзя.

Для того чтобы заниматься наукой, все языки учить не надо. Но английский является обязательным. Когда же речь идет о «большой» науке, где исследование касается понятийного и категориального аппарата, тогда нужно знать язык оригинала, на который ты ссылаешься. Например, та же «Наука логики» Гегеля. Все переводы на другие языки неточны. Поэтому мне приходится в случае цитирования на русском или английском языке все время перепроверять переводы в немецком оригинале. Сразу же отмечу в ответ на язвительное предложение читателя Николая из Новосибирска, что же, дескать, надо изучать арабский, китайский, хинди и древнегреческий? Нет – не надо! Эти языки для Большой науки, которая работает на понятийно-категориальном уровне, не нужны. Арабский и хинди вообще с современными науками не вяжутся. (Нет ни одного самостоятельного открытия учеными, пишущими на этих языках, лет за 800.) Древнегреческий стал неактуален из-за качественного разрыва в знаниях того и нынешнего периодов. Китайский как раз есть смысл знать (все-таки первый язык в мире по количеству говорящих). Но с точки зрения науки китайцы, вовлеченные в нее, основные свои работы переводят на английский. Так что трех языков вполне достаточно, чтобы полноценно заниматься наукой: английский, немец-

кий и французский. (С французским у меня у самого проблем, а испанский – не язык науки.)

Русский язык для мировой науки был нужен в советские годы, когда бурно развивалась наука в СССР. Сейчас наука в РФ (как и все остальное) в упадке, и смысл знания русского языка для ученых мира потерян. Неслучайно вот уже лет пять-шесть идет сокращение преподавания русского языка во всех западных странах. Что вполне объяснимо на фоне самоуничтожения России.

Есть еще один фактор, обязательный для ученого: нужно уметь хорошо ориентироваться в web-пространстве. Исследователь, не умеющий найти любой документ в Интернете или соединиться с любой библиотекой, фондом или институтом, сейчас выглядит как старый ржавый птеродактиль. Я с такими «разговора не веду».

Учебное пособие по внешней политике Японии как зеркало деградации российского японоведения

1 февраля 2009 г.

Мне неоднократно приходилось критиковать российских ученых за отсутствие в их работах «науки», за крайне низкий интеллектуальный уровень некоторых академиков и докторов. Возможно, я несколько утрировал, тем более что в России есть действительно крупные ученые, даже среди молодых, одного из которых я «открыл» для себя недавно – Г.А. Завалько. Но вот случай, который подтверждает мои самые нелестные выводы о российской науке, причем в родной для меня сфере – японоведении. (Мои научные степени были получены на японоведческой ниве.) Только что появилось на свет учебное пособие по внешней политике Японии, написанное командой авторов из 12 человек. Команда весьма солидная, все ученые – от кандидатов до

член-корреспондента. Работают, опять же, в весьма престижных заведениях: МГИМО (У), ИСАА (МГУ), Институте востоковедения РАН, Институте Европы РАН и даже Институте философии. Вот выходные данные этого труда.

Внешняя политика Японии: история и современность. Учебное пособие/ Отв. ред. Э.В. Молодякова. Институт востоковедения РАН; Ассоциация японоведов. М.: Вост. лит., 2008. – 320 с.

Издание осуществлено при содействии Японского фонда (The Japan Foundation)

Поначалу общее впечатление. Оно – удручающее. Во-первых, пособие написано скучнейшим так называемым «объективистским» языком, на котором когда-то писались учебники советского периода. Было бы неудивительно, если бы эти авторы вышли «из социализма», но почему-то их «постсоциалистические» идеи в этом издании выражены бухгалтерским языком. Оформление книги тоже похоже на бухгалтерский отчет по переработке «некондиционных продуктов питания». Так учебники-пособия в современную эпоху не пишут. Берите пример с настоящих буржуев, ваших прародителей на Западе: хотя по содержанию их изыскания чаще всего полная ахинея, но она хорошо заглаживается, поскольку язык живой, картинки, фотографии, всяческие вставки и юмор.

Во-вторых, некоторые главы поданы как хронология визитов, заявлений и действий представителей Японии без авторских оценок. Получились главы в виде справочника, которых по Японии пруд пруди и которые более интересно написаны. Понятно, что само по себе пособие – не место для анализа, но авторы могли бы указать свои научные работы, где такой анализ был сделан. И хотя некоторые авторы вроде бы так и поступили (назвали свои работы), но отсутствие оценок в пособии говорит о том, что их не было и в своих собственных трудах. Нельзя же оценивать ту или иную акцию, событие, действие словами «желательно», «хотелось бы» и прочим джентльменским словесным набором.

В-третьих, и это уже значительно важнее. Бóльшая часть текста, особенно касающаяся японо-советских отношений, написана с откровенно прояпонских позиций. Возможно, эту часть нельзя было написать иначе, поскольку финансировал-то пособие Японский фонд. То есть авторы писали пособие на японские деньги. Понятно, что научной объективности от таких писаний ждать не приходится.

В-четвертых, многие главы крайне идеологизированы, ибо коллектив состоит из пробуржуазных авторов (за исключением одного). Такая идеологизация, с одной стороны, лишает учебник научности, с другой – вынуждает авторов фальсифицировать те или иные факты во внешней политике Японии.

В-пятых, авторы в целом не владеют современным научным аппаратом. Их метод – традиционно описательный. Не владеют они и понятийно-категориальными инструментами. Они не понимают разницы между *доктриной* и *концепцией*, не знают понятия *внешнеполитический потенциал*, не различают термины *центр силы* и *полюс*, не осознают разницы между *интеграцией* и *интернационализацией*.

Особенно курьезно употребление ими словосочетания «Азиатско-Тихоокеанский регион» – «АТР» (и это в-шестых)¹. Термин употребляют все, но никто не знает, что это за регион. Какой ареал этот термин охватывает? В одной из глав пособия анализируются отношения Японии с Индией, которая, дескать, тоже входит в «АТР». Автору следовало бы посмотреть на карту или хотя бы задуматься над названием страны – Индия. Она находится в Индийском, но никак не в Тихом океане. Есть, правда, «ученые», которые в этот «АТР» включают даже страны Ближнего и Среднего Востока. А кто-то даже и Западную Европу. Но мало ли таких продвинутых неучей?

¹ Прим. 2015 г. Эта тема – по поводу употребления неверного термина «АТР» – затрагивается мной во многих статьях. Его ложность доказана мной в монографии «АТР: мифы и реальность». Но поскольку авторы работ, которых мне приходится критиковать, постоянно употребляют его, приходится в сотый раз говорить о том, что такого региона НЕТ! Но ведь по этому пособию будут учиться молодые специалисты – вот в чем беда.

Границы региона важно знать потому, что без их определения невозможно проводить никакую политику: всегда получается полная чушь. К примеру, один из авторов пишет, что новая версия американо-японского Договора безопасности расширяет зону безопасности Японии на весь «АТР». Следовательно, коль Индия входит в «АТР», то Япония обязана обеспечивать свою безопасность (непонятно, правда, от кого) и в Индийском океане. Именно так и получается, если у вас в «АТР» входит Индия. А поскольку многие в «АТР» всаживают еще и латиноамериканские государства, обращенные в сторону Тихого океана, Канаду, Австралию и Новую Зеландию, то Япония в соответствии с упомянутым Договором обязана обеспечивать безопасность всего Тихого и Индийского океанов. Так? Очевидно, что это не так.

Авторы могут возразить, что, дескать, в самих японских документах используется термин «АТР». Да, в некоторых используется. Но обычно в них оговаривается, какие границы этот термин покрывает. Обычно они не выходят за границы Восточной Азии. В конце концов, коль уж авторы пользуются этим ненаучным термином, надо хотя бы обозначить общую позицию: дескать, да, мы употребляем данный термин, хотя он ненаучный, но довольно популярный, однако под ним мы понимаем такой-то регион. На самом деле после провалов создания «Тихоокеанского сообщества» и идеи, что к началу XXI в. «АТР» станет центром мировой экономики и политики (о чем трещала когда-то команда Е.М. Примакова), термин «АТР» стал все реже употребляться в научных работах по Дальнему Востоку и Восточной Азии. Он не поддается научному определению, поскольку не смог отразить объективную реальность. Термин оказался ложным.

Кстати, о термине *Восточная Азия*. Вынужден его упомянуть в связи с главой, написанной М. И. Крупянко (хотя он мне и друг, но истина дороже). В главе 8-й он пишет: «Под Восточной Азией в данном контексте мы понимаем регион, включающий КНР, КНДР и Республику Корея» (с. 145). Это все равно что написать: «Под Западной Европой в данном контексте мы понимаем Францию, Испанию и Италию». А куда делись сама Япония, Россия?

Это – Северо-Восточная Азия. А куда делась ЮВА со всеми асеановцами? Куда закатали Тайвань? Думаю, конечно же, Крупянко знает границы региона Восточной Азии. И «в данном контексте» ему надо было написать, что, хотя в Восточную Азию входит «куча» государств, я собираюсь проанализировать отношения Японии только с КНР, КНДР и Республикой Корея. И редактор этого пособия проморгал этот ляп тов. Крупянко.

Еще. Михаил Иванович, кончай «мыкать» («мы понимаем», «нам представляется» и т.д.). Ты же, надеюсь, не Николай II (Мы – Николай Второй). Это же только коровы мычат-«мыкают». Ты же – хороший исследователь, значит, за написанный текст несешь ответственность только ты (а не некое абстрактное «мы»).

А теперь пошли по главам пособия.

Глава 1. Япония и окружающий мир: контакты с древности до «открытия» страны в 1853 г.

Написана канд. философских наук Л.Б. Кареловой в соавторстве со своим мужем доктором социологических наук С.В. Чугровым. Как ни странно, участие ее мужа в написании данной главы (одна из немногих не идеологизированных) не повредило изложению текста, скорее всего, потому, что ее муж не добавил в нее ни строчки. Иначе могло бы оказаться, что все трудности, которые испытала Япония в древности, были спровоцированы будущими представителями Коминтерна, а походы Хубилая в 1274 и 1281 гг., конечно же, были организованы древними предками Сталина. Это спасло главу, которая в справочном ключе добросовестно передает информацию о некоторых перипетиях в истории внешних связей Японии.

Любопытным моментом в этой главе следует считать упоминание о дискуссиях по проблеме «самоизоляции» Японии. Авторы с удовольствием поддерживали тезис тех западных и японских ученых, которые полагают, что «полной самоизоляции» не было, указывая на сохранявшуюся возможность Японии торговать «на частном уровне» с

Голландией и Китаем, а также иметь контакты с Кореей и Рюкю. Возможно, это и так, но для пущей убедительности им стоило бы привести статистику торговли с названными странами, чтобы показать значимость (или незначимость) подобной торговли для экономики страны. Иначе спор о «закрытости – незакрытости» превращается в схоластику. Тем более что если Япония не была «самоизолирована», для чего тогда понадобились *пушки* commodора Перри, насильственно «открывшие» Японию в 1853 г.? Концы с концами здесь не сходятся, но в целом глава не из худших.

Глава 2. Формирование внешней политики Японии после Реставрации Мэйдзи

Написана она канд. ист. наук (из ИСАА) К. Г. Виноградовым. В этой главе автор подробно останавливается на том, как Перри «открывал» Японию, выполняя инструкции своего правительства, как заключались договоры периода Ансэй (неравноправные договоры с ведущими державами того времени) и как они видоизменялись к концу XIX в. Достаточное внимание уделено и японо-русским отношениям, истории заключения Симодского (1855 г.) и Петербургского трактатов (1875 г.), в соответствии с которыми произошло пограничное размежевание между Японией и Россией. Оно касалось о. Сахалин и Курильских островов (автор, правда, называет эти документы «договорами», хотя в русском оригинале они обозначены как «трактаты»). Интерпретаций этого периода достаточно много, но автор не стал затрагивать нюансы, ограничившись объективистским изложением материала. Единственный вопрос может вызвать упоминание в списке «рекомендуемой литературы» работы И. Уоллерстайна («Капиталистическая мир-экономика»), которая к содержанию темы не имеет никакого отношения. Ссылки на Японию и Китай понадобились Уоллерстайну в этой его работе только для обоснования концепции «мир-система», имеющей теоретический характер.

Глава 3. На пути в «клуб великих держав» (1895–1922)

Эта глава написана сыном ответственного редактора В.Э. Молодяковым, дважды доктором (философских и политических наук), преподающим в одном из университетов Страны восходящего солнца. Это не могло не сказаться на стиле учебного, который приобрел политкорректный вид, присущий всем буржуазным ученым, именующим себя «объективистами». Как иначе расценивать такую милую фразу: «Япония впервые заявила о своих претензиях на статус региональной державы в ходе войны с Китаем в 1894–1895 гг.» (с. 43). Это все равно что написать: «Гитлеровская Германия заявила о своих претензиях на статус глобальной державы в ходе войны с европейскими странами в 1939–1945 гг.». Можно подумать, что кого-то в Японии интересовал «статус» страны. Правящие круги Японии интересовали территории, которые можно было грабить. Точно так же как и других «игроков», в том числе и Россию, Китай интересовал только как объект грабежа. А «статус» нужен исследователям для того, чтобы куда-то сранжировать ту или иную страну. Формулировка же «в ходе войны» означает «в результате агрессии Японии против Китая».

А вот как «японский» профессор интерпретирует японо-русские отношения в пользу Японии. Известно, что в конце 1890-х годов между Японией и Россией шла борьба за контроль над Кореей и Китаем. В какой-то момент России удалось переиграть Японию в деле подчинения Китая своим интересам, что, естественно, объективно ущемляло имперские интересы Японии. В ответ самураи стали готовиться к реваншу, другими словами, к войне с Россией. Но Молодяков, обидевшись за японского хищника (хотя, будучи русским, должен был бы радоваться за своего «сукиного сына»), приходит к такому неожиданному суждению: «Главной движущей силой этого курса был Витте, деятельность которого стала одной из причин войны с Японией» (с. 45). То есть деятельность государства он персонифицировал в одной личности. Это очень в духе женщин-пи-

сательниц, «объясняющих» ход мировых событий любовными интригами госпожи Помпадур. Хотя сам же автор чуть ниже справедливо пишет: «Главной причиной конфликта было столкновение экспансионистской политики двух стран» (с. 46). Правда, он почему-то «войну» называет «конфликтом» (хотя даже в Портсмутском договоре этот «конфликт» назван «войной») и не акцентирует внимание на вероломности самураев. Описав вкратце ход переговоров в Портсмуте, автор делает еще один странный вывод: «Портсмутский договор можно считать удачным, поскольку он не содержал предпосылок новой войны в регионе» (с. 49). То есть потеря южной части Сахалина, а в последующем фактическая потеря контроля над Маньчжурией, видимо, тоже относятся к разряду «удачи» для России? Уже само поражение России содержало предпосылку «новой войны в регионе». Неужели такие простые вещи непонятны докторам наук?

А вот подлинное открытие, которое делает дважды доктор в связи с Гражданской войной в России после Октябрьской революции. Научает студентов: «Опасаясь, что после выхода последней (т.е. России) из войны в результате сепаратного мира в руки Германии и ее союзников попадут находящиеся в России склады оружия и боеприпасов, лидеры Англии и Франции выдвинули идею вооруженной интервенции против вчерашнего союзника» (с. 56–57). Этот бред даже нет смысла комментировать. Глава написана в антирусском ключе, без всякого научного анализа. Зато японцы будут довольны.

Глава 4. Между двумя войнами (1923–1945)

Эту главу также написал Молодяков. И естественно, в антисоветском ключе. Описывая захват японцами Маньчжурии и создание там марионеточного государства Маньчжоу-го, он пишет об активной антияпонской роли США, Англии, Франции, Италии и Германии и как бы пассивной роли СССР, который занял позицию «нейтралитета» (с. 65). Это – старая буржуазная фальсификация, которой придерживались западные востоковеды сразу же после Второй ми-

ровой войны. Общая идея такова: из-за такой пассивной, а фактически прояпонской позиции СССР Япония смогла закрепиться в Маньчжурии, которую затем использовала в качестве плацдарма для нападения на весь Китай. Автор сознательно игнорирует тот факт, что так называемая «активность» западных стран носила чисто пропагандистский характер. В реальности же – пассивное выжидание в расчете на то, что действия Японии имеют прежде всего антисоветскую направленность. Как справедливо писал в свое время английский ученый-коммунист Палм Датт, «на первой стадии агрессии, в течение 1932 г., Япония имела эффективную поддержку Британии и Франции, и консервативная пресса обеих стран открыто побуждала Японию двигаться вперед, рассматривая ее как главную силу в борьбе с большевизмом на Дальнем Востоке»¹.

Молодяков, естественно, не упоминает, что Советский Союз допустил на свою территорию войска генерала Су Бинвэня, отступившего из Маньчжурии. Причем советское правительство отвергло неоднократные требования Японии о выдаче генерала Су, указав, что Советский Союз «не только не может выдать генерала Су и его сторонников, но не может даже принять к обсуждению вопрос о его выдаче»². В отличие от Молодякова другие ученые, зная перипетии тогдашней ситуации, писали (например, американка Г. Мур), что «советское правительство направило делегацию на конференцию по разоружению, чтобы выступить за позитивные действия с целью предотвратить расширение войны» в Маньчжурии³. И в Лиге Наций СССР предлагал реальные действия, а не высказывал абстрактные пожелания, как западные страны. Молодяков описывает все эти события в классическом прозападном стиле, характерном для «постсоветских» ученых либерального толка.

Имея в виду последующий «инцидент» (1937 г.), фактически начало полномасштабной агрессии Японии про-

1 *P.R. Dutt. World Politics. 1918–1936. London, 1936, p. 237.*

2 *Документы внешней политики СССР. Т. XV. М., 1969, с. 677.*

3 *H.L. Moor. Soviet Far Eastern Policy. New Jersey: Princeton University Press, 1945, p. 16.*

тив Китая, этот либерал пишет, что, дескать, в Токио он не планировался. Даже армия занималась своими внутренними делами... И тут такой перл: «Однако непримиримая позиция Гоминьдана и коммунистов сыграла на руку агрессивным устремлениям “квантунской клики”. 28 июля 1937 г. японские войска заняли Пекин, 29 июля – Тяньцзинь, 30 июля начали наступление по всему фронту» (с. 70). Вот ведь до чего доводят японские иены: непримиримая позиция китайцев спровоцировала захват Китая? Я не удивлюсь, если узнаю, что Молодякову какое-нибудь высокое звание присвоили японские националисты, которые тоже считают, что агрессию Японии спровоцировали сами китайцы.

Понятно, что такие «мелочи», как агрессивные действия Японии в районе оз. Хасан и р. Халхин-Гол, не вызвали особого внимания у Молодякова-сына.

И тем не менее иена сильнее либерализма. Оказывается, и агрессия Японии против США также была вызвана самими США: «Если политика Токио в отношении США в конце 1930-х годов не отличалась последовательностью, то курс Вашингтона с каждым годом становился все более антияпонским» (с. 75). Этот дважды доктор, говоря о причинах в данном случае столкновения США и Японии, постоянно твердит то о каких-то антияпонских настроениях Рузвельта, то о чувствах «любви и ненависти» Мацуока и других политических деятелей, совершенно не понимая истинных причин войны между этими странами. Точнее, он их «понимает» на уровне буржуазного обывателя. Когда человек покидает почву науки, он, естественно, несет бред. Причины же указаны были Лениным, причем с однозначным прогнозом. На X съезде партии в 1920 г. он говорил: «Перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, – ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неиз-

бежной...»¹. И этот прогноз был сделан в то время, когда отношения между двумя странами были, можно сказать, отличными. Вместо того чтобы изложить свой анализ событий, автор-профессор приводит кучу всяческих деталей, которые можно почерпнуть в любом справочнике по Японии или США, касающемся международных отношений.

А про то, как Советская армия в течение двух недель разбила миллионную Квантунскую армию, этот грамотей написать забыл. Вся история дипломатической деятельности Японии в это время описана через какие-то пустяки, совершенно излишние в такого типа пособиях. Но они дают возможность утопить суть событий в мелочах. Эта задача блестяще выполнена двойным доктором идеологических наук.

Глава 5. Сан-Францисская система и активизация японской дипломатии

Глава 6. Японо-американские отношения

Обе главы написаны член-корреспондентом РАН М.Г. Носовым. Удивительно: несмотря на членкорство, главы написаны как раз в объективном ключе, без склонности угождать японцам или американцам. Видимо, социалистическая заваска еще не утрачена.

Плюсом (в главе 6) можно считать отказ от советской версии, которой когда-то придерживался и я, о том, что военно-политическая зависимость угнетала Японию и что она как бы не отвечала интересам страны. Носов справедливо неоднократно подчеркивает, что такая «зависимость», наоборот, была выгодна Японии, что она не особенно стремилась освободиться от этой «зависимости». Он пишет в связи с Гуамской доктриной США, предполагавший усиление военной роли Токио в рамках американско-японских отношений: «Страна, которая привыкла воспринимать себя в уютной роли “младшего партнера”, отнюдь не спешила выходить в полный опасностей мир большой политики» (с. 100).

1 В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 42. М., 1963, с. 94.

И это действительно так. Поскольку, как справедливо пишет Носов, «пользуясь американскими обязательствами по обороне Японии, она не только сэкономила значительные ресурсы, но и имела возможность избегать участия в американских военных авантюрах» (с. 102). И в то же время автор прибегает к пассажирам, которые противоречат вышеприведенной верной посылке. Например, он педалирует тему несоответствия политической роли Японии в мире ее экономическому потенциалу, которая и побуждает Токио нередко следовать курсу США: «...но вследствие неравенства потенциалов Япония все еще остается в американской внешнеполитической орбите» (с. 107).

Эту тему «несоответствия» когда-то придумал начальник Носова Д.В. Петров, на книгу которого все дружно ссылаются («Япония в мировой политике». М., 1973). На самом деле здесь нет никакой прямой зависимости. Франция и другие страны, экономические потенциалы которых значительно ниже, чем у Японии, проводят самостоятельную политику, не оглядываясь на Вашингтон. Япония при желании также могла бы проводить самостоятельную политику, но она стоит больше денег. Дешевле, особенно в вопросах безопасности, «отдаться» США, «повышая свою политическую роль» участием в ничего не значащих миротворческих операциях в рамках ООН.

Как уже было сказано, хотя с научной точки зрения к этим главам претензий нет, но это все-таки пособие для студентов. И язык должен был бы быть здесь повеселее. Проблема ученых социалистической эпохи – высокая степень наукообразности и как следствие скучнейшая манера подачи материала.

Глава 7. Отношения между СССР (Россией) и Японией после Второй мировой войны

Эту главу написал мой старый знакомый, который до сих пор занимает пост главного редактора журнала «Полис» и профессорствует в МГИМО (У). Я думал, что после моей

статьи¹ про его стиль и научность он сделал себе сэппуку, харакири, значит. Не сделал. Оказался не настоящим самураем.

Посмотрим, что он здесь нагородил. Как ни странно, стал писать по-русски. (Кто не знает, напомним, что раньше у него без «деструкций», «аномий» и «ретритизма» ни одно предложение не обходилось.) Вроде бы хорошо, но зато сразу же бросается в глаза дурь. Ну что его заставляет употреблять этот термин «Азиатско-Тихоокеанский регион» (опять и опять приходится писать об этом! – ведь он неверный в принципе) для периода, когда его не употребляли даже самые отъявленные поклонники будущего «Тихоокеанского сообщества»? Неужели он не знает, что басни про «АТР» появились значительно позже?

Ну, а вот начинаются идеология и антисоветизм. В связи с Сан-Францисской конференцией приводится почему-то без кавычек «мудрая мысль» Э.В. Молодяковой и С.Б. Маркарян: «Тем не менее если вспомнить контекст эпохи “холодной войны”, то вряд ли можно предположить, что Москва в рамках своего *тоталитарного* внешнеполитического менталитета реально могла занять иную позицию и что это было *фатальной* ошибкой» (курсив мой. – О.А.) (с. 120).

Только с «менталитетом» Чугрова и упомянутых двух «ученых» можно было написать такую нелепицу. Почему «внешнеполитическое» мышление Москвы было «тоталитарным», а мышление Вашингтона, которое отстранило реальные жертвы японской агрессии от Договора, нет? И в чем же заключается «фатальность» ошибки? Что, Россия погибла из-за отсутствия ее подписи под Сан-Францисским договором? Чем плохо, что у агрессора отобраны Курильские острова? Японцы недовольны? Так нечего было начинать войну на Тихом океане. Между прочим, не мешало бы в этом контексте процитировать вместо всяких Ачесонов и Даллесов тов. Сталина по поводу этих территорий.

1 Подробно о С. Чугрове см. выше мою статью. Ранее она была опубликована в книге: Олег Арин, Алекс Бэттлер. Россия в угаре долларгазма и еслибизма (М., 2008), а также у меня на сайте: http://www.olegarin.com/olegarin/o_17.html

Ну хотя бы для того, чтобы нынешний «молодняк» знал и советскую точку зрения на вопрос о Курилах.

Так вот, в обращении Сталина к советскому народу (от 2 сентября 1945 г.) говорилось:

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам – Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезный ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть свой особый счет к Японии.

Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

А вот еще один любопытный документ на тему «островов», который не попал в поле внимания нашего ученого. Императорский рескрипт № 651 от 22 ноября 1945 г. о создании управления по оказанию помощи репатриантам. В нем говорится:

Управление по оказанию помощи репатриантам на местах находится в ведении министра здравоохранения и осуществляет меры по оказанию срочной помощи и вакцинации как репатриантам, которые в результате окончания войны в Великой Восточной Азии возвращаются из районов, не являющихся территорией собственно Японии (из ее состава исключаются Сахалин, Окинава и Курильские острова (Тисима)), в районы, являющиеся территорией собственно Японии, так и репатриантам, возвращающимся из районов, являющихся территорией собственно Японии, в районы, не являющиеся территорией собственно Японии (Кампо (Вестник правительства). 22 ноября 1945 г., № 56616 с. 180. // Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М.: Сампо, 1995, с. 99).

Чугров несколько раз употребил в тексте словосочетание «подарок Рузвельта», имея в виду согласие США на передачу Курильских островов СССР. «Подарок», Чугурофу-сан, – это когда кто-то что-то покупает на свои деньги и дарит тебе. Советский же Союз этот «подарок» получил благодаря не Рузвельту, а разгрому Квантунской армии и победе над милитаристской Японией. Это Рузвельт получил подарок от Москвы, поскольку, как считали сами американцы в то время, без участия Москвы им пришлось бы вести войну с самураями еще года два, положив на алтарь победы немало Джонов и Томов. Поэтому и следующая фраза выглядит совершенно идиотской: «На первоначальную ошибку Сталина, принявшего от союзников территориальный “подарок” в виде Курильских островов, наложилась ошибка Хрущева, который не остановился перед подношением в виде территорий и потом забрал “подарок” обратно» (с. 126).

«Ошибка» Хрущева заключалась не в том, что она забрал «подарок» обратно, а в том, что собирался «передать» острова Шикотан и Хабомаи. Это намерение только разожгло аппетиты Токио. А ведь в рамках американско-японского союза Токио в любой момент мог разрешить американцам создать военные базы на одном из островов, о чем в свое время проговорился тогдашний министр иностранных дел Фудзияма Аитиро (Чугров, естественно, об этом умалчивает). Переживая за Токио, он сокрушается, что «советские власти» только «со скрипом» шли на включение в тот или иной советско-японский документ «намека на территориальную проблему» (с. 128). Видимо, надо было «без скрипа» сразу же соглашаться с японскими притязаниями.

«И все же ужесточение советской позиции нельзя было считать необратимым...» – не теряет оптимизма Чугурофу-сан (с. 126). О каком ужесточении идет речь? И это после нажима Даллеса на Японию (не подписывать Договор без возвращения «территорий»)? Каких ошибок Сталина и Хрущева?

Рассказывая о росте товарооборота с 1960 по 1988 г., этот либерал замечает: «Но в развитии торговли неоднократно случались откаты» (с. 128). С чего бы случались эти «откаты»? Чугурофу-сан «забыл» сообщить, что «откаты»

были вызваны, в частности, экономическими санкциями японского правительства под давлением Картера в начале 1980 г. и бойкотом Олимпийских игр в Москве в связи «с афганскими событиями» конца 1970-х годов. Токио прекратил даже политические контакты с Москвой.

«В результате изнурительных переговоров Горбачева с премьер-министром Кайфу Тосики было подписано Совместное заявление, которое отражало противоречивость политики Горбачева, *связанного наследием тоталитарного прошлого* (курсив мой. – О.А.) и стремившегося к обновлению, но так и не завершившего поворота внешней политики» (с. 131).

Не дает ему покоя «тоталитарное прошлое». Да если бы оно сохранилось, то тов. Чугров в те годы не в журнале «МЭМО» работал, а в лучшем случае валил бы лес где-нибудь в Сибири. «Завершение же поворота» для этого «несостоявшегося зэка» означало бы передачу Курил Японии.

«Министром иностранных дел новой России стал уже бывший до этого в Советском Союзе министром РСФСР прозападно настроенный А.В. Козырев, которого порой упрекали в пренебрежении национальными интересами России» (с. 132). Должности просто «министра РСФСР», подозреваю, не было (имелся в виду, наверное, министр иностранных дел РСФСР), а то, что Козырев, неважно сознательно или бессознательно, работал против России (так же как и его босс Ельцин), – очевидный факт. Достаточно посмотреть на политическую географию Европы. Она стала вся антирусской.

Возвращаемся опять к «островам». Либерал пишет: «Однако обратная сторона вопроса состоит в том, что подобная позиция (непередача островов. – О.А.) ввергает российско-японские отношения в состояние *удручающего политического ступора*. В целом обе крайние точки зрения на территориальную проблему, похоже, обрекают нас на тупиковые варианты. Истина, как нередко бывает, находится где-то посередине – совершенно необходимо искать цивилизованный компромисс. Наличие территориального спора – это не только проблема Японии, но и головная боль России» (курсив мой. – О.А.) (с. 145).

Почти вся обширная глава вертится вокруг «территориальной проблемы». Как будто бы от решения этой проблемы действительно что-нибудь зависит. Почему-то германисты не заикливались на отсутствии мирного договора с Германией. Нет так нет, а экономические отношения развивались весьма динамично. До фатальной «перестройки», между прочим, в эпоху «сохранившегося тоталитаризма» торгово-экономическое сотрудничество между Японией и СССР развивалось также динамично. А спад его приходится именно на период, когда российская сторона начала постоянно намекать на возможное «решение» этой проблемы. Доли взаимной торговли в товарообороте и Японии, и России начали падать. Так в территориях ли дело? Дело в реальных экономических интересах и возможностях. После реанимации капитализма в России ее возможности резко сократились. В этом причина, а не в пресловутом мирном договоре. А «незахаракринный» профессор до сих пор очень сокрушается, что эти острова не отданы Японии.

Динамику же торгово-экономического сотрудничества России и Японии, несмотря на упоминания о множестве встреч руководителей двух стран, Чугурофу-сан так и не привел. Но ведь только через эту сферу можно оценить «успехи» встреч Ельцина без галстучков или вообще голыми (в банях). Мидовцы в свое время объявили такие встречи творческим развитием дипломатической деятельности. Могли бы и запатентовать в качестве ноу-хау.

Глава 8. Внешняя политика Японии в Восточной Азии после окончания «холодной войны»

Глава написана доктором политических наук М.И. Крупянко без идеологических шор, присущих Молодякову и Чугурову. Возражения могут вызвать некоторые стереотипы, которые внушили себе сами японоведы. Поскольку нижеприведенные стереотипы характерны практически для всех российских японистов, придется остановиться на них чуть подробнее.

Так, Крупянко пишет: «Однако во второй половине 1990-х годов в японо-китайских отношениях усилилась напряженность, появились разногласия, которые негативно повлияли на общий климат двусторонних отношений. Отчасти вина за это лежала на Соединенных Штатах Америки, которые не заинтересованы в укреплении японо-китайского экономического, политического или военного сотрудничества. Вашингтон не хочет мириться с тем, что Китай быстрыми темпами превращается в экономическую и военную сверхдержаву в Восточной Азии, а Япония ему в этом помогает. В свою очередь, китайские лидеры негативно воспринимают превращение Соединенных Штатов в мирового и регионального жандарма, опасаясь, что Вашингтон в этих условиях может подтолкнуть Тайвань к объявлению независимости и отказаться от всех прежних своих обязательств перед Китаем в данном вопросе» (с. 150–1).

Во-первых, каким образом США могли бы обосновать свое недовольство поведением Японии в эти годы, когда они сами весьма активно развивали не только политико-экономические отношения, но и военно-политические контакты с Китаем. Во-вторых, США не находятся в процессе «превращения» в мирового и регионального жандарма, а уже давно являются таковым, будучи единственной сверхдержавой в мире. В-третьих, опасения Пекина о подталкивании Тайваня к провозглашению независимости возникли не во второй половине 1990-х годов, а сохранялись постоянно с момента образования КНР в 1949 г., о чем писалось в каждой книге по внешней политике США или КНР на Дальнем Востоке.

Стереотип из этой же серии. Чуть ниже Крупянко пишет: «Напряженность в японо-китайских отношениях во второй половине 1990-х годов усилилась также по причине ускоренного превращения самой Японии в политическую, экономическую и военную региональную сверхдержаву, что способствует формированию в Восточной Азии нового баланса сил между США, Китаем и Японией, усиливая напряженность в их взаимных отношениях. Складывающаяся в Восточной Азии после “холодной войны” новая расстановка сил имеет ярко выраженный асимметричный харак-

тер, ибо силовые возможности сторон треугольника далеко не равнозначны» (с. 151).

Как раз наоборот, во второй половине 1990-х годов происходит замедление экономического роста Японии. Ускорялся рост раньше, в 1970–1980-е годы. В 1990-е же годы «ускорялся» именно Китай. Тем не менее вплоть до настоящего времени такое ускорение не нарушило «асимметрии»: потенциалы вершин «треугольника» кардинально не изменились. К тому же «региональной» сверхдержавой быть нельзя. Сверхдержава может быть только мировой. Сверхдержава – это синоним «центра силы», и, чтобы быть таковым, надо обладать внешнеполитическим потенциалом (ВПП), в четыре раза превосходящим ВПП следующей за ней державы. Таковым ресурсом обладают только США. ВПП Японии и КНР на данный момент практически равны. Чтобы оценить расстановку сил в регионе, необходимо было подсчитать ВПП каждой страны обозначенного треугольника и их доли, задействованные в Восточной Азии. Без таких цифр указанные выводы можно отнести ко всему периоду взаимоотношений между тремя странами после 1949 г.

Хотя логика Крупянко понятна, она исходит из попыток анализа противоречий между этими странами в духе советской школы. Метод этот сам по себе, безусловно, верный, но требующий статистических доказательств. Иначе мы начнем себя обманывать, выискивая противоречия там, где их нет или где они несущественны.

И в связи с этим регионализмом Крупянко пишет: «Токио активно борется за признание за ним статуса региональной державы и стремится преодолеть представление о Японии как стратегическом союзнике США в Восточной Азии» (с. 172).

Зачем Японии бороться за статус, когда она этот статус уже имеет? Для этого не надо официальных заявлений каких-то правительств. И почему Японии надо преодолевать представление о том, что она стратегический союзник США, когда этот статус закреплен во множестве официальных документов Японии? Тем более что, например, Южная Корея сама является стратегическим союзником США в Восточ-

ной Азии. А Китай и без этого хорошо знает, каков статус Японии в рамках Договора безопасности с США.

Михаил Иванович! Ну с чего это «конечная цель» Японии – «сформировать и возглавить Восточноазиатское сообщество» (с. 173)? Неужели в Японии не понимают, что не только Китай, но и половина стран-членов АСЕАН не согласятся быть возглавленными Японией.

«Японию не смущает неэффективность работы двух структур – Восточноазиатского экономического совещания и Азиатского банка развития, в которых она играет важную роль. Она рассчитывает на то, что в долгосрочной перспективе возглавит эти региональные организации и распространит свое *влияние* на всю Восточную Азию» (курсив мой. – О.А.) (с. 173).

Что означает «распространит свое *влияние*»? У Японии разве нет *влияния* в Восточной Азии? Можно подумать, что через названные организации Япония усилит свое влияние. Финансовые вливания Японии в ООН уступают только США (почти 20%). И что? Влияние Японии в ООН, а через нее в мире усилилось? Под своей эгидой Япония в принципе не в состоянии контролировать «восточноазиатское сообщество» хотя бы из-за Китая, действительного претендента на мировую сверхдержавность. И я думаю, что в Японии это прекрасно знают.

Ведь главный критерий во внешней деятельности страны – это не количество визитов или каких-то деклараций, а интенсивность торгово-экономического сотрудничества. Именно эта сфера входит плюсом в прирост ВВП страны. Политика и ее военная составляющая – это минусы, издержки, затраты. Сила Японии как раз и заключается в том, что она чисто экономическими средствами достигает значительно большего, чем страны, делающие упор на распространение своего **военно-политического влияния**. И именно в этой-то главе и надо было показать, какова доля Японии в экономике разбираемых стран и обратную связь – вклад этих стран в ВВП Японии. Тем более что эти вещи М.И. Крупянко знает очень хорошо.

Глава 9. Политика Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Эта глава написана канд. ист. наук Н. В. Стапран, преподающей в МГИМО (У).

Глава эта меня потрясла. Поначалу, конечно же, этим «АТР». Автор пишет, что уже сразу после войны Япония задумала выработать собственную стратегию «в Азии в целом и в АТР *в частности*» (курсив мой. – О.А.) (с. 173).

Было бы любопытно, если бы она назвала хоть один документ тех лет, где был бы использован термин «АТР». В те времена он вообще не употреблялся.

Но это только начало. Далее читаем: «В соответствии с идеями формирования подконтрольного Японии “тихоокеанского сообщества” были разработаны *доктрины* “Тихоокеанского объединения” (автор Коно Ёхэй, 1959 г.), “Тихоокеанской зоны свободной торговли” (1965 г.), “Пан-Азии” (*доктрина* премьер-министра Сато Эйсаку, 1969 г.» (курсив мой. – О.А.) (с. 176).

Если бы Коно-сама и Сато-сама воскресли, то сильно бы удивились, узнав, что они разработали такие доктрины. Девушка не понимает разницы между доктринами и идеями. Не понимает она также, как и все остальные японисты, в какой системе координат, если взять всю систему внешнеполитического процесса, действуют идеи и доктрины. Не подозревает она также и того, что для Японии вообще не характерно формулирование доктрин. Их придумывают сами исследователи, чтобы показать отличие политики одного премьера от политики другого, если таковое было.

Молодая исследовательница продолжает потрясать знаниями о Японии и учит следующее поколение востоковедов, что-де кабинет Мики Такэо (1974–1976) разработал «Стратегию Японии в XXI веке», которая ориентировалась на создание «тихоокеанского сообщества» как региональной экономической подсистемы (с. 177).

«Подсистемы» какой «системы»? Кабинет Мики только поручил Институту Номура подготовить доклад на тему

«Азиатско-тихоокеанская сфера сотрудничества», который был представлен правительству лишь в 1978 г., через два года после ухода Мики в отставку. А правительство Фукуда отвергло его. Но этот доклад был использован уже при правительстве Охира, в котором министр иностранных дел Окита разрабатывал концепцию «Тихоокеанского сообщества». И именно эта концепция превратилась в доктрину (так ее называли японисты), поскольку она стала основой для практической деятельности внешнеполитического ведомства, по крайней мере в первой половине 1980 года. (Переговоры на эту тему велись в Австралии, Новой Зеландии, Канаде.)

Кандидат в доктора продолжает: «В мае 1980 г. премьер-министр Судзуки Дзэнко окончательно сформулировал концепцию “тихоокеанского сообщества”» (с. 177). Не успел прийти к власти и уже «сформулировал»? Ничего он не сформулировал, а просто унаследовал от Охира.

Далее: «Планируемое сообщество предусматривало *интеграцию* США, Японии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и пяти стран АСЕАН» (курсив мой. – О.А.) (там же). Во-первых, куда делась Южная Корея? Во-вторых, какую «интеграцию»? Эта писательница даже не отдает себе отчет, что означает слово *интеграция*.

А вот – блеск женской логики: «Кроме всего прочего, ни США, ни Япония не хотели уступать друг другу право возглавить это сообщество. Хотя США и принимали участие в региональных экономических организациях, японская идея создания “тихоокеанского сообщества” не находила никакого позитивного отклика в Вашингтоне. Только в середине 80-х годов прошлого века США начали пересматривать свои позиции в регионе и свое отношение к японским предложениям по созданию подобной организации. К этому их подтолкнули претензии Токио на лидерство, имевшие серьезное экономическое подкрепление» (с. 178).

Ученая дама пытается нас убедить, что можно бороться за право возглавить *Сообщество*, которого не существовало. А положительная реакция США в середине 1980-х годов на идею о Сообществе была вызвана не «претензиями Токио» на лидерство, а элементарным усилением антисо-

ветизма в политике Рейгана. Кандидат исторических наук абсолютно не знает истории вопроса с этим Сообществом.

А вот суперприкольный пассаж. Мужики-«атээрщики» до этого не додумались. Это в связи с экспансионистскими замыслами самураев. Страшает: «Другими словами, Япония расширяла “зону мира и стабильности”, включая в состав АТР еще США и Западную Европу» (с. 178). Не хило. По-моему, она забыла сказать, что Токио собирался включить в «АТР» еще Северный и Южный полюсы. После всего этого неудивительно, что в «АТР» у нее попадает и Индия. Коль Европа там, то уж Индии сам бог велел.

Куда смотрела ответственный редактор Э. В. Молодякова? Неужели и сама так же «мыслит»?

Что меня крайне удивило, эта девушка-ученый единственная упомянула мою монографию «Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность» (М., 1997), в которой я как раз доказывал отсутствие «АТР» в мире. За это отдельное спасибо, но, как говорится, на пользу не пошло. Такое ощущение, что на самом деле она этой книги не читала. Впрочем, как и остальные. Иначе невозможно было бы написать представленный текст.

Глава 10. Отношения Японии со странами Западной Европы

Эта глава написана ответственным редактором данного пособия, д.и.н., профессором МГИМО (У) Э.В. Молодяковой, работающей одновременно зав. отделом (или сектором) Японии ИВ РАН.

Хочу сразу же заметить, что японо-западноевропейским отношениям почему-то не везет в советско-российской японистике. Отдельных монографий как не было, так и нет. Эта тема освещается в виде главок в общих работах по внешней политике Японии, хотя присутствие Японии в Европе видно даже невооруженным глазом. Повсюду японские машины, японские рестораны и даже японские кварталы, как, например, в Дюссельдорфе.

Однако представленная главка в информационном смысле ничего не добавляет к уже написанному, но зато углу-

бляет глупости предшествующей главы. Прежде всего это связано с глупостью «о повышении политической роли Японии». Профессор пишет: «Стремление Японии в последние десятилетия повысить свою роль в международной политике подталкивает и страны Евросоюза к повышению уровня политического взаимодействия с этой страной» (с. 198).

Оказывается, не только Япония, но и страны Евросоюза стремятся увеличить свою политическую роль за счет Японии. Молодякова в списке рекомендованной литературы, конечно же, приводит книгу Петрова, а посему должна знать, что вся эта книга построена на придуманной им идее о повышении политической роли Японии в мире в соответствии с ее экономическим потенциалом. Если следовать логике Петрова, этим Япония занимается уже почти 40 лет, а не «последние десятилетия». Вообще, кстати, не совсем понятно, как можно одним и тем же заниматься «десятилетиями»?

Очередная чушь: «Расширение политической составляющей в отношениях Японии с ЕС предоставляет ей возможность диверсифицировать свою внешнюю политику и политику в сфере безопасности, в определенной степени снижая уровень ее исключительной зависимости от США» (с. 202).

Каким образом можно снизить «уровень зависимости от США», расширяя политическую составляющую? Может быть, отношения с Японией и для стран ЕЭС снижают уровень зависимости от США? Господа ученые, «доценты с кандидатами», вы хоть соображаете, что пишете?

«Такой подход Токио, – убеждает профессор, – наглядно проявился во время обострения обстановки на Балканах, когда он *обеспокоился* возможностью расширения влияния НАТО на другие региональные системы безопасности, особенно в АТР, что неприемлемо для Японии» (курсив мой. – О.А.) (с. 202). Ну не словесная ли «пурга» – «обеспокоился»? Ну и что, что «обеспокоился»? Надо быть совершенно невменяемым, чтобы «обеспокоиться» расширением влияния НАТО в «АТР». Тем более, как писала автор предыдущей главы, сами японцы хотят засунуть эту Европу в «АТР». Естественно, вместе с НАТО. А каково само

слово – «обеспокоился»! Обеспокоиться могу я, что мне жена вовремя не дала ужин. В политике на «беспокойство» всем наплевать.

Вот еще один домысел с пустым содержанием: «Отношения Японии с НАТО в политической области не идут дальше формального обмена мнениями, но Токио ищет пути расширения сотрудничества, например в форме обмена информацией о военных доктринах, аргументируя такой подход актуальностью отдельных положений концепции НАТО (налаживание партнерских связей, борьба с распространением оружия массового уничтожения и пр.) для АТР. Японцев весьма интересуют подходы блока к Китаю, к Центральной Азии, позиции НАТО по проблеме нераспространения оружия массового уничтожения в Азии» (с. 203).

Непонятно, какие проблемы могут быть с «обменом информацией»? Всю эту информацию очень легко прочитывать в Интернете. Если возникнут проблемы, пусть обращаются ко мне. Передам бесплатно.

Короче, глава совершенно пустая, без вскрытия реальных проблем в отношениях между Японией и странами Западной Европы, с перечислением каких-то несущественных визитов и деклараций. Не показано реальное место Европы во всей иерархической структуре внешней политики Японии. Это, госпожа ученая дама, – словоблудие. И вот такие ученые преподают в МГИМО (У)!

Глава 11. Японская дипломатия и страны Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки

Написала и эту главу тоже дама, госпожа Н.В. Стапран, поразившая меня вновь. В отличие от главы 9-й эта глава написана весьма прилично, по крайней мере с информационной точки зрения. И это удивительно, поскольку этими темами специально она не занималась. Правда, и здесь Стапран все-таки не удержалась: «Активное вовлечение в решение острых проблем развивающегося мира повышает престиж и авторитет японской дипломатии, является ступенькой к достижению заветной мечты японской политической элиты

– превращению Японии в полноценного участника международных отношений» (с. 208).

В чем заключается «неполноценность» Японии как участника международных отношений? Все участники «полноценны», а Япония нет? Но такие вопросы в голову российским японистам почему-то не приходят.

Тем не менее у меня закрадываются сомнения, писала ли эту главу Стапран, поскольку в рекомендованной литературе она почему-то не упомянула имена Н. Луценко и В. Кистанова, много писавших об отношениях Японии со странами Латинской Америки, А. Богатурова («Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (70–80-е годы)». М.: Наука, 1988), И.В. Волковой («Япония и Африка (экон. и полит. отношения)». М.: Мысль, 1981). Или она просто не знает этих работ, или сознательно их игнорирует, что не делает ей чести. Хотя, скорее всего, она все-таки не является автором данной главы.

Глава 12 . Япония и проблемы международной безопасности

Эта глава написана к.и.н. О.А. Добринской (место работы не указано). Она заражена теми же ложными стереотипами, как и все авторы учебника. Плюс фактологические ошибки и непонимание сути явлений, отраженных в так называемых концепциях и доктринах Японии.

К примеру, ей кажется, что нефтяной кризис 1973 г., повлекший за собой кризис в экономике, дал толчок появлению новой концепции безопасности. Она пишет: «Именно это (кризис в экономике. – О.А.) повлияло на трансформацию концепции национальной безопасности в 1970-е годы. Документальное оформление она получила в “Докладе о комплексной национальной безопасности”, подготовленном при премьер-министре М. Охире и опубликованном в 1980 г.» (с. 233).

Во-первых, после этого кризиса были несколько так называемых «доктрин» (например, «доктрина Фукуда»), а главное – концепция «Тихоокеанского сообщества», которая как раз при Охире и начала осуществляться в реальной

политике. Но только после его смерти в мае 1980 г. вернулись к концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности» (КОНБ) и в конце 1980 г. подготовили 4-й вариант этой концепции, т.е. уже при Д. Судзуки. (При Охира был подготовлен третий, сырой вариант, который практически даже не обсуждался.) И причина этого была отнюдь не экономическая, а самая что ни на есть политическая – осложнение международных отношений в связи с ужесточением политики США против «империи зла».

Вообще надо сказать, что авторы пособия то ли сознательно, то ли по неведению замалчивают активную роль Японии в борьбе против Советского Союза. Поэтому я вынужден напомнить читателям в связи с этой КОНБ, какую политику проводила Япония реально в те годы.

Привожу кусок текста из одной моей монографии, опубликованной в 1997 г.¹.

Прежде всего бросалось в глаза то, что в этой «доктрине» особенно подчеркивалась идея «глобальности» и «неделимости» безопасности всей «рыночной зоны» перед лицом угроз со стороны Советского Союза. Утрирование этой идеи было вызвано тем, что, по мнению Токио, равно как и Вашингтона, Западная Европа, прежде всего Германия, не проявляла должной твердости в своем противодействии «империи зла», а значит, не очень хорошо понимала идею «неделимости» западного мира. В «Голубой книге» МИД Японии в этой связи отмечалось, что «страны, имеющие одинаковые политические и экономические ценности... должны выработать единую, интегральную и фундаментальную стратегию»². Надо иметь в виду, что первоначальный (охировский) вариант КОНБ предусматривал будущий вклад Японии в политику США главным образом в сфере экономики. По мнению известного японского ученого Т. Иноуги, причина заключалась в следующем: «Один из

1 О. Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы и реальность. Восточная Азия: экономика, политика безопасность. М.: Флинта, Наука, 1997. С. 264–7.

2 Вага гайко-но кинкё, 1982, (№26) с. 9.

методов, который позволил бы Японии сыграть роль младшего партнера, заключался в подчеркивании многогранности понятия национальной безопасности, сформулированного бывшим премьер-министром Охирэ. *Скрытый смысл* (курсив мой. – О.А.) этой идеи был воплощен в надежде, что вклад Японии в улучшение международной экономики в виде внешней помощи, перераспределение долгов и вклад в международные институты могут быть оценены как помощь американской политике»¹. Другими словами, Иноути хотел подчеркнуть, что усложнение, точнее, введение множества компонентов в понятие национальной безопасности и, самое главное, включение в него экономического блока позволит Японии сконцентрироваться именно на этом блоке, игнорируя прежде всего его военный аспект.

Проблема, однако, заключается в том, что сколько бы компонентов в это понятие ни вводилось, разработчики теории безопасности все равно сфокусируются на ее военной части. Так случилось и с японским вариантом КОНБ. После смерти Охирэ Д. Судзуки политизировал все аспекты доктрины, а Я. Накасонэ милитаризировал их. Такого типа эволюция трактовки комплексной безопасности от экономизированного варианта (Охирэ) через политизированный (Судзуки) к милитаризированному (Накасонэ) подтверждает магию политических терминов, которые вопреки воле их творцов начинают работать как самостоятельные акторы политики.

Как и полагается, доктрина КОНБ состояла из трех частей, или компонентов. На этот раз на первый план была вынесена политическая безопасность. Ее спецификой в то время было не только объединение усилий «стратегического треугольника» США, Европы и Японии, но и желание сформировать другой «стратегический треугольник», так сказать, регионального масштаба, т.е. США–Япония–Китай. Причина была веская – «из-за антисоветской и пропекинской политики» Вашингтона.

1 Т. Иноути. Кокусай канкэй-но сэйдзикэйдзай гаку. Нихон-но якувари-то сэнтаку (Политэкономия международных отношений. Выбор и роль Японии). Токио, 1985, с. 219.

Второй компонент – экономический – строился на рассуждениях о необходимости решения противоречий по линии Запад–Запад, с одной стороны, и Север–Юг – с другой.

Третий компонент – военный, в котором нашел отражение известный набор слов: укрепить, улучшить, усилить, естественно, военные связи с США, с остальными членами НАТО и собственные вооруженные силы. В отношении последних было введено новшество – расширить зону их действия на 1000 миль от территории Японии.

Доктрина КОНБ развалилась вместе с крахом СССР, поскольку главная ее цель была поражена. Надо отдать должное этой доктрине, точнее, политике, проводимой на ее основе.

Причин для распада Советского Союза, конечно, существует немало. Но среди них нельзя сбрасывать усилий Японии, честно, в силу своих возможностей, участвовавшей в борьбе против советского социализма. Причем борьба эта носила не абстрактный характер как некоего аморфного члена Запада или абстрактного партнера США. Партнерство было реальное и осязаемое.

Военный вклад Японии в «сдерживание» Советского Союза определялся участием в системе безопасности с США собственными вооруженными силами и предоставлением японских территорий для размещения американских баз. Этот вклад финансово определяется суммой затрат Японии на содержание Сил самообороны и американских баз в Японии. На все это Советский Союз должен был адекватно отвечать, т.е. только «японская» часть его военных расходов должна была составлять в начале 80-х годов сумму, приблизительно равную 12–15 млрд долл. ежегодно. Это – не считая «американской части» на Дальнем Востоке.

Политический вклад с выходом на военно-политические аспекты связан с «играми» в стратегические треугольники с Китаем, особенно после подписания Договора о мире и дружбе в 1978 г. В ответ на это Советский Союз, поверивший в перспективу подобного альянса, затратил немало средств на укрепление своих границ как с КНР, так и с Японией.

Как яркую демонстрацию экономического вклада Японии в борьбу с Советским Союзом следует рассматривать экономические санкции начала 80-х годов.

Конечно, вклад Японии в разрушение СССР несопоставим со вкладом США (их военные расходы в те годы составляли «всего лишь» от 200 до 350 млрд долл.), однако преуменьшать или вообще не замечать японских усилий в этой борьбе было бы несправедливо по отношению к правящим кругам этой страны. Все, что могли сделать, сделали. Заодно и заработали. И американцы в целом были довольны поведением своего военного союзника на Дальнем Востоке.

* * *

Естественно, писавшая свой текст кандидат наук, видимо, в силу своей молодости как-то не задумывалась о враждебности Японии по отношению к Советскому Союзу. Как и все, не задумывалась она и над этим пресловутым «АТР». Но написала: «Таким образом, с принятием “Руководящих принципов” в 1997 г. японо-американский союз трансформировался в структуру по обеспечению стабильности в АТР» (с. 240). Ведь прочитав такое, если исходить из понимания слова «АТР», можно предположить, что Япония собирается обеспечивать «стабильность» и в Индийском океане, и у берегов Латинской Америки, и даже у берегов Канады, поскольку Индия, Канада и латиноамериканцы входят в этот мифический «АТР».

А вот еще интересные умозаключения. Автор пишет: «В июне 2004 г. “чрезвычайное законодательство” было дополнено семью законами. Они касаются нейтрализации вооруженного нападения на страну, а также реализации в Японии положений гуманитарного международного права. Тогда же было пересмотрено Соглашение о взаимном предоставлении товаров и услуг между Японией и США. В обновленном виде оно позволяет Силам самообороны в случае вооруженного нападения на страну поставлять для американских войск, защищающих Японию, не только товары и услуги, но и вооружения и боеприпасы» (с. 247).

Можете представить: на Японию нападают, видимо, папуасы с Папуа–Новой Гвинеи, а Силы самообороны, вместо того чтобы от них защищаться, начнут поставлять американцам «вооружения и боеприпасы». А вдруг вместо папуасов северные корейцы ракетой случайно пальнут? Интересно, успеют японские Силы самообороны поставить и товары, и услуги да еще вооружения с боеприпасами? По-моему, что-то они там недоучили. Хотя Добринская утверждает: «“Чрезвычайное законодательство” было принято своевременно и отвечает национальным интересам» (с. 247). Ну, ей виднее.

Далее. «Во-первых» и «во-вторых» пропускаем. «В-третьих, участие в борьбе с международным терроризмом станет весомым вкладом Японии в обеспечение международного мира и безопасности, будет способствовать повышению ее международного авторитета» (с. 253). США изо всех сил борются-бьются с этим терроризмом, а международный авторитет у них почему-то все не повышается да не повышается. А только понижается и понижается. Да и «весомый вклад» Японии что-то не ощущается. В зоне ее «безопасности», в «АТР» то бишь, террористы только нагледуют. Мешают повышать Японии ее «международный авторитет».

Ну и напоследок. «Кроме того, поскольку КНДР причислена администрацией Дж. Буша-младшего к “оси зла”, а Китай объявлен стратегическим соперником, можно полагать, что в обозримой перспективе ситуация в Северо-Восточной Азии будет и дальше вызывать озабоченность японского руководства» (с. 256). А у меня в этой связи вызывает озабоченность, то, что моя жена не дает мне выпить пива столько, сколько я хочу, и когда пишут учебники дети из детского сада, но почему-то с научными степенями. Неужели в России и в детских садах стали раздавать ученые степени?

Последние три главы резко контрастируют с предшествующими благодаря то ли зрелости их авторов, то ли темам, поскольку в российском японоведении они редко освещались. Я имею в виду главу 13 («Официальная помощь раз-

витию – важнейший инструмент внешней политики Японии», автор – д.и.н. Д.В. Стрельцов из МГИМО (У)); главу 14 («Культурная дипломатия Японии», автор – А.Е. Кулаков) и главу 15 («Дипломатическая служба Японии», автор – к. социологич. наук А.В. Илышев из МИДа).

Хотя, если бы авторы владели теорией международных отношений, они могли бы сравнить внешнеполитический потенциал (ВПП) Японии и других стран, что позволило бы показать преимущества Японии в использовании экономических и культурных средств внешней политики над своими соперниками. Сама по себе информация о Японии тоже не бесполезна, но в сравнении она бы «заиграла» совершенно по-другому. К примеру, Россия все время пытается улучшить свой образ (правда, русские почему-то предпочитают заморское слово – «имидж») на международной арене. Почему бы не дать цифры затрат на «культурную» составляющую у Японии и России и показать, какая доля этой составляющей в их ВПП. Уже из этих цифр стало бы ясно, чей авторитет выше–ниже. Это касается и дипломатической службы. Например, Илышев приводит число работников МИД Японии. Помимо этих цифр надо было бы привести и бюджет МИДа в сопоставлении опять же с основными государствами мира или хотя бы с Россией. Только через такие сравнения можно делать выводы об эффективности внешней политики или ее затратности.

Современная внешняя политика хотя и сохранила еще элементы «искусства», но главным ее оружием стали финансы, а действующим лицом – бухгалтер.

И последний раздел книги – Хроника. Здесь опять Н.В. Стапран намудрила. Даю кусок ее таблички.

1974 г., декабрь	Провозглашение премьер-министром Т. Мики внешнеполитической концепции «Стратегия Японии в XXI веке»
1977 г., август	Провозглашение «Доктрины Фукуда» в Маниле
1981 г., январь	Официальные визиты премьер-министра Д. Судзуки по странам АСЕАН; провозглашение концепции «тихоокеанского сообщества» («Доктрина Судзуки»)

Как мог Мики провозгласить упомянутую концепцию, не успев прийти к власти? Только в следующем, 1975 г. он поручил Институту Номура подготовить доклад на эту тему, который был представлен в правление Фукуда.

В Маниле Фукуда никакой доктрины не провозглашал. Были озвучены банальные три принципа, которые мы, исследователи, обозвали «доктриной».

Концепция «Тихоокеанского сообщества» не является доктриной Судзуки, скорее она была «доктриной» Охира. Судзуки, как всем японистам должно быть известно, придерживался «доктрины» КОНБ.

* * *

Итак, перед нами учебное пособие по внешней политике Японии, большая часть которого написана дилетантами и идеологически зашоренными авторами. Учебник откровенно антисоветский и откровенно прояпонский. Понятно, что в современной капиталистической России принято очернять советское прошлое и обелять врагов СССР. В такой ситуации объективность почти невозможна, к тому же на это нет денег: приходится пользоваться всяческими зарубежными фондами и, следовательно, придерживаться политико-идеологических установок спонсоров. На деньги Сороса напубликовали учебников, из которых узнаешь, что чуть ли не Советский Союз напал на Германию, а от «ученых» из филиала Фонда Карнеги в Москве слышишь, что в ухудшении американско-российских отношений опять же виновата «неуклюжая политика Москвы».

В среде японистов тоже сложилось своего рода «прояпонское лобби», которое честно и, более того, с рвением работает на интересы Японии. Многие харчуются в Японии, а один из них – А. Загорский – даже просвещает японских студентов на предмет «захваченных» русскими «северных территорий». Среди авторов пособия такими «просамурами» являются Чугров и Молодяков. Эти горе-ученые – сознательные антисоветчики, и посему все их писания можно квалифицировать как идеологическую подтасовку. Две дамы – просто неграмотны и, думаю, не очень осознают,

что объективно льют воду на мельницу врагов России. Не утверждаю, но подозреваю, что они прошли через всяческие фонды или гранты, позволившие им вкушать от «древа познания» из забугорного капиталистического рая. А это очень сильно разлагает. Из своего опыта знаю: мало кто выдерживает «халяву» с достоинством. Поневоле начинаешь петь под дудку спонсоров.

Об ответственном редакторе Э.В. Молодяковой можно сказать только одно – она **безответственный** редактор: не только пропустила массу неточностей и всевозможных фальсификаций, но и сама внесла в эти фальсификации весомую лепту. Впрочем, чего можно ожидать от человека, распоряжающегося милостынями Японского фонда?

Мне непонятна позиция двух людей (М. Носова и М. Крупянко), согласившихся участвовать в написании *такого* пособия. Не исключаю, что они просто отдали свои куски для публикации, не прочитав полностью весь «труд». А если прочли и согласились, то тем самым просто замарали свои имена.

Наконец, о научности. Можно быть идеологически слепым, но есть все-таки некий научный уровень, который непозволительно нарушать. Повторю, пособие не место для аналитических штудий. Оно предназначено для изложения *ранее проделанного* анализа. Но фактически мы видим банальности о внешней политике Японии, которые талдычатся десятилетиями. Неслучайно чуть ли не в каждой главе есть ссылка на книгу Д.В. Петрова. Для своего времени она действительно была хороша. Но нельзя же повторять чуть ли не через сорок лет эту банальность о «политической роли» Японии. Нельзя же употреблять слова *влияние, авторитет, сверхдержава* и т.д. просто как слова. Они давно уже стали понятиями, которые отражают целые пласты реальности, не соответствующие тем значениям, которые придают им авторы. За сорок лет достаточно далеко продвинулась теория международных отношений. Изменились методы изучения. Какой смысл все время писать о Договоре безопасности, вместо того чтобы проанализировать соотношение затрат на эту безопасность и доходов, полученных от действия этого договора. Вместо

того чтобы писать об усилении роли Японии в мире, надо было высчитать, сколько стоит это «усиление» и какой получит Япония «навар» от этого усиления. Наконец, давно надо было проанализировать внешнеполитический потенциал Японии в сравнении с десяткой ведущих стран мира. Только зная этот потенциал, можно оценить реальное геостратегическое место страны в мире. Япония же интересна тем, как использует она этот потенциал. Более или менее описаны экономические средства воздействия, но практически не проанализированы информационно-пропагандистские и политические средства воздействия. Никто даже не ставил вопрос об эффективности внешней политики, в том числе и Японии. Существует масса тем, которые российская японистика даже не затрагивала. Мусолятся те же самые «проблемы», которые были актуальны в 1970-е годы, но отнюдь не сейчас.

И еще об объективности. Я понимаю, почему в пособии его авторы не упоминают мои работы. Я их идеологический враг, и это действительно так. Ну хотя бы ради приличия в списке «рекомендуемой литературы» могли бы упомянуть названия книг по советско-японским отношениям, например: *Л. Кутаков*. Москва–Токио. Очерки дипломатических отношений. 1956–1986 (М., 1988); *Л.Н. Смирнов, Е.Б. Зайцев*. Суд в Токио (М., 1978); *А.Н. Николаев*. Токио: суд народов (М., 1990). А то все время о «тоталитаризме» в СССР вспоминают, а о милитаризме в Японии забыли.

В этом, правда, нет ничего удивительного. Россия стала капиталистическим государством. Воспроизвела она и буржуазную науку, задача которой чернить советское прошлое и обелять всех врагов СССР. Одним из средств «очернения» и «обеления» является фальсификация. Кто-то делает это сознательно, кто-то не задумываясь, но в силу обстоятельств. Если раньше я воспринимал понятие *буржуазная наука* как абстракцию, то ныне я сталкиваюсь с ней в реальности и на Западе, и в России. Представленное пособие – ярчайшая иллюстрация этой буржуазности. Думаю, таких книг, учебников и пособий – подавляющее большинство. Бороться с этим большинством сложно, но можно.

У меня на сайте вывешено несколько книг, касающихся Японии, которые написаны после развала СССР¹. Но нет работ, написанных в советское время. В ответ на фальсификации я вынужден буду воспроизвести на сайте свои старые работы по Японии, большая часть которых как раз и посвящена внешней политике этой страны². Хотя бы для того, чтобы студенты знали альтернативные взгляды на предмет. Сравнивали бы и думали.

Капицу – в академики?

29 ноября 2011 г.

Известно, что в декабре 2011 г. состоятся очередные выборы в РАН. Значит к хлебным кормушкам выстроилась длинная очередь. Естественно, в ней можно обнаружить немало проходимцев. Я уже неоднократно описывал механизм попадания в член-корреспонденты и академики, – механизм, который практически к самой науке не имеет никакого отношения. Соискатели званий – директора институтов, их замы, родственники, деловые люди. В общем, как почти и везде происходит в современной России. Поэтому было неожиданностью для меня увидеть в списке претендентов на

1 См.: О. Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика, безопасность. М.: Флинта, Наука, 1997; *он же*. Стратегические перспективы России в Восточной Азии. М.: МГИМО, 1999; *он же*. Стратегические контуры Восточной Азии. Россия: ни шагу вперед. М.: Альянс, 2001; *он же*. Япония: взгляд на мир, на Азию и на Россию. М.: МГИМО, 2001; *он же*. Россия: ни шагу вперед. М.: Алгоритм, 2003.

2 Они были вывешены после написания данной рецензии. См.: Р. Ш.-А. Алиев [О. Арин]. Внешняя политика Японии в 70-х – начале 80-х годов (теория и практика) М.: Наука, 1986. А в рубрике «Страничка для востоковедов» представлены авторефераты кандидатской и докторской диссертаций, а также ряд статей, которые в свое время шли под рубрикой «ДСП».

звание академика С.П. Капицу. И не только для меня. Вот реакция журналиста из «НГ»: «Неожиданно в списке кандидатов в академики по Отделению глобальных проблем и международных отношений появилась фамилия... Капицы Сергея Петровича. Неожиданно – по двум обстоятельствам: во-первых, он не был даже член-корреспондентом; а во-вторых, себя-то он всегда позиционировал как физика. Очевидно, в его выдвижении сыграла свою роль созданная им математическая теория роста народонаселения Земли».

Видимо, она и стала обоснованием для получения звания. Я напому из Устава РАН, что действительными членами Российской академии наук избираются ученые, обогатившие науку трудами первостепенного научного значения. Предполагается, что труд С.П. Капицы имеет «первостепенное научное значение». Хоть кто-нибудь видел этот труд в глаза? Неужели сам Капица именно в таком ключе оценивает свой труд?

Поскольку мне приходилось заниматься проблемами народонаселения в контексте темы о Прогрессе, я хочу привести небольшой кусок из своей книги¹, как раз посвященный будущему академику Капице.

* * *

«Я хочу вкратце представить взгляды одного из прогнозистов демографической ситуации в мире, чтобы призвать читателей осторожно подходить к выкладкам тех или иных оракулов. В данном случае я имею в виду русского физика С.П. Капицу, который по заказу международных организаций, включая Римский клуб, выполнил работу на демографическую тему под названием «Общая теория роста человечества». В принципе расчеты Капицы не противоречат прогнозам ООН, по крайней мере их «верхнему» варианту во второй половине XXI в. (по Капице, население через 50 лет должно стабилизироваться на уровне 10–12 млрд чел.). Более того, его теория не дает абсолютно ничего нового по

¹ Алекс Бэттлер [Олег Арин]. Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала). М.: Изд-во ЛКИ, 2008, с. 308–11.

сравнению с идеями американского демографа У. Ростоу, изложенными в книге «Великий пик роста населения и после», вышедшей в свет в 1998 г., т.е. за год до русского издания книги Капицы и за восемь – до ее английского издания¹. Но на эту книгу у русского физика нет даже сноски. В разрекламированном опусе, повторяю, нет ничего нового, кроме физико-математического подхода, который просто подтвердил результаты анализа «без математики».

В основе модели глобального демографического развития, предложенной Сергеем Капицей, – квадратичный закон роста населения Земли: медленное вначале развитие все ускоряется, и по мере приближения к 2000 г. оно устремляется в бесконечность демографического взрыва. Рост – круче экспоненциального. Затем фиксируется стабилизация, после чего такой уровень сохраняется бесконечно долго. Капица пишет:

До рубежа 2000 г. население нашей планеты росло с постоянно увеличивающейся скоростью. Тогда многим казалось, что демографический взрыв, перенаселение и неминуемое истощение ресурсов и резервов природы приведет человечество к катастрофе. Однако в 2000 г., когда население мира достигло 6 млрд, а темпы прироста населения – своего максимума в 87 млн в год, или 240 тыс. человек в сутки, скорость роста начала уменьшаться. Более того, и расчеты демографов, и общая теория роста населения Земли указывают, что *в самом ближайшем будущем* рост практически прекратится. Таким образом, население нашей планеты в первом приближении стабилизируется на уровне 10–12 млрд и даже не удвоится по сравнению с тем, что уже есть (курсив мой. – А.Б.)².

Удивительная логика! С одной стороны, рост числа жителей планеты скоро прекратится. С другой стороны, по прогнозам самого же Капицы, населению Земли предстоит почти удвоиться (до 10–12 млрд) всего лишь за 50 лет. (Таким образом, «самое ближайшее будущее», надо понимать, лежит за пределами 50 лет.) Допустим, человечество

1 Rostow W. The Great Population Spike and After. Oxford, 1998.

2 Независимая газета. 08.11.2006.

на этом остановится. А почему? Главная причина этого, по мнению Капицы, в том, что человек «исчерпал свои возможности роста путем обмена информации». В другом месте пишет: «Теперь же мы приблизились к пределу ресурсов его разума, но не ресурсов его материального бытия»¹.

В этой связи он приводит симптоматичный пример:

Действительно, как и при развитии взрывных ядерных реакций, информация распространяется путем цепной реакции, когда она необратимо умножается на каждом этапе развития. Более того, такая информационная система возникла очень давно, когда миллион лет тому назад в результате биологической эволюции появились речь и язык, развилось наше собственное, а затем и общественное сознание, что и привело к взрывному росту (там же).

Профессор Капица не случайно привел пример с ядерной реакцией в качестве аналогии распространения информации в человеческом обществе. Это обычная ошибка многих естественников, пытающихся приложить законы своих наук к законам общественного развития. Например, он называет 35 факторов роста населения, не осознавая, что многие из них «работают» совершенно по-разному в зависимости от места их приложения². К примеру, фактор 10 – «оптимальное пространство для жилья». Оно будет совершенно разным для китайца и японца, европейца и американца, тем более оно будет разным в разные исторические эпохи. Но для Капицы все это просто «информация», которую он не смог бы унифицировать, даже если бы попытался это сделать только для группы стран Востока и Запада. Он, как и многие кибернетики и физики, по каким-то непонятным мне причинам путает информацию и знания (о чем мне уже приходилось писать в соответствующем месте.) В частности, в одном из докладов он сообщает:

1 Литературная газета. 11.07.2003.

2 *Kapitza S. Global Population Blow-up and After. The Demographic Revolution and Information Society. Global Marshall Plan Initiative. Hamburg, 2006, p. 36.*

Рост, описываемый кооперативным взаимодействием, включающий все виды человеческой деятельности, по существу, учитывает и *развитие науки и техники* как системного фактора – развитие, которое *принципиально* не выделяет наше время в сравнении с прошлым. Принимая закон развития неизменным, что видно из неизменности квадратичного роста населения мира до демографической революции, следует полагать, что не исчерпание ресурсов, перенаселение или развитие науки и медицины станут определяющими в изменении алгоритма роста (курсив мой. – А.Б.)¹.

То есть Капица, используя «квадратичную» теорию не заметил разницу в резком увеличении населения с момента индустриальной революции благодаря науке и технике, не заметил и «принципиальной» разницы роста населения при капитализме и феодализме. Это население, если следовать логике «ядерных реакций», само по себе удваивалось вне зависимости от развития науки и техники, точно так же, как происходит цепная реакция в реакторе. То есть человек ничем не отличается от ядер атомов. Полшага – и вы в плену «антропного принципа». А это означает: «если у рыбы есть душа, тогда у воды наверняка есть сердце» (японская поговорка).

Физик Капица своей теорией как бы опровергает Мальтуса, который, как известно, полагал, что ресурсы определяют рост населения. И, дескать, его идеи получили развитие в XX в. Не очень понятно, как они могли получить развитие в XX в., если они с самого начала были обоснованно раскритикованы из-за своей несостоятельности. Ссылка при этом на Римский клуб вряд ли может являться авторитетной, учитывая, что практически все прогнозы этого клуба опровергаются практикой (это признает и сам Капица, по крайней мере относительно доклада «Пределы роста»). Но Капице был нужен Мальтус, чтобы обратить внимание на использование англичанином математических методов моделирования. Несмотря на это, математика оказалась в конфузе. Ясно, что дело не в математике. Она, как в свое время справедливо писал Гегель, хороша для количествен-

1 Демоскоп Weekly. 5–18 апреля 2004 г.

ного анализа. Но не годится для познания сущности явления. Это еще раз подтвердила и теория самого Капицы. Ибо для того, чтобы сделать такой генеральный вывод: «*Главная переменная – само человечество*, которое задает тон развития всему остальному – экономике, политике и т.д.»¹, думаю, можно не обращаться ни к физике, ни к математике».

* * *

В этой связи еще раз хочу повторить *фундаментальный принцип науки: нельзя методы естественных наук использовать в анализе общества*. Законы и закономерности здесь работают как тенденции, поскольку очень силен сам человеческий фактор, способный сопротивляться, а подчас и управлять естественными законами. Пока ученые не усвоят данный принцип, будет появляться масса работ с красивыми формулами и совершенно пустым содержанием.

Хотя, повторяю, модель Капицы с прогностической точки зрения мало чем отличается от моделей ООН, я остановился на его книге только потому, что она напоминает множество работ исследователей естественного профиля (физиков, химиков, технологов, биологов и др.), которые по каким-то причинам увлеклись прогнозированием политических и международных событий исходя из интенсивности солнечного излучения, количества пятен на Солнце, расположения планет и т. д. и т.п. Причем ничего у них обычно не сбывается, зато газеты с охотой печатают их статьи, поскольку «обнаученное» шарлатанство, подкрепленное звучными именами, пользуется большим спросом.

Прогнозы Капицы ничего нового не внесли в теорию народонаселения Земли. Аналогичные выводы неоднократно были сделаны в других работах, причем до него, в том числе и учеными при ООН. Использование математического аппарата превратилось в одну из форм шарлатанства, который весьма ловко использовал, например, Ф. Дж. Типлер в своей «Физике бессмертия». Причем сам «физический» подход к анализу общественных явлений – это одна

1 Независимая газета. 08.11.2006.

из разновидностей так называемой чисто русской теории «космизма», на основе которой сочиняются басни об общественных явлениях на Земле.

Жаль, что сын действительно великого ученого – Петра Капицы – согласился участвовать в этом шарлатанстве: гонке за звание академика по дисциплине, в которой он любитель. Подобный труд не может удостоить автора звания академика.

***Рецензия на диссертацию на соискание
ученой степени доктора политических
наук Мадам Х. «Место и роль
национальных государств в процессах
глобализации»***

11 ноября 2011 г.

Представленную ниже рецензию на диссертацию на звание кандидата наук (для Молдовы – доктор) я решил выделить особо, несмотря на «общий случай», который отражает уровень науки, характерный для всех стран СНГ. Думаю, что Россия в этом опережает их всех (но об этом ниже). Из подобных претендентов ныне состоит армия «ученых» некогда великой научной сверхдержавы. Утверждаю, что даже среди нынешних претендентов на звания академиков и член-корреспондентов в области общественных наук и международных отношений нет ни одного (даже в виде исключения) достойного высокого титула **ученый**. Ни за одним из них не числится открытие законов или закономерностей или иных глубинных исследований, продвигающее науку на иную, более высокую ступень познания. Практически у всех без исключения нынешних претендентов мотив один – желание получить высокую должность либо подтянуть свое «научное» звание под уже занимаемую должность, используя родственные и деловые связи.

О научном потенциале таких соискателей говорить вообще не приходится. Он мизерный и в лучшем случае адекватен уровню диссертации, на которую мне пришлось написать рецензию.

* * *

Первый раз эта диссертация попала мне на глаза в 2008 г. Тогда, как мне сообщили, она не была утверждена ВАКом Молдовы. По этой причине, видимо, диссертанту порекомендовали учесть критические замечания и пожелания оппонентов. Нынешний вариант, судя по всему, и является ответом на предыдущую критику.

Действительно, в тексте произошли некоторые изменения, поменялась даже структура работы, введена новая глава («Обзор литературы»). Однако все это не изменило характер и качество «труда». И главным образом это происходит потому, что диссертант по своему мышлению крайне далек от науки в принципе: она просто не понимает явлений, о которых идет речь в своей же диссертации.

Вообще создается такое впечатление, что ее работу писала группа людей с далекими от экономики и политики знаниями. В корпусе диссертации постоянно повторяются тексты из «Обзора литературы», представляющие собой не анализ, а реферативное изложение взглядов того или иного автора, о которых можно легко узнать из Википедии. Автор приводит множественные определения данные цитируемыми учеными, но как должно быть или свое собственное определение того или иного термина автор не высказывает (я уж не говорю о том, что в некоторых случаях его следовало бы выводить на понятийный уровень). Простое же перечисление того, что кто-то что-то сказал, – это для информационных справочников, т.е. писаний в другом жанре. Непонимание предмета обнаруживается и в том, что автор описывает явления с одной, с другой, с третьей стороны, забывая, что количество сторон у любого явления бесконечно, а истина одна, и это автор обязан в научном труде демонстрировать. Об этом я неоднократно писал в связи с ученостью «ученых».

Итак. Уже с самого начала диссертации удивление вызывает список аббревиатур, или сокращений. Если в Списке сокращений фигурируют МИД, НАТО, НАФТА, РФ, ВВП, ГАТТ, США и т.д (и сбоку припеку СПИД), на кого рассчитана данная диссертация? Одно дело, если это отчасти нужно в популярной литературе для читателя «вообще», но тут же – кандидатская (в Молдавии, повторю, считается докторской), том для ВАКа. Кстати, не исключаю, что эти аббревиатуры действительно нужны, и в данном случае для рецензентов, так как они подтверждают безграмотность самой соискательницы: известная аббревиатура НТР раскрывается ею как «научно-техническое **развитие**», хотя на самом деле это «научно-техническая **революция**».

Диссертант изначально указывает, что представленная монография – это

«Научно-исследовательская методология. Методология исследования основана на общих методах научного познания, концептуальных принципах системного подхода, положениях структурно-функционального анализа, выводах феноменологии (при сохранении автором материалистических позиций), идеях культурно-цивилизационного и синергетического подходов» (с. 5).

Хотя автор оговаривает это «основание», но из дальнейшего текста ясно, что, говоря о *методологии*, она имеет в виду *подходы* и *методы*. Но ведь это совершенно разные вещи. В частности, ниже она пишет о системном анализе, который якобы использовала. Диссертант, очевидно, не понимает разницу между системным *подходом* и системным *анализом*. Последнее, как минимум, требует математического аппарата. Причем в ее работе на самом деле отсутствует не только системный анализ, но и системный подход как один из технических способов анализа, за исключением употребления «системообразующих» слов. Где в работе представлен «синергетический подход»? И знает ли она, что

этот подход в обществоведческой науке не дал ни одного позитивного результата, а только внес массу искажений. Поскольку он, как метод, рассчитан на исследования неорганического и органического миров.

Что такое «общие методы научного познания»? Кто их определил? Знает ли диссертант, насколько отличается методология марксистов от методологии буржуазных ученых в познании одно и того же явления? Общие методы дает только философия диалектического мышления, которое крайне редко встречается в буржуазной общественной науке. То есть уже на уровне понимания термина *методология* становится ясно, что работа вряд ли будет относиться к разряду научной.

Теперь перейду к главному. Во «Введении» говорится:

Актуальность и важность темы исследования. К концу XX – началу XXI века глобализация стала одним из ключевых понятий, которое наиболее полно характеризует сложные тенденции развития и модернизации современного мира. Именно с этого момента процессы глобализации оказываются в центре внимания исследователей и политиков как новая объективная реальность. *Суть данного явления заключается в резком расширении и усложнении взаимосвязи и взаимозависимости государств и народов.* Глобализирующаяся реальность отражается в процессах формирования *планетарного информационного пространства*; в возникновении мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы; в интернационализации проблем безопасности, межэтнических и межконфессиональных конфликтов; в факторах техногенного воздействия на природную среду и т.д. (с. 8. Курсив мой. – О.А.)

Очевидно, что эта работа была написана до мирового финансового кризиса, когда слово *глобализация* действительно была на слуху и на языке у всех. Особенно в среде российских ученых, многие из которых на этом явлении сделали не только всяческие диссертации, но и умудрились даже стать член-корреспондентами. Причем ни один из них даже не понимал, что данное явление представляет всего

лишь один сегмент мировой экономики, его финансовую составляющую, которая как раз столь впечатляюще рухнула к 2008 г. Ни один из них не учитывал, что мировая экономика, если говорить о структуре, состоит, как минимум, из трех сегментов: интеграции, интернационализации и глобализации (некоторые добавляют еще «глокализацию»). И все они постоянно путали и путают интернационализацию с глобализацией, относя к интернационализации то, что обозначается как глобализация, и наоборот.

Диссертант же, не будучи экономистом, естественно, о таких «нюансах» даже не задумывалась. Достаточно привести список «авторитетов» по глобализации, на которых она ссылается:

Следует отметить, что проблематика глобализации наиболее четко разработана учеными тех стран, которые выступают главными движущими силами процессов мондиализации. Речь идет, прежде всего, о США, Великобритании и их интеллектуальных представителях – З. Баумане, Э. Гидденсе, М. Олброу, К. Омае, Р. Робертсоне, Дж. Розенау, Т. Фридмане, Ф. Фукуяма, С. Хантингтоне и других (с. 16).

Из перечисленных авторов экономические аспекты так называемой глобализации более или менее научно пытался представить только Омаэ, который в последнее время (после кризиса) начал пересматривать свои взгляды. Фукуяма с треском провалился со своей книгой «Конец истории». А покойный Хантингтон фактически повторил культурологические и цивилизационные идеи Арнольда Тойнби применительно к современности. Томас Фридман вообще журналист, который не удосужился подтвердить концепцию глобализации цифрами. Идеи же Розенау (из школы «зависимости») носят совершенно иллюзорный характер и вызывают только насмешки у его коллег-специалистов по международным отношениям. Причем в этом перечне почему-то не указаны действительно видные специалисты по вопросам мировой экономики, например Пол Хирст и Грэхэм Томпсон (Paul Hirst and Grahame Thompson. *Globalization in Question*. Polity Press, 1999). Не говоря уже о лауреатах Нобелевской премии по экономике.

А вот еще более курьезный список российских ученых. Указывается:

В свою очередь, российские ученые и исследователи стран постсоветского пространства уделяют больше внимания проблемам и перспективам развития национального государства, трансформации его признаков и функций в условиях глобализационных процессов. В их число входят К.С. Гаджиев, А.А. Гезалов, И. Дискин, С.П. Капица, В.Б. Кувалдин, М.А. Мунтян, А. Тишков, А.Д. Урсул, А.И. Уткин и др. (с. 17).

Где-то внизу еще упомянут А. Панарин.

Госпожа ученый, Гаджиев из кусков политологии сделал науку «Геополитика», которая к науке вообще не имеет отношения, а является, по меткому выражению Ганса Моргентау, «метафизикой, обернутой в псевдонаучный жаргон». Все прогнозы С. Капицы по демографии провалились. Прогнозы Панарина о крахе США провалились с еще большим треском. Кувалдин, написавший одну совершенно глупую статью про глобализацию, разбирается в ней не больше, чем в балете. Покойный Уткин, профессиональный американист, в силу националистической предвзятости давал оторванную от реальности картину международных отношений. Почти все они – идеологически зашоренные «ученые». Одни из них помешаны на национализме, т.е. антиамериканизме. Большая часть, типа Кувалдина, – на либерализме. Отсюда – искаженное представление о современном мире.

Уверен, что диссертант их работ полностью не читала, а цитировала по каким-то кускам, не исключая, из каких-нибудь реферативных сборников.

Но повторяю. Если до кризиса еще можно было что-то напридумывать в отношении глобализации, то, после того как кризис показал полную неспособность глобального капитализма удерживать мировую ситуацию под контролем, писать о глобализации, как это делает диссертант, просто несерьезно. Кризис показал две вещи. Если глобализация и была, то она привнесла только негативные последствия не только для стран Третьего и Второго миров, но и для самих

организаторов этой глобализации. Посмотрите, что происходит. Даже экономическая интеграция, реальное явление в Западной Европе, начала трещать по швам. Центробежные силы начинают всерьез преобладать над центростремительными. А диссертант продолжает писать о глобализации как объединительной силе всего человечества.

Негативная сторона глобализации вообще не представлена в работе, в которой данное явление воспринимается как положительное, ведущее чуть ли не к «планетарному сознанию». Кстати, диссертанту в связи с последним хотя бы для примера надо было показать, как усваивается это планетарное сознание в странах Ближнего и Среднего Востока (коль уж она знает арабский язык), или в Африке, или в Латинской Америке.

Но есть еще и второй момент. А была ли (до кризиса) глобализация вообще, в том смысле, в каком ее представляют диссертант и авторитеты, на которые она ссылается?

Для этого ей надо было почитать научную литературу послекризисного периода. Уж коль она связала глобализацию с изменением роли и места государства, надо было хотя бы пролистать книгу Дэни Родрика (*Dany Rodrik. The Globalization Paradox. NY, 2011*). И еще десяток таких книг, поскольку новый вариант диссертации она представила в 2011 г. И само собой, она обязана была прочесть книги экономистов, многие из которых ранее трещали о глобализации, а теперь очень сильно прикусили язык. Как раз в последние два года появилось достаточное количество книг, в которых пересматриваются старые взгляды на глобализацию и из которых выясняется, что никакой глобализации и не происходило. Вот одна из таких книг, автор которой, Панкадж Гемават (из Гарвардской школы экономики), между прочим, как раз сторонник глобализации, сетует, что на самом деле ее не было, а если что и было, то в лучшем случае – «полуглобализация». Вот некоторые цифры, взятые из его монографии (*Pankaj Ghemawat. World 3.0: global prosperity and how to achieve it. Boston, Massachusetts: Harvard Business Review Press, 2011*).

В рамках так наз. глобализации всего лишь 1% от всех писем приходится на международные, 2% – на международ-

ные переговоры. Только 2% студентов учатся в университетах вне своей страны, 3% живут вне мест своего рождения, 7% директоров 500 крупнейших компаний являются иностранцами, менее 1% всех американских компаний имеют внешние операции. Экспорт равен только 20% мирового ВВП. Авиапутешествия жестко ограничены двусторонними договорами, а океанические перевозки контролируются национальными картелями.

Теперь о «новой экономике» свободного передвижения капитала и безграничной информации, о которой жужжат глобальные болтуны. Оказывается, прямые зарубежные инвестиции (не путать с портфельными пузырями) составляют только 9% всех зафиксированных инвестиций. Менее 20% рискованного капитала размещено вне страны его главных фондов. Только 20% акций, торговых сделок на торговых биржах принадлежат зарубежным инвесторам.

А вот очень важная информация для тех, кто преувеличивает значение Интернета: в реальности менее 20% интернетовского трафика пересекает национальные границы.

О миграции. В настоящее время уровень эмиграции ниже, чем столетие назад, когда эмигрировали 14% ирландцев и 10% норвежцев. В то время не нужны были визы. Ныне мир тратит 88 млрд долл. в год на процедуру оформления виз и в десятках стран стоимость паспорта превышает средний годовой доход в этих странах. В целом 90% населения земного шара никогда не пересекало своих границ стран своего проживания.

О воздействии последнего финансового мирового кризиса, из которого до сих пор многие страны так и не выкарабкались. Прямые зарубежные инвестиции упали с 2 трлн долл. в 2007 г. до 1 трлн в 2009 г.

Такого типа мировых макроэкономических показателей можно приводить сколько угодно. Но вот еще интересные факты.

Сейчас процесс пересечения товаров через канадско-американскую границу стал занимать в три раза больше времени, чем это было до 11 сентября 2001 г. Даже Интернет подвержен такого типа регионализации, поскольку правительства некоторых стран, например в КНР, ограни-

чивают его распространение из-за «неправильного» содержания.

Гемават развенчивает миф и о том, что мир захвачен горсткой гигантских компаний. Уровень концентрации во многих компаниях драматически упал с 1950 г. и остается приблизительно постоянным с 1980 г.: 60 лет назад на две компании приходилась половина мирового производства автомобилей, сейчас – на семь.

При этом надо иметь в виду, что все эти цифры относятся даже не к глобализации, а к интернационализации. Поскольку главным экономическим ядром глобализации были финансовые деривативы в различных формах, которые как раз и лопнули.

На фоне такого осмысления процесса глобализации само название диссертации является нонсенсом. Нет этого процесса, есть некая тенденция, которая четко не выделилась из процесса интернационализации. И поэтому уже с этой точки зрения диссертация о том, чего нет в природе.

Диссертант не экономист. Но она и не политолог. Политологические проблемы в диссертации представлены столь же поверхностно, как и экономические. Для начала несколько примеров.

В диссертации написано:

В этом смысле двадцатое столетие становится периодом сверхперемен. Оно ознаменовалось для большинства народов и обществ свершением индустриальной революции, переросшей в научно-техническую и информационную революцию, подвигнувшую человечество к стадии строительства постиндустриального общества, к началу “эпохи модерна” (с. 15). Во-первых, *индустриальная* революция произошла на два века раньше в Англии.

Во-вторых, человечество постиндустриальное общество не строит, поскольку большая его половина еще не успела построить даже «индустриальное» общество. Посмотрите на те же арабские страны. Как о «постиндустриаль-

ных» говорят только о государствах «золотого миллиарда». А главная специфика XX в. – возникновение социализма как мировой системы, который оказал значительно большее влияние на мировую обстановку, чем все технические революции, вместе взятые. В силу своей молодости диссертант могла не помнить, что был Советский Союз и социалистический лагерь. Но уже повзрослев, могла бы заметить, что на мировой арене после распада социалистического блока остался социалистический Китай, самая динамичная держава мира, единственная, которая бросает вызов США.

В-третьих, главным переломным моментом конца XX в. является слом биполярной системы и формирование однопольусной, которая и будет определять ход человеческого развития, по крайней мере в первой четверти XXI в. Очевидно, что эти моменты прошли мимо внимания диссертантки.

Термин же *модерн*, для информации, используется буржуазной наукой, чтобы избавиться от слов *капитализм*, *социализм*, *империализм*.

Идем дальше. В освещении темы нации и национализма диссертант ссылается на второстепенных авторов типа Хобсбаума и Геллнера, которые элементарно не в состоянии вывести термины на понятийный уровень. Отсюда многословие и описание. Это касается и термина *государство*. На самом деле эти проблемы на высоком научном уровне давно решены марксистской наукой, которую диссертант полностью обошла стороной. Понятно, что автор работает в парадигме буржуазной науки, игнорируя марксистскую, что делает ее идеологически ангажированной и, следовательно, отдаленной от подлинной науки. Тем не менее, хотя бы из любопытства, следовало полистать некоторые книги на озаглавленную тему западных неомарксистов или хотя бы работы представителей школы коммунитариев. Между прочим, даже современные буржуазные экономисты и обществоведы все больше и больше склоняются к марксистской терминологии в интерпретации, как минимум, мировой экономики.

Может быть, и неплохо, когда диссертант приводит какие-то кусочки мысли о государстве того или иного философа или социолога, Гегеля, к примеру (хотя я катего-

рически не верю, что она прочла его «Философию права»), демонстрирует знания о Гоббсе, Гегеле, Вебере, Дюркгейме. Можно было добавить еще с десяток, а то и сотен имен, благо в Википедии все они представлены. Но главное – результат этих знаний:

Национальное государство – это такая правовая, суверенная, территориальная организация публичной власти, которая легитимно выражает и отстаивает основные (экономические, политические, культурные, духовные) интересы обособленной и сплоченной на основе осознания своей целостности и единой исторической судьбы устойчивой общности людей – нации (с. 56).

Во-первых, **ненациональных** государств не бывает в принципе. Поскольку любое государство вторично по отношению к нации и возникает на основе формирующейся нации. Национальное государство – от английского nation-state, – часто употребляемое словосочетание только для того, чтобы выделить одно из значений слова nation (государство).

Во-вторых, в какие это времена государство выражало и отстаивало интересы **всей** нации? Может быть, нынешнее российское государство отстаивает интересы всей нации? С чего бы тогда Россия так скорострительно вымирает, а чуть ли не треть населения готова эмигрировать? Даже в США государство не отстаивает интересы **всей** нации. В настоящее время чуть ли не полнации воюет с этим государством, точнее, с американским государственно-монополистическим капитализмом (ГМК). Неужели диссертант настолько впала в антисоветизм, что для нее марксистская аксиома о классовом характере государств неприемлема в принципе? Любое государство прежде всего отстаивает интересы господствующего класса. И только в критических ситуациях (война и т.п.) оно вынуждено отстаивать интересы всей нации, а фактически себя же, поскольку без нации нет государства. При этом даже буржуазные государства отличаются друг от друга: одно дело американское государство, другое дело – канадское (социально ориентированное). От структуры государственной власти зависит степень отстаиваемости интересов различных классов и слоев

нации. Главная же задача любого государства – это прежде всего воспроизвести господство его управителей и их идеологию, а на международной арене посредством своей внешней политики «взять больше, дать меньше». Если бы диссертант прочитала внимательно упомянутую работу Гегеля, то пришла бы к такому же выводу. А с точки зрения внешней политики не мешало бы изучить Ганса Моргентау и его последователей, т.е. школу «неореалистов», которая является доминирующей в теории международных отношений. Все же цитируемые авторы – это обыкновенные еслибисты, которые хотели бы, чтобы так было, как они пишут.

Пример из этой же области:

Государственный интерес – это система интересов нации, общества, его слоев, а также индивидуальных интересов. Чем лучше, эффективнее государство отражает эти интересы, тем оно прочнее и стабильнее. Главная потребность общества заключается в объективной необходимости поддерживать условия жизнедеятельности его составных частей. Эта потребность была удовлетворена созданием государства, но на современном этапе, в условиях глобализации, ее невозможно удовлетворить без межгосударственного взаимодействия. Следовательно, объективный интерес практически любого государства состоит в том, чтобы участвовать в межгосударственном общении (с. 89–90).

Диссертант, написав такое, видимо, не отличает понятие *государство* от *общества*, не осознает, что первое понятие уже второго. И в каком соотношении находятся нация и общество? И каким образом государство может отражать индивидуальные интересы? (Как можно такое написать, прочитав упомянутую работу Гегеля?) Допустим, мой интерес заключается в том, чтобы свергнуть нынешнего президента? Поможет ли мне в этом государство? Неужели диссертант не понимает, что государственный интерес – это интерес, связанный именно с государством. Потому они и *государственные интересы*.

Затем диссертант внезапно перескакивает от государства к обществу. Мадам, это же не одно и то же! А без глобализации, которая, как пишет она, появилась в конце XX в., разве не было «межгосударственного взаимодействия»? Вы

перечитайте, что написали. Хотя чуть ниже приведена уже другая, правильная интерпретация государственных интересов (на с. 91).

Диссертант уделила много внимания «Доктрине национального суверенитета». Эта тема обглодана в десятках тысяч работ. И то, что государство остается главным субъектом, или актором, несмотря на разные другие субъекты, это все равно что сказать, что свобода лучше, чем несвобода (из мыслей одного психически больного политика). Все это банальности.

В Заключении встречаю такой перл:

Исходя из всего вышесказанного можно сделать соответствующий вывод: мир находится на пути, ведущем в дальней перспективе к транснациональному мироустройству, в котором национальные государства и народы сохраняют за собой определенное место, продолжают играть существенную роль, использовать свои prerogatives и исполнять свои исключительные функции (с. 136).

Уникальный вывод: в дальней перспективе транснациональное мироустройство ничем не будет отличаться от нынешнего мира, где «государства и народы» тоже сохраняют свое определенное место. Стоило огород городить?

Выводы и рекомендации, построенные в духе чисто российского еслибизма, бессмысленно комментировать. Все эти наивные пожелания из серии «Ребята, давайте жить дружно!» можно только приветствовать как воспитательные уроки в детских садах.

Хочу обратить внимание на библиографию. В некоторых книгах проставлены страницы, а в некоторых нет. Такая разногласица намекает на то, что книги без страниц автор не держал в руках, а ссылки на них были списаны или с реферативных сборников, или с Интернета соответствующего формата. Вообще, библиография составлена очень непрофессионально. Например, ссылка на немецкого автора (20. Messner D. Globalisierung, Global Governance und Entwicklungspolitik // Politik und Gesellschaft. 1999, № 1, P. 10–13.). Если цитируется немецкий текст, следовательно,

страница будет не Р (page), а S (Seite). Книгу Нибура однозначно автор в глаза не видела, иначе, во-первых, написала бы правильно его фамилию, во-вторых, поставила бы страницы книги (24. Nieburg R. His Religious, Social and Political Thoughts/ Ed. by Ch.W. Kegley and R.W. Breall. N.Y., 1956).

Непонятно, к чему было ссылаться на мою статью (Бэттлер А. Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее (теория) // Международная экономика и международные отношения. 2002, № 1), которая никаким образом не была использована в тексте. Однако хочу заметить, что почему-то не указаны мои работы, которые в тексте как раз активно использованы. И сейчас пойдет речь о самом настоящем плагиате, который весьма красноречиво демонстрирует научную недобросовестность диссертанта.

В предыдущим варианте диссертации я обнаружил плагиат, который выглядит следующим образом.

Мадам Х., диссертация 2008 г., стр. 84–85

Олег Арин. Двадцать первый век: мир без России. Москва: Альянс, 2001, стр. 285–286.

Таким образом, категории национальных интересов и политики безопасности отражают разные функции внешнеполитического процесса, который делится на две фазы: фазу формирования и формулирования внешней политики и фазу ее реализации в системе международных отношений. Категория интереса относится к первой фазе, безопасности – ко второй.

Эти категории отражают разные функции внешнеполитического процесса, который делится на две фазы: фазу формирования и формулирования внешней политики и фазу ее реализации в системе международных отношений. Категория интереса относится к первой фазе, безопасности – ко второй.

Следовательно, *интерес* – это категория политики, отражающая осознание (субъективизацию) объективных потребностей государства. Внешнеполитический интерес, т.е. национальные интересы вовне, является выражением общих и частных потреб-

Итак, *интерес* – это категория политики, отражающая осознание (субъективизацию) объективных потребностей государства. Внешнеполитический интерес, т.е. национальные интересы вовне, является выражением общих и частных потребностей государ-

ностей государства, вытекающих из его социально-политической природы, а также его места и роли в системе международных отношений.

Безопасность (национальная) –

категория политики, означающая способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений.

Безопасность (международная) – категория, отражающая такое состояние международных отношений, при которой обеспечиваются фундаментальные национальные интересы всех субъектов мировой политики.

Национальная безопасность – это политика, международная безопасность – это состояние.

Какое состояние международной безопасности предпочтительнее для той или иной страны, зависит от понимания собственных национальных интересов. Поскольку чаще всего эти интересы существенно отличаются у различных держав, то они и являются внутренними источниками «опасности», т. е. напряженности, конфликтов и войн на мировой арене.

ства, вытекающих из его социально-политической природы, а также его места и роли в системе международных отношений.

Безопасность (национальная) –

категория политики, означающая способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений.

Безопасность (международная) – категория, отражающая такое состояние международных отношений, при которой обеспечиваются фундаментальные национальные интересы всех субъектов мировой политики.

Национальная безопасность – это политика, международная безопасность – это состояние.

Какое состояние международной безопасности предпочтительнее для той или иной страны, зависит от понимания собственных национальных интересов. Поскольку чаще всего эти интересы существенно отличаются у различных держав, то они и являются внутренними источниками «опасности», т. е. напряженности, конфликтов и войн на мировой арене.

Чуть ли не весь параграф фактически списан из моих книг и статей. Без каких-либо ссылок на них (стр. 72, 73, 74, 77, 84, 86).

В нынешнем варианте действительно кое-что подкорректировано, некоторые куски убраны, некоторые пересказаны по-своему. И тем не менее осталось следующее.

Диссертация, 2011 г.

А. Бэттлер. Национальные интересы, национальная и международная безопасность. «Полис», 2002, №4.

Представленные рассуждения больше относятся к теории, поскольку сам по себе интерес воплощается в политике, когда трансформируется в **цель**. Общее между интересом и целью заключается в том, что и то, и другое отражает объективные потребности общества, различие же коренится в том, что первое осознается, а второе предполагает субъективную деятельность через институциональные механизмы общества или государства. Отсюда цель представляет собой интерес в действии. (с. 92)

Категории национальных интересов и национальной безопасности отражают разные аспекты внешнеполитического процесса, который делится на две фазы: фазу выработки внешнеполитического курса и фазу его реализации в системе международных отношений. Категория национального интереса относится к первой фазе, а национальной безопасности – ко второй.

Следовательно, национальный интерес относится к тому, что отражает осознание объективных потребностей государства, что

Но все это в теории, поскольку сам по себе интерес не преобразуется в политику. Повторю: политика начинается тогда, когда интерес трансформируется в **цель**. Общее между интересом и целью заключается в том, что и то, и другое отражает объективные потребности общества; различие – в том, что первое просто осознается, а второе предполагает субъективную деятельность через институциональные механизмы общества или государства. Цель – это интерес в действии (с.152).

Эти категории отражают разные функции внешнеполитического процесса, который делится на две фазы: фазу формирования и формирования внешней политики и фазу ее реализации в системе международных отношений. Категория интереса относится к первой фазе, а национальной безопасности – ко второй.

Интерес – это категория политики, отражающая осознание (субъективизацию) объективных потребностей государства.

не является выражением общих и частных потребностей государства, вытекающих из его социально-политической природы, а также его места и роли в системе международных отношений.

Национальная безопасность представляет собой категорию, включающую способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений.

Более того, в условиях глобализации актуализировалось понятие международной безопасности как категория, отражающая такое состояние международных отношений, при котором обеспечиваются фундаментальные национальные интересы всех субъектов мировой политики.

Известны, например, доктрины Монро, Трумэна, Форда, концепции, теории национальных интересов и безопасности Моргентау или Дойча (стр. 99–100).

(Списывая этот кусок, диссертант даже не поняла разницу между доктринами и концепциями.)

Внешнеполитический интерес, т.е. национальные интересы вообще, является выражением общих и частных потребностей государства, вытекающих из его социально-политической природы, а также его места и роли в системе международных отношений.

Безопасность национальная есть категория политики, обозначающая способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений.

Безопасность международная – категория, фиксирующая такое состояние международных отношений, при котором реализуются фундаментальные национальные интересы всех субъектов мировой политики. (стр. 153)

Были, например, доктрины Монро, Трумэна, Форда, но не было доктрин Моргентау или Дойча (это из книги «21 век: мир без России», стр. 285).

Дважды повторенный плагиат означает следующее: 1) диссертант совершенно лишена чувства научной добропорядочности, отсутствие которого лишает человека права называться ученым; 2) диссертант не сама писала работу, а писали люди, лишённые совести (к тому же неграмотные с научной точки зрения).

За такой плагиат в Германии министр обороны ушел в отставку, точно так же как ушла в отставку еще одна крупная политикесса.

Но дело не только в этом. Меня поражает даже не сам диссертант. Она – человек, совершенно далекий от науки и, видимо, от «планетарной» морали. Меня удивляют научный руководитель в звании академика и научный консультант, доктор наук, не научившие свою подопечную некоторым азам научного знания и научной этики. Судя по их специализации, тема глобализации им незнакома. Но они не научили диссертанта даже техническим приемам логики и научного мышления. Диссертант – явный филолог, неумело плавающий в абстрактных понятиях и категориях.

Конечно, представленная работа – всего лишь кандидатская (в Молдове – докторская) диссертация. В ней не обязательно должны быть открытия. Достаточно показать знание литературы по заданной теме. Но проблема в том, что диссертант не может научно изложить суть самой темы, поскольку не понимает того, что написала или ей написали. А коль она повторно согласилась на плагиат, то что это как не научное беззаконие?

Хотя я категорически против присуждения Мадам Х. искомой степени, за ВАКом остается последнее слово. Хочу только информировать: в России подобная научная клептомания приобрела огромный размах. Высокое научное звание – Ученый – сейчас практически невозможно прикрепить даже академикам и член-корреспондентам. Среди них почти не осталось подлинных слуг науки. Остались лишь «господа ученые». Эта гибель заметна и в естественных науках. В результате «ученых» тьма, а науки нет.

P.S. Пока не известны результаты ВАКа, я решил не раскрывать подлинного имени диссертанта и ее руководителя.

Послесловие

6 апреля 2012 г.

Как я написал выше, рецензируемая диссертация попалась мне на глаза в 2008 году по инициативе одной из членов ВАКа Молдавии, так как в ней она усмотрела плагиат моих работ. Я вынужден был указать, что действительно нашел в этой диссертации большие куски и даже полный параграф, списанные из моих статей и книг без ссылок на них, подтвердив факт плагиата и конкретно указав страницы своих работ, откуда были списаны все эти куски. Тем не менее в прошлом году я получаю эту же диссертацию, якобы переделанную с учетом критики. К своему удивлению, я обнаруживаю, что все осталось как прежде. Мало того, что вся диссертация вообще не имеет отношения к науке, но и текст явно написан группой людей, плохо соображающих в том, что они пишут. Не исключая, что авторы этой научной имитации сами набрали куски из разных работ. Подробно об этой диссертации я написал статью без указания имен и опубликовал у себя на сайте. (См. выше.)

Тем не менее эта наглая ловкачка выходит на защиту. Я обещал обнародовать имена тех, кто приложился к этой защите, что и делаю сейчас.

В четверг, 5 апреля 2012 г. в 16:00 в Академии наук, ул. Штефан чел Маре 1, бир. 408 состоится заседание D18.23.00.01-16 Специализированного ученого совета Института европейской интеграции и политических наук АНМ, который уполномочен рассмотреть и поддержать кандидатскую диссертацию в области политологии докторанта **Ирины Малай** на тему: *«Место и роль национального государства в процессах глобализации»*.

Научный руководитель:

Рошка Александр, доктор философских наук, академик АНМ.

Официальные оппоненты:

Серджиу Назария, доктор политических наук, доцент;

Букэтару Игорь, доктор политических наук, доцент.

Специализированный ученый совет. Состав:

Виктор Морару, кандидат политических наук, профессор, президент;

Виктор Жук, доктор философских наук, доцент, ученый секретарь;

Владимир Аникин, кандидат политических наук, младший научный сотрудник;

Чобу Эмиль, доктор философских наук, доцент;

Стеркул Наталья, кандидат политических наук, доцент.

Эта дама диссертацию защитила. В том, что это произошло, виновны все названные имена. Это означает:

во-первых, все участники этого шарлатанского действия не имеют никакого отношения к науке, поскольку не в состоянии отличать науку от ненауки;

во-вторых, у них начисто отсутствует даже намек на профессиональную этику и совесть вообще: зная о факте плагиата, допустили защиту такой диссертации;

в-третьих, Молдова в культурном отношении как была задворком Европы, так и осталась. Последнее утверждение касается всех стран, в которых допускается плагиат без негативных последствий для его участников. Этот фактор является своего рода лакмусовой бумажкой уровня культуры нации.

***Диссертация М.В. Шарко на соискание
ученой степени доктора политических
наук как зеркало полной деградации
общественной науки в России***

16 декабря 2014 г.

Уже много лет я не читаю, а только просматриваю¹ научную литературу на русском языке, за исключением нескольких книг, которые мне было необходимо использовать при написании второго тома монографии «Мирология». По странному стечению обстоятельств одной из последних работ, которую мне пришлось читать на русском, был сборник по внешней политике Японии, на который я написал резко отрицательную рецензию (см. выше). Но вот совсем недавно один из моих знакомых попросил написать рецензию на диссертацию некой М.В. Шарко. Тема касалась Японии – одной из моих любимых стран, и я тут же откликнулся. Мне показалось интересным посмотреть, куда зашла научная мысль в российской японистике. То, что я прочел, меня просто повергло в шок. Я в страшном сне не мог представить, что подобные опусы могут рассматриваться как докторские диссертации, хотя бы уже потому, что само ее содержание не «тянет» даже на курсовую работу студента вуза. И самое поразительное – эта диссертация признана пригодной к защите вроде бы серьезным заведением – «Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Причем некоторых ученых, так или иначе участвовавших в продвижении этой диссертации (рецензенты, оппоненты, члены Ученого совета), я знаю лично. Когда-то сами они

¹ Достаточно взглянуть на методологию, представленный научный аппарат и библиографию, как у меня тут же исчезает желание читать подобную говорильню.

писали неплохие работы. Любопытства ради я просмотрел работы тех, кого не знал, и обомлел: их «научное мышление» ничем не отличается от умуштора диссертанта. Все их работы можно отнести к разряду, как теперь модно стало говорить на Руси, «нарративов», т.е. рассказов о том о сем. Другими словами, дело не в этой соискательнице докторской степени, дело в самом обществоведении, которое скатилось на уровень заштампованной болтовни, лишенной понятийно-категориальной основы. Это не наука! И даже не шарлатанство при науке. Хуже. Это именно уровень российской «науки», откатившейся на несколько сот лет назад. И чтобы не быть голословным, перехожу к анализу «шедевра», представленного доцентом М.В. Шарко, преподающей студентам на факультете национальной безопасности упомянутой академии.

* * *

Итак, диссертация называется: *«Внешнеполитическая деятельность Японии в условиях трансформации современного мирового порядка»*.

Научный консультант – доктор политических наук, профессор О.Д. Абрамова. Официальные оппоненты – доктор политических наук Е.Л. Рябова, доктор политических наук И.И. Арсентьева из Саратовского гос. университета, и доктор политических и филологических наук К.Е. Черевко. Ведущая организация – МГИМО (Университет) МИД РФ.

Начнем по порядку. Во Введении в самом начале диссертант пишет:

Основными тенденциями мирового развития являются, во-первых, глобализация, которая изменяет международное воздействие в сторону большей взаимозависимости, открытости и многосторонности. Во-вторых – новый регионализм как более открытая форма сотрудничества и интеграции, особенно характерная для Азиатско-Тихоокеанского региона (далее АТР). Глобальные трансформации, противоречивый характер региональных процессов и усложнение межгосу-

дарственных отношений оказывают влияние на полноценное развитие восточноазиатских государств, включая и Японию, которая имеет свои внешнеполитические приоритеты и отстаивает роль и место страны на мировой арене. Все большую актуальность приобретает новая парадигма международных отношений – сотрудничество и интеграция вместо конфронтации и изоляции, право вместо силы, сочетание традиционных методов международного общения с новейшими интеллектуальными и политическими технологиями. В случае если эти и другие факторы не будут учтены, Японии угрожает опасность все большей потери лидирующих позиций в АТР и мире (с. 4).

Это надо же умудриться, чтобы в одном абзаце сконцентрировать такое количество глупостей?!

Диссертант не понимает, что процесс глобализации противоречит регионализации, поскольку последняя означает стремление отгородиться от остального мира, предоставляя торгово-экономические привилегии только странам, входящим в тот или иной регион. Кроме того, в рамках регионализации не обязательно происходит интеграция: она характерна только для Западной Европы. За ее пределами нет ни одного интеграционного анклава. Подчеркиваю – ни одного! Пусть диссертант назовет хотя бы один такой анклав в так называемом АТР.

М.В. Шарко просто не понимает терминов, которые она использует. Она, как и многие другие, тоже не отличает глобализацию от интернационализации, последнюю от интеграции. А есть еще и глокализация, которая только и подходит к той идее, которую она пыталась выразить.

М.В. Шарко употребила термин «АТР»¹. Может ли она назвать страны, которые туда входят? Сколько их? Она даже не догадывается, что количество стран, которые «АТР»-болтуны относят к так называемому «АТР», варьируется от 11 до 61. Неслучайно она тут же скатилась к термину *восточноазиатские государства*, о которых в дальнейшем и будет

1 Мне опять приходится упоминать этот уже навязший в зубах «научный» термин, которым практически в каждой работе пользуются «писатели», его использующие. Но поскольку я «препарирую» и эту работу, то не могу не упомянуть этот околонуточный вздор.

говорить, одновременно употребляя или заменяя их термином «АТР». Если диссертант не может научно обосновать термин «АТР», т.е. превратить его в понятие, она, будь она ученым, не имела бы права его использовать в качестве научного термина. Это касается и вышеуказанных терминов: *интеграция, глобализация* и т.д.

Уж коль она употребила словосочетание *полноценное развитие*, надо объяснить, что это означает. И чем оно отличается от неполноценного развития. Дайте критерий.

И еще. Как можно отстаивать роль и место на мировой арене? И в этой связи: какая разница между *ролью* и *местом* в их понятийном значении? Вряд ли диссертант даже задумывалась над понятийным содержанием этих терминов, хотя разница здесь громадная.

М.В. Шарко пишет о переходе к новой парадигме международных отношений. Это предложение является штампом во всех диссертациях с 1990-х годов, после, как принято говорить, «коллапса коммунизма». Но наступил XXI век. Он что, демонстрирует сотрудничество и интеграцию? *Право* вместо *силы*? Где находилась в эти годы диссертант, если она не заметила события 9/11, вторжения США в Ирак, разжигания конфликтов и войн в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, наконец, создания хаоса на Украине, в которую вовлечена и Россия с крайне негативными для себя последствиями. Как можно повторять этот штамп в 2014 г.?

И последняя нелепость Введения. Если-де Япония не учтет этих факторов, она потеряет лидирующие позиции в «АТР» и в мире. Она что, потеряет «лидирующие позиции» в Чили, Науру, Ниуэ, Кирибати, Мексике, Новой Зеландии и множестве других стран так называемого «АТР»? Или нужно объяснить, что это такое – «лидирующие позиции» в мире. (Сама же диссертант чуть ли не всю диссертацию как раз и посвятила попыткам Японии занять такие позиции.) Лидирующие позиции держава занимает тогда, когда от ее чиха меняется структура международных отношений. Где, в каком месте мира Япония занимает такие позиции? Только в мировой экономике благодаря своему экспорту, который от названных факторов зависит в минимальной степени. И поэтому учтет она названные фак-

торы или не учтет, ни ее роль, ни ее место не изменятся ни на йоту.

Вот с такими идеями, которые выражены терминами и которые, похоже, не понимает сама диссертант, М.В. Шарко начинает свою диссертацию. ***В принципе уже из этого первого абзаца совершенно ясно, что работа к науке не будет иметь ни малейшего отношения.*** Но чтобы это было совсем очевидно, мне придется пройти по главам, чтобы подтвердить данное умозаключение.

* * *

В третьем абзаце (Введения) высказана уникально абсурдная «мысль»:

Поэтому в аспекте международного прогнозирования обсуждается способность Японии вместе с Россией выступить в перспективе в качестве консолидирующего фактора интеграции посредством усиления их совместного влияния в Восточной Азии (с. 5).

Это какими же «экспертами» обсуждается такая бредовая перспектива? Неужели Япония, теснейший военно-политический союзник США, вместе с Россией, экономика которой и так дышит на ладан, будут усиливать свое влияние в ущерб «американскому империализму»? Слава богу, уже в следующем абзаце диссертант вспомнила о негативных факторах, препятствующих Японии выдавливать своего союзника из Восточной Азии.

Диссертант определила «актуальность» своего исследования тем, что «для России азиатско-тихоокеанское направление обретает (разговор идет о настоящем времени. – О.А.) первостепенное значение и в ее внешней политике» (с. 5). М.В. Шарко в Библиографии и в списке больших ученых назвала имя М. Титаренко. Так вот, этот господин о том, что азиатско-тихоокеанское направление приобретает первостепенное значение, писал еще до того, как диссертант родилась. Более того, об этом писали многие и советские, и российские ученые еще до того, как родились родители и родители родителей диссертанта. Иначе говоря, этой «актуальности» как минимум лет сто. А запомнить она

должна на всю жизнь одну мысль как аксиому – указанное ею направление никогда не станет «первостепенным» во внешней политике России, что может доказать любой студент при наличии элементарного здравого смысла.

Под рубрикой «научная проблема» диссертант пишет, что она предприняла попытку «разработать универсальную модель исследования внешнеполитической деятельности государства (на примере Японии) посредством раскрытия системы компонентов...» (с. 6).

На «универсальную модель», действительно, до нее никто не замахивался, и в последующем мы увидим, из чего она состоит, тем более что, оказывается, это «научная гипотеза».

Очень странной выглядит подрубрика «Степень научной разработанности проблемы», имея в виду внешнюю политику Японии. Оказывается, в ее разработке «особое место» занимают труды ученых из Дипломатической академии и МГИМО. Среди прочих называются имена Т. Алексеевой, М. Лебедевой, А. Косолапова, М. Хрусталева, П. Цыганкова и ряда других ученых. Могла бы диссертант назвать хотя бы одну работу по Японии указанных авторов? Первые две женщины работают в сфере политологии, трое последних в сфере теории международных отношений (о Хрусталеве, увы, можно сказать лишь в прошедшем времени).

Хочу поведать мадам Шарко, что все они являются не столько учеными, сколько пересказчиками западных теорий, главным образом из англосаксонского ареала либерального направления. Сами они ничего нового ни в политологию, ни в теорию международных отношений не внесли. Если кто-то не согласен, пусть назовет хотя бы одну новую идею в их областях. Другое дело, что Хрусталев и Косолапов, в отличие от всех остальных, являются самостоятельными исследователями, не следовавшими слепо за учеными Запада.

Диссертант упоминает фамилию К. Черевко, который исследовал процессы формирования государственных границ России с Японией. Он действительно писал много о проблеме «северных территорий». Только особенность

его писаний заключалась в том, что в советские времена он доказывал, что такой проблемы нет и все острова закономерно принадлежат СССР, а после распада Советского Союза вдруг обнаружил, что острова не столь однозначно принадлежат СССР и что Япония имеет права по крайней мере на острова Хабомаи и Шикотан. Поменялся курс Москвы, поменялась и «наука» господина Черевко. Правда, Черевко хорош в филологии. Это его поле. Когда-то мне пришлось о нем написать: «Черевко – японовед-филолог, ставший японоведом-политологом. Лучше бы оставался филологом». И его работа над «Кодзики» вызывает большое уважение.

Диссертант Шарко утверждает, что проблемы «внешнеполитической деятельности Японии» не выделены в самостоятельное направление. Выражаясь нормально, это означает, что тема внешней политики не была выделена как самостоятельное направление в японоведении. Такое впечатление, что диссертант просто не знакома с сотнями работ по внешней политике, написанными не только западными, но и советскими учеными. Я могу допустить, что по каким-то причинам она сознательно игнорирует мои работы по внешней политике Японии, но получается, что для претендентки на степень доктора наук незнакомы и работы Д.И. Гольдберга, Л.Н. Кутакова, Д.В. Петрова, И.Я. Бедняк, И.И. Коваленко, Ю.Д. Кузнецова, А.П. Маркова, С. И. Вербицкого, М.Г. Носова, В.И. Шипаева и многих других японоведов, специализировавшихся на внешнеполитической деятельности Японии. А «китайский фактор» мною был детально исследован именно в контексте советско-японских отношений. Как же можно утверждать о «невыведенности» этой стороны деятельности Японии?

Тема же национальной безопасности разжевана и пережевана в тысячах работ западных и советских авторов, причем труды упомянутых российских авторов по этой тематике являются большей частью изложением именно западных взглядов.

Такой подход к исследованиям характеризует и ряд авторов-японоведов из ИДВ РАН: ничего нового, стандарт-

ные рассказы и пересказы ситуаций, связанных с Японией. Это касается и ученых из ИВ РАН, за исключением М. Крупянко, который один из немногих пытается строить свой анализ на основе некоторых элементов теории международных отношений. Остальные – что вижу, то пою.

Из западных «ученых» диссертант называет дипломатов и целый ряд политологов. Весь этот ряд никакого отношения к теме диссертации не имеет. Среди них она назвала Никласа Лумана, который, между прочим, не политолог, а социолог (хотя для диссертанта, судя по всему, между этими науками разницы никакой нет). Помимо этого, вряд ли Шарко читала работы названных авторов (возможно, какие-нибудь выжимки). Работы Лумана, в частности его «коммуникационную теорию систем», она никогда не поймет, поскольку его стиль настолько сложный, а идеи настолько необычны, что в них путаются даже профессиональные немецкие социологи. Переводы же двух его работ на русский язык («Власть» и «Общество как социальная система») просто не соответствуют оригиналу. Кстати сказать, у всех перечисленных авторов в «теоретико-методологической основе» лежит элементарный нео/постпозитивизм, который искажает все сферы социологических и политологических исследований. Диссертанта, видимо, такой «пустяк» вообще не волнует.

М. Шарко приводит обширный список работ японских дипломатов и ученых. Обычно ценность их работ заключается в рассказе о практике японской внешней политики или процессе принятия внешнеполитических решений. С теоретической же точки зрения они представляют собой простые пересказы западных, обычно американских, взглядов, без внесения чего-либо собственного, своего. Прогностические же работы японцев основаны также на предположительных представлениях (если будет то-то, тогда будет это) и никогда не сбываются. Очень напоминают российские прогнозы. Что касается дипломатов (и не только японских), то их работы нельзя относить к научным (дипломат – это просто бюрократ, работающий за рубежом), а следует рассматривать как журналистские (что испытал и увидел, то и описал).

Диссертант Шарко пишет о том, что она уделила внимание работам китайских ученых. Непонятно, каким образом она умудрилась уделить им внимание, не зная китайского языка. Даже если бы она его и знала, то сколько бы времени у нее ушло, чтобы прочитать только одну книгу на китайском языке объемом не в одну сотню страниц! Мне довелось работать с переводчиками Чан Кайши и Мао Цзэдуна, которые блестяще знали китайский язык, так даже им потребовался бы немалый срок, чтобы одолеть такое количество литературы на китайском. Какой смысл даже упоминать эту литературу?

Любой автор, пишущий на международные темы, использует материалы международных организаций. Причем здесь «эмпирическая основа» исследований?

Диссертант пишет, что «официальные японские документы в целом носят не только директивный, но и доктринальный характер. В частности, такой документ, как «Основные направления программы национальной безопасности (2011)», рассматривается в качестве военной доктрины» (с. 13). Кем рассматривается? Диссертант, видимо, не понимает, какие процедуры должна пройти концепция, чтобы превратиться в официальную доктрину. Уверен, что Шарко даже не понимает разницы между доктриной и концепцией.

М. Шарко подробно описывает ценность материалов и документов, отражающих встречи на высшем уровне или на уровне министров иностранных дел. Это означает, что она будет исследовать «слова», а не реальные дела. Анализ последних предполагает изучение совсем других явлений, о которых диссертант даже не догадывается.

По мнению М. Шарко, без знания «Кодзики» и «Трактата о военном искусстве» Сунь-цзы «затруднена адекватная оценка значимости...» и т.д. Если следовать этой логике, то, чтобы понять загадки нынешней российской политики, необходимо изучать «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет» («Несторова летопись»).

Уже во Введении постоянно обнаруживается претензия на какую-то искусственную оригинальность, своего рода демонстрацию суперзнаний, которые могут поразить только тех, кто не может отличить науку от ненауки. В конце Введения представлена такая «уникалия»:

«Объектом исследования является внешнеполитическая деятельность Японии, осуществляемая в интересах государства...» (с. 22).

Если это так, тогда надо объяснить, в интересах кого, кроме государства, можно осуществлять внешнеполитическую деятельность?

Задача исследования: разработать теоретико-методологическую основу исследования. Обращаю внимание – не метод, а методологию. Это – замах гегелевского масштаба. Создается впечатление, что диссертант не понимает, что такое методология, но разработать ее готова, соединив ее с «универсальной» теорией. Даже такие титаны теории международных отношений, как Ганс Моргентау и Кеннет Уолц, не претендовали на ТАКОЕ, но диссертанту Шарко это по плечу.

Правда, еще в «задачу» входит определить внешнеполитические приоритеты Японии. Непонятно, к чему ставится такая задача? Ведь это делается очень просто. Берется последний выпуск ежегодника «Вага гайко-но кинкё» («Голубая книга» МИД Японии), и просматривается иерархия стран и проблем, которые в ней обозначены. Работы на час.

В качестве одной из задач исследования выделена такая: «оценить возможности, проблемы и перспективы внешнеполитической деятельности Японии в АТР в аспекте сотрудничества и интеграции с Россией» (с. 23). «Интеграция с Россией»? При минимальном торгово-экономическом сотрудничестве осуществлять интеграцию с Россией? По-моему, диссертант даже не отдает себе отчета, что она написала. И прочие задачи поставлены именно в таком же духе.

А вот как Шарко понимает «методологию», которую сама обещала нам разработать. Но пока она «методологию и методы исследования» понимает так:

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на междисциплинарном подходе с использованием инструментария современных гуманитарных наук (с. 23–4).

И в качестве образца она приводит «инновационный проект МГИМО–Университета МИД России и Института общественного проектирования под руководством А.Ю. Мельвиля, который характеризуется использованием междисциплинарных методов и методик.

Если таким проектом руководил Мельвиль, то ни о каких «инновациях» речи быть не может в принципе, поскольку этот гражданин в состоянии пересказать только зады англо-американских взглядов, которые излагает и сама диссертант («многомерный статистический анализ с учетом» и т.д.). М. Шарко должно быть известно, что междисциплинарный подход – это никакая не методология, а обычная практика любого ученого из сферы обществоведения. К тому же «инструментарии» в разных гуманитарных науках кардинально разные и одни и те же термины имеют различное понятийное содержание. Например, слово *power* в теории международных отношений означает совсем не то, что в социологии или политологии. Каждая дисциплина обладает своим понятийно-категориальным аппаратом. Когда автор пытается исследовать проблемы на «междисциплинарном» уровне, он попадает в капкан как раз «инструментариев». Претендентка на докторскую степень, естественно, о таких вещах даже не догадывается.

Методы, использованные диссертантом, пропускаю, поскольку она просто не понимает, что они означают. «Красивые слова»: *декомпозиция*, *деонтология* и т.д. затмили сознание соискательницы.

То, что М. Шарко внесла «нового» в изучение обозначенной темы, выходит за рамки всех гуманитарных наук, вместе взятых. Осознать это могут только титаны мысли в лице научного консультанта, оппонентов и ученых МГИМО.

И практические результаты, безусловно, должны быстро сказаться, особенно «в аспекте российского-японского сотрудничества».

«Основные положения», выносимые на защиту, написаны в том же самом ключе. Вот один из примеров. Оказывается, благодаря деятельности Японии на мировой арене

складываются новые неформальные уровни глобальной иерархии, которые определяют и будут определять механизмы управления мировым порядком с позиции силы или международного права. Во-первых, формируются на межконтинентальном уровне альтернативные группы влияния: «Группа четырех» (Бразилия, Германия, Индия и Япония) и БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) (с. 31).

Может ли диссертант указать, на что повлияли эти группы или, например, отдельно взятые Индия, Бразилия или ЮАР? При всей фантазии диссертанта вряд ли она вспомнит хоть один эпизод влияния этих «альтернативных групп». И т. д. и т. п. Диссертант понятия не имеет о том, что воздействие на международные отношения БРИКСов и всяческих Шанхайских группировок, которым она посвятила немало страниц своего опуса, равно нулю, поскольку все их участники, за исключением КНР, представляют собой беднейшие государства мира, которые не в состоянии справиться даже со своими внутренними проблемами. Их руководители, принимавшие десятки, если не сотни различных деклараций, обращений и прочей словесной шелухи, вряд ли вспомнят, о чем в них шла речь. Всерьез обсуждать эту болтологическую галиматью могут только российские претенденты на ученые степени, представляя такие объединения чуть не как альянсы или блоки антиамериканской направленности. И на «анализ» этой словесной чепухи мадам Шарко не пожалела свое время и мозговые усилия.

Теперь рассмотрим чуть подробнее «открытия» диссертанта.

В первой главе диссертант обещает нам вскрыть «Ведущие тенденции современной внешнеполитической деятельности Японии». И уже со второго абзаца начинает потрясать своими теоретическими знаниями. Вот они:

Базовыми категориями представленного исследования, согласно теории международных отношений, являются

внешнеполитическая деятельность, внешняя политика и мировой порядок, а также ряд других категорий. Внешнеполитическая деятельность – это деятельность государства по осуществлению внешней политики посредством реализации отношений с зарубежными государствами, участия в решении международных проблем, обеспечения международной безопасности, сотрудничества и наиболее благоприятных внешних условий для стабильного развития страны и защиты ее национальных интересов. Внешняя политика – это стратегия и тактика государства на международной арене.... Мировой порядок – это такое состояние международных отношений, которое призвано обеспечить потребности существования, безопасности и развития государств (с. 38–9).

Однако такие определения, как в данном абзаце (которые, видимо, ей подсказали в Дипакадемии или в МГИМО), нельзя использовать в научной диссертации.

Во-первых, судя по приведенным определениям (а это ключевые термины для данной работы), диссертант не знает различий между категориями и понятиями, поскольку не понимает разницу между онтологией и гносеологией.

Во-вторых, теорий международных отношений множество (одна теория – у неореалистов, другая – у структуриалистов, третья – у марксистов и т.д.). Так из какой же теории вытекают вышеприведенные определения? Диссертант на этот раз почему-то не удосужилась сослаться на теоретика, к которому она прислонилась. Причина простая: нет такого теоретика или теории, чтобы произвести такую абракадабру.

В-третьих, как можно определять внешнеполитическую деятельность через ту же самую деятельность? Субъект тождественен предикату. Это означает, что диссертант даже не представляет, как формулируются суждения и понятия.

В-четвертых, в сферу внешнеполитической деятельности у нее попадают только взаимоотношения с государствами. В таком случае просьбы России о займах в МВФ будут ли являться актом внешнеполитической деятельности? И как в таком случае будут называться действия транснациональных компаний (ТНК) на международной арене

или международных организаций типа ООН? Читала ли диссертант вообще книги по теориям международных отношений?

В-пятых, внешняя политика – это стратегия и тактика? Какая стратегия и тактика у внешней политики Кирибати? Стратегия – это определение дальнесрочных целей, достигаемых набором тактических средств. Внешняя политика сама по себе – это *процесс* реализации не обязательно национальных интересов, а интересов в первую голову того класса, который находится у власти. Диссертант даже не догадывается, что она пишет о буржуазных государствах, функционирование которых происходит на базе законов капиталистических обществ. Их задача – не достижение сотрудничества для стабильных отношений, а приобретение сверхприбылей. Неужели практика внешней политики США ничего не говорит диссертанту? Где и с кем – сотрудничество, а где стремление к миру? Хотя бы соискательница рассмотрела политику США в отношении России. Откуда такая слепота?

В-шестых, о каком мировом порядке может идти речь, если сама же диссертант пишет о его «трансформации». Зачем трансформировать то, что сохраняет безопасность и развитие государств? Если же всего этого нет, тогда нет и мирового порядка, следовательно, и нечего трансформировать. Диссертант не знает, что в книгах по теории международных отношений тема «мирового порядка» практически не поднимается. Она фигурирует только у журналистов и необразованных политиков и международников.

Если глава начинается с полной сумятицы в определениях ключевых терминов, то однозначно все последующее написанное к науке не имеет отношения. Ссылки на «кто-то сказал» – это один из признаков ненаучности работы. Неужели диссертанту не понятно, что слова, произнесенные премьер-министром, и все речи любых руководителей – это чистейшая пропаганда и промывание мозгов обывателей? Зачем тратить страничное пространство на пропагандистские трюки политических деятелей?

Ну что может быть глупее такой фразы: «Глобальный финансовый кризис обозначил слабую управляемость

мировым порядком» (с. 40). Диссертант не понимает, что мировые отношения, включая и международные, никем не управляются. Неужели она не слышала о совещаниях в рамках «семерки»? С 1975 г. семь крупнейших держав пытаются управлять миром, а мир все не управляется. Диссертант должна знать, что мировые отношения «управляются» законами мировых отношений, центральным из которых является закон силы. Никакие премьер-министры, президенты и прочие главы государств не в состоянии изменить эти законы, так же как и законы природы. Никакие декларации, принимаемые будь то на встречах «семерки», «двадцатки», не говоря уже о группе нищих – БРИКС, абсолютно ничего не решают. Обыкновенное сотрясение воздуха, не меняющее структуру международных отношений и не меняющее соотношение сил в мире. Диссертант же потратила на воспроизводство всей этой болтовни чуть ли не половину диссертационного объема.

Из-за своего журналистского мышления М. Шарко даже не замечает собственные глупости. Ну как можно написать такое:

Путь к созданию новой Японии лежит через возрождение внешней политики и политики безопасности с помощью активной дипломатии, способной защитить национальные интересы государства (с. 43).

Раз написано «возрождение», значит, когда-то японская внешняя политика была на высоте. И надо к этим высотам вернуться. Когда это было? А выражение «возрождение внешней политики»? Шарко говорит, что внешняя политика – это «стратегия и тактика». То есть надо возродить стратегию и тактику, которая, видимо, сейчас отсутствует. Но если так, тогда нет и внешней политики. И тогда что же возрождать? Причем у диссертантки «политика безопасности» отделена от «внешней политики». А вся внешняя политика зависит от «активной дипломатии». Соискатель явно не знает, что дипломатия – всего лишь один из инструментов реализации внешней политики, причем в реальности не самый главный.

Вся глава выдержана в выражениях «кто что сказал», причем не обозначено, что нового заключает в себе то или иное высказывание. То есть аналогичная болтовня была характерна для любого периода «внешнеполитической деятельности» Японии. Краткие выводы диссертанта к первому параграфу этой главы все без исключения неверны, поскольку Шарко не понимает, какие факторы действительно имеют отношение к внешней политике Японии. Интерпретировать ее «выводы» просто бессмысленно.

Второй параграф этой главы озаглавлен ободрающе: «Экономический потенциал внешнеполитической деятельности Японии».

Показалось, что наконец-то диссертант покажет экономическую базу внешней политики страны, т.е. определит объем внешнеполитического потенциала (ВПП). Вместо этого идет журналистский рассказ об экономических проблемах Японии, которые страна испытывает в последние 20 лет, и о том, как руководители страны пытаются эти проблемы решить. В любой газете, в любом журнале об этом постоянно пишут журналисты. И опять – «кто что сказал».

Далее. Очередная глупость: «Макроэкономическая стратегия предусматривает два аспекта *японской* экономики: внешний и внутренний» (с. 72. Курсив мой. – О.А.). А русской экономики? Только внешний или только внутренний? И таких детские предложения на каждом шагу.

Вместо того чтобы определить финансовый ресурс ВПП страны, диссертант пересказала набившие оскомину банальности о проблемах японской экономики, сделав такой вывод:

Япония взяла курс на возрождение экономики как источник национальной мощи и основы внешнеполитической деятельности для успешного развития государства (с. 86).

Можете представить, чтобы премьер-министры Японии пытались «возродить» экономику ради экономической мощи и внешней политики? Раньше, видимо, Япония брала «курс на возрождение» по каким-то другим причинам, причем брала постоянно в течение всего послевоенного перио-

да. Диссертанту необходимо тщательно изучить учебник по экономике П. Самуэльсона и В. Нордхауса (благо есть перевод на русском языке), чтобы понять, ради чего руководители капстран пытаются «возродить» экономику. Иначе так она и будет придумывать всяческие небылицы.

Параграф третий можно пропускать не глядя, поскольку там идет речь о политике Японии в несуществующем «АТР». И тут все построено на все тех же «кто что сказал». Между прочим, говорят «они» «о том и об этом» весь послевоенный период. Причем опять же естественно, что ни о каком «АТР» речи нет, а болтовня вертится вокруг все той же Восточной Азии.

В диссертации постоянно говорится о том, что, дескать, японцы пытаются внедрить некую «интеграционную модель». Как можно внедрить интеграционную модель в отношения между Австралией, Северной Кореей, Чили, Мексикой и Кирибати – между странами, которые «АТР»-болтуны запихнули в «АТР»? Ну хотя бы немножко стоило бы сообразить, что даже экономическая интеграция в Западной Европе длилась десятилетиями, причем при приблизительно сопоставимых экономических потенциалах и единой общеевропейской культуре. Ну почему даже на такую мыслишку диссертанта никто не подтолкнул?

Глава вторая убивает уже своим названием: «Стратегический вектор внешнеполитического развития Японии в фокусе мирового порядка».

Во-первых, неясно, куда нацелен этот стратегический вектор? То ли на коммунизм, то ли на постиндустриальное общество, о котором ни один из употребляющих это слово ничего путного сказать не может. Во-вторых, действительно любопытно, как можно развиваться внешнеполитически? А внутривнутриполитически можно? Не исключая, что можно, если судить по современной России, которая действительно «внутриполитически» катится к феодализму с соответствующим населением во главе с такими докторами наук.

Для объяснения этих странностей диссертант процитировала С. Абэ (это нынешний премьер-министр), «мысль» которого столь же свежа, как мясо на астраханском базаре. Вообще, судя по всему, диссертант действительно не знает литературы по внешней политике Японии до начала 1990-х годов. Иначе она не стала бы цитировать современных премьеров и министров иностранных дел, поскольку все они повторяют «идеи» 20–40-летней давности. Такое ощущение, что диссертант, цитируя политиков, просто старается за счет количества страниц увеличить объем своего бессмертного труда.

Шарко далее описывает сюжеты вокруг проблем безопасности, военных конфликтов и даже возможности третьей мировой войны. Тут она в понимании этих проблем столь же на высоте, как и по остальным проблемам, хотя в качестве журналистских статей для обывателей эти сюжеты могут представить определенный интерес.

Закономерна такая фраза диссертанта: «Япония в свою очередь предъявляет территориальные претензии к России, учитывая ослабление ее позиций как тихоокеанской державы» (с. 129). И дается сноска (№ 265), в которой перечисляются авторы, которые, дескать, пишут об этих территориальных претензиях. Указываются, к примеру, С. Тихвинский и К. Черевко со ссылками на работы начала 2000-х годов. Диссертант должна была бы знать, что эти авторы о территориальных претензиях Японии к России (СССР) писали задолго до того, как позиции России на Тихом океане ослабли: в 1960–1990-е годы. Кроме них, для сведения диссертанта, об этом писали все японоведы СССР. Следовательно, Япония предъявляла эти претензии не в связи с ослаблением России, а постоянно и совершенно по другим причинам, о которых диссертант почему-то не догадалась нас проинформировать.

Мадам Шарко решила блеснуть знанием трактата «Военное искусство» Сунь Цзу (*Sun Tzu. The Art of War*. Русские почему-то транскрибируют его имя как Сунь-цзы), с помощью которого, оказывается, «американский геополитик Г. Киссинджер» пытался понять стратегию китайской политики (с. 142). (Думаю, что Киссинджер очень

удивился бы, узнав, что он «геополитик», а не историк дипломатии.) Диссертант ссылается на такое гениальное суждение Сунь Цзу:

Война, по Сунь-цзы, есть борьба. Природа войны, а значит, ее содержание заключено в борьбе двух армий, двух противников (с. 143).

Аж дыхание сперло. Клаузевиц – на коленях. Война, получается, не «продолжение политики иными средствами». Ну неужели диссертант не замечает элементарной глупости: природа войны в борьбе двух армий? Борьбой охвачены все стороны общественной жизни, а не только война. У Сунь Цзу есть много остроумных замечаний, афоризмов, крылатых выражений. Но не на такие же глупости делать акцент. И если он столь мудр, а японские и китайские стратеги опирались на его учение вплоть до наших дней, почему Япония потерпела поражение во Второй мировой войне, а Китай терпел поражения от той же самой Японии, а также от западных стран? Надо быть умалишенным, чтобы опираться на мысли древнего военного мыслителя в условиях термоядерной эпохи. Только в больной голове может родиться идея выпендренно оценивать мысли Сунь Цзу применительно к современному миру. И вообще, к чему излагать его идеи, когда их каждый может прочитать в небольшой книге, многократно изданной большими тиражами? Абсолютно ненужный параграф, из серии «пришей кобыле хвост».

Уникально, какое предложение ни взять, и сразу же ляп. К примеру пишет:

Внешнеполитическая стратегия – новый политический феномен Японии, призванный отразить сложные геополитические и геостратегические реалии (с. 162).

У меня в библиотеке есть книга Ито Кэнъити под названием «Государство и стратегия» («Кокка то сэнрюку»), изданная в 1985 г., где все эти проблемы, которые диссертант подает как новые, разжеваны и пережеваны. Какой «феномен», диссертант Шарко? Ну хоть немножко надо думать, когда что-то пишете.

У немалого количества западных людей почему-то вызывают восхищение так называемые «мудрости» Востока. В свое время, прочитав Конфуция, Гегель недоумевал, почему так славится восточная мудрость: он не смог найти в ней «движущей силы». И вот диссертант выдает очередную мудрость, высказанную аж самим бывшим премьер-министром Японии Я. Накасонэ, который где-то сказал: «Все нас окружающее – горы, реки, трава, деревья одинаковы по своей сути, а в основе всего лежит нирвана». И диссертант умозаключает:

Поэтому нарушение какого-либо одного звена грозит всеобщей дисгармонией (с. 169).

Но ведь высказывание Накасонэ – полнейшая глупость, выдаваемая за мудрость. Нирвана – это бездействие. Видимо, благодаря этой нирване большая часть Индии до сих пор находится в состоянии феодализма и дикости. Гора по своей сути не может быть одинакова с деревом, хотя бы потому, что они в таком случае имели бы одно и то же название. Видимо, опять же благодаря такой мудрости вклад японских и китайских ученых в мировую науку значительно меньше, чем вклад одного Оксфордского университета. Загадка: почему глупость восхищает?

Ну как можно писать:

Основные понятия о современном мире также созвучны японской философии (с. 170).

При этом ссылка дается на статью некоего Ё. Кидзима «Проблемы и вызовы перед лицом карьерного дипломата». Вообще-то Шарко понимает, что японская философия – это не философия в западном стиле, о чем в свое время писал Нисида Китаро? И что тогда она имеет в виду, говоря об «основных понятиях о современном мире»?

Все это элементарная глупость и невежество.

Глава третья называется: Модернизация главного внешнеполитического ведомства Японии.

Уже со второго абзаца начинается невесть что:

Мифология сегодня как комплексная научная проблема до конца не изучена (с. 181).

Диссертант даже не осознает глупость этой фразы. Почему мифология должна быть «проблемой»? Наука – проблема? И кто определял критерий «комплексности»? Кроме того, Шарко, видимо, полагает, что десятков тысяч книг на эту тему недостаточно, чтобы мифология приняла характер «комплексности». В сноске 357 выдаются банальности о мифологии, которые обычно повторяются в некоторых справочниках. Здесь же к этим азбучным истинам подвязываются труды, которые, уверен, эта дама даже в глаза не видела. А далее рассказывается о сути мифологий вообще, которые расписаны во всех букварях по мифологии. И все это в основном для того, чтобы перейти к главному – к японским мифам, изложенным в «Кодзики», о которых сам академик Конрад говорил, что какой-то автор рассматривал этот сборник мифов с точки зрения политики. На кого рассчитано это словоблудие? В мифе любого народа можно обнаружить не только политику, но и все что угодно. Это зависит от интерпретации мифов. Но надо иметь, безусловно, уникальный мозговой аппарат, чтобы бюрократическую организацию МИД начинать описывать с божественного происхождения императора Дзимму. И если у Д.В. Стрельцова, на которого ссылается диссертант, рассказ об этом мифе гармонично вписывается в характер его работы, то в данном случае он из той же самой серии «пришей кобыле хвост». Или тогда всю работу надо было посвящать теме «Становление внешнеполитических институтов Японии с эпохи Нара». Тут не только «Кодзики», но и «Нихон сёки», и «Фудоки» пригодились бы. Это все равно что, описывая структуру американского Госдепа, предварительно пересказать мифы о внешнеполитических организациях в Древней Греции, поскольку именно оттуда тянутся гнусные нити «демократии» и «свободы».

Между прочим, диссертант в этом контексте употребила красивые словосочетания *паралогическое мышление и паралогическое сознание*, которые обычно относят к типу мышления людей первобытного общества. У меня такое впечатление, что под влиянием Л. Леви-Брюля это мышле-

ние незаметно для диссертанта внедрилось в ее собственный мозг, что она с блеском демонстрирует данной своей работой. Для информации: Леви-Брюль был не психологом, а прежде всего антропологом, а во вторую очередь философом на французский манер. И упомянутый в диссертации Клод Леви-Строс был не философом, а антропологом и этнологом. Такие промахи говорят только о том, что диссертант не читала их работ, а где-то надергала кусочки из вторичных и третичных работ на эту тему.

Обращаю внимание на такой каприз диссертанта. На стр. 199 в сноске 390 она ссылается на работу японского ученого Маруяма Масао и другого ученого, Масуми Дзюнносукэ. Но на японском языке ей, видимо, читать их работы показалось скучно, и она одолела эти работы (первая – 324 с., вторая – 566 с.) в переводе на китайский язык. Думаю, что по знанию китайского языка она даже переплюнула самого Л.С. Переломова, переводчика Конфуция. Мир, вероятно, еще не знал таких ученых, столь блестяще владеющих двумя такими трудными языками: японским и китайским. Но диссертант потрясла и другой ссылкой на известную работу Г. Киссинджера «Дипломатия», переведенную на китайский язык. Оказывается, Киссинджера ей тоже было удобно читать на китайском?

В следующей сноске 391 в связи с периодизацией внешнеполитической деятельности Японии она выдает такой перл (первый и второй период пропускаю):

Третий период – это современный период, начало которого связано с эпохой реставрации Мэйдзи и который продолжается до сих пор. В новейшее время Япония стоит на пороге новой эпохи развития XXI века (с. 199).

Непонятно, когда же началось «новейшее время», если третий период продолжается до сих пор? И почему «новая эпоха развития XXI века»? Кто развивается? Эпоха? Это какие же паралогические мозги надо иметь, чтобы понять эту абракадабру. Так не выражались даже герои А. Платонова.

«Перл» мимоходом:

Мировая политическая арена не пустовала, а постепенно пополнялась все новыми и новыми политическими акторами... (с. 200).

Насладились?

Рассказы о том, как вступала Япония «на мировую арену», достойны юмористического рассказа. Оставляю это для других поклонников мадам Шарко.

А вот предложение, сотворенное человеком, не осознающим, что именно он пишет:

На характере японской дипломатии скажутся и международные перипетии беспокойного XX века (Первая мировая война, Мировой экономический кризис 30-х годов, Вторая мировая война), а также политическая ситуация в стране (с. 210).

Можно ли представить: две мировые войны названы «перипетиями»? Это мне напомнило формулировку япониста В. Молодякова, который агрессию Японии против Китая называл военным конфликтом. Может ли эта дама называть хоть один век в мировой истории, который не был бы «беспокойным»?

Рассказы о российском МИДе и внешней политике России – это просто абракадабра, пропаганда самого низкого пошиба, означающая, что эта дама просто ни в чем не разбирается.

Ну где предел глупости? Как можно умудриться написать:

Россия и Япония – две соседние евразийские державы (с. 230).

С каких пор Япония попала в Евразию? Сами-то хоть японцы знают, что они евразийцы? Или это доступно пониманию только мадам Шарко?

Вывод по этой главе может быть только таким. Диссертант умудрилась, рассказывая о японском МИДе, ни разу не сослаться на главный источник по этой теме «Вага гайко-но кинкё», сборник, в котором зафиксированы все речи премьер-министров и министров иностранных дел. Вместо этого она ссылается на материалы из Гугла, не упоминая об этом. Это, кстати, касается и проблем безопасности, расска-

зы о которых почему-то обошлись без ссылок на «Божь хакусё» («Белую книгу по обороне»), что вынуждает меня сильно усомниться, что эта дама знает японский язык. Кроме того, она умудрилась не сообщить, как менялись количественный состав МИДа в ходе реформ и, самое главное, его финансовый ресурс, который является частью внешнеполитического потенциала любой страны. Именно сравнение этого потенциала с аналогичными потенциалами, скажем, США, КНР и России могло бы дать реальную картину потенциальных возможностей МИДа как дипломатического инструмента воздействия на ситуацию в мире и в Восточной Азии в частности. Диссертанту даже в голову не пришло, что помимо МИДа в Японии существуют другие министерства, а также неправительственные организации, действующие на международной арене. Каково соотношение сил между ними и официальным МИДом, какова сравнительная степень их воздействия на международную обстановку – вот темы, мало исследованные в японоведении.

Глава четвертая называется: «Цивилизационный потенциал Японии и формирование современного миропорядка».

Будь моя воля, я бы предложил издать сборник бессмысленных слов и выражений, в котором данная работа заняла бы весьма почетное место. Обязательно вставил бы такое предложение диссертанта:

Мировая политика не отвергает смысл философского постижения международного политического бытия, поскольку философия придает высший смысл человеческому существованию, его деятельности, а внешнеполитическая деятельность расширяет национальные политические горизонты до глобального видения (с. 237).

Во-первых, «мировой политики» не существует (кто в таком случае является ее носителем?), а существуют мировые и международные отношения. Есть внешняя политика того или иного актора/субъекта, или деятельность на международной арене. Во-вторых, высший смысл человеческому существованию придает не сама по себе философия, а способность человечества раскрывать законы при-

роды и общества и, соответственно, продлевать среднюю продолжительность жизни как человека, так и человечества в целом. Без философии это делать трудно, но возможно. Тем более что такие нации, как Россия, спокойно обходились без нее, за исключением советского периода. В мировой философии нет ни одного русского философа по значимости сопоставимого даже с такими не очень выдающимися философами, как Маркузе, Ясперс или Хайдеггер. Все так называемые русские философы – теологи. В-третьих, не всякая внешнеполитическая деятельность расширяет горизонты. Пример той же России говорит об обратном (не путать с Советским Союзом). В-четвертых, поскольку диссертант ссылается на политическую философию С. Абэ, она должна знать, что никакой философии у него нет, а есть ряд идей, кстати, подсказанных американцами, которые он пытается претворить в жизнь. Мадам Шарко просто не понимает смысла термина *философия*. Соответственно, все остальное сказанное ею – это тот самый «нарратив», о котором я говорил выше.

Диссертант, описывая формы взаимодействия японских дипломатов, указывает на то, что они «уделяют много внимания развитию личных отношений» (с. 285). (Этому уделяют внимание дипломаты любой страны.) При этом исследовательница решила блеснуть цитатой из работы немецкого социолога Никласа Лумана (раньше она его назвала политологом), неправомерно объединив в одном предложении строки из разных предложений, что могут позволить себе только дилетанты в науке. Но не это главное. Вот цитата в правильном исполнении:

Любая коммуникация подвергает себя ретроспективному опросу, сомнению, выдвигает предположение или отклоняет его, и предвосхищает это. ...коммуникация должна притязать на авторитетность – в смысле способности уметь сказать, разъяснить и обосновывать больше, чем представляется целесообразным в данный момент (с. 151).

Для чего она привязала эту цитату к стремлению японских дипломатов налаживать личные контакты, одно-

му богу известно. Но она даже не представляет, какую глупость она процитировала. Социология Лумана – это уникальный вариант идеализма, которому позавидовал бы сам Беркли. У него «коммуникации» (синоним слову *отношения*) оторваны от их носителей (почти в духе идей Платона), в результате чего они вытворяют все что угодно, но только не то, что происходит в реальности. То есть Шарко ради демонстрации «высокого интеллекта» ссылается на работу человека, теория которого описывает реальные общественные отношения в искаженном виде.

Тяга козырнуть необычными словами особенно проявилось в **пятой главе**, названной «Деонтологическая основа внешнеполитической деятельности Японии как условие поддержания миропорядка». Слово *деонтология* (досл. с греч. «учение о должном») впервые прозвучало в работе Иеремии Бентама «Деонтология, или Наука о морали», в которой был тщательно разработан принцип полезности, что положило начало идеям утилитаризма (а далее и прагматизма). Причем даже в теориях международных отношений слово *деонтология* употребляется крайне редко. Другими словами, главу можно было спокойно назвать «Моральные основы внешней политики Японии». Но диссертант, склонная к показухе, предпочла слова покрасивше, полагая, что это добавит учености ее слогу и сделает ее работу научной. Между прочим, это манера очень многих современных русских «ученых».

Содержание данной главы можно не разбирать, поскольку тема этики, морали и совести во внешней политике разжевана в теориях международных отношениях еще со времен Э.Х. Карра, и японская внешняя политика в этом смысле не представляет исключения.

Достаточно привести один пример «анализа», чтобы поверить моим словам. Мадам Шарко приводит в качестве примера деонтологического принципа мудрое высказывание японского дипломата, который полагает, что «важным в дипломатии является преданность своей стране» (с. 301). Все остальное, видимо, является не столь важным. И вот на таком уровне заполняется словами вся эта глава.

Все выводы, которые делает диссертант в *Заключении*, неверны; задачи, которые она поставила в начале диссертации, не решены. Это сплошные декларации и пустые заявления.

К примеру будущий доктор наук пишет:

Определены внешнеполитические приоритеты Японии, ее роль, место на международной арене и задачи в контексте глобальных, региональных и национальных проблем (с. 350).

Мадам, приоритеты Японии Вами не определены, место и роль не выявлены хотя бы уже потому, что Вы продемонстрировали полное непонимание понятийного содержания слов *место* и *роль*.

«Универсальная модель» анализа, по Шарко, представляет из себя не что иное, как обыкновенное описание тех или иных сторон внешней политики любой страны, причем в данном случае выполненные на уровне студента факультета журналистики. А ведь именно на основе такой «универсальной модели» диссертант рисует сценарии развития международной обстановки. Неудивительно поэтому, что сценарии эти напоминают предсказания бабы Ванги.

Вот первый сценарий:

В АТР формируется две сферы международного влияния, два военно-политических блока: «континентальный» – Китай и Россия и «морской» – США, Япония и Объединенная Корея (с. 360).

Несмотря на «глубокое» изучение литературы на китайском языке, диссертант так и не поняла, что военный блок Китая с Россией исключается в принципе, а «морской блок» не формируется, а существует и сейчас, правда, без Северной Кореи.

Второй сценарий еще более фантастичный:

В АТР формируется, так же как и в первом сценарии, два центра военной силы и влияния, только с разными участниками и иными геополитическими пропорциями. На одной стороне объединяются США – Япония – Китай, а на другой – Россия и Индия (с. 361).

Мадам Шарко, Вам не приходилось хотя бы разок взглянуть на карту мира? Каким образом Индия входит в «АТР» («Азиатско-тихоокеанский регион»), если она волей Будды Шакьямуни находится в Индийском океане? И с каких это пор Индия стала «центром военной силы»? И с какого перепоя ей надо будет создавать блок с Россией, отношения с которой на порядки слабее отношений с США? Я уже не говорю о вероятности военного блока Японии с Китаем. Любопытно, откуда диссертант украла подобные «мудрейшие мысли»?

Далее фантастический сюжет нарастает. Третий сценарий:

Американское глобальное и региональное доминирование в АТР заменяется на китайское. Здесь два варианта: пессимистический и оптимистический. В случае первого варианта Китай становится единственной глобальной сверхдержавой (с. 362).

Во-первых, как можно глобально доминировать в «АТР»? Он, конечно, как бы охватывает полмира. Но не весь же мир! И в этом случае куда же деваются бедные США? Но это «пессимистический вариант». Любопытен «оптимистический». Оказывается, и при этом варианте

США теряют свой сверхдержавный статус. В АТР утверждаются такие новые гиганты Китай и Индия в качестве локомотива региональной и мировой экономики, за ними Япония» (с. 363).

Диссертанту срочно надо выслать свою диссертацию правительству Индии, чтобы оно знало о своем будущем, не особенно беспокоясь о своем нищем населении.

Но что радует диссертанта как настоящую национал-патриотку: оба сценария: пессимистический и оптимистический предполагает потерю сверхдержавности США. А это, как известно, бальзам на душу всем российским горе-патриотам. По крайней мере, можно хотя бы помечтать.

Все-таки любопытно, кто же будущей докторше подсказал подобные сценарии? При их описании почему-то даже сноски исчезли.

Сюжеты о России я сознательно пропускаю, как не поддающиеся анализу. Это обыкновенная идеологическая пропаганда, никакого отношения к реальной ситуации в России не имеющая.

* * *

Несколько слов о Списке использованных источников и литературы. Диссертант для написания столь грандиозного труда использовала громадное количество литературы, которую простой смертный никогда не одолеет за всю свою жизнь. Весь список состоит из 617 наименований! Даже К. Марксу при написании «Капитала» понадобилось на 2/3 меньше. Правда, ссылалась мадам Шарко на многие источники («документы и материалы») весьма «креативно» (теперь так наиболее продвинутые русские заменяют слово *творческий*). В чем же это выражается?

1) Большинство документов, на которые ссылается диссертант, обычно включались и включаются в общие международные сборники, в том числе и по внешней политике. Официальные документы по внешней политике и обороне публикуются в Японии, как уже говорилось, в ежегодных «Вага гайко-но канкё» («Голубая книга» по дипломатии Японии) и в «Бозэй хакусё» («Белая книга» по обороне), в России – в соответствующих сборниках. Если бы диссертант ссылалась на подобные издания, список «документов» из 167 названий сократился бы до 15–20.

2) Свое творчество продемонстрировала исследовательница и в уникальном варианте ссылок на японскую и китайскую литературу. Вначале она дает название иероглифами, затем перевод. Во-первых, в этом случае совершенно непонятен принцип последовательности: если по алфавиту, то необходимо как минимум выбрать: по русскому или японскому? Например, под пунктом 94 дается название, начинающееся с имени Маэхара Сэйдзи. Под номером 98 идет название, начинающееся с буквы «к» – «Кихон хосин...», ниже (№ 101) – «Гаймусе...» и далее (№ 107) – «Абэ Синдзо». Чей алфавит для последовательности взят за основу, может, он тоже уникален? При воспроизведении ие-

роглифов необходимо писать их транскрипцию. Это, так сказать, элементарно. Но Шарко обошлась без этого и не дала транскрипцию иероглифов ни в русском, ни в английском варианте. Для чего это делается? Главным образом, видимо, для того, чтобы произвести впечатление на не-востоковедов. Такого типа ссылки дают возможность, не зная языка, демонстрировать его знание, поскольку перевод легко взять из Гугла. Второй момент. Такого типа ссылки занимают большое страничное пространство. Чем больше страниц, тем «весомее» труд. В принципе в Правилах по ссылкам на японскую или китайскую литературу указывается: вначале дается фамилия и название работы в транскрипции, затем дается его перевод на соответствующий язык. После транскрипций название в иероглифах дается в крайне редких случаях в специальных культурологических или литературоведческих работах, когда важны сами иероглифы. Тот, кто надоумил диссертанта на такой вариант сносок, увеличивающий страничный текст работы, является врагом лесов, из которых делается бумага. На Западе бьются над тем, как сократить запятую или букву в текстах в целях экономии бумаги. Русским же на это наплевать.

Под рубрикой «Литература на европейских языках» дается список работ только на английском языке. Для диссертанта все европейские языки сводятся к английскому.

А вот особая «креативность» диссертанта. В Автореферате Шарко указывает объемы своих работ в печатных листах (п. л.). Как человек, далекий от науки, она не понимает, что в одном и том же печатном листе в зависимости от емкости листа (формата, гарнитуры, кегля и т.д.) может уместиться материал различного объема. К объему самой работы (текст автора) имеет отношение авторский лист (40 000 знаков) или близкий к нему учетно-издательский лист. Но мадам Шарко все свои работы дает именно в п. л., которые не отражают реальный объем ее книг и статей.

Диссертант, видимо, для убиения лесов в Приложениях дает торговые позиции Японии по экспорту и импорту только за один год. Для чего? Одно дело анализ динамики торговли, скажем, между СССР/ Россией и Японией за 25–

30 лет. А здесь просто информация, которую любой может получить из Интернета за одну секунду. То же самое касается прямых инвестиций. Совершенно ненужная информация, которая не была проанализирована в динамичном ряду. Приложение № 12 (Критерии оценки внешнеполитической деятельности Японии) – просто элементарная белиберда, вытекающая из ненаучного мышления претендента на научную степень высокого ранга. Тринадцать страниц бумаги псу под хвост. Бедные российские леса!

Уверен, что ни один из читавших ее опус не обратил внимание на такое явление, которое в англоязычной литературе называется «a lazy sentence in the text», в дословном переводе означающее «ленивое предложение в тексте», а по сути «пустые предложения», т.е. либо не имеющие отношения к содержанию работы или постоянно повторяющие одно и то же. Вот такими «ленивыми предложениями» заполнена как минимум четверть объема данной диссертации.

Выводы

Диссертация являет собой журналистский текст о внешней политике Японии. В ней нет ни одной мысли, ни одной идеи, которые могли бы представлять научный интерес. Все сказанное М. Шарко повторялось и повторяется в неисчислимых газетных и журнальных статьях даже в России, не говоря уже о Западе. Попытка представить некую «универсальную модель изучения на основе системы компонентов» (политической, экономической, стратегической, институциональной, цивилизационной и деонтологической) являет собой не что иное, как обыкновенное описание различных сторон любого общественного процесса, включая и внешнеполитический. Автор абсолютно не владеет понятийно-категориальным мышлением, не разбираясь ни в понятиях, ни в категориях. Она не способна давать понятийные определения терминам, поскольку не понимает содержание самих терминов «понятие» и «категория». Определения, которые она дает таким «категориям», как *внешняя политика*, *мировой порядок* и т.д., со

ссылкой на некую неназванную теорию международных отношений, представляют собой типично журналистское понимание этих слов. Другими словами, вся философско-теоретическая база диссертанта, которой высокую оценку дала ее научный консультант, – это вульгарное журналистское описание явлений, не имеющих отношения к реальности. М. Шарко не обладает понятийным научным мышлением, а работает на основе неких общепринятых штампов, которые, естественно, не могли ни углубить, ни расширить знания о Японии как одном из уникальных государств мира.

Поскольку диссертант не понимает, в чем заключается суть общественного прогресса, она была не в состоянии показать преимущества Японии по сравнению со всеми остальными значимыми акторами мировых отношений. Конечная суть прогресса любой страны – это увеличение средней продолжительности жизни (СПЖ) населения. Все остальные факторы – экономика, медицина, наука, политическая структура и т.д. – это всего лишь переменные, работающие или не работающие на СПЖ. По этому самому важному индикатору Япония занимает ПЕРВОЕ место в мире (если не считать такие «государства», как Монако и Макао). Это означает, что Япония – самая развитая страна в мире. Задача японоведов как раз и заключается в том, чтобы показать, какие факторы (внутренние и внешние) способствовали тому, что Япония достигла такого статуса. Вместо того чтобы постоянно талдычить о том, что Японии не хватает политической роли, нужно было попытаться показать, что именно отсутствие такой роли (а это означает экономию финансовых ресурсов) и является одним из важных факторов ее прогрессивности. На примере России можно было продемонстрировать, сколь бесполезно тратятся ресурсы на повышение политической роли страны, которые не только не усиливают российское государство, а напротив, ослабляют его. (Такое поведение было одной из причин разрушения СССР.) Уж если опираться на теорию, надо было показать, что политические и военные инструменты, поглощающие колоссальные ресурсы, используются именно для подкрепления экономического влияния и экономи-

ческой политики на мировой арене. Если же страна может ограничиться чисто экономическими средствами, то честь ей и хвала. И это ее преимущество, а не слабость.

Исследовательница Шарко вообще проигнорировала формы проведения Японией своей внешней политики. У Японии действительно нет официальных внешнеполитических доктрин, хотя существуют различные внешнеполитические концепции, формулируемые той или иной группой японских международныхников. Но существует реальность проведения внешней политики страны, которая описывается термином «приспособляемость» к мировой ситуации. Такая адаптивная логика применительно к внешней политике Японии у японских международныхников обозначается многими терминами, среди них дипломатия приспособления (*тайокэй-но гайко*), дипломатия адаптации к ситуации (*дзёкё-ни цуйхокэй*, или *цуйдзуйкэй-но гайко*), дипломатия низкого профиля (*тэйсисэй гайко*). И в этой связи было бы интересно показать, насколько подобного типа политика работает на прогресс в Японии. Или она как раз и является одним из факторов, который тормозит развитие страны? Уж если постоянно в диссертации затрагивались отношения между Россией и Японией и проводились некие аналогии между этими странами, то надо было как раз показать различия в их поведении на мировой арене, различия даже в структуре МИДов и количестве их работников и т.д.

Но мышление диссертанта явно направлено на иной тип написания диссертации – рассказ на тему, никакого отношения не имеющей к научному исследованию. И я этому не удивился, когда прочел отзыв на этот труд ее научного консультанта О.Д. Абрамовой. Достаточно привести в пример второй абзац ее отзыва, чтобы ощутить образ мышления консультанта:

Актуальность выбранной темы исследования определяется большим сходством тех черт, которые выделяют в настоящее время Японию и Россию на мировой сцене (Отзыв, с. 1).

Это же надо додуматься до этого! Кто же вас, уважаемые дамы, так учил размышлять? Кто учителя? А ведь защитившись, М. Шарко будет учить этой же белиберде

новое поколение. Так и полетят знания и «уникальные методы» дальше, сметая российскую науку напалмом безграмотности.

Для информации, уважаемые дамы, Япония – страна, с которой стремятся развивать отношения во всех частях мира. А Россия – страна с самыми негативными и криминальными макропоказателями, умудрившаяся настроить против себя чуть ли не всю Европу, Северную Америку и другие в основном развитые государства. И оказывается, Япония и Россия обладают «большим сходством».

Россия, занимающая самые «передовые» позиции по потреблению алкоголя, преступности, коррупции, неграмотности, находящаяся на 151-м месте по СПЖ, страна, население которой кое-как выживает, а провинциальные города и села напоминают времена Ивана Грозного, сходна с Японией? Со страной с самым низким уровнем преступности в мире, со страной, в которой пойманный за коррупцию человек делает себе харакири, со страной, в которой мораль зиждется на «культуре стыда» (*хадзи-но бунка*)? Со страной, культуру которой или даже ее элементы не сможет адаптировать ни одна нация в мире? И она схожа с Россией? Разница между ними как между небом и землей. И эти две страны полярно противоположны не только с точки зрения культуры, но и с точки зрения престижа, места и роли на мировой арене.

Консультант Абрамова почти дословно повторяет все несуразицы своей подопечной, которые почти такими же словами изложены в диссертации. Я даже растерялся, настолько тексты одинаковы: кто что писал?

Вообще вызывает недоумение, что именно женщины сгрудились вокруг этой диссертации (наставник, оппоненты, сама диссертант), любовно слепив общий пирог.

Рекомендации:

Лишить диссертанта не только права на защиту докторской диссертации, но и вообще права преподавать, чтобы не

плодить студентов с ложными представлениями об окружающем мире.

Диссертацию направить во все ученые советы в качестве образца антинаучности.

Разогнать Ученый совет РАНХиГС, давший добро на защиту этой писанины. Но, судя по всему, он уже расплодил немало аналогичных докторов и кандидатов, наносящих вред мозговому потенциалу России.

Научного руководителя и оппонентов лишить научных степеней как несоответствующих элементарным стандартам науки.

К. Черевко запретить в любом качестве участвовать в обсуждениях диссертаций на политические и международные темы. Он – классический филолог.

Японистам организовать своего рода Совет (скажем, при Ассоциации российских японоведов), который мог бы контролировать все японоведческие работы, представляемые на соискание ученых степеней в любой организации. В него могли бы войти настоящие японисты-ученые, которые отличают науку от пародии на нее.

* * *

Проблема, однако, заключается в том, что ни мои рекомендации, ни моя оценка не будут приняты во внимание. И эта женщина, как и многие «ученые» до нее, успешно защитится и станет еще одним «крупным ученым», пополнившим ряды российской науки. И пройдет она защиту успешно потому, что 25 членов диссертационного совета данной академии дали добро на ее защиту, поскольку их собственный уровень, может быть, за исключением одного-двух человек, ничем не отличается от думостроя М.В. Шарко. И дело не только в этих 25 персонах. Фактически все обществоведческие науки (страноведение, политология, социология, международные отношения и т.д.) – это «сплошное шарко». Наметившаяся борьба против плагиатов показала, что критика, обращение к совести, к морали столь же «эффективны», как и борьба с коррупцией. Исправить ситуацию, когда науку решительно вытесняет религия, а

на смену ученым советской закалки приходят прохиндеи и шарлатаны, реформами или простыми разоблачениями невозможно. Сама система работает на убийство науки. Чтобы ее восстановить, заставить ее играть такую же роль, как в Советском Союзе, необходима смена системы. Если же она сохранится, то российская земля вместо «собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов» будет рождать «шарковых» и «абрамовых» и прочих шариковых от науки. И тогда не уверен, сохранится ли Россия.

Послесловие

19 марта 2015 г.

Не имеет значения, защитила мадам **Шарко** свой журналистский опус или не защитила (скорее всего, защитила). Важно то, что вот такие ученые дали добро на ее защиту. Это:

Научный консультант:

Абрамова Ольга Дмитриевна, доктор политических наук, профессор.

Официальные оппоненты:

Арсентьева Ирина Ильинична, доктор политических наук, Институт истории международных отношений, кафедра международных отношений и внешней политики России при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского, профессор;

Рябова Елена Львовна, доктор политических наук, международный издательский центр «Этносоциум», главный редактор;

Черевко Кирилл Евгеньевич, доктор исторических наук, доктор филологических наук, Институт российской истории Российской академии наук, ведущий научный сотрудник.

Ведущая организация:

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ.

Обращаю внимание на то, что среди проталкивавших эту даму на научный Олимп японоведом является только К. Черевко, остальные к японоведению не имеют ни малейшего отношения. Следовательно, в тематике диссертации они не разбираются. Тема докторской диссертации Арсентьевой – «Регионализация пространственной организации России в целях обеспечения национальной безопасности», тема Рябовой – «Культура конфликтного взаимодействия в современном российском социуме как фактор общественной стабилизации». Обе защитили эти диссертации в 2010 г. Содержание их опусов убивает столь же безотказно, как и содержание труда Шарко. Один язык чего стоит. С. Чугров просто мальчишка перед ними. И эти мадамы – доктора и профессора? Они учат студентов? Ниже просто некуда. Рядом с ними даже булгаковский Шариков – академик. Такого кошмара нельзя было представить даже в самом страшном сне. А он стал явью.

Плагиа́т

Тему плагиата я затрагивал множество раз (см. предыдущие книги из серии «Россия как она есть»). Поэтому здесь я ее пропускаю, предоставив лишь один информационный материал только для того, чтобы читатель глубже осознал степень морального падения так называемых ученых России.

* * *

«Диссернет» обнаружил плагиат в научной работе замглавы МВД, который назвал борьбу с коррупцией предвестником «цветных революций».

Сетевое сообщество «Диссернет», занимающееся поиском плагиата в научных работах представителей различных российских ведомств, опубликовало анализ диссертации Игоря Зубова, заместителя главы МВД России, прославившегося недавно своими заявлениями о том, что «все цветные революции начинаются под лозунгом борьбы с коррупцией» и что 100 тысяч россиян, подписавших антикоррупционную инициативу Алексея Навального, – это «тройанские кони».

Согласно приведенным на сайте «Диссернета» данным, из 425 страниц работы на тему «Государственно-правовые и организационные проблемы функционирования и развития системы МВД России», которую Зубов защитил в 1999 г., 151 полностью или частично заимствована. Причем только из одного источника – диссертации под названием «Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования», которая была написана в 1998 г. профессором кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России Юрием Автуриным.

Примечателен тот факт, что Игорь Зубов, имеющий ученую степень доктора юридических наук, является выпускником данного университета. Также, согласно биографии на официальном сайте ведомства, он, будучи профессором кафедры конституционного и муниципального права, с 2011 г. преподавал в Московском университете МВД (неизвестно, является ли он преподавателем на данный момент). «Диссернет» не дает информации о составе диссертационного совета, рассматривавшего работу Игоря Зубова, однако на официальном сайте учебного заведения сказано, что Юрий Автурин, у которого замглавы МВД, возможно, списал почти половину своей диссертации, является экспертом Высшей аттестационной комиссии и председателем диссертационного совета этого университета.

«Диссернет» известен и другими своими громкими результатами анализов диссертаций, выявляющих плагиат в научных работах высших чиновников и силовиков. В ноябре 2014 г. сообщество обнаружило заимствования в докторской диссертации главы ФСКН Виктора Иванова – большую часть написанного он взял из работы начальника Игоря Зубова – министра внутренних дел Владимира Колокольцева. А в мае 2014 года неутешительный вердикт был вынесен двум работам министра культуры Владимира Мединского – плагиат нашли в его диссертациях 1997 и 1999 годов (NEWSru.com: 27.02.2015).

III

Фальсификация науки и фальсификаторы

Мадам Нарочницкая, Энгельс и панславизм

28 марта 2008 г.

Много раз от современных российских журналистов приходилось слышать такую фразу: «Маркс и Энгельс ненавидели Россию, а у нас, в Москве, до сих пор стоят памятники этим деятелям». К журналистам у меня претензий нет, поскольку поверхностность и политическая неграмотность большинства из них является их профессиональной чертой. Но вот недавно случайно мне попала книжка доктора исторических наук Натальи Нарочницкой «За что и с кем мы воевали» (М.: Минувшее, 2005). Это та самая Нарочницкая, дочь советского академика А.Л. Нарочницкого, которая является обожательницей кадетов, ненавидит советскую власть и большевиков, депутат предыдущей Думы, причем от какой-то полулевой, но очень патриотической партии (по-моему, Рогозина). На последних выборах что-то у нее не получилось: в Думу не попала. Но ей организовали Институт, который должен повышать «имидж» России за рубежом. Место для нее выбрали хорошее: Париж.

Когда-то мы работали в одном отделе в Институте мировой экономики и международных отношений, хотя виделись редко, поскольку она в основном пребывала за рубежом, кажется, в Швейцарии. По пути в одну из зарубежных командировок ей, как в свое время к Савлу, явился сам Иисус Христос, пристыдил ее за неверие к Себе, после чего она стала истово верующей, такой настоящей православной патриоткой, агрессивно непримиримой ко всем атеистам, как иезуиты Средневековья. Но это ее личное дело. Не личное, когда она выпускает книги, оболванивающие читателей, которые и без нее уже полагают, что Солнце крутится вокруг Земли.

* * *

Так вот: речь идет о позиции Энгельса к панславизму как негативному явлению с точки зрения революционного движения. В ряде публицистических статей он обрушивается на «русских» как на потенциальный оплот панславизма в середине XIX в. Как же расправляется с ним раба божья Нарочницкая?

Пardon, мадам, но мне придется упрекнуть вас в текстовом шулерстве. Мадам пишет: «Не Розенберг, а Энгельс дает впечатляющие рекомендации: “взять у поляков на западе все, что, возможно, занять их крепости немцами, пожирать их продукты”» (пунктуация Н.Н., с. 40). И делает ссылку: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т. 37. М., 1965, с. 317. (Далее ссылки на их сочинения будут обозначаться как МЭ.) Вот какой антипольский вандал Энгельс! Не исключено, что Энгельс и мог бы такое написать в ранних работах (все зависит от контекста), хотя именно поляков он ценил выше всех из-за их революционности в те годы.

На самом же деле такого текста на указанной странице нет, а есть письмо к Вере Засулич (1890 г.), в которой Энгельс весьма осторожно оговаривает свою позицию в отношении славянских вопросов, предлагая именно русским высказать свои позиции на этот счет. А что касается его самого, то он пишет: «Если поляки претендуют на террито-

рии, которые русские вообще считают приобретенными навсегда и русскими по национальному составу населения, то не мне решать этот вопрос. Все, что я могу сказать, так это то, что, по-моему, население, о котором идет речь, должно само определить свою судьбу – совершенно так же, как эльзасцы сами должны выбирать между Германией и Францией» (МЭ, т. 37, с. 317). А вот в том же письме о русских: «...русское офицерство по своему общему развитию и моральным качествам бесконечно выше прусского» (там же, с. 318). Вот так госпожа Нарочницкая обращается с источниками.

Далее. Демонстрируя «антиславянизм» Энгельса, она цитирует из того же издания, но из 6-го тома такой пассаж: «Там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах... славян не играет никакой роли» (с. 39). Обратите внимание на многоточие. Ссылка уже не на конкретную страницу, а на всю статью: т. 6, с. 289–306. Так что же было вместо многоточия? Нахожу вот что: «...там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах *немцев или* славян не играет никакой роли!» (МЭ, т.6, с.296; курсив мой. – О.А.) Из этого текста вытекает, что Энгельс, оказывается, был не только славянофобом, но еще и германофобом. А ведь Нарочницкая опустила слова о «немцах» сознательно. Ничего удивительного, это – стандартный вариант фальсификации, который используется антикоммунистами всех стран. Ложь, подтасовка – инструменты их «научного анализа».

В этой связи довольно лицемерным выглядит ее сентенция: «Сегодня общественная наука на Западе перестала оперировать научными философскими категориями, а поступила на службу идеологии» (с. 44). Совершенно верно. На Западе общественной науки практически не существует. Она насквозь идеологизована. Но сама мадам эту идеологичность и демонстрирует, что называется, на полную катушку. Помимо элементарного вранья – еще и полное отсутствие мышления как такового. И это проявляется в охаивании Энгельса как противника русских, как про-

тивника славянства и славянизма. У этой дамы явно не все дома, чтобы понять контекст работ Энгельса 1849 и 1890 гг. Ученая дама, ратующая за «научные категории», не осознает, что к историческим событиям необходимо подходить исторически, учитывая специфику исторического времени и географического пространства. В этом суть диалектического анализа, которым безукоризненно владели Маркс, Энгельс и Ленин и который не в состоянии освоить буржуазные говоруны от науки.

* * *

А теперь о панславизме 1848–1849 гг. Эта тема вновь становится актуальной среди русских патриотов, взгляды которых в определенной степени выражает и доктор Нарочницкая.

Напомню, что идею панславизма в те годы активно отстаивал великий русский анархист М. Бакунин, бунтарь, небогрёз и типичный русский «еслибист». Против его брошюры «Призыв к славянам» и выступил молодой Энгельс со статьей «Демократический панславизм», опубликованной в феврале 1849 г.

Для начала эта ученая разоблачительница противопоставляет Бакунина Энгельсу. Она пишет: «Гневную отповедь классика вызвал призыв Михаила Бакунина к единению славянства и освобождению от иноземного ига. Но русский одновременно говорил о “протянутой братской руке немецкому народу... во имя свободы, равенства, братства всех наций”. Что же классик интернационализма? Равенство и братство – не для всех, и Энгельс как отрезал, что “речь идет не о братском союзе всех европейских народов, а о союзе революционных народов против контрреволюционных”» (с. 38).

И правильно «отрезал». Ведь Энгельс раскритиковал брошюру Бакунина не за «братство и свободу», а за элементарную болтовню на эти темы. О каком единении и братстве могла идти речь после поражения революций 1848 г., которые как раз и подавлялись славянскими народами, включая русских? В те годы все эти «мечтательные воодушев-

ления», «фантастические абстракции» являлись «пустой мечтой», сотрясением воздуха, тем, что я сейчас называю «еслибизмом». Ну разве не еслибизмом является краснобайство Бакунина: «Революция полнотой своей власти объявила распущенными деспотические государства, прусское государство... и, наконец, последнюю надежду деспотов, Российскую империю...» (цит. по: МЭ, т. 6, с. 291). Что из того, что объявила? Они после такой объявки исчезли, что ли? Энгельс совершенно справедливо в ответ пишет: «О действительности здесь вообще нет речи». Все это звучит вдохновенно, красиво, суперреволюционно, но без учета реальности, что вообще характерно для экзальтированных русских. Такого типа речи напоминают мне современного Проханова: художественно, метафорично, образно. Но все небогрёзно. Где-то в потустороннем мире.

Отношение Энгельса к славянам, равно как и ко всем другим народам, определялось главным критерием – *революционностью*. Это слово для рабы божьей Нарочницкой невыносимо даже психологически. Но она никогда не сможет осмыслить или согласиться с простой истиной: у революционных мыслителей иная логика, иная шкала оценок. Она отличается от логики обывателей, обуржуазившихся дам, вписавшихся в структуру современной российской профессуры. Для Энгельса «братство», «равенство» – пустые слова, если они не сопрягаются с революционными действиями. Энгельс писал: «Славяне – мы еще раз напоминаем, что при этом мы всегда исключаем поляков, – постоянно служили как раз главным оружием контрреволюции. Угнетаемые дома, они вовне, всюду, куда простиралось славянское влияние, были угнетателями *всех революционных наций*» (там же, с. 299).

И разве это не так? И он детально показал, что в тот момент, в 1848 г., практически все славяне, за исключением поляков, находились в контрреволюционном лагере. И каким образом революционный немец, француз или итальянец мог принять «контрреволюционную руку» славянина, который его же и подавлял? Самое курьезное, на что мадам не захотела обратить внимание, что Славянский съезд в Праге, на котором стараниями Бакунина провозгласили

идею панславизма, *был разогнан* «не немцами, а галицийскими, чешскими, словацкими славянами, и только славянами!» (там же, с. 301).

И это надо помнить нынешним славянофилам. К примеру, в наше время газета «Завтра» призывает объединиться *всем* ради мифической Пятой империи. Мы все, мол, дети одного государства, и надо его *развивать*. Все эти ребяческие утопии, подобные мечтаниям Бакунина, до сих пор в ходу у православных патриотов. Почему-то им в голову не приходят некоторые простые вопросы. Например. Как я могу *развивать* государство, которое меня же грабит и угнетает? Как могут объединяться олигархи с нищими? Рабочие с банкирами? Ученые с попами? Та же мадам Нарочницкая, ратующая за «братскую руку», очевидно не подаст этой руки коммунистам. В своей книжонке она не упускает ни единой возможности, чтобы не лягнуть большевиков и советскую власть. И опять же, вокруг *какого* государства? Вновь и вновь красивая и глупая болтовня о единой православной культуре.

Энгельс был на 100% прав в своей оценке панславизма. Вторая половина XIX в. и особенно XX и даже XXI в. подтвердили и подтверждают его прогностические суждения. Славяне не только не смогли объединиться в какой-нибудь мощный союз¹, а истребляли друг друга более беспощадно, чем их угнетатели из неславянских наций. Достаточно посмотреть на распад Югославии в конце XX – начале XXI в. Славянское «братство» особенно позорно проявилось в поведении восточных славян по отношению к русским. Болгары, которым царская Россия помогла освободиться от турок во второй половине XIX в., как минимум дважды предавали русских, встав на сторону Германии в Первую и Вторую мировую войны. После распада Советского Союза, который освободил всех славян от фашизма, эти самые славяне дружно предали свою освободительницу, переметнувшись на Запад. В Польше и Чехии готовят площадки для американской системы ПРО, однозначно направ-

¹ Не путать с блоком Варшавского договора и СЭВ. Эти союзы были созданы на социалистической, а не на национальной основе.

ленной против России. Да что там чехи и поляки! Уже украинцы намереваются войти в НАТО, видимо, из большой любви к братьям-славянам-москалям. Примеров предательства славян по отношению друг к другу нет числа.

И после всего этого какие-то «ученые» обрушиваются на Энгельса за антипанславизм! А кто-то еще мечтает и о возрождении этой бредятины.

В статье у Энгельса есть очень интересное наблюдение. Он пишет: «Но панславизм отличается не менее ребяческим и реакционным характером, чем пангерманизм. Когда вы читаете историю панславистского движения прошлой весны в Праге, вам кажется, что вы отброшены на тридцать лет назад: трехцветные ленты, допотопные костюмы, старославянское богослужение, полная реставрация эпохи и нравов первобытных лесов...» (там же, с. 304).

У меня точно такое же ощущение в отношении сегодняшней России. Славяне-патриоты с казачьими и религиозными хоругвями, выводящие псалмы под началом толстопузых попов, языческие обряды и празднества и прочее и прочее. Это уже откат не на тридцать лет, а на все двести.

* * *

Критикуя Энгельса, Нарочницкая неосознанно затронула одну важную тему, которую время от времени поднимают политизированные социологи во многих странах, когда хотят обвинить марксизм в антигуманизме. Речь идет о рассуждениях Энгельса относительно нежизнеспособности и несамостоятельности славян, историческая жизнь которых обречена на исчезновение. Такую «дикость» не смогли выдержать даже советские историки, осудив ее в Предисловии к 6-му тому, где были помещены статьи Энгельса о славянах. Дескать, вот в этих вопросах тов. Энгельс ошибался.

Энгельс, конечно, не бог и ошибался не раз и не два, в чем никогда не стыдился признаться. Но в данном вопросе, на мой взгляд, ошибаются все, кроме Энгельса. Даже в свои 29 лет и даже в пылу революционной атаки на панславизм (статьи написаны, естественно, в атакующе-публицистиче-

ском стиле против Бакунина) он в конечном счете был прав исторически.

Во-первых, написав о несамостоятельности славян, Энгельс оговорил, что при этом не имеются в виду «поляки, русские и, самое большое, турецкие славяне» (видимо, имелись в виду те, кто были «под турками»).

Во-вторых, он привел конкретные примеры исчезновения некоторых славянских племен, не выдержавших испытания историческим временем.

В-третьих, доказательно была показана несамостоятельность многих из славянских наций вследствие их малочисленности и распыленности. И если некоторые из них все-таки выжили даже под господством Оттоманской империи, то произошло это в немалой степени благодаря мадьярам и немцам. Впоследствии, начиная с середины XIX в. и по настоящее время, историческая практика подтвердила и подтверждает, что ни одно из славянских образований, (за исключением России, особенно периода существования Советского Союза) не являлось и не является самостоятельным. Каждое из них в той или иной форме зависело от крупных, жизнеустойчивых государств. Ни одно из них не было субъектом мировой политики. Все они без исключения являли собой объекты политики. И их задача всегда была одна и та же: к кому выгоднее прислониться. С середины XIX до середины XX в. они метались между Англией и Францией, с одной стороны, Германией и Австрией – с другой. После Второй мировой войны их «подобрал» Советский Союз, правда, совсем на иной основе. А после распада СССР они дружно продались Западу: Западной Европе и США. Никакой самостоятельной роли все эти страны не играли и не будут играть.

А что касается «исчезновения», о котором писал Энгельс, так еще не вечер. История не закончилась. Вот совсем недавно исчез последний представитель какого-то северного народа на Аляске. Сохранилось несколько десятков людей еще одного народа в Англии. Лет через сколько-то и они исчезнут. И т.д. Исчезнут и восточные славяне вместе с прибалтами, поскольку они не соответствуют закону массы и динамики воспроизводства населения.

* * *

В этой связи обычно встает такой вопрос: стоит ли пестовать малые народы, создавать им особые условия и льготы для развития их культуры, размножения и т. д. Если я скажу нет, не стоит, мне тут же в ответ возразят: как же так, даже исчезающих животных и растения стараются сохранить. Красные книги для этого и заводят. Да, заводят... от глупости. Потому что не знают законов развития природы и общества. Потому что не понимают, что когда пытаются искусственно сохранить слабый вид, который сам не в состоянии выжить, точнее, самостоятельно приспособиться к окружающей среде, то тем самым нарушаются взаимоотношения всей системы животного или растительного мира. Через некоторое время пестуемый «слабый» ослабляет всю окружающую систему. Закон силы, применимый к органическому и общественным мирам, гласит: слабый вымирает, сильный выживает. На какое-то время можно затормозить этот процесс, но исторически остановить его невозможно.

В обществе это очевидно на примере с нищими: чем больше вы поддерживаете нищих, тем больше их становится и тем больше ослабляется вся здоровая часть общества. Так же с неизлечимыми больными, так же с гомосексуалами и т.д. Чем больше ресурсов человечество будет тратить на поддержание антиобщественных и антиприродных явлений, тем больше у него самого шансов на исчезновение. Какой смысл во внешней поддержке так называемых малых народов? Какие великие деяния свершили их представители? Они родили Платона, Аристотеля, Декарта, Гегеля, Шекспира, Гёте, Конфуция, Леонардо, Баха, Моцарта, Пушкина, Шостаковича?

Их надо просто оставить в покое. Их выживание зависит от них самих. Думаю, в исторической перспективе вообще останется только один народ – земляне. И это не будет народ, состоящий из многих народов и наций. Какой-то один из нынешних, а может быть, из более поздних крупных народов станет доминантой будущих землян. Бу-

дут ли это китайцы, американцы, индийцы или русские, не берусь гадать.

Позиция в отношении тезиса о неизбежности исчезновения народов, рас или государств не имеет отношения к понятию *нравственность*, к паре *гуманизм/антигуманизм*. Это научный подход, поскольку исчезновение народов и даже цивилизаций постоянно подтверждается исторической практикой. Где шумеры, где хетты, инки, майя, ацтеки? Тысячи малых и даже не малых народов исчезли с лица земли из-за неспособности приспособиться к окружающей среде. Я имею в виду не только экологическую, но и геостратегическую среду. Точно так же как эволюция в природе, «погубив» миллионы видов, привела к возникновению человека. И когда Энгельс писал об исчезновении славянских народов (а в других работах он указывал и на неславянские народы), он не исходил из обывательского представления: нравится – не нравится, а из объективного процесса выживания или невыживания тех или иных наций и народов. Плюс, и это очень важно, исходил из степени их революционности. Это весьма важный критерий. История показывает, что народы, уклонявшиеся от революций, исчезали или прозябали в качестве сателлитов революционных народов. Поскольку революция – это скачок вперед, скачок к новым формам не просто выживания, а именно развития. Именно благодаря революциям: научным, техническим, политическим и экономическим увеличивалась средняя продолжительность жизни (СПЖ) человека и количество самого населения той или иной жизнеспособной нации. А именно СПЖ и является критерием прогресса.

Все эти вещи у меня прописаны в научных работах. И здесь я об этом упоминаю только для того, чтобы выразить свое восхищение молодым Энгельсом, который уже в своих ранних статьях интуитивно выразил закон выживания рода (народа). И я полностью согласен с концовкой его другой статьи на эту же тему («Борьба в Венгрии», 1849 г.), которую он блестяще завершил словами: «В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это

тоже будет прогрессом» (МЭ, т. 6, с. 186). И хотя «ближайшая мировая война» разразилась через 65 лет, тем не менее, действительно, немало династий исчезли, а главное, исчез реакционный русский народ, возродившись в форме революционного советского народа. Именно о таком народе Энгельс писал так: «Славянский народ, которому свобода дороже славянства, уже одним этим доказывает свою жизнеспособность, тем самым уже гарантирует себе будущее» (там же, с. 179). И нынешний русский выживет и даже будет процветать только тогда, когда в нем будет меньше славянского, а больше советского.

* * *

Думаю, Энгельс ошибся, причем сильно, только относительно поляков. Действительно, в XIX в. их, возможно, не без основания, воспринимали как революционную силу, участвующую в ревдвижениях не только у себя на родине, но и за рубежом. Симпатии европейских революционеров были на их стороне главным образом из-за того, что они выступили против тогдашней царской России – оплота реакционности и мракобесия. Особенно во времена Николая I. Мне кажется, Энгельс деятельность поляков за освобождение от России, т.е. деятельность, носившую национально-освободительные черты, принял за революционность, за социально-политическое движение. Как показала последующая практика, эта «революционность» на самом деле означала чисто шляхетский национализм. Как только поляки добились «освобождения», главной сутью их внешнеполитической деятельности стала борьба именно с революционной, социалистической Россией. После второго освобождения, в связи с распадом СССР, поляки тут же поворачиваются к своим западным хозяевам и начинают строить свою жизнь по-капиталистически. А по степени ненависти к братьям-славянам в России их превосходят, может быть, только прибалты. Но тем как бы сам бог велел: они не славяне.

Между прочим, об отношении поляков к русским весьма красноречиво писал крупный историк Н.М. Карам-

зин в послании Александру I, под названием «Мнение русского гражданина». В этом послании среди прочих интересных рассуждений есть и такие строки: «Нет, Государь, *никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками* (курсив Карамзина. – О.А.)». Почему бы мадам Нарочницкой не взяться за критику антиславянства Карамзина? На самом деле Карамзин был тысячу раз прав, и не только в отношении поляков. Его суждение верно в отношении всех славян и прибалтов: все они, может быть, за исключением только белорусов, Россию предавали и предавать будут. Шкурные интересы у них всегда были выше идей славянства или панславизма. И Энгельс вновь прав, когда писал: «Таким образом, панславистское единство – это либо чистая фантазия, либо – *русский кнут*» (МЭ, т. 6, с. 182). К сожалению, «русский кнут» нужен и для самих россиян, чтобы они по дурости не исчезли. Никакая не демократия и даже не автократия, а только кнут, только народная диктатура может спасти Россию.

Правда, мадам Нарочницкая больше уповает на бога, на православие, на чувство принадлежности к Соборной Церкви, «соединяющей с Христом всех верующих – ушедших, нынешних и будущих. По этому образу будем стремиться к освященному Духом чувству принадлежности к своему Отечеству» (с. 72).

Такой бред вполне закономерен для доктора политических наук, освященного Духом православного отечества.

Как заурядная антикоммунистка, она не способна на элементарный логический научный анализ предмета. Именно поэтому ей понадобились подтасовки и ложь. Неслучайно она ни разу не упомянула ни французов, ни англичан, не говоря уже о своих соотечественниках немцах, Энгельс критиковал их намного жестче и хлеще, чем славян. Публицистические статьи Энгельса всегда эмоциональны, им присущ переклест в выражениях. В научных работах Энгельса, наоборот, отсутствуют журналистские всплески, они взвешенны, в них выверено каждое слово. И это знает каждый, кто хоть когда-либо читал работы этого крупнейшего ученого-революционера. Но что до этого мадам-патриотке?! А впрочем, дело не в ней. Она просто

воспроизвела методику фальсификации марксизма всеми антикоммунистами. Они не могут иначе. Это их природа.

Единственное, что я не могу понять, как такая неграмотная женщина собирается укреплять «имидж» России за рубежом? Только в еще худшую сторону. Видимо, Кремлю уже выбирать не из кого. Это самые лучшие?! Оскудела земля русская.

Мифы русских патриотов о России и Западе

(Критическая рецензия на писания В. Мединского)

21 декабря 2008 г.

- 1) Мединский Владимир. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- 2) Мединский Владимир. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

Россию захлестнула волна литературы национал-патриотического содержания, возвещающая о возрождении России, которая «поднимается с колен». Эта волна одновременно сопровождается атакой против Запада, который-де этому возрождению противится. Для этого вроде бы есть и объективные причины. Одна из них – рост экономики с перспективой обгона высокоразвитых стран Европы. Другая – усиление антироссийской пропаганды на Западе, который в правлении Путина узрел чуть ли не восстановление сталинизма в стране.

На самом деле ни того, ни другого в реальности нет, а есть мифы, которые идеологи-патриоты сами придумывают и сами же их опровергают.

Нужны ли мифы

Сразу ответу – нужны. Весь вопрос: какие мифы? Все зависит от конкретного исторического времени и конкретного географического места. При этом надо иметь в виду, что мифы бывают полезные и вредные. Причем один и тот же миф может интерпретироваться прямо противоположно в зависимости, опять же, от времени и места. Например, мифы о боге или богах в начальной стадии развития человечества играли полезную роль, поскольку давали своего рода психологическую устойчивость мышлению человечества и хотя бы на мифическом уровне «объясняли» происхождение мира и самого человека. Кроме того, они выполняли и чисто прикладную, общественную функцию, являясь первоосновой правил общежития людей. В Средние века религия, особенно христианство, превратилась в тормоз развития человечества, по крайней мере в Европе. В этот период религиозные мифы имели реакционный и даже преступный характер, поскольку являлись причиной кровавых религиозных войн, уносивших миллионы жизней. И только после начала Возрождения и в эпоху Просвещения, когда роль религии стала стремительно уменьшаться, человечество ускорило свои шаги по пути прогресса. Именно в это время активно развенчивались религиозные мифы, особенно французскими просветителями, среди которых в этом плане почетное место занимал Поль Гольбах. В XIX и особенно в XX в. казалось, что значение религии вообще вот-вот сойдет на нет. И вдруг ее неожиданное возрождение в конце XX – начале XXI в. На Западе это произошло вследствие крушения идеологических ценностей позднего капитализма, особенно в сферах нравственности и семейной жизни. Эти сферы – одна из наиболее сильных сторон религии, вот ее-то и стали активно эксплуатировать западные идеологи, прежде всего в США.

В современной России особый случай. После крушения СССР страна вообще оказалась без идеологии. В качестве эрзаца на вооружение взята религия в форме пра-

вославия, т.е. чисто феодальный вариант, отбрасывающий страну назад. Нынешние мифы о боге в качестве религиозной идеологии, особенно в России, превратились в инструмент оболванивания людей, низведения их в умственное состояние, характерное для мракобесного Средневековья. Современные мифы – это политика превращения людей в массу послушных овец божьих.

Но есть особый вид мифов: мифы о героях, о героических народах, нациях. Их функция – поддерживать и укреплять чувство национального достоинства народа, гордости за свое прошлое и настоящее. Истину в таких мифах искать бессмысленно, поскольку они крайне политизированы, а следовательно, и идеологизированы. Достаточно почитать любой учебник той или иной страны, как обнаружится, что весь прогресс пошел именно от нее¹. И хотя, повторяю, такие мифы необходимы с точки зрения внутренней пропаганды, важно, чтобы руководители нации сами четко осознавали их прикладной характер. Без такого осознания они теряют чувство реальности, которое быстро сказывается на их текущей политике с соответствующими негативными результатами.

Дело в том, что, когда создается миф о величии того или иного народа или государства, обратной его стороной является умаление, унижение других наций или государств. (В утрированной форме такая мифология сведется к тому, что Иван Грозный насквозь видел человека задолго до Рентгена, открывшего свои лучи.) Сбалансировать не удастся. Всегда получается, если один «умный», другой должен быть «дураком». Классический пример – французская литература, которая начиная с эпохи Просвещения постоянно представляет в уничижительном свете другие народы, особенно англичан и немцев, а ныне – американцев.

Так вот, нынешняя ура-патриотическая литература России, кажется, решила переплюнуть французов.

¹ Крайним примером такого мифа является книга покойного «Отца туркменов» Сапармурата Туркменбаши «Рухнама», из которой вытекает, что человечество своим прогрессом обязано деяниям туркменского народа.

Доктор Мединский
как зеркало русского ура-патриотизма

Одним из таких авторов является профессор МГИМО В. Мединский¹, затеявший разоблачать мифы о России. Он написал две большие книги (говорят, пишет или уже написал третью), на основе которых по российскому телевидению демонстрировали сериалы «правды» о России. Я не обращал на них внимания, пока мои читатели не попросили меня как-то отреагировать на писания этого молодца. Я отказывался это делать, поскольку, даже не читая его работ, из своей многолетней практики знаю, что любой антикоммунист в состоянии только врать, подтасовывать факты, проявляя неграмотность во всем. Тем более что писатель этот из государственной организации (МГИМО – институт, финансируемый МИДом), к тому же депутат Думы, т.е. человек, удачно вписавшийся в нынешнюю систему, которую он должен защищать и восхвалять.

Тем не менее один из моих хороших знакомых умудрился всучить мне его книги как раз в тот момент, когда я решил обновить свою книжку «Царская Россия: мифы и реальность». Для этого я перечитал дополнительное количество книг, в которых прославляется царская Россия и в которых я пытался найти статистическую аргументацию в пользу процветания царской России. Подумал, что, может быть, такая статистика есть у этого молодца. Статистики не оказалось, но я обнаружил много для себя удивительного.

Очевидно, что эти книги писал не один В. Мединский, поскольку в свои молодые годы он просто не успел бы прочитать кучу книг, которые у него обозначены в Библиографии. Предполагаю, что это командная работа. (Видимо, не случайно, как и везде в командных или крайне устарелых работах, пишется: «На наш взгляд, мы полагаем» и пр.) К тому же я обнаружил, что научным редактором этих книг является доктор наук А. М. Буровский, тоже весьма специ-

1 С мая 2012 г. министр культуры (прим. 2015 г.).

фичный профессор, работы которого Дмитрий Паршин не без основания обозначил «как банальный бизнес».

Как бы то ни было, важно то, что по своему мышлению, технике аргументации и фальсификации вся эта команда ничем не отличается от авторов других аналогичных книг, например патриота-антикоммуниста А. Горянина. И поскольку многие читатели с доверием относятся к такого рода писаниям, я решил на примере В. Мединского показать технику фальсификации и скудоумие антикоммунистов.

Хотя некая команда в лице молодого профессора и заявила, что книги его являются «исторической публицистикой» (а это как бы снимает ответственность за достоверность фактов), но обилие ссылок на научную и околонаучную литературу подспудно должно убеждать читателя, что это не просто какая-то публицистика, а именно научное произведение. Каждое утверждение научно фундируется и т.д. Но читатель должен знать некоторые аксиомы. Во-первых, настоящая историческая (а в данном случае историко-политологическая) наука должна опираться на понятийный аппарат. Здесь же мы видим простой набор слов, несмотря на массу сносок. Во-вторых, она должна быть обеспечена статистикой, особенно когда речь идет о доказательстве при сравнении одного государства относительно другого. Ни первого, ни второго я в работе не обнаружил, а обнаружил, красиво выражаясь, словесную диарею. В-третьих, должна быть корректность сравнений по времени и географии. Недопустимо, например, чтобы по какому-то параметру страна периода Средневековья сравнивалась с современной страной. В-четвертых, ссылки автора на чьи-то высказывания должны вызывать доверие. Одно дело, когда что-то утверждал Лейбниц или Ломоносов, и другое – когда речь идет о каком-нибудь журналисте, путешественнике или просто любителе пописать. Наконец, когда сравниваются уровни развития той или иной страны, автор обязан с самого начала определить, что такое *развитие*, или *прогресс*. Как минимум дать свое понимание этих терминов. Иначе – пустопорожняя болтовня, т.к. названные термины по-разному определяются и понимаются различными авторами и вообще людьми.

Естественно, ничего этого в названных книгах нет, а есть некая стратегическая задача, точнее, две задачи.

Первая: доказать, что «клевета» Запада по отношению к России не имеет под собой основания хотя бы уже потому, что Россия на самом деле опережала этот Запад в своем развитии. Вторая задача: доказать, что откат или торможение в историческом развитии России происходили в те времена, когда она попадала под влияние Запада в результате прихода к власти прозападных Петра I и большевиков (которые, естественно, «безмозгло переняли марксизм»). Причем в процессе «доказательства» подобных положений из-за их фактологической недоказуемости команда наворотила массу собственных мифов, созданных, конечно же, на базе политических и исторических сказок, т.е. элементарного вранья. Зачастую эта ложь настолько омерзительна, что в ходе разоблачения мне приходилось с трудом удерживаться в рамках нормативной лексики, хотя чаще всего напрашивался крепкий русский мат. Если же где-то не сдержался, то заранее прошу читателя извинить, тем более что команда в лице Мединского сама не отличается политкорректностью.

Для удобства изложения текста я буду называть автором этих двух работ Мединского, хотя, повторяю, скорее всего, они написаны группой патриотов (между прочим, это не первые книги, в которых группа авторов скрывается за одной фамилией).

Еще вот что. Я мог бы просто изложить содержание идей Мединского по тому или иному сюжету, но, боюсь, мне могут не поверить. Поэтому придется много цитировать (в ссылках рассматриваемые книги будут обозначаться цифрами 1 и 2, т.е. в том же порядке, как и в начале этой рецензии).

Итак, начну с мифов о Западе, которыми напичканы эти два тома.

Мифы о Западе

Формально книги Мединского посвящены разоблачению мифов о бытовых вещах: пьянстве, лени, жестокости, рабстве, грязи. Именно такие отрицательные качества яв-

ляются основными чертами характера русских людей, по утверждению западных авторов. Действительно, мне попалось множество работ с подобными умозаключениями. Мединский приводит немало материалов, многие из которых достаточно убедительны, в опровержение таких взглядов. Могу признать, что в этом (за исключением проблемы рабства) Мединский справился со своей задачей. Но в процессе доказательства от противного (сам дурак!) он наплел не меньше вранья, чем те, против которых выступал.

Вот один из примеров. Профессор пишет о Великобритании: «Где-то прочитал, что в 40% домов Британии водопровода нет и сегодня. А в 40% тех, где есть водопровод, нет ванной комнаты. Думаю, преувеличение. Однако факт, что процедура умывания во многих британских домах и сегодня часто такая, как она описана у Агаты Кристи: цветной фаянсовый кувшин и тазик, наполненный водой. Хочешь умыться? Наливай воду в тазик из кувшина и умывайся!» (2, с. 25).

Глупость данной информации, которая, видимо, призвана доказать, что англичане – грязнули, не очевидна только для самого автора. Чтобы она имела тот смысл, который, похоже, хотел придать ей Мединский, ему надо было бы привести процент домов без водопровода в современной России. Я свидетельствую: в моем родном городе Астрахани на всей улице Плещеева (на которой я когда-то жил) водопроводы (и «уборные», между прочим) – во дворе, а для ванных комнат просто нет места, т.к., например, в моей бывшей квартире в 24 кв. м ныне живет семь человек (тогда нас жило четверо.) Я не считал, сколько таких улиц. Знаю, что очень много. А по всей России их сотни тысяч.

Кроме того, процедура умывания у всех народов разная. С таким же успехом можно издеваться над японцами, у которых на протяжении веков вся семья моется в одном «о-фуро» («ванна» в виде обычной бочки).

А вот насчет «двух кранов», о которых не преминул в другом месте упомянуть сей автор, уже полное вранье. Не исключаю, что в каких-то домах они сохранились (англичане – люди традиций). Но в приличных гостиницах и в большинстве домов уже давно используются нормальные евро-

пейские смесители. В моем доме, например, так же как и в домах моих соседей по Оксфорду, были прекрасные современные краны.

Что же касается отсутствия во многих домах Англии водопроводов, то это действительно так. Но о чем это говорит? А говорит это о том, что даже самый современный капитализм не в состоянии обеспечить всем гражданам «достойное житие». Водопровод отсутствует в северной части Великобритании, в основном в бедных районах. То есть никакая демократия и частная собственность, рьяным поборником которых является этот «ученый», не решает всех проблем быта, не говоря уже о более серьезных вещах.

Далее начинается политика. И в этой сфере нам придется разбираться с этим молодым по-серьезному. Для начала образец лжи. Пишет:

Попробуйте въехать в США с самой мирной целью... Вам придется заполнять примерно 50 страниц опросника, в сравнении с которым “отдыхают” все советские анкеты про то, были ли вы или ваши родственники в плену или интернированы в годы Второй мировой войны (1, с. 40–1).

Фраза, видимо, рассчитана на полных идиотов. Десятки раз «въезжал» в США даже с русским паспортом и заполнял одностраничную анкету. Точно такую же, как и при въезде в Россию (с канадским паспортом). Правда, не исключая, что Мединский имел в виду бумаги на получение визы. Но и в этом случае: двухстраничная анкета мало чем отличается от аналогичной анкеты в русских консульствах.

А теперь начинается политика с идеологической подоплекой. Вот как этот «ученый» пишет о революционных событиях во Франции. Он утверждает:

В действительности же Франция XVII–XVIII веков была самой передовой и самой сытой страной Европы. Стремление к революционным переменам предсказано было замедлением как социально-экономического, так и политического развития. ...*Кто виноват? Разумеется, король!* (курсив мой. – О.А.) (1, с. 87–88).

Этот мудрец даже не понимает, что означает слово «передовой». С какой точки зрения Франция в указанные века была «передовой»? С экономической? Политической? Формационной? Для тех времен именно по первым двум критериям определялась «передовитость». Но именно в XVII и особенно в XVIII в. не Франция, а Голландия и Англия были передовыми в Европе. В последних уже произошли буржуазные революции, позволившие им вырваться вперед не только политически (переход на следующую стадию развития), но и экономически. Это сказалось и на таком определяющем факторе, как прирост населения. В начале XVII в. (в 1600 г.) во Франции проживало 19,5 млн чел., в Англии – 5 млн чел., а к концу XVIII в. – соответственно 29 и 16 млн. То есть в Англии население за это время увеличилось в три раза, в то время как во Франции – приблизительно на 50%.

Насчет же «сытости» Франции того периода может писать только человек, не открывший ни одной книги по истории Франции. Иначе он знал бы о голодных бунтах крестьян и городской бедноты на протяжении всего XVIII в., в том числе и в 70–80-е годы, т.е. перед началом революции. И никто не думал, что «виноват» только король. Он был лишь символом всей феодально-аристократической системы. И идеологи революции хорошо знали, что «виновата» система, которую и надо было уничтожить. Что «третье сословие» и сделало. Именно так объясняются причины революции в книгах не только советских авторов, но и самих французских историков, например Жоржа Лефевра.

В духе махрового реакционера этот профессор-болтун умудрился выдать и такой бред:

“Восставший народ”, бандюганы с юга Франции, устроили в Бастилии погром, а заодно попытались увести с собой “несчастных узников”. Только идти с ними никто не захотел (1, с. 91).

Далее:

Что же касается жестокости антинародного режима, то, захватив власть, революционеры судорожно стали искать, что же такого дурного сделали короли и их приближенные?! И

если даже нашли, то такую малость, что и для пропаганды не годилось (1, с. 92).

Для Мединского, естественно, участники революции – это «восставший народ» в кавычках, «бандюганы». Вся фраза – полнейшая фальсификация, рассчитанная на совершенно безграмотных людей. Как и кто брал Бастилию, описано в тысячах работ, в том числе и на основе свидетельств очевидцев тех событий. Достаточно прочитать хотя бы монографию французского историка Пьера Шове «Восстание парижан и взятие Бастилии» (Париж, 1946). Неслучайно этот мгимошник не сделал ни одной сноски, когда громоздил свою брехню о Французской революции. Вторая же из приведенных фраз, видимо, была написана профессором в пылу белой горячки.

Нимало не опасаясь обнаружить свое невежество, горе-мудрец простодушно продолжает иронизировать:

В 1848 году во Франции пришел к власти Наполеон III. Этому предшествовали события, которые в школьном курсе истории называют революцией 1848 года (1, с. 398).

Сказал и... сел в лужу. Это событие называют «революцией» не только в школьном курсе истории, но и в серьезнейших работах французских и других европейских историков и мыслителей. И дело не только в том, что в революционных событиях участвовали рабочие, ремесленники, торговцы и студенты. А в том, что была изменена политическая структура Франции. Другое дело, кому достались лавры. В революциях, как известно, часто бывает, что выигрывают не те, кто их начинает.

Все, что Мединский наговорил в своих писаниях о Западе, – ложь, которую бессмысленно даже разбирать. Тем не менее хочу привести еще несколько сюжетов, связанных с ролью России в Европе в XIX в.

Этот враль делает такое «умозаключение»:

В 1813 г. Русская армия выиграла сражение под Лейпцигом...» (1, с. 217).

Профессор скрыл, что это «сражение» неслучайно называется **Битвой народов**, поскольку в ней участвовало

множество национальностей Европы. На стороне Альянса, например, были русские, австрийцы, пруссаки, венгры, шведы. Причем в русской интерпретации событий армия Альянса состояла из 127 тыс. русских, 89 тыс. подданных Австрии, 72 тыс. пруссаков, 18 тыс. шведов (на 18 октября). А командовал Альянсом австрийский фельдмаршал Карл Шварценберг. Известно, что битву выиграла коалиция (при этом надо иметь в виду количественное превосходство Альянса как в живой силе, так и в артиллерии). Заслуга русских действительно была выдающейся, но говорить, что битву выиграла только «русская армия», это не просто издеваться над фактами, но и унижать вклад союзников.

И продолжает:

Россия диктовала свои условия на Венском конгрессе в 1815 г.»(1, с. 217).

Ничего она там не диктовала. На конгрессе была политическая игра, в которой не менее активную роль сыграли и Меттерних, и Веллингтон, и, самое главное, Талейран (представитель Франции). Несмотря на поражение, именно Франция благодаря Талейрану смогла выйти почти сухой из воды.

Нужно быть в серьезной горячке, чтобы написать и такое:

После 1812–1815 годов Россия стала сильнейшим государством Европы. Не одним из сильнейших, а сильнейшим (2, с. 341).

«Сильнейшим» в каком смысле? В экономическом, политическом, военном? Если так, то с чего это такое «сильнейшее государство» продувает Крымскую войну 1853–1856 гг.? Впрочем, отмечу, что на политическую ситуацию в Европе Россия действительно оказывала немалое влияние. Но какого типа? Реакционное! Именно Россия активнее всех участвовала в подавлении революционных движений в Европе. Как раз за эту политику Россию беспощадно критиковали Маркс с Энгельсом и все другие революционеры Европы. И политика эта, как показала история, не принесла пользы ни Европе, ни самой России. Хотя этому горе-исто-

рику, реакционеру до мозга костей, видимо, именно такая политика очень нравится. Но это его дело. Но врать-то зачем?

Вообще, какой бы вопрос относительно Запада он ни затронул, у него везде сплошная безграмотность. Бедные студенты. Чему этот невежда может научить?

Казалось бы, уж по истории России-то он должен кое-что знать. Профессор вроде бы, да еще как бы и защитник России. Но и здесь полный... Полюбуйтесь.

Цифровой кренинизм, или ложь о демографии России

Общая идея обмана: до реформ Петра I Россия развивалась самобытно и динамично. Петр сбил ее с панталыку. В качестве доказательства данного тезиса профессор приводит данные демографической статистики, как бы подтверждающие более динамичное развитие России, чем других стран Европы.

Действительно, рост населения – очень важный показатель количественного развития страны. И вот что пишет по этому поводу профессор. Дескать, со времен Августа (I век н.э.) до 1500 г. население Европы «едва удвоилось». Далее:

А за три века с 1500 по 1800 год... в Англии население выросло вдвое, в Германии – на 170%, а в России – в три раза! С 15 до 45 миллионов.

Источник указан весьма странный: «По данным Центра демографии и экологии человека РАН» (2, с.59). В каком сборнике? Какого года?

А теперь обратимся к источнику, на который ссылаются все демографы мира: *Colin McEvedy and Richard Jones. Atlas of World Population History* (London: Allen Lane, 1978). В соответствии с этим источником, с I века н.э. до 1500 г. население Европы увеличилось с 31 млн до 81 млн чел., т.е. в 2,6 раза. (А не «едва удвоилось».) Конечно, немного, но

надо знать причину. А она заключалась в том, что Европа на протяжении полутора тысяч лет находилась под гнетом христианской религии. Наука, просвещение были в загоне. В результате – медленный рост населения и практически нулевой прирост средней продолжительности жизни до начала Возрождения, а затем и Просвещения. Теперь об отдельных странах.

Об Англии, точнее, Британских островах, я написал выше: население увеличилось в три раза. Если же мгиомошник имеет в виду только Англию (без Шотландии и Ирландии), то и там оно возросло в 2,5 раза. В Германии число жителей увеличилось с 9 млн в 1500 г. до 18 млн в 1800 г. (в два раза, а не на 170%). В Европейской России динамика была такова: 1500 г. – 12 млн, 1600 г. – 15, 1700 г. – 20, 1800 г. – 36 млн. Как видим, не с 15 до 45 млн (профессор Мединский и здесь остался верен своей «научной манере»: чем больше вранья, тем «истиннее» история), но действительно в три раза. Причем обратите внимание: прирост особенно ощутимый пришелся именно на время после реформ Петра, против которого выступает сей молодец.

А вот еще одна фальсификация в расчете на тех, кто не умеет ни считать, ни читать:

В 1500 году численность населения России была ниже, чем во всех странах Европы. Между 1700 и 1800 годами наступил примерный паритет. В течение XIX века Россия стала самой населенной страной (2, с. 60).

В 1500 г. население России составляло 12 млн чел. и было больше, чем почти у всех стран Европы, кроме Франции (15 млн). К концу XIX в. население России достигло 100 млн, а у Китая – 475 млн, у Индии – 290 млн. Так почему же «самой населенной страной»? Доктору наук явно надо возвращаться в школу учить арифметику.

Еще одна побасенка:

В наследство от предков россиянам достался хороший, надежный генотип, а это основа здоровья. О том, что наши предки были крепкими физически и доживали до ста лет, свидетельствуют документы XIV–XVII веков (2, с. 70).

Документы не привел, но цитирует некоего Якоба Маржерета: «Многие из русских доживают до 80, 100, 120 лет и только в старости знакомы с болезнями» (2, с. 69). Сдается, что этот Якоб такой же мудрец, как и этот доктор исторических болезней.

Знает ли этот доктор, что до начала XIX в. вообще никто до 100 лет не доживал, что доказано учеными-демографами (см., например, работы француза Жан-Мари Робине). Все иные данные за более ранний период или сфальсифицированы, или их невозможно подтвердить. Это первое. Второе: в таких случаях надо говорить не о том, что кто-то дожил, скажем, даже до 80 лет (по библии Адам вообще прожил 930 лет), а о средней продолжительности жизни (СПЖ) людей. В России эта СПЖ до начала XX в. была на уровне 30 лет, в то время как в Европе в XIX в. она составляла почти 37 лет, а к началу XX в. достигла 45–48 лет.

А вот еще как передергивает этот «ученый», даже не замечая своего мошенничества. Пишет:

Все население Новгорода составляло от 10 до 20 тысяч человек. Это включая женщин, детей и рабов. Численность дееспособных мужчин обычно определяют в 15–20% от всего населения (2, с. 404).

Далее, через две страницы:

Дружина Александра (2–3 тыс. конных) была лишь небольшой частью новгородской армии (15–17 тыс. человек) (2, с. 407).

Вы можете себе представить, чтобы все население города, включая детей, состояло в армии?

А вот насколько глубоко познания профессора в истории греков. Пишет:

Новгородцы не были ни поголовно профессиональными воинами, ни профессиональными бездельниками-рабовладельцами, как спартанцы (2, с. 425).

Во-первых, эти «бездельники» были профессиональными воинами, упоминание о геройстве которых сохранилось на века благодаря битве при Фермопилах (300 спартан-

цев-гоплитов). Во-вторых, в Спарте не было рабов, а были илоты – крестьяне и воины (легковооруженные), которые являлись собственностью государства, передаваемой спартиатам в услужение. Греческие авторы их никогда не называли рабами, скажем, в отличие от рабов в Афинах. Так их называли авторы римской эпохи, и то в качестве «государственных рабов». Причем их судьба менялась на протяжении истории Спарты. Но в такие тонкости, понятно, наш «академик» не вдаётся.

Русь: лапотная-нелапотная, зато самая грамотная

Кто любит лапшу, тому раздолье. И далее недостатка в лапше не будет. Подставляйте уши. Вещает: «Русь была грамотной» (2, с. 415), ссылаясь на берестяные грамоты, которые, дескать, были распространены между XII и XV вв. Оказывается, в те времена в Новгороде переписывались прихожане, священники, ростовщики, ремесленники.

Регулярно писали друг другу люди самого простого сословия, в том числе супруги, родители и дети. Обыкновенная семейная переписка (2, с. 422). ...Грамоту знали и женщины. Известно несколько писем от мужей к женам и от жен к мужьям (2, с. 423). ...и не в одном Новгороде, а по всей Руси (там же).

Непонятно только, почему это после такой исторической грамотности к началу XX в. Россия оказалась самым безграмотным государством в Европе. Вроде бы и большевики еще не успели появиться и напакостить своим большевизмом. Вообще, можно ли представить «внутрисемейную переписку» даже в настоящее время? А тогда, в XIII или XIV в.? Живут в одной избе и пишут: не могла бы ты, женушка, завтра корову вывести в поле? Она в ответ высекает на бересте: сам выводи. А дети пишут: матушка, не посылай нас завтра в школу, мы лучше тятеньке в поле поможем. Причем писать надо на бересте, а это не простое занятие. И так по всей Расее. Даже там, где и бересты отродясь не бывало.

Естественно, грамотность на Руси была. Точно так же, как и грамотность в Древнем Египте, где священнослужители писали на папирусах всяческие заклинания, а торгаши сводили свои балансы. Но никому в голову не приходило на этом основании говорить о том, что все жители Египта были грамотны. Западная Европа, где уже были университеты с плеядой крупнейших ученых Средневековья, была поголовно безграмотной. Кроме верхушки монахов и ученых. Даже цари-короли не все писать умели. А Русь, попавшая под гнет Орды, оказалась самой грамотной! Ладно еще новгородцы, но вся Русь! – это «знания» от профессора кислых щей!

Петр I хоть и не большевик, но злодей похлеще

В одной из своих книг («Россия в стратегическом капкане») я довольно критически оценивал роль реформ Петра, исходя из внутренней предубежденности в отношении Запада. Тогда у меня не были выработаны критерии прогресса, или конечного результата любого развития. Ну не ндравится мне этот Запад. Значит, все, что западное на Руси, – плохо. Но я не мог не видеть (как, думаю, и все добросовестные исследователи) положительного воздействия этих реформ на дальнейший ход развития России. И в то время мне не могло прийти в голову, что предпетровский период можно восхвалять как чуть ли не самый расцвет в истории России. Не говоря уже о том, чтобы самого Петра рисовать только черной краской. Оказывается, все возможно на этом свете.

Великая Московия

Вот как работает «логика» этого мгимошного профессора. Представляя Петра как антирусского злодея, он пишет, что из-за его реформ

произошло колоссальное упрощение структуры общества и государственного управления. Страна оказалась отброшенной почти на два столетия назад... За 36 лет его правления, с 1689 по 1725 год, будет уничтожено многое, что поднималось весь долгий XVII век – ростки рыночной экономики,

начатки личной свободы человека, разработанный свод законов, проекты освобождения крестьянства. Российская империя 1725 года станет страной, в которой несравненно меньше свободы, порядка, богатства, личной зависимости, чем было в Московии до Петра (2, с. 467–8).

Допустим, мы с ним соглашаемся. Но перед этим читаю:

Московия XVI – XVII веков – страна, из которой родилась вся Российская империя (2, с. 431).

Спрашивается, как же она могла родиться, когда, как уверяет наш «ученый», Петр уничтожил чуть ли не все, что было до него? Более того, Россия 1725 г. была адекватна Руси 1525 г., поскольку была «отброшена почти на два столетия». Можно ли такие вещи писать в здравом уме? Подобные «умозаключения» встречаются на каждом шагу, что еще раз говорит о коллективности этих писаний (один пишет одни части, другой – другие, даже не сопоставляя написанное). Или что автор – человек, абсолютно неспособный мыслить даже на уровне формальной логики. На самом деле Российская империя в подлинном смысле этого слова была создана именно Петровскими реформами, придавшими российскому царству атрибуты империи.

Еще одна порция безрассудства:

XVII век, период между 1613 и 1689 годами, – это время наращения свободы (2, с. 467).

Московия XVI века – это опричнина, войны (Казань, Астрахань, Литва). Начало XVII в. – смута, вторая половина – восстание Степана Разина. О каком «наращении свободы» можно говорить, если, конечно, ты «умом не скорбен»?!

Кстати, о Степане Разине этот мракобес пишет:

В народном сознании Степан Разин – страшный и отвратительный преступник, обреченный на том свете вечно грызть раскаленные кирпичи. Люди пришли, чтобы участвовать в акте государственного значения: казни преступника. Они согласны с приговором, они «за». Народ соучаствует в делах власти. Он на стороне власти и осуждает преступников (1, с. 430).

Вы посмотрите на этого махинатора! Когда он пишет о Французской революции, то для него король являлся невинной жертвой, а не преступником, хотя народ тоже присутствовал на «акте государственного значения» – казни короля и был согласен с приговором. То есть для французского короля оценки одни, а для Стеньки Разина – противоположные! И те и другие – это оценки монархиста и отъявленного ненавистника народа. Если Стенька преступник и народ согласен с этим, из кого состояло его войско? Из инопланетян что ли или все-таки из народа? Кто песни слагал о нем, как не народ? И где этот профессор видел, чтобы народ в досоциалистических обществах «соучаствовал в делах власти»? Глазенье на казнь – это соучастие в делах власти? Тут и вправду нужен доктор, т.е. врач.

А наш доктор опять попадает впросак, когда пишет:

...Россия уже двести пятьдесят лет, с середины XVIII века, является главным конкурентом и геополитическим противником Запада (1, с. 28).

То есть именно после реформ Петра I, превративших Россию в империю, она стала конкурентом Западу. Чего ж тогда профессор охаивает эти реформы?

Петр, религия и прочее

Я как-то отмечал, что в России все антикоммунисты одновременно являются православными, т.е. религиозными. А вот другое наблюдение: истово православные обычно являются антизападниками. Наш, уж и не знаю как его назвать, умудрился слить в один флакон все три ипостаси: он и православный, и антикоммунист, и антизападник. И проявилось это опять же в отношении к Петру.

По мнению этого доктора исторического недуга, одним из криминальных деяний Петра была его политика в отношении церкви:

Лично я уверен, что уничтожение авторитета церкви – одна из важнейших причин, по которым не сложилось в России настоящего гражданского общества. ...При первых Романо-

вых к такому открытому обществу медленно, но неуклонно шла Россия. При Петре движение в сторону гражданского общества остановилось. Не было доверия к церкви, церковь лишилась морального авторитета. Во многом именно идиотское, если не сказать сатанинское решение подготовило настроения общества к 1917 году. ТАКАЯ власть не уважалась и отвергалась. Нет бога. Значит, ВСЕ дозволено (1, с. 177).

Последняя, уже навязшая в зубах фраза повторяется постоянно. Но почему-то все, кто долдонит эту чушь, не задают себе элементарного вопроса: а если есть бог, значит, «все не дозволено»? Или вариант – «не все дозволено». Ну и что? При махровом христианстве в Средневековье, когда бог «определял все», сложились где-нибудь «гражданские общества»? Или, может, они сложились в мусульманском мире, где все поголовно почитают своего бога – аллаха? Или, может, оно сложилось в нынешней России, где, по данным церкви, 80% населения стали верующими? Горе-доктор! Есть историческая закономерность: чем больше бога в обществе, тем больше в нем мракобесия, тем менее оно развивается. Прямо пропорциональная зависимость, подтверждающаяся нынешней практикой России.

В очернении Петра этот писатель превзошел, кажется, абсолютно всех. Причем использует пакостные приемы (неважно, сознательно или вследствие особой неполноценности). Пишет, что Петр при росте в 2 метра и 4 сантиметра имел узкие плечи и маленький размер ног. Вроде бы почти урод, мутант. Похоже, что описание это сделано по восковой фигуре Петра в Эрмитаже. Но ведь сама эта фигура делалась на глазок. К тому же «ученый», опять же то ли из-за ненависти к Петру, то ли по причине собственного скудоумия, не учитывает, что в те времена русские богатыри (равно как и европейские) по своей фактуре соответствовали нынешним 15-летним подросткам. Достаточно взглянуть на шинели суворовских богатырей в том же Эрмитаже. Но у пишущего богатыря-профессора другая задача: любыми способами опорочить Петра.

Вот еще один штрих к портрету Петра от истинноносца. Пишет, что Петр –

яркий пример того, как дурное окружение и отсутствие всякого воспитания и образования могут испортить жизнь даже столь одаренному от природы человеку (1, с. 164).

Здесь он намекает на то, что противостоявшие Петру бояре, в том числе и его сестра Софья, были более образованные интеллектуалы. В отличие от них, Петр учился на Западе, общаясь в том числе с Лейбницем, которого преподаватель Мединский иронично называет «главным теоретиком». Этот, извините, неуч даже не понимает, что Россия за всю свою историю не выдала ни одного философа масштаба Лейбница. Именно поэтому горе-историк и полагает, что Запад, наоборот, испортил Петра, вдохновив его на антироссийские реформы.

Укоряет он Петра и за его почитание западной науки. При этом приводит такой идиотский аргумент: мол, и Ломоносов, хотя и уважал Петра, но писал, что «может собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов Российская земля рождать». Что ж до Петра-то не «рождала»? Если бы Мединский хоть как-то соображал, то он сравнил бы уровень европейской науки до начала XVIII в. с наукой в России того же времени. И назвал бы хотя бы одно русское имя до Ломоносова, которое что-нибудь значило бы в любой области науки. Не сравнил, не назвал. Значит, опять ложь. Как раз именно Петр дал толчок развитию науки в России. А мгиомшный профессор пишет, что реформы Петра – это мифы, поскольку, дескать, они начались до него.

Я пропускаю чушь и полную белиберду Мединского о развитости российского флота до Петра, поскольку они строятся по такой логике:

Создается военный флот. Торговые флоты были в России и до этого (1, с.164).

Это все равно что сказать: в советское время создаются атомные подводные лодки. Хотя торговый флот был и в царской России. Но именно так мыслит этот профессор МГИМО.

А вот этот перл пропустить невозможно. Мыслитель утверждает, что Петр боялся атаковать при Полтаве Карла

ХП, имея подавляющее преимущество, а победив, забыл от-
дать приказ преследовать Карла (1, с. 57). Даже не зная фак-
тологии, невозможно представить, как можно победить, не
атакуя противника.

Еще пример особой логики мыслителя:

Ни англичане¹, ни французы разбить Фридриха Великого не
смогли! В сражениях под Куненсдорфом и Гросс-Егерсдор-
фом русские солдаты показали себя лучше прусских – лучше
обученными, подготовленными, снаряженными... (1, с. 184).

Во-первых, если так и было, это означает, что воен-
ные реформы Петра не пропали даром. Русские солдаты пе-
рестали уступать европейским. Во-вторых, действительно
ли французы и особенно англичане (которые на самом деле
были союзниками Пруссии) стремились разбить Фридри-
ха? Зачем, когда можно было использовать тех же русских?
В голову этому молодцу такие вопросы не приходят.

Этот ... вообще, несмотря на свою профессорскую
должность и докторскую степень, не знаком ни с истори-
ей, ни с политикой, ни с социологией. Его анализ строит-
ся на примитивных суждениях, кто что сказал о России,
причем тех, кто к науке также не имеет никакого отноше-
ния. К примеру, такого типа писатели часто цитируют ра-
боту маркиза де Кюстина о России, описавшего страну ис-
ходя из своих собственных представлений и впечатлений.
И пытаются серьезно его разоблачать. Вместо того чтобы
проанализировать, какой общественный строй существо-
вал в России на протяжении ее истории, какой тип феода-
лизма был в России до Петра и после, насколько он способ-
ствовал развитию науки и техники. (А ведь именно наука
и техника являются причиной прогресса страны, главное
конечное следствие которого – прирост населения и увели-
чение продолжительности жизни каждого россиянина.) И
все это в сравнении с основными государствами мира, от
которых зависела структура международных отношений и

1 Где автор в Семилетней войне нашел сражения между Пруссией
и Англией – лично для меня великая загадка. Дело в том, что в Се-
милетней войне французы, австрийцы и русские сражались против
англо-прусской коалиции.

историческое направление всей системы мировых отношений. Вместо этого – описание бытовухи: где больше пили, в России или на Западе, кто лучше мылся, русские или европейцы, про размер плеч и ног... и прочей чепухи. По уровню «анализа» событий профессор напоминает мне одну из моих знакомок. Однажды она попала на Запад, и он ей ужасно не приглянулся. А всего лишь потому, что когда ее пригласили в гости, то вместо обильного угощения ей предложили какие-то бутербродики, как она посчитала, от жадности. Она, как и некоторые такие же, не понимает, что на Западе в гости ходят не жрать, а общаться. Вот примерно на таком уровне анализа событий находится и проворный профессор Мединский.

Если этот необразованный человек столько нагородил в отношении царской России, особенно о Петре, то можно представить, какую чушь он будет молоть о социалистической России. Я это предвидел и, естественно, не обманулся в своих ожиданиях.

Атака на большевизм и социализм

Новый пласт «науки от Мединского» связан с социализмом и большевиками. Прежде чем начинать клеветать о социализме, этому молодцу надо было кое-что поднаварать о том, как быстро развивалась Россия до большевиков:

Реформистская политика Столыпина привела к значительному (точнее, самому быстрому в мире!) экономическому подъему в стране, во время которого быстрыми темпами развивалась промышленность и торговля (1, с. 490). ...Напомним, в 1913 г. ВВП Российской империи – 5-й в мире (2, с. 60).

Во-первых, «самыми быстрыми в мире» темпами в то время развивались США и Япония. Во-вторых, экономический подъем начался задолго до Столыпина, и он действительно был вызван капиталистическими формами развития. В-третьих, для 1913 г. такого индикатора, как ВВП, просто не было. А был объем промышленного производства, по которому Россия действительно занимала 5-е место

в мире. И с этим ни один марксист не спорит. Марксисты спорят о результатах такого развития для населения России. Конечным индикатором развития страны, повторяю, является средняя продолжительность жизни (СПЖ), и именно в нем аккумулируются все стороны общественного бытия в любой стране. Так вот, если в 1896–1897 гг. СПЖ в России была равна 32 годам, то к 1913 г. почему-то сократилась до 30,5 лет. Отсюда простой вывод: развитие России до большевиков почему-то не улучшало жизни большинства населения страны. А давало радости только тем, кто умудрился оказаться в рядах господ. (Так же, между прочим, как и сейчас). Отсюда и революции пошли. И все царские умники, к величайшему сожалению Мединского, почему-то власть не удержали.

Этот гуманист пишет:

Пик казней приходится на 1907–1910 годы, когда Столыпин ввел военно-полевые суды. Но как-то не поднимается у меня рука осудить нашего великого реформиста Петра Столыпина за его “столыпинские галстуки” (1, с. 426).

Вот ведь какая с...чь! У всех крупных деятелей тогдашней России «рука поднималась» осудить эти «галстуки», а у этого мерзавца не поднимается! Дескать, потому, что «безумцы»-революционеры сами спровоцировали эти «галстуки». Они что, эти революционеры, от хорошей жизни появились? Не во дворцах же они жили-поживали, как дворцовые паразиты и прочая дворянская камарилья.

Этот невежда не перестает удивлять своей тупостью:

Скорее всего, надо удивляться тому, что до XX века политэмигрантов из России почти не было. Но политэмигранты – это единицы, скорее исключение, нежели правило. А массовый выезд из России был? Не было... А в обратном направлении было перемещение? Было, и еще какое! (1, с. 443).

Действительно не поймешь: вправду ничего не знает или такой ученый? В «обратном направлении» – **перемещение**, а не **политэмиграция**. Есть разница? Перемещение – это когда люди едут подзаработать или за легкой жизнью.

Такие были, в частности во времена Петра и Екатерины, в основном переселенцы из Германии. А вот на «и еще какое!» цифры надо давать. Но кто-нибудь приехал в царскую Россию в качестве политэмигранта? Нет¹. Кто же приедет из капитализма в феодализм? На Запад же, прежде всего в Европу, уезжали именно российские политэмигранты, такие как Герцен, Бакунин, Лопатин и другие революционеры. Массовой же политэмиграции не могло быть хотя бы уже потому, что страна вплоть до второй половины 1860-х годов была политически отсталой, население политически неграмотным. И чему же тут удивляться? А вот уже к концу XIX в., несмотря на бурный рост капитализма, из России стали делать ноги очень многие, желающие «переместиться» от нее подальше. Корректной полной статистики в то время не было, однако было зафиксировано, что в 1861–1870 гг. только в Северо-Американские Соединенные Штаты ежегодно в среднем уезжало 3050 человек, в 1887–1891 гг. – тоже ежегодно уже 55 524 чел., в 1892–1896 гг. – 52 969, а в 1897 г. Россию покинуло 29 981 чел. То есть в 1887–1897 гг. число эмигрантов оказалось в 19 раз больше, чем за период 1861–1870 гг. (См.: Россия. Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991, с. 105.) Что, от хорошей жизни уезжали, профессор?

Первую мировую войну этот клеветник почему-то проскочил. А вот о Временном правительстве кое-что сказал:

В эпоху Временного правительства Россия оказывается самым демократичным государством в мире (2, с. 505).

В теме «демократия» этот молодой ... разбирается как... даже и не знаю, как помягче сказать. Про демократию он сморозил:

Демократия – это неотъемлемые права личности, которые никакая власть не может ни отменить, ни поправить (2, с. 415).

Получается, что демократия – это атрибут личности, а не государства. Этот мудрец даже не понимает, что демо-

1 Один из читателей в этом месте мне написал, что, дескать, при Наполеоне приезжали. Не исключаю. Тогда Мединский должен был дать хоть какие-то цифры. Но их нет.

кратия – это одна из форм власти, которая в свою очередь определяет форму политической системы в государстве. И права личности демократия может не только попортить или отменить, но может уничтожить и саму личность. Чем, к примеру, и занимаются демократичные США на базе в Гуантанамо. А «в эпоху Временного правительства» в России существовала не демократия, а элементарная анархия и вообще не охлократия, о чем этот знаток брякнул:

Как всегда, демократия, не обеспеченная ответственностью избирателя, мгновенно обратилась охлократией. Это и стало одной из причин Октябрьского переворота (2, с. 506).

О какой ответственности избирателя может идти речь в ситуации полного разброда в стране, который как раз и не смогло обуздать Временное правительство. Именно неспособность буржуазных лидеров упорядочить положение в России и позволила единственной организованной партии захватить власть. Ведь об этом писали практически все буржуазные и монархические лидеры, оказавшиеся в эмиграции. То же самое писали и противники большевиков Бердяев, Федотов и другие «с парохода».

Мгимошный профессор, как выясняется, не только не разбирается в таких сложных вопросах, как демократия, но даже не знает элементарных фактов. Вот что пишет он об июльских событиях 1917 г.:

В июле 1917 года стрельба в Питере уже велась. Тогда большевики вывели вооруженную демонстрацию – и тоже под лозунгами за демократию. Правда, они требовали передать всю власть Советам. Но в июле захватить власть духу у них не хватило. А Временное правительство не решилось на эффективное подавление мятежа. Немного постреляв, солдаты ушли в казармы, лидеры большевиков – в подполье, а правительство отложило выборы в Учредительное собрание на ноябрь. И тем самым подписало себе приговор (2, с. 509).

В скобках замечу: «ученый», который так любит русский народ, очень сожалеет, что Временное правительство не перестреляло демонстрантов! Но перейду к реальным историческим фактам.

Как раз именно в это время большевики были против выступления масс, т.к. не были уверены, что сумеют удержать власть, даже если удастся ее захватить. Не потому, что у них «не хватило духу», а потому, что очень хорошо рассчитали соотношение сил. Инициаторами же выступления были петроградские солдаты после провала наступления русских войск на фронте. Большевики вынуждены были их поддержать, придав этой демонстрации мирный и организованный характер. В демонстрации, между прочим, участвовало свыше 500 тыс. человек (к солдатам присоединилось много рабочих). Именно их, по мнению Мединского, надо было безжалостно расстрелять. Правительство же вызвало части с фронта, которые начали разоружение питерских солдат и рабочих. А также обрушилось на большевиков. Начались аресты и т.д. Другими словами, в это время большевики и не собирались брать власть.

И вот очередная бестолковщина:

В октябре 1917 года власть в стране захватили большевики – Российская социал-демократическая партия во главе с Владимиром Ульяновым (Лениным). В результате он – в Мавзолее, мы – в нищете, а окружающие – в недоумении. Россия, сам факт ее существования, занимала достаточно весомое место в мире. То обстоятельство, что наша страна вдруг отделилась от всего человечества для поисков своего, мало кому пригодного пути, может говорить о чем угодно, только не о лени. Экспериментатор лентяем не бывает, предпосылки не те (1, с. 490–491).

Надо же, какой «аргумент» против мифа о лени русских нашел этот мыслитель! Потряс. А теперь насчет «нищеты».

Кто же оказался в «нищете»? Уж не профессор ли? Хоть привел бы статистику «нищеты» с 1917 г. за любой период, вплоть до 1991 г., когда к власти пришел прокапиталистический криминал во главе с Ельциным. Отчего же в данном случае этот маргинал от науки не привел цифры роста экономики? И с чего это он решил, что Россия «отделилась» от всего человечества? Нужно же хоть чуть-чуть соображать. Со всеми странами дипотношения, со всеми

торговля, дружба с такими державами, как Китай, Индия. «Железный занавес»? Так кто его установил? Кто устраивал всяческие блокады Советской России? Ответ мало-мальски вразумительным людям известен – Запад.

И почему же «малопригодного пути»? Разве за чуть более чем 70 лет своего существования отсталая Россия не превратилась во вторую сверхдержаву мира? Разве не Сталинская Россия увеличила СПЖ своих граждан всего лишь за какие-то 40 лет более, чем в два раза? А ведь Западу, чтобы добиться такого же результата, потребовалось свыше ста лет!

Разумеется, «обличитель» не обошел тему жертв революции в России. Как и всякий лжеученый, он не сообразил, что необходимо дать объективную оценку этим жертвам, сделать сравнительный анализ жертв любых революций, при этом учитывая конкретные ситуации. Если бы на Англию во время буржуазной революции середины XVII века или Францию конца XVIII века оказывалось такое давление, которое испытала на себе Советская Россия, от этих государств остались бы только рожки да ножки. Они просто исчезли бы с мировой арены.

И хотя Россия временно сошла с социалистического пути, тем не менее социализм сохранен и развивается в Китае, который превращается в державу мирового масштаба. Так что путь вполне «пригодный».

Читаем очередной перл профессора:

Будем объективны: то, что Россия в 1920-е годы оказалась “с сохой”, с полностью разрушенной экономикой, транспортной системой, энергетикой и инфраструктурой – заслуга не в последнюю очередь самих большевиков, в том числе Джугашвили и сотоварищи (2, с. 161).

Здесь мудрец намекает на то, что, дескать, большой вклад в разрушение России к 1920 г. внесла Гражданская война, естественно, затеянная большевиками. Но, во-первых, затеяли ее господа дворяне-помещики, не смилившиеся с потерей власти. Во-вторых, уже до захвата власти большевиками Россия была разрушена благодаря втягиванию ради интересов Франции и Англии в Первую мировую войну, в которой было положено несколько миллио-

нов жизней простых россиян. В-третьих, а что, до войны Россия была не с «сохой»? С тракторами, что ли?

И в этой связи профессор с издевкой пишет, что, мол, фразу про «соху» («Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой»), приписываемую Черчиллю, сказал не английский премьер, а Исаак Дейч (Мединский имел в виду Исаака Дойчера, английского историка). А в оборот она введена помощниками Е.К. Лигачева, которые написали, дескать, и статью Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами».

Последнее бездоказательно. А что касается «сохи», то какое это имеет значение, сказал эту фразу Черчилль или Дейчер. Даже если они этого и не говорили, разве по сути это не правда? Разве Сталин не пришел к власти, когда Россия была практически разорена и даже сох не хватало в деревнях, а ушел, когда Россия стала великой атомной державой? В данном случае миф, связанный с этой фразой, был бы очень уместен хотя бы уже потому, что в нем отражена правда. Это полезный миф.

А вот мифы ложные. Дескать, большевики всю историю России до них изображали только в черных красках.

И все это время культивировалось пренебрежительное отношение к русской истории. Порой, когда это требовалось, на щит поднимались отдельные исторические фигуры – то Иван Грозный, то Петр I. Но в целом тысячелетняя отечественная история рисовалась как века косности и бесперспективности (2, с.397). ...А демократия на Руси как бы и вовсе не существовала (2, с. 398).

Читал ли этот словотворец вообще советскую литературу? Существует море книг о Суворове, Ушакове, Нахимове, Корнилове, Истомине (например, «Севастопольская страда» С.Н. Сергеева-Ценского), Екатерине II. И отнюдь не в черных красках описана история России. Про «демократию» на Руси желающие могли прочитать у Максима Ковалевского или Б. Рыбакова. Но этот молодец чернит и период Петра, и советский период истории.

Пишет, что, дескать, Иван III – один из самых недооцененных нашими школьными учебниками российских го-

сударей (1, с. 125). Каков критерий оценок! Сей манипулятор не уточняет, что Иван III в учебниках оценен ничуть не ниже, чем у писателя Валерия Язвицкого в его двухтомном романе «Иван III – государь всея Руси» (Петрозаводск, 1959), опубликованном тиражом в 150 тысяч экземпляров. Я прочитал ее еще в школьные годы, и она до сих пор хранится у меня в личной библиотеке.

Далее.

Александра III, – пишет этот фальсификатор, – большевики объявили алкоголиком, Николаю II прочно приклеили кличку “кровавый” и даже победу 1812 года считали ошибкой – ведь и тут оболваненный народ воевал за укрепление власти своих же собственных помещиков (1, с. 231).

Ни в одном учебнике по истории России Александра III «алкоголиком» не называли. Прозвище «кровавый» Николаю II приклеили не большевики. Это народная оценка, которая мало расходилась с оценкой Льва Толстого, называвшего его «убийцей», Николаем Веревкиным, Николаем Палкиным. И не надо врать насчет 1812 года. Ни в каких учебниках такую глупость не писали.

Этот летописец, обвиняя Советскую власть, пишет, что, дескать, в СССР боялись говорить о своих предках-дворянах. Может, кто-то и боялся. Но у меня, как и у большинства населения тогдашнего СССР, предков-дворян не было. Были в основном крестьяне и рабочие. Дворян же власть действительно придавливала, но, к сожалению, не очень сильно. «К сожалению» потому, что, как оказалось, потомки этих дворян теперь стали отбирать свои поместья и предъявлять права на былую собственность, которая была создана руками тех же рабочих и крестьян. Действительно, мало давили!

Тщась изо всех своих силенок всячески заклеить социалистическое государство, доктор наук лепит одну глупость за другой. Вот еще один образец:

Уничтожив, сознательно или в угаре нигилизма, по глупости, культ рода и семьи, большевики не понимали того, что вырыли яму сами себе (1, с. 56).

Профессор должен был бы знать, что именно при большевиках статус семьи стал расцветать. Как раз за семейным устоем в СССР следили даже слишком навязчиво. А теперь, при капитализме, семья именно и стала разрушаться. Благодаря демократической власти.

А вот классическая ложь. Неслучайно не дан источник:

Луначарский в одном из своих циркуляров по Наркомату народного образования писал: “Нужно бороться с этой привычкой предпочитать русское слово, русское лицо, русскую мысль...” (1, с. 232).

За такой циркуляр Ленин или Сталин отправили бы Луначарского на Колыму.

Вот еще одно оскорбление революционеров:

В Закавказье при подстрекательстве “революционеров” кавказской национальности (это если кому не икается называть этим “овеванным романтикой” словом банальных бандитов, убийц и воров-“экспроприаторов”, самый известный из которых впоследствии возьмет себе звучный “русский” партийный псевдоним – СТАЛИН) с началом войны состоялся ряд манифестаций с требованиями независимости от России (2, с. 80–81).

Сюда, очевидно, входят и такие «бандиты», как 26 бакинских комиссаров, уничтоженные на радость этому антикоммунисту прогрессивными англичанами. И к великому сожалению клеветника, в список не попал СТАЛИН. Когда-то и я весьма неоднозначно относился к деятельности Сталина. С позиции «демократа» (был у меня такой позорный период в жизни) мне казалось, что он погубил слишком много людей, как бы ни была благородна его цель. Но сейчас на фоне повылезших михалковых и всяческих лобановых-ростовских из дворянства и помещиков при этом имени у меня все время всплывают в памяти стихи Евтушенко, точнее, один кусочек из его поэмы «Братская ГЭС». В разделе о Стеньке Разине есть такие строчки (цитирую по памяти):

Нет, не тем я, Стенька, грешен,
Что бояр на башнях вешал.
Грешен я в глазах моих
Тем, что мало вешал их.

Думаю, что Сталин был большой гуманист. Иначе не сохранилось бы столько дерьма, затопившего Россию.

Видимо, устав врать, доктор-депутат решил высказаться так: «О технических достижениях советского периода даже говорить трудно – слишком много всего». Перечислен ряд достижений, в том числе и полет Ю. Гагарина (1, с. 47). Но, оказывается, все достижения обязаны вот чему:

В СССР начал создаваться положительный миф о России. Создавали его непоследовательно, коряво, и слишком явно он был привязан к коммунистической идеологии. Но он начал формироваться, и это давало свои результаты. Блестящие, надо отметить, результаты (1, с.239).

Ну, просто титан мысли! Только все это не вяжется с предыдущими высказываниями Мединского. Но очень вяжется с его очередной глупостью:

Но независимо от идеологии ВКП(б) и КПСС, от ленинизма и сталинизма люди ТРУДИЛИСЬ! И еще как!.. Своим трудом они ввели в развитую жизнь колоссальные пространства России. Именно в эти годы большая часть территории России шагнула в промышленную цивилизацию (1, с. 493).

Как раз «зависимо». Именно сейчас, когда нет ни ленинизма, ни сталинизма, страна разграблена и люди, трудясь, с трудом выживают.

И наконец настало время мединских! Вот он радостно сообщает:

В 1991 году СССР распался, была провозглашена независимая Россия (от кого? – О.А.)... И что? Настало время сытой лени, тупого оцепенения перед телевизором? Непохоже... Новая эпоха потребовала от людей порой совершенно иного, нового по смыслу, но не менее активного и интенсивного труда (1, с. 496).

И что в результате?

Где же цифры экономического процветания? Россия (точнее, СССР) со 2-го места в мире по ВВП в 1991 г. упала до 14-го места в 2007 г. Увеличивается население? Нет, с 1991 г. только уменьшается. Растет СПЖ? Россия по этому показателю опустилась до 118-го места в мире. Повышается уровень жизни? 80% населения в бедности или за ее чертой. Образование, медицина, наука – все ухудшилось на порядки. Вымирающие села, поселки, городки. Возврат к феодализму периода XVI–XVII веков. Впрочем, это только к радости профессора. Помните, он уверял, что именно этот период в России был самый процветающий?

Атака на Маркса

Истые русские патриоты Маркса не то что не уважают, они его ненавидят. Соответственно, и Энгельса. Причина в том, что-де Маркс с Энгельсом не «любили» Россию. В подтверждение данной лжи раскручиваются пустые утверждения без доказательств. Такая оценка естественна, во-первых, для антикоммунистов, во-вторых, для таких неграмотных профессоров, как наш «академик». Вот что он пишет:

Воистину, Ленин намного больше реалист, чем Карл Маркс! Ленин видел, что Россия чем-то разительно отличается от европейских империй. В ней что-то “не так”, как в Европе. Маркс видеть этого не желал, всякое своеобразие России категорически отрицал. Россия для Маркса была не “другая”, отличная от Европы, а просто “плохая”, неправильная, неразвитая (2, с. 89–90).

Маркс, как и Энгельс, десятки раз писал о «своеобразии» России, которое заключалось хотя бы в том, что она действительно в своем развитии отставала от европейских государств. И совершенно справедливо они писали о реакционности царского режима, о том, что именно тогдашняя Россия активнейшим образом участвовала в подавлении революционного движения в Европе. Каких оценок России вы хотите от революционеров? Но Маркс никогда не пользовался такими идиотскими словами для сравнения госу-

дарств, как «плохое» или «хорошее». Это только профессор МГИМО может такое себе позволить.

Этот ... утверждает, что русских Маркс не любил и считал народом «неисторическим». О русских Маркс никогда так не писал. Он писал о неисторичности болгар и некоторых других малых славянских народов. Как раз именно о русских он часто писал в превосходных степенях, а о своих соплеменниках-немцах – в уничижительных выражениях. Естественно, в публицистических работах. Иначе разве мог бы он по просьбе самих русских революционеров представлять Россию во Втором интернационале?

Со ссылкой на Меринга автор дает длинный кусок текста о Марксе. Он пишет: применительно к истории XIX в. Маркс всерьез утверждал, что «ненависть к русским была и продолжает быть первой революционной страстью», и призывал к решительному террору по отношению к славянским народам. Во время революции 1848 г. Маркс призывал немецких и австрийских милитаристов «растоптать нежные цветки славянской независимости». Ведь «мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в австрийских славянских землях, и никакие фразы, никакие указания на неопределенное будущее этих земель не возбранят нам считать врагами наших врагов» (2, с. 89).

Во-первых, неверно то, что Маркс призывал к террору по отношению к «славянским народам». У него было написано «к *этим* славянским народам», конкретно «чехам и хорватам». Поскольку в той исторической эпохе они олицетворяли «реакционные силы» Европы. Маркс никогда так не говорил, например, о поляках, мадьярах и тех же русских. Во-вторых, Маркс обращался не к «немецким и австрийским *милитаристам*», а к революционным силам Германии и Австро-Венгрии, для которых революция была выше, чем «фантастическая общеславянская национальность». Вроде бы детали, но именно так изготавливается фальсификация. А в целом же Маркс оказался еще раз прав. Достаточно проанализировать поведение славян Восточной Европы на протяжении последних 150 лет. Между прочим, именно славяне предавали и предают русских. И разве Россия в то время не была средоточием сил, постоянно участвовавших в подавле-

нии революционного движения в Европе? Но не надо забывать, что Мединский – отъявленный монархист, поборник феодальных отношений мракобесного типа, ненавистник всех революций. Было бы наивно ожидать от него других оценок деятельности Маркса и революционеров.

Вот еще одно высказывание в этом же русле:

Разве не Россия помогла Австрийской империи пережить страшную революцию 1848 года? Империя могла развалиться, венгры вполне реально выходили из ее состава. Спас Австрию посланный Николаем I 100-тысячный корпус под командованием Паскевича. Провожая верного слугу, Николай вместо инструкций произнес только три исторических слова: “Не щади каналий!” Паскевич и не щадил. Венгерские повстанцы были разбиты в пух и прах. Австрийская империя была спасена (2, с. 329).

Вот это и есть истинная физиономия этого антикоммуниста. За что же Марксу было «любить» *такую* Россию?

А вот мерзость, мимо которой нельзя пройти. Недоучка и интеллектуальный карлик пишет о Марксе так:

Вопли Карла Маркса о “славянской сволочи” и о чехах, которые “окажутся первыми жертвами угнетения со стороны революции”, активно поддерживал и Ф. Энгельс. По мнению Энгельса, историческая миссия западных славян – “дело конченное” (2, с. 120).

И они оказались правы. Но уже употребив слово «вопли» в отношении Маркса, этот пацан лишается всех приличных выражений в свой адрес. Даже крупнейшие антикоммунисты мира не позволяли себе такого хамства в отношении Маркса. И это естественно, поскольку Маркс – один из тех титанов, кто изменил ход развития мировой истории, на чьих работах возвращались все самые крупные экономисты и социологи во всем мире, «Капитал» которого до сих пор является бестселлером на Западе. Идеология марксизма вместе с идеями Ленина лежит в основе идеологии Коммунистической партии Китая, руководящей страной, идущей по пути социализма. Пакостное слово Мединского о Марксе я могу только сравнить с известной фразой – «синдром маленькой собачки».

Правда, в такого типа наскоках на Маркса этот ... не одинок. Мне попадалось немало работ современных русских антикоммунистов, в том числе той «ученой» дамы, о которой я писал выше, – Натальи Нарочницкой. То же самое вранье и то же самое непонимание исторического времени.

Верх дурости

Если все вышеизложенное является следствием идеологии беспредельного антикоммунизма и антизападничества, то следующий раздел свидетельствует о серьезных физиологических проблемах мозговой деятельности профессора.

Профессор политологии МГИМО пишет, что антирусские литературные мифы, мол, создавали писатели, которые писали о дворянах и помещиках. Об Обломове, Ноздре, Болконском, Безухове (Гончаров, Гоголь, Л. Толстой). Чехов вообще писал о нытиках-интеллигентах. Вот Пушкин, другое дело, писал о Пете Гриневе и Маше Мироновой, т.е. о «трудовом дворянстве» (про Онегина, видимо, профессор забыл). Это он так осведомлен о классиках. Между прочим, и о Тургеневе: «Если Базаров – “представитель народа”, то упаси нас Господь от таких представителей» (1, с. 214). От кого «не упаси», промолчал, но Скалозуб был бы лучше. И Герцен плохой. Почему-то в связи с ним пишет: «Читали-де Кюстина и петрашевцы, и народовольцы, и марксисты – все участники пресловутого освободительного движения» (1, с. 229).

Ну а писатели из разночинцев, те вообще кошмар:

Все романы Писарева и Чернышевского мало того, на мой взгляд, что невыносимо скучны, они исследуют какую-то исчезающую, незначительную прослойку людей. Сплошь народовольцы, “борцы с самодержавием”, такие “передовые люди”, как Рахметов Чернышевского и Крестовоздвиженский Писарева, образы которых у современного читателя вызывают разве что зевоту (1, с. 212).

У какого «современного читателя»? Если у того, который читает Маринину со товарищи, то наверняка. Из таких

читателей получают только серейшие обыватели или любители текстов Задорнова про «ха-ха», а из читателей названных выше авторов вышли большевики, которые создали великую сверхдержаву под названием Советский Союз.

А вот перл перлов:

Мы до сих пор изучаем историю всех 100% россиян по высказываниям и мнениям этих 1–2–3% населения. И какие мнения! Сама наука как форма общественного сознания родилась среди русских европейцев (1, с. 190).

Ну не сумашедший? Все 100% россиян, видимо, должны писать о себе сами. Чего же эта наука не родилась среди русских славянофилов? Кстати, о науке. Оказывается: «Науку и технику на Западе двигали наши (русские)» (1, с. 248). Приводит 18 фамилий – эмигрантов из России. Достойные имена, но почти все они ученые-прикладники. Среди них нет ни одного лауреата Нобелевской премии. Всякие галилеи, коперники, ньютоны, эйнштейны, планки, боры и тысячи других на Западе не в счет.

Повторяю: мифы нужны, но только такие мифы, которые укрепляют дух народа, его нравственность, усиливают его потенциал. Такими мифами являлись мифы-былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, Микуле Селяниновиче. В советские времена – о Чапаеве, Щорсе, Котовском, героях Отечественной войны, героях социалистических строек. В их основе лежала объективная реальность, субъективно приукрашенная творчеством народа или сознательной политикой идеологов государства. Книги же Мединского – это даже не мифы, а обыкновенное вранье, ложь. Они – плод больного воображения недоучки, претендующего на идеологическое воеводство в современной России. Результатом такой деятельности может быть только оболванивание русских. И судя по количеству верующих (а это один из индикаторов оболванивания народа), этот процесс прогрессирует.

Ну, хватит.

Заключение

Сразу отмечу, я как автор по убеждениям – совершеннейший антикоммунист и считаю теорию Маркса экономически ошибочной, а практику Ленина–Сталина преступлением (2, с. 522).

Для меня достаточно было бы одной этой фразы, чтобы не тратить время на чтение опусов этого глупца. Мозги антикоммуниста формируются на основе невежества и психологической патологии. Конечно, дурак дураку рознь. Так сказать, разные степени болезни. У русских антикоммунистов, особенно ура-патриотической направленности, она в стадии паранойи. Такой тип являют собой режиссер Михалков, художник Глазунов, писатель и говорун Проханов, философ Дугин и другие фигуры побольше или поменьше масштабом, прилипшие к нынешней власти. Среди научных работников и преподавателей–антикоммунистов болезнь не столь ярко выражена, поскольку у некоторых из них все-таки хватает кое-каких знаний, чтобы избежать полной околесицы.

Мединский (или вся команда) – редкое исключение; таких глупостей, какие он (они) наворотил(и) в своих книгах, редко можно встретить даже в антикоммунистической литературе на Западе, где тоже врут, но в меру элементарного приличия. А ведь МГИМО считается чуть ли не самым элитарным учебным заведением в России. Если он служит в должности профессора МГИМО, значит, невежеством заражен мидовский аппарат, так сказать, кузница внешнеполитического ведомства, которое будет таким образом «улучшать имидж России» и проводить неграмотную внешнюю политику страны. Все его регалии и докторские не стоят и гроша, если манипуляция является его инструментом. И какие бы диссертации этот трудяга ни защищал, что бы ни издавал, грош им цена.

Тем не менее Мединский вместе со своими поделниками по подделкам заслуживает внимания уже потому, что ныне именно такие глупцы на коне. Это – их время. Темные

в грамоте, но осветленные православием, ослепленные антикоммунизмом, возбужденные ура-патриотизмом, именно такие теперь несут «тьму» в массы¹. Но в России есть еще люди, которые отличают «свет» от «тьмы». Борьба продолжается...

Генеалогия В.И. Ленина

22 апреля 2011 г.

Сегодня исполняется 141 г. со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Западная буржуазная печать «замолчит» это событие, российская отрыгнет очередную порцию клеветы на великого человека. Правда, она этим занимается постоянно безотносительно к дате. Мне коротко уже приходилось реагировать на клевету антисоветчиков, но в своем ответе я сделал, как мне кажется, одну ошибку, на которую хотел бы обратить внимание тех, кто серьезно занимается биографией Ленина.

Речь идет вот о чем. Как-то мудрец-антисоветчик М. Веллер поведал миру:

У нас было жуткой тайной, что дедушка Ленина имел фамилию Бланк, а во Владимире Ильиче была четверть еврейской крови, а также четверть калмыцкой крови. Это ужас! Это была страшная тайна. У нас было много тайн.

Я в ответ написал, что это элементарная ложь и что эта «тайна» о предках Ленина открыто демонстрировалась в музее семьи Ульяновых даже в г. Астрахани. И каждый мог узнать об этой «тайне», прочитав серьезные биографические труды о Ленине. В свое время я, например, об этом вычитал в двухтомной документальной монографии о Ленине, изданной в ГДР, но купленной мною в 1980 г. в Москве в Доме политической книги, в отделе иностран-

¹ Для меня не было полной неожиданностью, что этого невежду, фальсификатора и лжеца назначили министром культуры России. Он весьма гармонично вписывается в правящий класс страны (прим. 2015 г.).

ной литературы (Vladimir Iljitsch Lenin – Dokumente Seines Lebens. 1870-1924. Band 1, 2. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1980). Что же это за тайна, которая свободно продается на прилавках книжных магазинов? Какие архивы нужны для этого открывать, господу антисоветчики? Все, кому это было интересно, и без всяких архивов могли все это прочесть в открытых источниках.

Ошибка моя заключалась в следующей фразе: «Матерью Александра Дмитриевича Бланка (т.е. прабабушкой Ленина) была Анна Карловна, урожденная Ошtedт (Östedt) (шведская ветвь), а отцом (прадедушкой) – Дмитрий Бланк, о котором практически ничего не известно, кроме того, что по «образованию и духу он был русским того времени». Был ли он немцем или евреем, доказать невозможно. Но, учитывая, что женская линия была немецкой, можно с большой долей вероятности предположить, что и мужская линия являлась прибалтийско-немецкой.

Прежде чем пояснить, в чем проблема, сразу же хочу оговориться, что меня абсолютно не интересуют пропорции «еврейской крови». Это может интересовать только антисемитов, которые по определению являются параноиками. Поэтому с ними бессмысленно не только спорить, но и общаться.

Так вот, эти сведения я как раз почерпнул из немецкой книги (1-й том, стр. 20). А в книге Ольги Дмитриевны Ульяновой (племянницы Ленина), которая более подробно изучила генеалогию своего знаменитого дяди, Анна Карловна Öрstedт (так она транскрибирует имя – Östedt) вообще не упоминается. Вместо нее указывается Анна Бe-ата Öрstedт, которая была замужем за Иоганном Готлибом Гросшопфом и ребенком которых была та самая Анна Ивановна Гросшопф – бабушка Ленина по отцовской линии. Если бы была верной версия немецкой монографии, тогда фамилия бабушки была бы Öрstedт, а не Гросшопф. Отсюда следует, что Дмитрий Бланк – отец Александра Дмитриевича Бланка не был связан ни со шведской линией Боргов-Öрstedтов, ни с немецкой линией Гросшопфов. Хотя скорее всего он в любом случае относился к обрусевшей немецкой или балтийской ветви, а не к еврейской, хотя это и

не имеет большого значения. Тем не менее для любителей копать в генеалогических ветвях было бы действительно интересным обнаружить корни Дмитрия Бланка, давшего в последующем такие превосходные плоды.

Любителям биографических деталей я могу посоветовать прекрасную книгу о Ленине Ольги Дмитриевны Ульяновой (*О.Д. Ульянова. Родной Ленин (Владимир Ильич и его семья)*. М.:ИТРК, 2002). Может быть, кому-то она покажется интересной. Впрочем, о великих людях любая деталь интересна.

Еще раз о генеалогии В.И. Ленина

6 сентября 2012 г.

Сейчас я работаю над монографией «Мирология» (Учение о мире), в которой в разделе о современном марксизме у меня написано: «Итак, марксизм – это прежде всего наука. Следовательно, марксизм как наука не оперирует моральными понятиями: хорошо – плохо. Суть этой науки – поиск научной истины, открытие законов и закономерностей природы и общества. Причем истины марксизм не боится, поскольку уверен, что она, истина, исторически на его стороне. Один из признаков науки – ее объективность, независимость от идеологии. Не может быть так, чтобы скорость света зависела от идеологических пристрастий, партийной принадлежности или даже позиции той или иной философской школы. И хотя в общественных науках почти невозможно избежать идеологий, марксистская наука менее идеологична, чем наука буржуазная, поскольку марксизм считает, что наука не должна исходить из идеологии, наоборот, идеология формируется на базе науки».

К сказанному следует добавить еще один признак науки – отказ от прежних взглядов, утверждений, если они оказались ложными, т.е. не подтвержденными практикой или какими-либо дополнительными исследованиями. Послед-

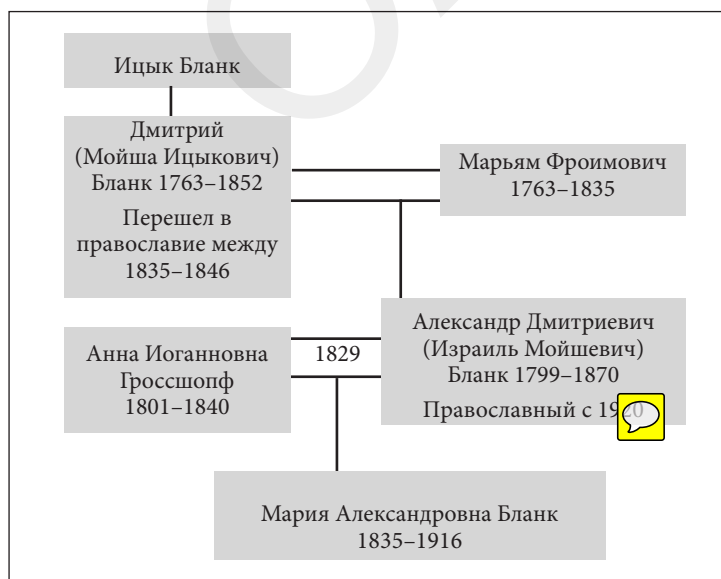
ний случай касается моей небольшой заметки относительно генеалогии В.И. Ленина, помещенной у меня на сайте (http://www.olegarin.com/olegarin/Genealogia_Lenina.html) и воспроизведенной выше. Там была такая фраза: «Матерью Александра Дмитриевича Бланка (т.е. прабабушкой Ленина) была Анна Карловна, урожденная Ошtedт (Östedt) (шведская ветвь), а отцом (прадедушкой) – Дмитрий Бланк, о котором практически ничего не известно, кроме того, что по «образованию и духу он был русским того времени». Был ли он немцем или евреем, доказать невозможно. Но, учитывая, что женская линия была немецкой, можно с большей долей вероятности предположить, что и мужская линия являлась прибалтийско-немецкой».

Мое «предположение» оказалось ошибочным. Объясню почему. Дело в том, что специально темой генеалогии В.И. Ленина я никогда не занимался, поскольку меня никогда не волновала национальность этой громадной личности. К этой теме меня вынудил обратиться упомянутый выше писатель М. Веллер, что, дескать, в советские времена скрывали родословную Ленина по материнской линии (Бланк) и что бабушка по отцовской линии была калмычкой. В статье я показал, что это не так, предъявив ряд работ открытого характера, из которых любой мог спокойно удовлетворить свое любопытство, интересуясь происхождением В.И. Ленина. Но вот кто был Дм. Бланк по национальности, действительно нигде не упоминалось, а специально эта тема, как я уже отметил, меня не интересовала. Но «предположение» было высказано.

И вот совсем недавно в русском магазине на Манхэттене случайно я обнаружил крайне интересную книгу М.Г. Штейна «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима» (СПб.: ВИРД, 1997. 280 с.). Оказывается, этот человек чуть ли не с начала 1960-х годов занимался данной темой и действительно очень много раскопал, в том числе и родословную Бланков в архивах г. Житомира. Эта книга достойна отдельного прочтения, т.к. сам поиск документов предстает как приключенческая эпопея автора. Как бы то ни было, он действительно обнаружил документы о предках Ленина по линии Бланков. Смущает только одно, что

оригиналы житомирских документов были переданы в архивы ЦК КПСС, где они бы могли и «пропасть». В принципе автор мог бы опубликовать копии этих документов в своей книге, но почему-то этого не сделал. Тем не менее ход его поисков и аргументация доказательств подлинности материалов вызывает доверие, хотя и не на сто процентов. Но поскольку на данный момент ничего более убедительного нет, я привожу родословную Бланка по его книге. При этом хочу обратить внимание на то, что остальные ветви у нас со Штейном совпадают, хотя иногда расходятся годы смерти и рождения того или иного родственника. Это связано с путаницей в самих документах, которыми пользовались М.Г. Штейн и О.Д. Ульянова (племянница Ленина). Правда, они не столь существенны. Итак, я вношу уточнения в родословную ветвь Бланка, представленную в генеалогической таблице книги Штейна на стр. 255.

Генеалогическая ветвь со стороны деда В.И. Ленина по материнской линии

Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!

20 апреля 2010 г.

После распада Советского Союза мировая армия антикоммунистов значительно расширила свои ряды за счет антикоммунистов России. Более того, по своей агрессивности против социализма и коммунизма русские антикоммунисты превосходят своих западных коллег, измываясь не только над советским прошлым своей страны, но и над основателем советского государства – В.И. Лениным. Правда, Ленину не привыкать. Антикоммунисты всех мастей боролись против него и при его жизни, и после, и сейчас, и будут бороться и дальше, по крайней мере до тех пор, пока на Земле не установится та система, за которую боролся он сам, – коммунизм. Исторически это так же неизбежно, как и уход с мировой сцены нынешнего капитализма.

В чем же заключается историческая значимость Ленина?

В западных справочниках и энциклопедиях Ленина называют «основателем русской коммунистической партии», лидером Октябрьской революции 1917 г., архитектором и основателем советского государства. Все правильно... Но Ленин был не просто выдающимся политиком, он был гениальным революционером. Гений, нравится он нам или не нравится, отличается от всех остальных тем, что оказывает влияние на весь ход исторического развития человечества. В XIX в. таковыми были К. Маркс и Ф. Энгельс, которые открыли человечеству глаза на неизбежность коммунистического пути развития. В XX в. именно таким гением был Ленин, деятельность которого перекроила структуру мировых отношений, наполнив их социалистическим содержанием.

В чем же проявились гениальные качества Ленина как революционера?

Во-первых, возглавляемая им партия большевиков совершила революцию в стране, в которой было немало других партий с иным видением будущего России. Речь не столько о буржуазных и монархических партиях, сколько о так называемых левых партиях, руководителей которых Ленин блестяще переиграл в борьбе за власть. Он был необыкновенно гибок, меняя тактику, как только менялась ситуация. В этих случаях его не волновали ни «чистота» марксизма, ни демократические догмы. Он всегда стремился соответствовать реальности возможного, не теряя при этом стратегическую перспективу. Отсюда Брест, отсюда НЭП, отсюда пересмотр всей политической линии.

Во-вторых, партия Ленина совершила не просто очередную революцию буржуазного типа, а первую социалистическую революцию в мире. Эта революция не только изменила ход развития одной страны, пусть даже такой громадной, как Россия, она изменила вектор развития всего человечества. В результате оно, по крайней мере его немалая часть, вступило в новую фазу своего развития, резко отличающуюся от предыдущей, капиталистической фазы. Мир раскололся на две системы: социалистическую и капиталистическую.

В-третьих. После распада социализма в России общим мерилом несостоятельности социализма среди антикоммунистов стало утверждение, что, дескать, социализм не выдержал испытания временем. Игнорируя существование и развитие социализма в КНР и все большее утверждение социалистических основ во многих государствах капиталистического типа, эти обвинители не замечают, что сама практика социализма в СССР, даже в его начальной фазе, изменила характер капитализма в классических капиталистических государствах. Так называемый «социальный капитализм» в ряде стран, таких как Канада, Германия, Франция, Испания, Италия, Япония, не говоря уже о фактически социалистических государствах Скандинавии, приобрел нынешнюю свою «социальную» форму именно благодаря СССР. Именно у Советского Союза были скопированы образцы социальной политики в отношении своих народов: бесплатное образование и медицина, равноправие женщин и т.д. Это призна-

вали и признают крупные буржуазные политики и ученые Запада. В том числе и один из самых выдающихся ученых XX в. Бертран Рассел, который писал: «Российская революция – одно из величайших героических событий мировой истории. Ее сравнивают с Французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико».

На Западе о Ленине написаны тысячи книг. Большинство из них – с неприязнью и даже ненавистью к нему. Но мне лично не попалось ни одной, где было бы оспорено его историческое значение как личности, изменившей весь ход развития человечества. Я уже не говорю об авторах социалистической или левой ориентации, таких, например, как Дж. Рид, Л. Брайант, А. Вильямс, Тони Клиф, Э. Росс, Л. Стеффанс, Дж. Тревиранус, Майкл С. Киммель, Джон Рис, и других. Но даже среди «ненавистников социализма», сохранивших, однако, способность к объективному анализу, можно найти множество оценок, в корне не согласующихся с оценками российских «демократов», именуемых себя учеными. Например, канадский профессор Р.Х. Макнил писал в одной из своих работ: «С исторической точки зрения Ленин был политическим гением, который организовал партию с жесткой структурой, привел ее к власти и превратил ее в эффективную диктатуру. При всех своих недостатках он оставался главной исторической фигурой». За всю историю человечества не было ни одного революционера масштаба Ленина, который был бы в состоянии изменить ход мировой истории.

И здесь возникает вопрос: что сделало Ленина ТАКОЙ гигантской фигурой в мировой истории?

Вряд ли ссылки на конкретные обстоятельства или природные качества могут удовлетворительно объяснить появление такого великого человека. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и особую интеллектуальную атмосферу в семье, и влияние на Ленина казни брата, и саму российскую действительность, требовавшую от людей с повышенным чувством справедливости участия в борьбе против несправедливой системы. Конечно, особое значение имело образование и проживание на Западе, блестящее знание западной культуры и науки.

Но дело в том, что в аналогичных условиях находились чуть ли не все российские выдающиеся революционеры. Все они были в высшей степени образованны, ничуть не уступая в этом плане выдающимся революционерам Запада. Многие из них были не меньшими, чем Ленин, фанатиками в стремлении низвергнуть царский режим. Но им чего-то не хватало, чтобы реализовать свою волю и знания в революционной практике. Ленин же был гениальным стратегом и тактиком. За счет чего?

За счет глубокого изучения и владения диалектикой. Поясню.

Известно, что все российские революционеры изучали Маркса и его «Капитал». Но, думаю, ни один из них не понял «Капитал» так глубоко, как Ленин. Более того, в своих «Философских тетрадах» на полях Ленин сделал любопытную ремарку: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!» (Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.)

Маркса не понял даже Г. В. Плеханов, написавший 1000 страниц о диалектике. Поскольку он не понял Логики, все его мысли о диалектике равны «нулю». «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую “сторону” дела (это не “сторона”, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» (там же, с. 321).

Я обращаю внимание на освоение гегелевской диалектики потому, что и после Ленина политики и ученые, называющие себя марксистами, а часто и марксистами-ленинцами, не понимают глубин гегелевской диалектики, а следовательно, они не понимают и Ленина, не говоря уже о Марксе или Энгельсе.

Все трое были диалектиками в значительной степени благодаря изучению гениального труда – «Науки логики» Гегеля. Без освоения этого труда невозможно дать адекватную оценку реальности, невозможно что-то путное, т.е. научное, написать в области обществоведения. Только усвоив гегелевские законы диалектики, можно понять преобра-

зования явлений через понятия и категории, как каждое явление, переходя из одной стадии в другую, меняет свою сущность. Или по-другому: как понятие, переходя из одной системы координат в другую, может оказаться категорией, и наоборот.

Диалектичность мышления Ленина нашла отражение прежде всего в его философских работах. Я имею в виду две основные его работы: «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради». На мой взгляд, они до сих пор являются непревзойденными произведениями. Первая не только из-за блестящей критики вульгарных материалистов, но и из-за смелых предположений о неисчерпаемости электрона, о взаимопереходе материи и энергии (вспомните эйнштейновскую формулу), рассуждений о сущности человеческого мышления. Вторая книга – это не только углубленное толкование проблем, поднятых в первой, но и развитие самой диалектики, углубление Логики Гегеля (трансформации понятия в категорию и наоборот – при движении бытия/явления). Ленин в рецензиях на работы крупных философов, в первую очередь Гегеля, показывает, с одной стороны, значение понятийно-категориального аппарата, с другой – как используется этот аппарат в науках и на практике. Только после появления этой работы стало возможным с полным основанием говорить о создании *материалистической диалектики*, хотя основы ее были заложены Марксом и Энгельсом.

И я глубоко убежден, что без изучения «Науки логики» Гегеля никто не может понять ни Маркса с Энгельсом, ни Ленина.

На самом деле диалектика очень практичная вещь. В знаменитом выражении Ленина «сегодня рано, завтра будет поздно» в концентрированной форме схвачена диалектика, заключающаяся в том, что совокупность тех же самых событий *сегодня* и *завтра* не приведет к революции, революцией она может предстать только *между* сегодня и завтра. Умение понять, когда явление приобретает нужное на тот или иной момент определенное содержание, – в этом главное отличие диалектика-практика Ленина.

Ленина, как известно, много раз обвиняли в отступлении от марксизма. Но, как справедливо писал крупный канадско-американский экономист Джон Гэлбрейт, «Ленин был учеником Маркса, но он не был его рабом». Но дело не только в этом. А как раз в том, что Ленин именно по-марксистски, именно диалектически оценивал любую ситуацию, приспособляясь и приспособлявая эти ситуации под необходимые политические или экономические задачи. Именно диалектичность его мышления делала из него гениального тактика и стратега в практической революционной борьбе. Как стратег он никогда не упускал из виду конечную задачу революции – социализм, как тактик сумел обеспечить реализацию этой стратегии в таких неимоверно сложных политических и экономических условиях, которые не снились ни одному политику в мире.

Хочу обратить внимание еще на один методологический феномен Ленина как ученого. Это его страсть к статистике. На фоне болтологической литературы о политике и экономике ленинские работы с самого начала обращали внимание на себя внимание громадным количеством использованного статистического материала. Уже первая, фактически юношеская работа «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893 г.) изобилует массой статистического материала. «Развитие капитализма в России» (1899 г.) – это энциклопедия экономики России конца XIX в., построенная на громадном статистическом массиве. По количеству собранного материала по мировой экономике начала XX в. ленинским «Тетрадям по империализму» до сих пор нет равных в мире.

Будучи японоведом, я был поражен предсказанием Ленина о неизбежности войны между Японией и США, сделанным в то время, когда обе эти страны были союзниками. В аспирантские годы я специально просмотрел, какой литературой пользовался Ленин для изучения Японии. И был удивлен тем, что главное место в ней заняли не авторские книги о Японии, а статистические справочники по экономике и внешнеэкономической деятельности этой страны. Я тут же сопряг это с огромным пластом статистического материала, который осваивался Марксом и Энгельсом, в том

числе и по России. Такое внимание к статистике позволило Энгельсу дать стопроцентный прогноз о неизбежности революции в России в одном из писем, датированном 5 марта 1895 г. То есть за 22 года до революции.

Напомню еще раз, что Ленин писал о статистике: «...мы решили начать со статистики, вполне сознавая, конечно, какую глубокую антипатию вызывает статистика у некоторых читателей, предпочитающих “низким истинам” “нас возвышающий обман”, и у некоторых писателей, любящих проводить под флагом общих рассуждений об интернационализме, космополитизме, национализме, патриотизме и т.п. политическую контрабанду» (т. 30, с. 351).

Ну, честное слово, как будто речь идет о современных болтунах-еслибистах. Которые на дух не признают цифры, но верят в великое будущее России, если... если... ну если что-то там произойдет. Отсюда совершенно ложные оценки мировой ситуации и ситуации в самой России. Это и есть политическая контрабанда.

Многие нынешние умники обвиняют Ленина то в одном, то в другом, например, в его просчетах относительно всемирной революции. Подобные обвинения я рассматриваю как самую высокую оценку историчности фигуры Ленина. Почему? Да потому что никому в голову не приходит обвинять, к примеру, Черчилля или Рузвельта за их ошибки, в том числе стратегического характера. Они слишком земные политики. С них никакого спроса. Просчеты и ошибки замечают только у гениев. Ленин – гений, потому и спрос с него как с гения.

Ленин после себя оставил страну, разрушенную Первой мировой и Гражданской войнами. Но он вывел Россию из исторического тупика, направив ее на тот путь развития, на котором русский народ мог реализовать себя в полной мере. Л.П. Карсавин, высланный большевиками из России, тем не менее вынужден был признать: «В известном смысле даже коммунизм есть качественное русское народное, а следовательно, и качественное в нем высшее индивидуальное». Таким образом, Ленин восстановил исконно российский строй – социализм, придав ему коммунистическую перспективу, не побоявшись внедрить в него непонятный

механизм – использование частной собственности как инструмент разогрева экономики. Самое главное, он оставил страну с населением, поверившим в социализм.

* * *

Забудутся многие имена, но имя Ленина останется вечно в истории человечества, потому что благодаря его деятельности, его мыслям сохранилось само человечество и приобрело перспективу продвижения вперед. Вперед – значит, к коммунизму, к тому строю, за который отдавали жизни самые выдающиеся представители человечества, и среди них гениальный Ленин.

P.S. В ответ на сказанное любой антикоммунист с издевкой возразит: «Ну и где же твой хваленый коммунизм вместе с Лениным?» Спорить с параноиками-антикоммунистами бессмысленно. Здесь только отвечу словами одной пионерской песни: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

Сталин: факты против фальши

У меня всегда было отрицательное отношение к Сталину, особенно после книг Солженицына. Регулярно разъезжая с лекциями по Союзу, я с возмущением выслушивал вопросы о том, когда же реабилитируют Сталина. Причем задавали этот вопрос не только пожилые люди, прошедшие войну, но и немало людей моего возраста, т.е. родившихся после войны. В то время я их совершенно не понимал. Как же так, столько людей было уничтожено, столько ошибок надделано, а люди хотят его реабилитации.

Мое отношение к Сталину стало меняться в Канаде, после того как прочел ряд книг о сталинском периоде, в частности о Второй мировой войне, написанных в 70–90-е годы. Живя в СССР, я представить не мог, до какой степени можно фальсифицировать историю. В большинстве «на-

учных» книг Сталин изображается чуть ли не недоумком, а западные политики – большими стратегами и тактиками.

После чтения всей этой чуши образ Сталина мне стал представляться в несколько ином ключе. Кардинально же, почти на 180 градусов, мои взгляды изменились после тщательного изучения книги Людо Мартенса «Другой взгляд на Сталина»¹, в которой собраны и проанализированы все основные работы, посвященные Сталину. Мне могут сказать, что, дескать, автор является председателем Рабочей партии Бельгии, т.е. человеком левых взглядов. И это действительно так. Но надо иметь в виду, что даже лидеры многих левых партий, некоторые из которых называются коммунистическими, избегают затрагивать тему о Сталине, чтобы не испугать свой «электорат», оболваненный буржуазными пропагандистами-лжецами. Мартенс этого не боится, поскольку его интересует правда о Сталине. Кроме того, в Канаде мне было легко перепроверить ряд цитат и цифр, обращаясь к источникам, которыми пользовался Мартенс. И я нигде в его работе не нашел фальсификаций. Более того, аналогичные оценки и факты я смог обнаружить в работах других авторов, не упомянутых в книге Мартенса.

Наконец, у каждого на плечах все-таки, смею надеяться, не калган, а голова, наличие которой предполагает умение отличать правду от трескущей пропаганды. Например, два профессора – М. Геллер и А. Некрич когда-то написали книгу «Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. по настоящее время». В ней есть такой текст: в 1939 г. «по оценкам, 8 млн советских граждан, или 9% от общего взрослого населения, находились в концентрационных лагерях». В сноске «уточнение»: «Оценки советских заключенных в лагерях в 1939 г. варьируются от 8 млн до 17 млн. Мы взяли нижнюю цифру, возможно, заниженную, хотя, несмотря на это, все равно красноречивую»². При обилии ссылок на всевозможные источники на эту цифру источника не нашлось.

1 *Ludo Martens. Another view of Stalin. USA: John Plaiсe, 1995 (Internet).*

2 *M. Heller and A. M. Nekrich. Utopia in Power. The History of the Soviet Union from 1917 to the Present. A Touchstone Book, 1986, p. 316, 784.*

Откуда она взята, по чьим оценкам – не сказано. Естественно, таким авторам верить нельзя. Они просто зарабатывали на антикоммунизме. Мартенсу же его книга вряд ли принесла хоть один цент, т.к. она не продавалась, ибо на Западе была запрещена, и «вытащить» ее можно было тогда (в 1995 г.) только из Интернета бесплатно¹.

Я поднял тему источников, потому что неискушенный читатель вполне может поддаться магии опубликованных цифр, в частности о сталинском периоде. Но многие из них – идеологическое манипулирование. И в качестве примера я приведу несколько фальсификаций, которые обнаружил Мартенс. Я сознательно не использую материалы (за одним исключением), опубликованные в российской печати и книгах, хотя у меня их тоже немало. Я обращаюсь именно к западной печати, которая не столь жизненно втянута во внутренние дела России, что позволяет ей более спокойно, а значит, и более объективно оценивать факты и события российской жизни. Это, безусловно, не исключает идеологической предвзятости.

Коллективизация. Считается, что русский читатель знаком с эпохой коллективизации по учебникам и книгам, тем не менее в двух словах хочу напомнить, с чего это Сталину «взбрело в голову» начать коллективизацию.

Необходимость ее диктовалась как внешними, так и внутренними причинами, причем среди последних громадную роль играл не только социальный фактор (обострение классовой борьбы в деревне), но и фактор чисто экономический. Хотя в период нэпа, в 1922–1926 гг., продукция сельского хозяйства достигла предреволюционного уровня, однако ситуация в целом была крайне удручающая. В результате спонтанно возникшего свободного рынка 7% крестьян (2,7 млн человек) вновь оказались без земли. В 1927 г. 27 млн крестьян были безлошадными. В целом 35% относились к категории наиболее бедных крестьян. Большая часть – средние крестьяне (около 51–53%) имели допотопные орудия труда.

¹ Отрадно, что она была переведена на русский язык. См.: *Людो Мартенс. Запрещенный Сталин*. М.: Язуз, ЭКСМО, 2009.

Количество богатых кулаков составляло от 5 до 7%¹. Кулаки контролировали около 20% рынка зерна. По другим данным, на кулаков и верхний слой середняков (около 10–11% крестьянского населения) в 1927–1928 гг. приходилось 56% продаж сельскохозяйственной продукции². В результате «в 1928 и 1929 гг. вновь пришлось нормировать хлеб, затем сахар, чай и мясо. Между 1 октября 1927 г. и 1929 г. цены на сельхозпродукты выросли на 25,9%, цены на зерно на свободном рынке выросли на 289%»³. Экономическую жизнь страны, таким образом, начал определять кулак.

О кулаках современная «демократическая» печать в России пишет как о лучшей части российского крестьянства. Иное представление о них вынес профессор Э. Дилон, проживший несколько десятков лет в России. Он пишет: «Из всех человеческих монстров, которых мне приходилось когда-нибудь встречать во время путешествия (по России), не могу вспомнить более злобных и отвратительных, чем кулак»⁴.

Естественно, после начала коллективизации началось раскулачивание, оцененное антикоммунистической печатью как сталинский «геноцид» в отношении кулаков и «хороших крестьян». Одним из отъявленных лжецов на Западе был и остается Р. Конквест⁵. В своих работах он называет такое число жертв: 6,5 млн кулаков было уничтожено во время коллективизации, 3,5 млн погибло в сибирских лагерях⁶.

1 *Jean Elleinstein*, *Le socialisme dans un seul pays*. Paris: Editions Sociales, 1973, vol. 2, p. 67–69; *R. W. Davies*, *The Industrialization of Soviet Russia I: The Socialist Offensive; The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1980, p. 9, 171.

2 *R. W. Davies*. *Op. cit.*, p. 27.

3 *Ibid.*, p. 47.

4 Цит. по: *Sidney and Beatrice Webb*. *Soviet Communism: A New Civilization?* London: Victor Gollancz, 1937, p. 565.

5 Р. Конквест – английский журналист и писатель, сделавший карьеру на «разоблачении» Сталина.

6 *Robert Conquest*, *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. New York: Oxford University Press, 1986, p. 306.

Многие историки, в том числе немецкий ученый Стефан Мерл, в своих работах вскрыли фальсификации Конквеста, «источником» которых были эмигрантские круги, на которых и ссылался англо-американский идеолог. После рассекречивания гуглаговских архивов была опубликована реальная статистика «жертв сталинизма», в том числе и относительно кулаков. Мартенс, ссылаясь на Николаса Берта, В. Земскова, Арка Гетти, Габора Риттерспорна и др., приводит следующие цифры. Оказалось, что в наиболее ожесточенный период раскулачивания, в 1930–1931 гг., крестьянами было экспроприировано имущество 381 026 кулаков, которые вместе со своими семьями (а это уже 1 803 392 человека) были отправлены на Восток (т.е. в Сибирь). Из них до мест поселения к 1 января 1932 г. доехало 1 317 022 человека, остальные 486 000 человек по пути сбежали¹. Это вместо 6,5 млн, приводимых Конквестом.

Что касается 3,5 млн погибших в лагерях, то общее число раскулаченных никогда не превосходило цифры в 1 317 022 человека. Причем в 1932 и 1935 гг. количество покинувших лагерь превосходило количество прибывших на 299 389 человек. В 1932–1940 гг. точное число умерших по естественным причинам было равно 389 521. В это число входили не только раскулаченные, но и «другие категории», прибывшие туда после 1935 г.

В целом же только часть из 63 тыс. кулаков «первой категории» была расстреляна «за контрреволюционную деятельность». Количество умерших во время депортации, большей частью от голода и эпидемий, составляло около 100 тыс. человек. Между 1932 и 1940 гг. около 200 тыс. кулаков умерло в лагерях по естественным причинам.

Еще более наглое вранье, подвязанное под коллективизацию, раскручено с цифрами о голоде на Украине в 1932–1934 гг. Разброс в цифрах такой: Дейл Далримпл называет цифру в 5,5 млн человек, Николай Приходько (сотрудничавший с нацистами в годы войны) – 7 млн, У. Х. Гамберлен и Ю. Лайонс – от 6 до 8 млн, Ричард Сталлет – 10 млн, Хосли Грант – 15 млн человек. В двух последних случа-

1 *Ludo Martens. Op. cit., ch.: Collectivization.*

ях надо иметь в виду, что население Украины в 1932 г. было равно 25 млн человек.

Анализ источников этих цифр показал, что часть их взята из херстовской печати, известной пронацистскими симпатиями, часть – из фашистских «источников» и от украинских эмигрантов, сотрудничавших с нацизмом, часть была сфабрикована в период маккартизма (1949–1953 гг.).

К примеру, очень многие специалисты по «украинскому голоду» часто ссылались на данные, приводимые в статьях Томаса Уолкера, публиковавшихся в херстовских газетах в феврале 1935 г. Этот журналист «давал» цифру – 7 млн умерших и публиковал множество фотографий умирающих детей. Канадский журналист Дуглас Тоттл в работе «Фальшивка, голод и фашизм: миф об украинском геноциде от Гитлера до Гарварда»¹ вскрыл массу фальсификаций по поводу всех названных цифр, в том числе и приводимых Уолкером. Оказалось, что это никакой не журналист, а преступник, сбежавший из колорадской тюрьмы, отсидевший 2 года вместо 8 лет по приговору. Решил подзаработать на фальшивках об СССР (спрос был большой), каким-то путем в Англии получил транзитную визу для переезда из Польши до Маньчжурии и таким образом провел в Советском Союзе 5 дней. По возвращении на родину все-таки через некоторое время был арестован, а на суде признался, что на Украину «его нога вообще никогда не ступала». И его настоящая фамилия – Роберт Грин². На фотографиях же изображались умирающие дети голодного 1921 г. И таких «источников» херстовские газеты в свое время наплодили немало.

Ситуация на Украине была действительно непростая. В 1932–1933 гг. голод унес от 1 до 2 млн жизней. При этом добросовестные ученые называют четыре причины тогдашней трагедии. Первая связана с оппозицией кулаков, которые в преддверии коллективизации уничтожали скот и лошадей (чтобы не достались коммунякам). По данным

1 *Douglas Tottle. Fraud, Famine and Fascism: The Ukrainian Genocide Myth from Hitler to Harvard. Toronto: Progress Books, 1987.*

2 *Ibid.*, p. 5–6, 13–5.

Фредерика Шумана, в период 1928–1933 гг. количество лошадей в СССР сократилось с 30 млн до менее чем 15 млн, рогатого скота – с 70 млн голов (включая 31 млн коров) до 38 млн (включая 20 млн коров), овец и коз – со 147 млн до 50 млн, свиней – с 20 млн до 12 млн. Вторая причина – засуха в ряде районов Украины в 1930–1932 гг. Третья – эпидемия тифа, свирепствовавшая на Украине и Северном Кавказе в то время. (На тиф указывает даже Хосли Грант, автор цифры в 15 млн человек.) Четвертая причина коренилась в том, что перестройку сельского хозяйства на коллективистский лад производили крайне неграмотные и в то же время обозленные на кулаков крестьяне, которые, естественно, не могли не наломать дров.

Конечно, эти цифры (от 1 до 2 млн человек, хотя и не 5–15 млн) тоже немалые. Но не надо забывать, это был период жесточайшей классовой борьбы, жесточайшей с обеих сторон: и со стороны беднейших крестьян, и со стороны кулаков. «Кто кого» не только в смысле эксплуататоры или эксплуатируемые, но и в смысле: прошлое или будущее. Ведь победа сталинской линии на коллективизацию вытащила 120 млн крестьян из средневековья, неграмотности и тьмы.

«Великая чистка» 1937–1939 гг. Антикоммунисты могут поупражнять свои мозги на причинах голода в капиталистической России 1891 г., который охватил 40 млн человек, из них, по официальным данным, умерло более 2 миллионов; голод 1900–1903 гг. охватил тоже около 40 млн человек, умерло 3 млн взрослых; голод 1911 г., когда умерло 2 млн человек¹. Эта статистика антикоммунистам неинтересна. За нее не платят.

Платят за другое. Например, за страшные писания о «необоснованных» репрессиях сталинского режима против троцкистов, бухаринцев, о сталинском терроре во время «Великой чистки», в частности в отношении военной верхушки, включая Тухачевского. Однако воспоминания самих участников различных заговоров весьма красноречиво опровергают мифы, созданные во времена Хрущева.

1 Борьба. 1995, № 12, с. 1.

Среди них, к примеру, выделяются откровения сбежавшего в 1948 г. в Англию Г.А. Токаева, полковника Советской армии, партийного секретаря Военно-воздушной академии им. Жуковского в 1937–1948 гг., весьма откровенно описавшего цели, методы и способы свержения военной верхушкой «сталинского режима»¹.

Одним из мощных пропагандистских мифов на Западе, равно как и в нынешней России, является миф о терроре в 1937–1939 гг. Уже упоминавшийся Конквест в своих работах приводит цифру арестованных – от 7 до 9 млн человек. Она взята из воспоминаний бывших заключенных, утверждавших, что от 4 до 5,5% населения СССР находилось в тюрьмах или было депортировано. Правда, другой профессиональный антикоммунист – 3. Бжезинский в одной из своих работ заметил, что точных оценок быть не может и ошибка может варьироваться в пределах нескольких сотен тысяч и даже миллиона.

Более подробная информация Конквеста выглядит следующим образом: к началу 1934 г. в ГУЛАГ было загнано 5 млн человек, в течение 1937–1938 гг. – более 7 млн, т.е. набирается 12 млн человек. Из них в течение двух указанных лет 1 млн были расстреляны, а 2 млн умерли по различным причинам. В результате к 1939 г. в ГУЛАГе находилось 9 млн человек, «не считая тех, кто сидел там по уголовным статьям». Последующая калькуляция приводит Конквеста к таким цифрам: в период с 1939 по 1953 г. количество заключенных было постоянным, в среднем около 8 млн человек (по «данным» братьев Медведевых – 12–13 млн). Поскольку среднегодовая смертность в Гулаге составляла 10%, то, по подсчетам Конквеста, за это время было уничтожено около 12 млн человек.

После публикации гулаговских материалов оказалось: в 1934 г. в системе ГУЛАГ находилось от 127 до 170 тыс. человек. Более точная цифра – 507 307 человек, если иметь в виду дополнительно неполитических заключенных. «Политические» составляли 25–35%, т.е. около 150 тыс. человек. Конквест к ним «добавил» еще 4 850 тыс. человек.

1 Г. А. Токаев, Comrade X . London: The Harvill Press, 1956.

В 1934 г. там находилось на самом деле 127 тыс. человек и максимум 500 тыс. в 1941 и 1942 гг. Во время «Великой чистки» количество заключенных с 1936 по 1939 г. выросло на 477 789 человек. По Конквесту, в год в Гулаге умирало около 855 тыс. человек (если иметь в виду его цифру в 12 млн погибших), на самом деле в мирное время умирало 49 тыс. человек.

Аналогичные фальшивки сфабрикованы и в отношении «старых большевиков» и других жертв «сталинского террора». Фактически все эти фальсификации разоблачены в здешней объективистской литературе¹, хотя, конечно, о них, о разоблачениях, не пишется на страницах массовой печати. Что вполне естественно и логично.

Как видно из приведенных цифр, жертв сталинизма оказалось в десятки раз меньше, чем их представляют в антикоммунистической пропаганде. Но они были. Можно ли было обойтись без них? Конечно, можно... теоретически. Если бы а) кулаки не сопротивлялись коллективизации, б) бухаринцы их не защищали, в) Троцкий не организовывал заговоры и не связывался с гитлеровской Германией (о чем сообщал еще Черчилль), г) Тухачевский не стал готовить антисталинский (в то время фактически означавший антисоциалистический) заговор, д) охамевшие советские бюрократы больше бы думали о деле, а не о своем кармане, и т.д. А все вместе не выступали бы против социализма, за который бился Сталин со своими соратниками. Не будь Сталин умнее и хитрее их всех, большой вопрос, что стало бы с СССР, да и со всем миром. Генерал Петэн, бывший немцем в Первую мировую войну, без боя сдал Францию Гитлеру (предположительный вариант для СССР в случае успеха заговора Тухачевского). Европа нашла «мужество» лизать сапоги гитлеровских солдат, за что последние по-свойски не стали всех их гноить в концлагерях. Но с Советским-то Союзом Гитлер вряд ли стал бы обходиться столь цивилизо-

1 Среди них наиболее обширная работа «Происхождение великих чисток: Еще раз о КПСС, 1933-1938» принадлежит А. Гетти: *J. Arch Getty, Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938*. New York: Cambridge University Press, 1985.

ванно. К тому же тогдашние советские люди, и прежде всего коммунисты, в отличие от нынешних демократов, вряд ли стали бы ползать перед немцами, как это делали европейцы. Так что во всех этих «чистках» был большой резон не только с точки зрения интересов советского государства, но и с точки зрения всей Европы, а может быть, и всего мира.

Американские ученые-евреи очень много пишут о сталинском тоталитаризме. Могу им предложить тему для дальнейших сочинений: сколько евреев осталось бы на Земле, не будь этого «тоталитаризма». Порассуждайте, ребята, на досуге.

Сталин, безусловно, был диктатором. Но не только в силу своего характера, на что указывал еще Ленин. Диктатором его делали время и обстоятельства. Необходимо представить себе то время, например конец 20-х годов. В Италии – фашизм, в Германии гитлеровцы рвутся к власти с антикоммунистической и антисоветской программой. Демократические державы – Англия и Франция – науськивают этот фашизм против СССР. На Востоке Япония готовится к войне то ли с Китаем, то ли с СССР. Внутри страны нэп. Хотя в экономическом плане происходит некоторое улучшение, вновь возрождаются враждебные классы, что ведет к «обострению классовой борьбы», особенно в деревне. Экономика аграрная. Внешняя угроза реальная. Старые большевики все еще грезят мировой революцией. Враги всех мастей начинают активизироваться. Какая может быть в этих условиях демократия? При таких обстоятельствах могла быть только жесткая диктатура, которая и сформировалась в 30-е годы.

Сталин оказался проницательным стратегом и тактиком в реализации цели «построения социализма в одной стране». Еще до революции он был единственным из ленинской гвардии, кто не исключал возможности того, что «Россия будет единственной страной, идущей по пути социализма», в то время как большинство в партии рассчитывали на соц. революции в европейских странах. При Сталине были заложены основы социализма в СССР. Сам процесс «закладки» происходил в чрезвычайных обстоятельствах,

требовавших жестких мер в отношении всех врагов социализма, внутренних и внешних. Однако жесткость против врагов нового общества в конечном счете оборачивалась благом для основной массы населения, а также служила укреплению советского государства. За время сталинского руководства, в течение 30 лет, аграрная, нищая, зависимая от иностранного капитала страна превратилась в мощнейшую военно-индустриальную державу мирового масштаба, в центр новой, социалистической цивилизации. Нищее и неграмотное население царской России превратилось в одну из грамотнейших и образованнейших наций в мире. К началу 50-х годов по уровню образованности рабочих и крестьян СССР не только не уступал, но и превосходил любую развитую страну. Несмотря на относительную потерю интеллектуального потенциала в связи с эмиграцией процарской и буржуазной интеллигенции в годы революции и гражданской войны, возникла новая, советская творческая и научная интеллигенция, не уступавшая предыдущему поколению. Иначе говоря, даже начальный этап социализма с его ошибками и трагедиями в процессе складывания нового общества продемонстрировал колоссальный внутренний потенциал нового строя как системы, которую не надо было адаптировать, которая просто освободила социалистические гены российского человека от прежних, навязанных в результате несвойственной ему европейской модернизации, в том числе в виде капитализма. Произошла простая вещь: освобожденная внутренняя суть российского человека наконец-то обрела свою опору, т.е. внешнюю форму в виде социалистических надстройки и базиса, форму, внедренную Лениным и укрепленную Сталиным.

И все же в связи со сталинским «диктаторством» возникает крайне непростая дилемма, которая неизбежна в критических ситуациях: что ставить во главу угла – народ или государство? Любой демократ скажет: конечно, народ. Абстрактно, совершенно верно. Конкретно, если возникает угроза завоевания государства, чреватая уничтожением народа, как и было запланировано гитлеровцами, государственный деятель делает ставку на сохранение, усиление государства, в том числе и за счет жертв немалой части на-

рода. Российский народ эти жертвы и принес, спасая не только свое отечество, но и европейские народы.

Сталин, конечно же, сделал немало тактических ошибок, но стратегически оказался на голову выше тогдашних политиков всего мира. Он их всех обыграл и не только выиграл войну, но и отстоял социализм, распространившийся впоследствии на одну треть мира. При Сталине Советский Союз стал сверхдержавой. Какой ценой? – Страшной. Но я хотел бы знать, как поступили бы нынешние критики Сталина в то время? А впрочем, наверное, знаю. Продали бы Россию хоть Гитлеру, хоть Черчиллю, хоть Рузвельту. Потому что им-то как раз этот самый народ и ненавистен, о чем не скрывая говорят маркизахаровы, мединские, млечины с озверевшей эхомосковской армией лжепропагандистов и пр.

Документальные факты о репрессиях

8 марта 2015 г.

Этот материал о сталинских «репрессиях» я взял из книги д.и.н. В. Н. Земскова «Сталин и народ. Почему не было восстания» (М.: Алгоритм, 2014). Хочу подчеркнуть, что Земсков строит свой анализ на архивных материалах, в то время как антисоветчики предпочитают источники от журналистов или писателей, для которых правдивыми являются цифры, приводимые англо-американским журналистом Робертом Конквестом и писателем Солженицыным. Причем, цифры, взятые с потолка, приводимые этими двумя фальсификаторами, уже неоднократно опровергались, что заставило антикоммунистов занять другую позицию. Дескать, не важно количество, а важна «слеза ребенка». Если бы даже был осужден один невиновный, это уже преступление. Понятно, что антикоммунисты Гегеля не читали (они вообще неграмотны по своей сути). Ведь он писал, что нельзя сопоставлять мораль великих политических деятелей или полководцев с моралью обывателя. Иначе

Александр Македонский, Цезарь, Чингиз-хан, Тамерлан, а также Кромвель, Карл Великий, Наполеон и Бисмарк (да и все короли и королевы) – отъявленные преступники, уничтожавшие народы, в том числе и собственный, а не герои, как они подаются почти во всех учебниках истории. Только Сталину и Мао Цзэду антикоммунисты почему-то отказывают в такой исторической и героической роли.

Хочу оговориться: здесь приведены только цифры, касающиеся непосредственно репрессий. Детальное их объяснение дано во многих работах не только Земскова, но и таких авторов, как В.П. Попов, А.Н. Дугин (не путать с лжефилософом А.Г. Дугиным), упоминавшийся мной Людо Мартенс, Дж. Арчи Гетти и др. Они на фактах разоблачили антикоммунистические измышления не только вышеупомянутых антикоммунистов-параноиков, но и таких как Р. Медведев, А.В. Антонов-Овсеенко, О.Г. Шатуновская. В конце концов, верить приведенным цифрам или не верить, дело каждого, но поразмышлять над этим в любом случае не помешает.

Для начала есть смысл обратить внимание на понятие *репрессия*. В переводе с латинского *репрессия* – это подавление, карательная мера, наказание. Иначе говоря – подавление путем наказания. Законы в классовом обществе имеют классовый характер. Например, в социалистическом государстве спекуляция – это преступление, нарушение закона, а в капиталистической системе то же действие – это бизнес, уважаемая деятельность. Но манипуляторы сознанием – ТВ, СМИ недаром употребляют именно слово *репрессия*, а не слово наказание. Расчет здесь на такое психологическое восприятие: «сталинские» репрессии – это якобы не законное наказание, а противозаконная расправа. В связи с этой подтасовкой возникает весьма существенный вопрос о законности или незаконности репрессий. Как известно, контрреволюционная пропаганда и деятельность оценивалась по УК РСФСР 1926 года. Таким образом, органы безопасности действовали строго в рамках закона, привлекая так называемых «инакомыслящих» к уголовной ответственности. А что лежало в основе этого? А лежала в основе этого классовая борьба. Ведь не следует забывать, что СССР тогда был

единственным государством в мире, где была утверждена диктатура пролетариата.

Вот источники, на которые опирался В. Земсков. Еще в начале 1954 года в МВД СССР была составлена справка на имя Н.С. Хрущева о числе осужденных за контрреволюционные преступления, то есть по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик, за период 1921–1953 гг. (документ подписали три человека – Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко, министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов и министр юстиции СССР К.П. Горшенин).

В документе говорилось, что, по имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 года по настоящее время, то есть до начала 1954 г., за контрреволюционные преступления было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 чел., в том числе к высшей мере наказания – 642 980.

В конце 1953 года в МВД СССР была подготовлена еще одна справка. В ней на основе статистической отчетности 1-го спецотдела МВД СССР называлось число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления за период с 1 января 1921 г. по 1 июля 1953 г. – 4 060 306 человек (5 января 1954 г. на имя Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева было послано письмо за подписью С.Н. Круглова с содержанием этой информации).

Эта цифра слагалась из 3 777 380 осужденных за контрреволюционные преступления и 282 926 – за другие особо опасные государственные преступления. Последние были осуждены не по 58-й, а по другим приравненным к ней статьям; прежде всего по пп. 2 и 3 ст. 59 (особо опасный бандитизм) и ст. 193 24 (военный шпионаж). К примеру, часть басмачей была осуждена не по 58-й, а по 59-й статье.

Ниже представленная таблица взята из упомянутой книги В. Земскова, помещенной на страницах 62–63.

Фальсификация науки и фальсификаторы

Число осужденных за контрреволюционные и другие опасные государственные преступления в 1921–1953 гг.

Годы	Всего осуждено (чел.)	Высшая мера	Лагеря, колонии и тюрьмы	Ссылка и высылки	Прочие меры
1	2	3	4	5	6
1921	35 829	9 701	21 724	1 817	2 587
1922	6 003	1 962	2 656	166	1 219
1923	4 794	414	2 336	2 044	—
1924	12 425	2 550	4 151	5 724	—
1925	15 995	2 433	6 851	6 274	437
1926	17 804	990	7 547	8 571	696
1927	26 036	2 363	12 267	11 235	171
1928	33 757	869	16 211	15 640	1 037
1929	56 220	2 109	25 853	24 517	3 742
1930	208 068	20 201	11 4443	58 816	14 609
1931	180 696	10 651	105 863	63 269	1 093
1932	141 919	2 728	73 946	36 017	29 228
1933	239 664	2 154	138 903	54 262	44 345
1934	78 999	2 056	59 451	5 994	11 498
1935	267 076	1 229	185 846	33 601	46 400
1936	274 670	1 118	219 418	23 719	3 015
1937	790 665	35 3074	429 311	1 366	6 914
1938	554 258	328 618	205 509	16 842	3 289
1939	63 889	2 552	54 666	3 783	2 888
1940	71 806	1 649	65 727	2 142	2 288

Разрушители мозга

1941	75 411	8 011	65 000	1 200	1 210
1942	124 406	23 278	88 809	7 070	5 249
1943	78 441	3 579	68 887	4 787	1 188
1944	75 109	3 029	70 610	649	821
1945	123 248	4 252	116 681	1 647	668
1946	123 294	2 896	117 943	1 498	957
1947	78 810	1 105	76 581	666	458
1948	73 269	—	72 552	419	298
1949	75 125	—	64 509	10 316	300
1950	60 641	475	54 466	5 225	475
1951	54 775	1 609	49 142	3 425	599
1952	28 800	1 612	25 824	773	951
1953 (первое полугодие)	8 403	198	7 894	38	273
Итого	4 060 306	799 455	2 634 397	413 512	215 942

Источники: ГАРФ. Коллекция документов; *Попов В.П.* Государственный террор в советской России. 1921-1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы, 1992, № 2, с. 28.

Примечание: В период с июня 1947 по январь 1950 г. в СССР была отменена смертная казнь. Этим объясняется отсутствие смертных приговоров в 1948–1949 гг. Под прочими мерами наказания имелись в виду зачет времени нахождения под стражей, принуд. лечение, высылка за границу.

IV

Бумеранг

Читатели уже много раз обращались ко мне с просьбой опубликовать критические рецензии на мои книги, на которые мне следовало бы дать «достойный ответ», чтобы заострить разницу позиций. У меня все как-то руки не доходили до таких ответов, пока один из читателей не напомнил мне мое же обещание, данное в одной из книг, – «непрерывно отвечать, причем тоже письменно» в случае опубликованных критических отзывов. Мне ничего не остается делать, как выполнить свое слово. Для ответа я выбрал рецензии, в которых остро представлена критика или неприятие моих идей. С одной стороны, это несправедливо по отношению к авторам положительных рецензий, которым я, естественно, благодарен, но с другой – я надеюсь, что они меня простят, поскольку мне надо показать несостоятельность аргументов моих критиков.

Поскольку я в этой книге сто раз упоминал о несуществующем Азиатско-Тихоокеанском регионе, то здесь в ответе знатоку региона самое место и показать разногласия по этой теме и ту причину, по которой я считаю этот термин ненаучным.

Критика с позиции демократ-либерала

Начну с рецензии Алексея Загорского на мою книгу про «АТР»¹. Ее автор – когда-то мой коллега по работе в ИМЭМО, кандидат исторических наук. После распада СССР Загорский стал ярким поборником капитализма в России. В одной из шутливых характеристик востоковедов я дал такой портрет «Алгорскому» (Алексей Загорский): «Японовед-демократ. Вместе с “островами” готов отдать и всю Россию». Японцы, между прочим, это оценили, и теперь он пробавляется на японских харчах, читая студентам спецкурс в одном из японских университетов о том, насколько русские не правы, удерживая Курильские острова в своих руках, обогащая их «аргументами». Следует признать, что Загорский один из немногих японистов, обладающий глубоким и широким диапазоном знаний по многим темам, касающимся Японии и международной ситуации на Дальнем Востоке.

Проблема в том, что он, как и все буржуазные исследователи, настолько заидеологизирован, что уже не в состоянии постичь научную истину в отрыве от буржуазных представлений о ней. На практике это означает, что все исследования буржуазных ученых в конечном счете направлены на то, чтобы обосновать только один закон – закон вечности капитализма. Любые отклонения от этого рассматриваются как ненаучные теории, догматизм и самое страшное – марксизм-ленинизм. Именно в последнем обвиняет меня Загорский, утверждая, что мне «свойственна апелляция к марксизму-ленинизму... и вытекающая отсюда ограниченность анализа».

1 Загорский А. [Рецензия] // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 6, с. 122–26. Рец. на кн.: Арин О. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика, безопасность. М.: Флинта; Наука, 1997.

У марксизма-ленинизма, как известно, есть два мощных метода познания: в естественных науках – это диалектический материализм, в общественных – диалектический историзм. Диалектика предполагает анализ всех явлений в движении, в развитии; материализм освобождает исследования от мистики, богов и прочей чепухи; а историзм требует учета конкретного исторического времени происходящих событий и явлений. Скажем, нельзя оценивать убийства тысяч гугенотов во время Варфоломеевской ночи во Франции (1572 г.) или «тиранию» Ивана Грозного с его опричниной по этическим меркам поздних времен, когда эти мерки существенно изменились.

И что же плохого в методологической базе марксизма-ленинизма? Такой подход позволял его основателям давать точные прогнозы исторического развития, а нередко и точные даты будущих событий. К примеру, Энгельс весьма точно предсказал Первую мировую войну и революцию в России (последнюю за 23 года до ее свершения), не говоря уже о точных прогнозах перипетий прусско-австрийской войны, а до этого – ход войны в США между Севером и Югом. Ленин говорил о неизбежности американско-японской войны почти за 20 лет до ее начала. В «Диалектике природы» Энгельс на основе диалектического материализма, анализируя эволюцию становления живого в природе, утверждал, что возможно эмпирическим путем воспроизвести процесс возникновения живого из неживого, в чем сомневалось большинство ученых-натуралистов, например Паскаль. Этот прогноз Энгельса был подтвержден в 50-е годы XX в. И т.д.

Еще раз спрашиваю, чем их методы хуже, скажем, системного подхода или структурного анализа, на основе которых, между прочим, ничего серьезного не было открыто или спрогнозировано. Пусть противники марксизма-ленинизма приведут хотя бы одну буржуазную работу, в которой на научной основе было бы доказано или предсказано хотя бы одно крупное историческое событие. (В данном случае я имею в виду не угадывания, а именно научный анализ.) Нет у них таких работ, а обычно есть болтовня типа: с одной стороны так, с другой – не так, а с третьей – все-таки так...

А теперь о рецензии Загорского. Кто не читал моей книги об «АТР», информирую. Одна из важнейших ее тем – доказательство отсутствия Азиатско-тихоокеанского региона. Точнее, так: термин существует, а региона – нет. Между прочим, так же как и с богом: термин есть, а его – нет¹. Как это возможно? Да очень просто: попробуйте определить страны, которые покрывает этот термин «АТР». Начинается кутерьма. Специалисты называют от 15 до 61 страны. Включают, например, сюда Австралию, Индонезию, некоторые умудряются включить даже Индию, а наиболее продвинутые – Казахстан и пр. Теперь посмотрите на карту. Большие части Австралии и Индонезии выходят в Индийский океан. При чем тогда Азиатско-тихоокеанский регион? Если мы начнем рассматривать каждую страну, окажется, что большинство из них географически имеют выход в два и даже три океана (Канада), причем половина из них вообще не имеют отношения к Азии. Вполне очевидно, что на основе географии мы не сможем выделить определенное количество государств, охватываемых термином «АТР». Географический подход здесь не работает.

А что работает при определении целостности региона? Первоначально следует выбрать критерии целостности. Загорский напоминает, что раньше в качестве критериев использовали этнокультуру и историческую общность (об этом у меня тоже сказано). Совершенно верно. Но попробуйте применить эти критерии к «АТР». Например, на их основе связать в общность индонезийцев и канадцев или русских и папуасов из Папуа–Новой Гвинеи (а все они согласно чьей-то глупой идее входят в единую целостность – «АТР»). Не получится.

Я взял в качестве критерия *интеграцию*, подробно объяснив сначала, что это такое вообще (т.е. как термин системного подхода), затем ее экономический смысл и, наконец, политическое содержание. Поскольку и в самом си-

1 Это классический пример диалектического противоречия между понятием и категорией (можно иначе: между сознанием и бытием), которое блестяще разрешено Гегелем в его «Науке логики».

стемном подходе есть различные концепции, я использовал теорию гипостазийного комплекса, подробно изложенную Ю.М. Батуриным в одной из его работ, на которую я и сослался. Загорский же критикует меня за то, что «обоснованность такого подхода не доказана». Из этой пустой фразы совершенно не понятно, что мне надо было доказывать: обоснованность самого системного подхода, или его гипостазийный вариант, или применимость его для решения задачи об «АТР»? Последнее как раз и доказывалось мною на протяжении большого количества страниц. Более того, мне пришлось даже подробно разъяснять в рамках экономического критерия, что речь идет не просто о торговых связях и даже не просто об инвестициях. Они не делают регион целостным несмотря на то, что все страны торгуют между собой, а иногда и взаимно инвестируют капиталы. Речь идет именно о хозяйственной интеграции. Мне пришлось разъяснять разницу между *интеграцией* и *интернационализацией*. Оказалось, что даже многие экономисты, не говоря уже о японоведах и китаеоведах, не разбираются в качественных различиях между этими явлениями. Этого не понял и Загорский, о чем свидетельствует его утверждение, что критерию интеграции соответствуют всего лишь два региона: Западноевропейский и Североамериканский. Совсем нет, Загорский-сан, только Западная Европа имеет интеграционные связи. Североамериканской интеграции, несмотря на НАФТА, еще не существует. Достаточно проанализировать ее слабое звено: Мексика – Канада, чтобы понять эту простую вещь.

Вызывает улыбку такое заявление Загорского: «Значительная часть мирового пространства остается за пределами соответствия выделенному критерию. Для примера достаточно привести Ближний Восток, Южную Азию, Латинскую Америку, Африку к югу от Сахары и т. д.». Этот исследователь, видимо, полагает, что все перечисленные им регионы «экономически интегрированы». Тогда ему надо доказать, что хозяйственные отношения стран Латинской Америки или Африки взаимосвязаны настолько, что они не могут существовать друг без друга (это один из критериев экономической интеграции). При этом он говорит о

«привычной логике». Уважаемый Алексей, с «привычной логикой» (синоним здравого смысла) не стоит ходить в науку. Ее место на кухне в разговоре с женой о даче и прочих «привычных» вещах.

Загорский, правда, не одинок в своем непонимании термина *интеграция*. Академик Титаренко, например, всю свою жизнь трезвонит об «интеграции России в АТР». И ничего. Директорам, впрочем, любая глупость прощительна. И действительно – «ничего», поскольку все прогнозы и политика страны, насоветованная этими учеными, никуда не годятся, она провальна.

Несмотря на общий критический тон, Загорский тем не менее вынужден все-таки согласиться со мной, что этот критерий действительно доказывает отсутствие «АТР», но вместе с тем обосновывает существование другого региона – Восточной Азии, где интеграция обозначена как тенденция. Причем я делал оговорку, что эта тенденция неустойчивая и может в любой момент рассыпаться под воздействием другой тенденции: закручивания интеграционных процессов вокруг Китая.

Если по экономической части Загорский вынужден со мной согласиться, то на военно-политические сюжеты он реагирует крайне негативно.

Я, оказывается, не понял благих намерений американцев в их проектах по тихоокеанской интеграции. Они только и думали, что о «демонстрации жизнеспособной региональной интеграции без жесткого ограничения доступа на их (азиатские. – О.А.) рынки». Я же, «ограниченный идеологическими догмами», «рассуждая в традиционно марксистском духе», обращал свой пафос «на повторение советских пропагандистских тезисов времен холодной войны». Неверно, по замечаниям Загорского, я так же оценил и военно-политические аспекты региона, т.е. приписал США ложные намерения в области безопасности в «АТР». Главная идея Загорского заключается в том, что я будто бы игнорирую экономическую политику США и преувеличиваю военно-стратегическую значимость региона.

На самом деле я писал: «Все эти разговоры о Тихоокеанском сообществе возникли в ответ на потребность трансна-

циональных компаний США, Японии, Австралии и Канады обосновать идею “свободной торговли” и “либерализацию” торгового режима в отношении развивающихся стран, главным образом в районе Восточной Азии. Конечно, подогревали подобные теории и военно-стратегические соображения, о которых речь ниже, но экономическая сторона была более “питательной” и в прямом и переносном смысле.

Разве из таких рассуждений вытекает, что я игнорировал «экономическую политику США»? Наоборот, экономические интересы всегда были доминирующими в политике любой страны. Другое дело, какими средствами они обеспечивались. Как раз в 80-е годы военно-политическая ситуация в Восточной Азии была весьма неблагоприятна для США, почему они и уделяли именно в те годы повышенное внимание проблемам безопасности. Загорский же перебрасывает время в 90-е годы (а я писал о 80-х), когда, дескать, окончилась холодная война и противостояние между США и Россией сошло на нет. Но Загорский не только демократ, обидевшийся за США, он еще и японовец, причем не простой, а радеющий об интересах Японии. Он даже умудряется поставить под сомнение, что Япония является региональной военной державой. Говорит, что на этот вопрос «однозначного ответа нет». В отношении Китая есть однозначный ответ, а в отношении Японии – нет. То, что военный бюджет Японии превосходит официальный бюджет КНР раза в три, для нашего самурая не в счет. И то, что военный потенциал Японии многократно превосходит военный потенциал России на Дальнем Востоке, а по общему военному бюджету они как минимум равны, это тоже для него ничего не значит. Как человек антироссийской ориентации он вообще больше верит миролюбивой политике США, совершенно игнорируя сумму в 450 млрд долл. в год на «оборону», которые Вашингтон, видимо, использует «во имя мира во всем мире».

Загорский – типичный образчик идеологической зашоренности, что препятствует ему стать подлинным ученым. Достаточно чуть задеть «столп демократии» (США), как они тут же срываются с цепи, облаивая всех не согласных с «миролюбивой» политикой США.

К науке все это не имеет никакого отношения. Свидетельством служит не только заидеологизированность критики демократа Загорского, но и то, что он «не заметил» в книге глав о Японии, КНР, США, России на Дальнем Востоке, не «заметил» теоретические части в последних главах монографии. Впрочем, ему это и не надо. Он и так все знает... не читая, или читает, не вникая.

Совершенно иной тип рецензии на эту книгу был написан профессором А.Г. Яковлевым, ученым марксистского направления, который достаточно подробно разобрал и оценил все главы монографии¹. И хотя не со всеми критическими замечаниями я могу согласиться, но не могу их оспорить, потому что у него нет возможности мне ответить. Он, к сожалению, скончался.

Кто-то может спросить: а зачем надо определять «АТР»? Затем, дорогой читатель, что нельзя проводить политику в несуществующем регионе, как это делает Россия. Именно поэтому столь ничтожны результаты этой политики, за исключением одного направления – китайского (плюс «оружейного»). Но оно не имеет никакого отношения к политике в «АТР».

Антисоветизм за работой

Теперь о рецензиях на другую книгу – «Двадцать первый век: мир без России». Эта книга дважды в разных издательствах публиковалась в России (М.: Альянс, 2001; М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2002). Была она опубликована и в США, а также в Китае, в Шанхае, на китайском языке. В газетной рецензии в КНР (автор и переводчик книги – проф. Чжан Цзяньжун) было пересказано содержание работы с упором на законы и закономерности во внешней политике государств и в области международных отношений. В США же

¹ Яковлев А.Г. [Рецензия] // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №3, с. 141–4.

и в Англии, несмотря на предварительные обещания, рецензии писать отказались, т.к. содержание «не вдохновило». Не вдохновила эта монография и экспертов по России на Западе, причем из-за одной главы – «Место России с начала XX века до начала XXI века», из которой следует, что капиталистическая система в России разрушает эту страну, а социалистическая – укрепляет. Этот вывод противоречит представлениям демократов о вечных и универсальных ценностях, т.е. демократии и рыночной экономики. Почему в России эти ценности не срабатывают, им не понятно, но против цифр возражать трудно, поэтому лучше эту книгу проигнорировать. Что и было сделано в соответствии с принципами западной демократии. Прямой цензуры нет, но и книги нет.

В России появилось несколько рецензий, среди которых на законы обратили внимание П. Сергеев и А. Фурсов. «Сбалансированную» рецензию дал Б. Соколов (точнее, две рецензии), который в «критической части» возразил против цифр по советскому периоду из уже упомянутой главы. Я к этому еще вернусь.

Сейчас же перейду к неожиданной рецензии в Израиле, опубликованной в русскоязычной газете «Вести» (причем в двух номерах от 18 марта и 1 апреля 2004 г.). Написал ее доселе неизвестный мне писатель, историк и журналист – Михаил Рувимович Хейфец, покинувший Советский Союз в 1980 году.

С писателями не спорят

Вообще-то с писателями/поэтами, как и с женщинами, я обычно не спорю, поскольку организация их мозга не предполагает научные дискуссии. Что касается женщин, то этот «сомнительный» тезис я доказал в книге «О любви, семье и государстве» (М.: КомКнига, 2006). Что же касается писателей, то эта «инвектива» доказана мной на примере Л. Толстого, точнее, второй части эпилога «Войны и мир»,

в которой великий писатель пытался философствовать¹. Естественно, кроме банальностей у него ничего не вышло. В мировой истории вообще крайне редко можно обнаружить писателей с научным мышлением. В России к таким можно, пожалуй, отнести Н. Чернышевского и А. Герцена. Замечу, что в России именно писатели, а не ученые оказывают влияние на развитие общества. И это тоже объяснимо, поскольку сам тип русского мышления в силу множества факторов иррациональный, типично женский, он лучше воспринимает столь же иррациональные объяснения «жизни» писателями. Это ни хорошо, ни плохо. Это просто факт бытия российского народа. Конечно же, по своей социальной направленности писатели писателям рознь. Одни писатели готовили Россию к революциям, в частности к социалистической революции, другие выступали против социализма. В послевоенные годы возникла группа диссидентствующих писателей, среди них отъявленные антисоветчики во главе с одним из главных идеологических разрушителей СССР (а заодно, к его же удивлению, и России) А. Солженицыным. Причем пишут и выступают они против социализма совершенно искренне, они не копаются в научной истине, они несут «правду». Таких «правдивистов» на Западе власть обычно не трогает, поскольку влияние их на общество минимальное. В России же их влияние огромно. Поэтому и в царские, и в советские времена власть постоянно держала писателей под каблуком, а некоторых прижимала вплоть до отправки в ссылку или помещения в «кутузку». Однако при Горбачеве, затеявшим «гласность без границ», писатели и журналисты получили неслыханную возможность для пропаганды антикоммунизма, т.е. антигосударственной идеологии на то время, в результате чего они умудрились развалить советскую империю, за что им демократическое спасибо от всего Запада... Но я отвлекся.

1 См.: Арин О. Толстовцы как зеркало русской контрреволюции // Россия в стратегическом капкане. М.: Алгоритм, 2003.

Как быть объективным

Возвращаюсь к рецензии писателя Хейфеца. Его рецензия написана как бы в аналитическом ключе: за что-то хвалит, но больше ругает за мою наивность и глупость опять же в связи с оценками советского периода. Я бы не стал отвечать на все это (все-таки писатель), но проблема в том, что его аргументация и фактура представляют собой арсенал всех антисоветчиков и ненавистников социализма. У Хейфеца, правда, для этого есть основания. Он все-таки шесть лет просидел в тюрьме при советской власти. Даже с этой точки зрения ему трудно быть объективным. Я сам себе часто задавал вопрос: а если бы я оказался где-нибудь на нарах в Магадане, смог бы быть объективным в отношении советской власти или нет? Долго не мог ответить на этот вопрос. В конце концов ответил: если бы стал писателем, то точно нет, но если претендую на звание ученого, то просто обязан быть объективным. Иначе надо менять профессию. И в то же время я прекрасно осознаю, что в обществоведческих науках почти невозможно быть беспристрастным. Эти науки идеологичны по своей природе. Как же сохранить объективность при анализе обществ либо тех или иных общественных деятелей? Для этого существует много способов и средств, а самое главное – метод диалектического историзма, или, если угодно, исторической диалектики. Что это значит? Это означает сравнительный анализ во времени и пространстве. Например, анализируя какое-то общественное явление в той или иной стране, необходимо проанализировать аналогичное явление в той же стране по вертикали времени с другими сопоставимыми странами того же времени (по шкале пространства). К примеру, в принципе нельзя сравнивать одни и те же явления, происходившие в России и, скажем, в Швейцарии, как это делает журналист А. Минкин из «Московского комсомольца». Если уж писать о «промахе» Сталина в связи с началом войны, то нужно сравнивать его с аналогичным «промахом» Рузвельта (Пирл-Харбор), и промахами всех руководителей стран Западной Европы (горизонталь). Если вы пишете о голоде

Поволжья при большевиках, то сравните голод в том же Поволжье при царе-горохе (вертикаль). Когда кто-то пишет о «незначительном» развитии СССР за годы советской власти, то надо сравнить темпы этого развития с другими похожими по масштабам странами, с чего советская Россия начинала и чего достигла. Наконец, при этом постоянно надо учитывать конкретные исторические и природно-климатические условия. Одно дело – развитие страны при среднегодовой температуре в $-5,5^{\circ}\text{C}$ (Россия), другое – при $+15-20^{\circ}\text{C}$ (Франция, Англия). Именно такой путь анализа может избавить исследователя от субъективизма. Мне, например, в силу множества причин не нравится капитализм в принципе как система. Но я вынужден признать, во-первых, его положительную историческую роль и объективную необходимость, во-вторых, его еще сохраняющуюся потенцию, в частности в США.

Что такое «прогресс»

Однако главным критерием развития нации, или прогресса, является «дельта жизни» как самой страны, так и людей, ее населяющих. Эта идея с научной точки зрения первоначально у меня была высказана в книге «Диалектика силы: онто́бия» (М.: Едиториал УРСС, 2005). Сейчас же она обоснована в монографии «Общество: прогресс и сила (Критерии и основные начала)» (М.: Издательство ЛКИ, 2008). Здесь же коротко повторю определение прогресса для тех, кто не читал этой книги.

Прогресс есть «приращение» жизни, т.е. разница между тем, сколько отпущено человеку природой (законами неорганического и органического миров), и тем, сколько он реально (актуально) проживает благодаря своим знаниям. Эту разницу я называю дельтой жизни, или прогрессом. Для наглядности ее можно выразить так: $L\Delta = LA - LN$, где L – продолжительность жизни, A – актуальная, или реальная, средняя продолжительность жизни, N – естественная, или биологическая продолжительность жизни, отпущенная природой. Отсюда цель жизни заключается в стремле-

нии добиться прогресса, т.е. увеличить дельту жизни. На всякий случай напомним, что первоначальная средняя продолжительность жизни гуманоида на протяжении более 99% времени его существования на планете была равна 18 годам. Ныне она доведена в развитых странах почти до 80 лет. Причем скачок (или революция в развитии биологического вида) пришелся на последние два столетия. Это означает, что человек благодаря своим знаниям «обыграл» природу, увеличив дельту жизни в четыре раза.

Но этот критерий соотносится с ростом населения страны. Здесь должны быть оптимальные соотношения между дельтой жизни индивидуума (оргагенез) и приращением рода (филогенез).

Все сказанное как раз и относится к методу исторического и диалектического материализма.

Естественно, М. Р. Хейфец, как писатель, не придерживается научных подходов. Но они отсутствуют и у так называемых ученых-советологов. Поэтому в своем ответе, хотя я ссылаюсь на текст, написанный Хейфецем, имею в виду всех «специалистов» по России из когорты советологов и кремлевцев. Я очень хорошо знаю их работы, и по содержанию они практически ничем не отличаются от рецензии израильского писателя. Поэтому я прошу Михаила Рувимовича на меня не сердиться, если иногда напишу что-то резкое, неполиткорректное. Просто за Вашим текстом я вижу оголтелых антисоветчиков, которые никогда сами не отличались политкорректностью. Так что заранее извините.

Марксизм в понимании Хейфеца

Итак, писатель Хейфец, пропустив «мимо глаз» теоретические части работы, сконцентрировался на «советской части», которая у меня занимает, как я уже отмечал выше, самую ничтожную долю работы. Хотя подробно сюжет о Советском Союзе у меня разбирался в другой работе («Россия в стратегическом капкане», издана дважды), она, судя по всему, не попалась писателю на глаза. В этой же я просто привел статистический материал, не особо его комменти-

руя. Но прежде чем я перейду к этим цифрам, я хочу обратить внимание на такие моменты. Как и все антисоветчики и антимарксисты, наш автор работы Маркса с Энгельсом или не читал, или читал что-то выборочно. К такому выводу меня подталкивает содержание главы «Идеология XX века» в брошюре Хейфеца «Идеология и политическое насилие в Израиле» (интернетовский вариант), в которой он сопоставляет две идеологии – коммунистическую и расовую как самые главные идеологии XX в. Демократы наверняка обиделись бы на такое суждение, но автор не понял сути и указанных идеологий. Впрочем, здесь не об этом. А о его понимании марксизма. В рецензии он, например, пишет: «И уже в любом случае истинная социалистическая система потребует для своего воплощения то необходимое условие, что было сформулировано классиками: отмирание государств. И наций. И семей...»

В какой работе классиков утверждалась такая чушь? Отмирание государств предполагается при коммунизме, а не при социализме. Нации же отмирают, точнее, исчезают вне зависимости от формаций. Писателю следовало бы полистать какой-нибудь учебник по мировой истории, чтобы узреть, сколько наций поисчезало без всякого «социализма» и «коммунизма». А насчет семей: при социализме она укреплялась, а вот при капитализме – полный крах, рушится прямо на глазах. Да и статистика любой развитой капитальной страны подтвердит это. В капиталистической России же полная катастрофа: на 1000 браков 800 разводов.

А вот еще одна глупость: «Маркс одним из первых обратил внимание науки на экономический аспект, на важнейшее влияние хозяйственных процессов на ход мировой истории. Тем не менее в XX веке стало ясно, что историю формируют все-таки не экономические, а прежде всего идеологические приоритеты народов. Массы нередко действуют вопреки своим очевидным материальным нуждам, подчиняя поступки тем ценностям и идеям, что были выработаны народами в ходе исторического развития – религиозного, идеологического, цивилизационного».

Писатель Хейфец то ли не знает мировой истории, то ли у него не хватает знаний отличить причины от след-

ствий. Возьмем тот же XX век, его начало, Россию. Крестьяне жгли помещичьи усадьбы из-за разногласий по поводу религий? Идеологии? Или им не нравились «цивилизационные» взгляды помещиков? А забастовочное движение рабочих тоже питалось религиозными разногласиями или все-таки в их основе были экономические причины? Ленин как раз и стремился внести в это движение идеологию, критикуя лидеров рабочих за их «экономический хвостизм». Или, может быть, Япония и Китай дерутся из-за островов Сэнкаку (Дяоюйдао) из-за религии, идеологии? Да плевали бы они на эти острова, если бы в зоне этих островов не было нефти. Смешно было бы доказывать первопричинность экономических факторов практически во всех явлениях мировой истории (это, между прочим, было доказано и передоказано задолго до Маркса). Другое дело, что многие из них камуфлируются под идеологию специально для обольщивания «масс» и всяческих глупцов от интеллигенции. Неужели господин Хейфец всерьез думает, что агрессия США против Ирака была осуществлена ради «демократии» против тирании Саддама Хусейна? Даже сама конфронтация между мировым социализмом и мировым капитализмом (период холодной войны) велась из-за экономики хотя бы уже потому, что социализм вырывал целые страны из-под прямой эксплуатации империалистическими государствами. Но надо отдать должное искусству капиталистов. Они сумели перестроиться и теперь эксплуатируют страны Третьего мира, а заодно и Второго (так называются «переходные страны» типа России) значительно более изощренными средствами, чем в период классического колониализма. Настолько изощренно, что этого не понимают не только буржуазные писатели, но и многие, так сказать, ученые.

У мистера Хейфеца курьезная ссылка на меня в связи с тем, что я упомянул существовавший после реформ Мэйдзи лозунг: «сильная армия, богатая страна». Идея в том, что до Второй мировой войны Япония богатела за счет военной силы и экспансии, а после войны и без сильной армии Япония умудрилась стать второй экономической державой мира. Курьезность заключается в том, что автор, только что отрицавший первичность экономических факторов, сам

же с одобрением оценивает экономическую политику Японии, освобожденной от военного «аспекта». И в этом нет ничего удивительного. В принципе, если государство в состоянии добиваться экономических целей экономическими средствами, то ему и не нужна военная сила. Военные средства, между прочим, так же как и политические, пропагандистские и т.д., – это вспомогательные средства. Они нужны тогда, когда государство не в состоянии обеспечить свои экономические интересы экономическими же способами. После Второй мировой войны японцы оказались значительно хитрее, умнее: путем весьма изощренных экономических способов они стали успешно добиваться своих экономических целей. Зачем же им военные средства? Кстати, зачем – не зачем, а современную армию они тем не менее содержат. Так, на всякий случай. Но упор делают на экономику. И в целях, и в средствах. Где здесь религия? Или идеология?

И, кстати, о народах. С этим словом надо обращаться очень осторожно. Мы, например, привыкли к фразе: «Советский народ победил фашизм». В то же время для нас прозвучало бы дико, если бы мы сказали, что германский народ напал на Францию, другие страны Европы, а затем на Советский Союз. Или французский народ безропотно капитулировал перед немецким народом. Также вряд ли кто скажет, что американский народ напал на народ Ирака. Поэтому прежде чем обращаться к «народам», надо много раз подумать о контексте. В том контексте, в котором Хейфец употребил это слово в связи с Марксом, оно неуместно.

Хейфец + Безансон против «советского прошлого»

Итак, я подхожу к главному – к советскому прошлому, которое у меня выглядит «сверхсоблазнительным», а у господина Хейфеца, понятно, «сверхпротивным» (гадким).

Сразу же обращаю внимание на то, как подаются приведенные мною цифры об экономическом развитии СССР. Писатель Хейфец «забывает» указать, что цифры эти почерпнуты из американско-английских справочников и работ

авторов, на которых я ссыался. Я сознательно почти не использовал советскую статистику, т.к. заранее знал, что ее назовут лживой. Поэтому я использовал статистику западных источников, в том числе ЦРУ (которое специально пересчитывало советские данные), а также международных организаций, чтобы не быть обвиненным в предвзятости. Кроме того, я использовал статистический материал одного из русских экономистов, который, опять же, специально пересчитал и пересмотрел официальные данные Госкомстата СССР уже после антисоветского переворота в 1991 г. То есть об экономических успехах СССР говорил не я, а «они» (Запад). Но г. Хейфец верит не всему Западу, он как бы мимоходом оговаривается, что он не верит «объективным» англо-американским ученым, но почему-то верит «глубокому советологу Запада – французцу Алену Безансону». Не берусь утверждать однозначно (пока очень плохо знаю Францию), но из того, что я читал о нем и кое-что из «него», этого французца можно обозначить как одного из отъявленных антисоветчиков, по своей ненависти и интеллектуальному уровню соответствующего англо-американцу Роберту Конквесту, журналисту, совершенно помешанному на антикоммунизме. Даже честный советолог Мартин Малия, написавший фундаментальный труд о России, с которым можно хотя бы полемизировать на научной основе, и тот отмежевался от интерпретаций Безансоном своих взглядов насчет советской России. Но Хейфецу Безансон мил: похоже, что в подходе к «советскому прошлому» сказалось родство душ.

Писатель Хейфец приводит цифры, видимо, из работ этого «глубокого» антисоветчика¹. Правда, это не имеет значения, т.к. такими цифрами забиты все без исключения работы антисоветского профиля. Но вот к примеру: СССР в год производил 145 млн тонн стали. А далее подробно расписывается, что чуть ли не вся эта сталь – сплошное барахло, а посему практически никуда не годилась. И в этом ряду: автомобилей СССР производил меньше Испании,

1 «Видимо», потому, что этот писатель не овладел научным аппаратом, и поэтому часто не понятно, то ли он цитирует кого-то, то ли несет отсебятину.

сеть автодорог менее развита, чем во Франции, а Япония и ФРГ умудрялись вместе производить 12 млн автомобилей.

Эти два «эксперта» почему-то выплавку стали связали с производством автомобилей. Разве в годы холодной войны выпуск автомобилей был приоритетом №1 в СССР? А почему бы не связать выпуск стали с производством автобусов, троллейбусов, трамваев, т.е. с общественным транспортом, на что и делался упор, если уж речь идет о транспорте. Именно общественный транспорт соответствовал, кстати, и духу социализма. Индивидуальный автомобиль – это типичное проявление капиталистического индивидуализма. И как с этой точки зрения сравнивать приведенные страны с Советским Союзом? Кроме того, что, Испания восстанавливала свою разрушенную экономику после Второй мировой войны? Или Франция, тихо отсидевшая гитлеровскую оккупацию на задворках страны? Или ФРГ и Япония, получившие на халяву приличные суммы по плану Маршалла и Доджа. Почему бы им не производить автомобили? Не заботясь о внешних врагах, которых у них в реальности и не было. А у Советского Союза – были, с реальными планами США нападения на страну. И вообще про автодороги: неужели всем антисоветчикам не ясно, что при таком климате, какой в России (до -40°C зимой, и $+40^{\circ}\text{C}$ летом), никогда таких дорог, как в Западной Европе, не построишь. На Западе, если случается -20°C или $+30^{\circ}\text{C}$, все «на уши встают», «catastrophe», так сказать. Можно ли в подобном климате выложить дороги, соответствующие западным стандартам? Хотел бы я посмотреть на эти дороги во Франции или Англии, если бы несколько лет подряд они имели бы российскую среднезимнюю и среднелетнюю температуру! Неужели антисоветчикам не хватает соображения, чтобы понять эту банальность? Или просто рассчитывают на читателей-дебиллов?

Насчет стали. Этот умник Безансон, видимо, не знал, что только РСФСР производила более двух млн тонн сортовой холодноотянутой стали, включая подшипниковую, около семи млн тонн проката с упрочняющей термической обработкой, около 600 тыс. тонн упрочненного сортового арматурного проката (данные за 1984 г.) и т.д., и т.п.

Если Безансон не знал, то хотя бы Хейфец мог бы узнать и сообразить, что вся космическая техника, военный потенциал СССР противостоял всему Западу, опираясь не на «производство бракованной, низкокачественной стали, предназначенной для ржавления», из которой только ступу для Бабы-Яги можно сделать. На такой стали вряд ли Гагарин смог бы полететь в космос, вряд ли запускались бы спутники и ракеты и вряд ли можно было бы держать стратегический паритет со всем Западом. Другое дело, зачем нужен был этот паритет? Но это проблема не стали, а мозгов. Вот если бы француз вместе с Хейфецем затронули проблему мозгов руководителей Советского Союза в 80-е годы, – проблему, как они умудрились развалить советскую империю – уникальное явление в мировой истории, тогда можно было бы подискутировать серьезно.

Теперь об уровне жизни. Из слов Безансона, цитируемых Хейфецем, следует, что СССР по доходам на душу населения и жизненному уровню причисляли к высокоразвитым странам. В этой связи и француз, и израильтянин начинают изгаляться в том смысле, что это не так. И несется словоблудие про низкую плату за жилье и медицинские услуги... Но у западного жителя нет представлений о коммунальных квартирах, об общежитиях, о людях, снимающих «углы», о почти первобытном уровне медицины, о более чем скудном наборе лекарств.

Честно говоря, у меня не укладывается в голове, на кого рассчитана такая галиматья. Неужели в Израиле публика может проглотить весь этот бред? Что это за «западный житель» такой?

Наверное «средний класс» не знает всего перечисленного. Но как быть с 25% населения США, живущего в условиях стран «третьего мира», о чем время от времени пишет их пресса. Неужели господин Безансон не бывал в «арабских кварталах» Парижа и не видел, как десятки людей умещаются фактически в конуре. Но хотя бы по телевизору мог бы увидеть, в каких условиях живут французские арабы и темнокожие. Ну хорошо, они из иммигрантов. Но вот я, белый, западный человек, жил в Ванкувере (между прочим, это один из самых благополучных городов Запады, по дан-

ным ООН), где снял квартиру, как потом выяснилось, полную тараканов и мышей. Зайдите в квартиры, расположенные на пересечении Мэйн-стрит и Восточного Хастингса в Ванкувере, и вы там увидите то, с чем советская Россия покончила еще до войны. Почему бы писателю Хейфецу не посетить в качестве хотя бы журналиста рабочие кварталы Глазго или Манчестера. Он обнаружил бы там такое, что советские «хрущобы» показались бы дворцами.

А с «первобытной медициной» я как раз столкнулся именно в Англии, графство Оксфорд (один из самых благополучных районов Англии). Так называемая бесплатная медицина просто в подметки не годится самой плохой медицине в Советском Союзе. Да и о продуктовой корзине вы врете, господа антисоветчики. Я жил в детстве в г. Астрахани: там на любом рынке яблоки, клубника, редиска, помидоры и прочее были (надеюсь, и есть) намного вкуснее и свежее, чем фрукты и овощи на всех рынках Запада. Мне понадобилось немало лет, пока я привык к «западным» овощам и фруктам. О каких очередях на рынках вы пишете? Я их никогда не встречал ни на астраханских рынках, ни на рынке в Черемушках в Москве, рядом с которым я жил. Что же вы так беспардонно врете? В магазинах – да, но не на рынках же.

Хейфец пишет: «Если мы подсчитаем, сколько часов работы необходимо в СССР для приобретения телевизора, ботинок или пылесоса, не стоит забывать и того, что такой телевизор у нас можно найти только на блошином рынке, ботинки не наденет и бедный марокканский эмигрант, а пылесос будет работать лишь в случае, если его пнуть как следует ногой».

И здесь подтасовка. Писатель сравнивает современную технику с техникой советского периода 25-летней давности. Наверняка тогдашние телевизоры можно сейчас найти только на блошиных рынках России. А теперь считайте: в советское время я на свою профессорскую зарплату (это около 500 рублей) мог купить приличный телевизор по тем временам за 250–300 рублей. Теперь я за свою профессорскую зарплату (3 тыс. руб.) не могу купить ни одного телевизора, поскольку самый плохонький стоит 12 тыс. руб.,

а приличный телевизор, как у секретарши какого-нибудь банкира, стоит 160 тыс. руб. (около 5000 евро). На такой телевизор мне надо пахать 4,4 года. Уже не до пылесоса и ботинок. Есть разница?

И еще раз. Не надо забывать, что западный человек живет в благоприятных географических и климатических условиях, последовательно развиваясь на протяжении почти пятисот лет после средневекового мракобесия. Советский Союз существовал всего лишь 74 года (1917–1991), причем на этот период пришлась Великая Отечественная война. Вся история СССР – это постоянная осада в окружении врагов и с Запада, и с Дальнего Востока. Тем не менее за этот краткий исторический период средняя продолжительность жизни в стране увеличилась с 31 года до 69 лет при постоянном увеличении населения в целом. Это самый главный индикатор развития страны, а не сталь, машины и прочая продукция. На Западе в начале XX в. ожидаемая продолжительность жизни была около 50 лет. И если в 1913 г. разница между Россией и Западом по этому показателю составляла 20 лет, то к 1985 г. она сократилась до 5–7 лет. Ныне же, при капитализме, вновь увеличилась до 15–16 лет. Все познается в сравнении, господа манипуляторы.

Многие антисоветчики иронизируют и над утверждением о том, что СССР превратился во вторую державу мира. По-разному атакуется это утверждение. Вот как это делает Хейфец: ну, дескать, и что, а советская продукция (кроме оружия) не могла найти покупателя на мировом рынке из-за низкого качества. Здесь не место объяснять писателю условия торговли, производства в годы холодной войны, базовые отсчеты. Кстати, если исходить из этого, то, между прочим, и царская торговля не могла найти покупателя, если иметь в виду, что доля дореволюционной России и СССР в мировой торговле была приблизительно одна и та же – около 4%. А доля торговли современной России ниже 1%. Так что у Советского Союза покупателей было больше, чем у нынешних капиталистов.

Но дело не в этом. Писатели пытаются смешать сапоги с яичницей. Они совершенно не понимают терми-

нов экономический потенциал и статус державы. Что из того, что объем торговли Бельгии таков же, что был и у СССР. Кого-нибудь волновало в мире, что там в этой Бельгии делается и вообще, кто там у них «начальник». Может быть, уровень телефонизации в Бразилии был и выше, чем в СССР. Но почему-то Вашингтон, Париж, Бонн, Токио и Пекин больше волновало здоровье Леонида Ильича и настроение Андрея Андреевича (Громыко), а не бразильских руководителей. Пишут: «...Вторая экономическая держава в мире? Вероятно, хотят сказать, что СССР первейшая военно-политическая держава» (здесь есть ссылка: «Русское прошлое и советское настоящее». Лондон: OPI, с. 270–4). Авторы цитируемой работы, равно как и рецензенты, явно не понимают, что, для того, чтобы стать военно-политической державой, надо обладать соответствующим экономическим потенциалом. Без этого потенциала, как ни тужься, военно-политическую державу не родишь. Вот нынешняя капиталистическая Россия всем грозит, что она великая держава. А ей, кроме дураков, никто не верит. Так как капиталистическая реформа сожрала весь ее экономический потенциал (кроме нефти и газа). И теперь, хотя телефонов у нее не меньше, чем у Бразилии или Испании, а экономический потенциал на уровне той же Бельгии или Австрии.

В одном месте г-н Хейфец ссылается на супругов Воронель, на их восприятие СССР в период 50-х годов. При чем если восприятие Генриха Манна эпохи Сталина подается иронически как впечатление недоумка, то восприятие Воронелей – это уже почти аргумент. Но это же, г-н Хейфец, стыд, а не аргумент. Я таких воспоминаний среди русских визитеров о Западе тысячи наберу. Давайте я вам про свою бабушку расскажу или про дядю Васю, как они выбрались из землянок в эти же годы и стали жить в приличных по тем временам квартирах. Аргумент?

Я мог бы тоже сослаться на свои воспоминания из студенческой ленинградской жизни (я там учился в 1966–1971 гг.). Жил в общежитии, ел ту же самую колбасу, которую все ненавистники советского времени поминают. Что вы все привязались к этой колбасе? Я как раз до сих пор помню эту «докторскую колбасу», которая, на мой «извра-

щенный советский вкус», кажется вкуснее всех здешних искусственных сервелатов и прочей дряни. В те годы я что-то не припоминаю, чтобы я стоял в очередях за этой колбасой.

Это сравнение для Вас, г-н Хейфец: «второе место по ВВП» и колбаса. Связь, конечно, есть, но не такая, как Вы думаете. Можно всех обкормить колбасой и иметь дохленькое ВВП, а можно иметь первое место по ВВП, а население у вас будетдохнуть с голоду. Здесь важно и количество населения, и структура ВВП, и особенно важно, как оно распределяется. Если мы возьмем вместо ВВП ВНД (валовой национальный доход), то он в целом может оказаться очень высоким, например, за 30 тыс. долл. на человека. На самом деле на олигархов будутприходиться миллионы, а на нас, научных работников, – 3000 руб., а по средним доходам мы окажемся вроде бы на приличном месте. Это же азбука для детей.

Об «агрессивности» Советского Союза

А теперь насчет Ваших взглядов на агрессию СССР. Вы правильно меня цитируете: «Все войны, – написано у меня, – которые вел Советский Союз, были навязаны ему капиталистическими государствами». Разве я написал, что Советский Союз ни на кого не нападал? Я написал «навязаны». Есть разница?

Хейфец перечисляет страны, на которые нападал СССР, в как бы саркастической форме: «Да, конечно, Иран напал на 11 армию». Насчет Ирана в 1919 г. Вы хоть представляете, кто там царствовал тогда? Вы или не знаете, или забыли про англичан, белогвардейцев, про их продвижения на Кавказ и в районы Средней Азии, про англо-иранский договор (от 9 августа 1919 г.), про убийство советского представителя И.О. Коломийцева и вообще про весь узел проблем вокруг Ирана того времени. А что касается Финляндии, разве прогитлеровская политика Хельсинки не провоцировала СССР на ее усмирение? Разве Англия и Франция, отказавшись от военного сотрудничества с Советским Союзом против Германии, не вынуждали Москву

искать другие способы самообороны и противодействия Гитлеру? Разве постоянная угроза со стороны Японии не могла вынудить Москву искать более хитрые варианты политики в отношении Германии, в том числе и в связи с Польшей? Вы хотели бы, чтобы с такими хищниками, какими были Франция, Англия, США, Германия и Япония, Советский Союз вел себя как баран, отданный на закланье?

Вы иронизируете, кавычка «агрессивная Венгрия в 50-х, агрессивная Чехословакия в 60-х, а потом... последовала памятная атака агрессивного Афганистана». Это же логика холодной войны. Вы почему-то легко забываете, как США удерживают своих союзников, используя все средства, включая военные. Вам напомнить или вы сами вспомните, как американцы защищали по всему миру свои ценности. Журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» 11 октября 1995 г., например, писал: «Президенты США 50 раз направляли вооруженные силы с момента окончания войны во Вьетнаме в 1975 г.». Или американские агрессии вам не интересны? Почему же Вас не слышно, когда США проводят агрессивную политику? Например, в том же Ираке?

О социализме и распаде России

Теперь насчет моего «фантастического» вывода о том, что будто реставрация социализма способна вернуть России мировую роль. Вы, естественно, передергиваете. Я написал так: «Другими словами, надо вытащить Россию из стратегического капкана. При нынешней капиталистической системе это невозможно. Но это возможно при социалистической системе. А возможна ли она, это социалистическая система? Пока не знаю. Но знаю одно, что без продвижения России по социалистическому пути она не только не восстановит свое бывшее величие, но превратится в одну из 200 стран, прописанных в ООН».

Социалистический путь не означает реставрации социализма старого типа. Современный социализм, естественно, иной, чем он был в XX в. Тем более что социализм Советского Союза не был реальным социализмом. Это был

социализм оборонного типа. У него не было исторического времени для развития на собственной основе. Каким должен быть социализм современный, я опишу в специальной работе. Но всем должно быть понятно, что нынешний капитализм уничтожит Россию. Кстати, он уничтожит и Запад, если Запад не успеет перескочить на социалистическую ветку. В этом я убеждаюсь все больше и больше, живя на Западе.

Да, я боюсь распада своей страны. Об этом у меня действительно написано. Но распад я понимаю не только в географическом смысле. А прежде всего как уничтожение уникальной цивилизации, исчезновение русского народа, уникального уже тем, что он умудряется не только выживать в самых неблагоприятных климатических условиях, но еще и обогащать мир плодами своего искусства и науки. Да и это, пожалуй, не главное. Важнее, что социалистическая Россия показывала примеры выживания и развития на коммунной основе, примеры взаимного лада между различными национальностями, примеры справедливости и многие другие вещи, к которым миру еще только предстоит прикоснуться, чтобы выжить как человечеству. В гибели социалистической России погибло «будущее» человечества. Обидно, что это будущее возродится, но, возможно, уже без России.

Насчет ремарки в отношении моих знаний о Китае. Вы пишете: «Что автор может знать реально о китайской системе, если его информаторы отделены от этого народа цензурными ограничениями либо же стеной расовых, языковых, цивилизационных преград». Если всё так, как Вы пишете, то откуда Вы знаете, что «информаторы отделены от народа»? Почему западным исследователям вы позволяете знать о китайских реалиях, а мне нет? Откуда Вы взяли «расовые преграды»? Для справки: Китаем я занимаюсь с 1972 г. Эту страну я регулярно посещаю, имею не только формальные, но и дружеские связи со многими профессорами в Шанхае, и вижу, как динамично развивается эта страна. И т.д.

Я понимаю, что Хейфец сделал упор на то, что его больше всего возмутило: восхваление мной социалистического периода. Это помешало ему обратить внимание на

главные разделы, из-за чего писалась данная книга: законы геостратегии и некоторые закономерности, связанные с внешнеполитическим потенциалом государств. Пропущена также разработка понятийного аппарата, относящегося к проблемам мировой экономики и теории международных отношений. В общем, поем о том, что болит. Но повторяю, я не могу судить писателя Хейфеца очень строго. Все-таки писатель, журналист, хотя и историк. Не ученый, не исследователь. Но мнение ему никто не может запретить иметь. А за рецензию – большое спасибо.

Борис Соколов: с одной стороны, ничего, с другой – очень наивно

В отличие от израильянина, другой рецензент – Борис Соколов в значительно более короткой рецензии умудрился заметить кое-что в теоретической части¹. Но я хочу прореагировать на два его замечания, которые перекликаются с только что приведенной критикой Хейфеца.

Соколов сожалеет, что я отдаю дань «расхожим иллюзиям о прежней выдающейся экономической и научно-технической мощи СССР и о том, что наша страна – теперь уже Россия – может достичь счастья и процветания, не оглядываясь на мировое сообщество». Последнее, в представлении Соколова, «призыв к автаркии в самом классическом смысле».

Начну со второго пункта. Во-первых, я не писал о полной изолированности России от внешнего мира, а настаивал на избирательной, рациональной внешнеэкономической политике России. Придумав за меня «автаркию», автор меня же и критикует за то, что я предлагаю Российскому Дальнему Востоку сконцентрироваться на экономическом сотрудничестве с приграничными регионами стран Северо-Восточной Азии. В этом-де проявляется моя наив-

¹ См.: <http://www.rami.ru/cosmopolis/archives/3/14.html>; Алфавит (Книжное обозрение). 16.01.2003.

вность. Такое впечатление, что Соколов не слышал о формах межрегионального экономического сотрудничества, включая, например, приграничную торговлю между Приморским и Хабаровским краями с провинцией Хэйлунцзян, с японскими префектурами Ниигата, Тояма и т.д. Он почему-то также уверен, что без «возвращения японцам Южных Курил» нет надежды на привлечение японских капиталов.

Прежде всего, надо иметь в виду, что никакой японский капитал не компенсирует стратегические потери от передачи российских островов Японии. Если Соколову эта истина не понятна, рекомендую ему ознакомиться с моей аргументацией на этот счет в монографии «АТР: иллюзии, мифы и реальность». Надо также знать и то, что когда японский капитал реально заинтересован в чем-то, он забывает о территориальных претензиях своего правительства, примером чему служит его активность в Южной Корее и в КНР, несмотря на территориальные споры между Японией и этими странами. Наконец, Япония, хотя и со скрипом, тем не менее вкладывает свой капитал в Россию, независимо от состояния «территориального спора».

Очевидно, что Соколов просто не знает сюжеты, связанные с Российским Дальним Востоком, в связи с чем хочу порекомендовать ему еще одну свою монографию – «Стратегические контуры Восточной Азии в XXI веке. Россия: ни шагу вперед» (два издания: М.: Альянс, 2001; М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003).

Кстати, для информации Соколову о том, что половина мирового богатства (естественно, имеются в виду природные ресурсы) находится на территории России, см. соответствующие материалы ООН.

Теперь о «мощи СССР». Автор «ловит» меня на расхождении: в одном случае я пишу, что ВВП СССР в два раза уступал ВВП США в 1985 г., в другом месте из приведенной таблицы получается, что в три раза. И я, дескать, уклонился от объяснений. «Уклонился» же я потому, что это не «мои» цифры, а американских источников, причем в первом случае ВВП рассчитывался в текущих ценах, а во втором они были пересчитаны в фиксированных ценах 1982 г. Причем последние были уточнены ЦРУ. Мне казалось, что грамотный

читатель все-таки разбирается в методиках подсчета ВВП и обращает внимание на сноски и характер источников.

Соколов, видимо, источники ЦРУ считает смехотворными, он с ними не согласен, но сообщает, что еще аж в 1983 г. он сделал самостоятельные расчеты и оказалось, что ВВП США в шесть раз превосходил ВВП СССР. Я просто не могу поверить в эту цифру, поскольку Соколов, как он сам пишет, исходил из равенства военных расходов СССР и США, фонда заработной платы в национальном доходе двух стран. Помимо того, что этих параметров просто не достаточно для того, чтобы высчитать ВВП, совершенно очевидно, что автор просто запутался в определении масштабов цен и соотношении валютных курсов на тот период. Соколов пишет, что его расчеты были опубликованы в газете «Литературный Киргизстан». Ну не смешно?

О грамотности Соколова говорит и такой факт: «Да любой человек, побывавший в Америке в те годы, подтвердит, что мы никогда не жили вдвое хуже американцев. По всем показателям уровня жизни, будь то число автомобилей, телефонов, телевизоров и прочей техники на душу населения, разрыв составлял 5–10 раз. За советские годы соотношение ВВП двух стран если и изменилось в пользу нашей страны, то очень незначительно».

Я не знаю, кто Соколов по профессии. В Интернете значится Б.В. Соколов – доктор филологических наук, профессор неизвестного мне Московского государственного социального университета, историк, литературовед, написавший кучу книг о Сталине, Молотове и других государственных деятелях. Повторяю, не знаю, тот ли это Соколов или не тот, но очевидно, что рецензент – филолог, к науке не имеющий никакого отношения.

Ну причем здесь абсолютный ВВП и уровень жизни? Знает ли Соколов, что, если считать на основе ППС (паритету покупательной способности), как обычно и делают, по абсолютному размеру ВВП КНР окажется на втором месте в мире после США (зашкаливает за 6 трлн долл.), а по ВВП на душу населения – где-то на 125-м месте? Здесь нет прямой зависимости. А уровень жизни – это вообще непростое понятие. Двух цифр: абсолютный ВВП и ВВП на душу

населения совершенно недостаточно для его оценки. В нем много составляющих. Что, уровень жизни сотрудников ИМЭМО был ниже уровня жизни сотрудников аналогичных институтов США? Ничего подобного. В то же время в западных странах я видел такой уровень жизни, который мало чем отличался от уровня жизни жителей африканских племен. Ныне, когда я живу на Западе и «зрю» все это воочию, мои «советские знания» только подтверждаются.

Господин Соколов, Вы, кажется, решили переигрывать таких параноиков, как Конквест и Безансон, когда сподобились написать о незначительном изменении «соотношения ВВП двух стран» (имеются в виду ВВП США и СССР). Вы хотя бы сравнивали эти ВВП в начале XX в., в середине и к моменту распада СССР? Как же с таким «изменением» можно было выдерживать стратегический паритет с самой мощной державой мира – США? И почему именно эта держава стала догонять Советский Союз в первой половине 60-х годов, когда обнаружилось ее очевидное отставание в науке и технике, особенно космической?

Господин Соколов. Наверное, Вы неплохой филолог. Оставляйте им. Не лезьте не в свои дебри. Не мутите мозги ни себе, ни людям.

Не зашкालенные

25 июня 2006 г.

Читатель может подумать, что на мои книги откликнулись только отъявленные антисоветчики. Нет, не только. Среди рецензентов были и настоящие исследователи, которые как раз и смогли сразу же оценить, в чем главная суть разбираемой работы («Двадцать первый век»).

Например, вскользь упоминавшийся выше один из известных, а самое главное, по-настоящему серьезный исследователь Андрей Фурсов в лаконичной форме в рамках ограниченного пространства сумел не только изложить со-

держание работы, но и обратить внимание читателей на некоторые закономерности, в ней сформулированные¹.

Другой исследователь, д.э.н. П. Сергеев, уже более подробно изложил содержание работы, отметив при этом: «Многие взгляды автора не совпадают с общепринятыми трактовками, характеризуются новизной подходов к проблемам современных международных отношений, что позволяет ему решать крупные теоретические проблемы по-новому. В частности, автор формулирует и обосновывает три закона, весьма важные для понимания сущности современных международных отношений:

- 1) закон экономической массы, или полюса;
- 2) закон центра силы;
- 3) закон силы².

Кроме того, им введены такие новые понятия теории международных отношений, как *внешнеполитический потенциал государства* и *закон оптимального соотношения затрат на внутреннюю и внешнюю политику*.

Упомянутые законы и закономерности позволяют избегать болтовни о великих державах, дают возможность понять и четко определить статус государств, их возможности влиять на международные отношения.

П. Сергеев, будучи экономистом, обратил внимание и на такие важные вещи, как определения различных процессов в мировой экономике (*интернационализация, интеграция, глобализация, глокализация*).

То есть в данном случае я говорю о реакции ученого, исследователя, а не зашоренных на идеологии, помешанных на антисоветизме писателей или журналистов. С первым можно дискутировать, со вторыми – нет. Вообще-то антисоветизм, равно как и антикоммунизм, – это действительно болезнь. В одной из предыдущих статей я антикоммунизм/антисоветизм определял как форму заболевания, форму психической

1 Фурсов А. [Рецензия] // Политический журнал. 2006. № 8.

2 Сергеев П.А. Международные отношения в условиях глобальной борьбы за нефть // ТЭК (Топливо-энергетический комплекс). 2004. № 3, с. 158.

болезни. Здесь я бы добавил, что это болезнь не только антикоммунистической личности, она может быть болезнью и всего общества, идеология которого строится на антикоммунизме. Если эту болезнь не излечить, то у таких обществ нет будущего. Эта болезнь, обратной стороной которой является идеология современного либерализма, уничтожит эти общества. Об этом свидетельствует масса признаков в западном мире, но главный из них – это физическое сокращение белого населения западных государств. Современный капитализм постиндустриального типа обречен. Его историческое время завершается. Весь вопрос только – когда состоятся похороны? Точную дату назвать сложно, но похороны неизбежны. Так уж работает закон возрастания энтропии, и отменить его не смогут даже самые оголтелые антикоммунисты.

Слабость против силы

24 июня 2006 г.

На свою монографию «Диалектика силы: онто́бия» (Москва: Едиториал УРСС, 2005. 320 с.) я не ожидал быстрой реакции, поскольку ее содержание достаточно сложно для усвоения и понимания. Несмотря на это, краткие рецензии появились довольно быстро¹. Но я ожидал критические рецензии, т.к. сформулированные мной закономерности во всех разделах (философия, космогония, органика и психология) идут вразрез с общепринятыми в науке представлениями. Первыми откликнулись философы, точнее, доктор философских наук, профессор В.С. Семенов².

Рецензия начинается с некоторых курьезных вещей, касающихся меня лично. Проф. Семенов пишет: «В качестве

1 См.: Универсум. 2005, №1, с. 62; *Сергеев П.А., Котилко В.В.* Сила как атрибут материи и современные проблемы мировой энергетики // Деловая книга. 2005. № 5, с. 6; см. также: Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2005, № 3. Нояб./дек.; Книжное обозрение. 2005, № 25–6, с. 10.

2 Семенов В.С. [Рецензия] // Вопросы философии. 2006, №1, с. 186–7.

Алекса Бэттлера автор представляется в странах Запада, где он живет и работает в последние годы». Уважаемый профессор! Я не «представляюсь» под этим именем на Западе. Алекс Бэттлер (Alex Battler) мои подлинные имя и фамилия как гражданина Канады. О.А. Арин – мой литературный псевдоним в России, а подлинное имя в России, уже как гражданина РФ, не Герман Алиев, а Р. Ш.-А. Алиев. То есть я являюсь гражданином двух стран, что не возбраняется законодательствами обоих государств. Это информация также и для многих моих читателей и знакомых в России, у которых почему-то не укладывается в голове, что такое возможно.

Я не знаю, почему профессор решил, что «Диалектика силы» издана на Западе и по ней я читаю лекции. Видимо, Семенов перепутал. В США (кстати, и в КНР) издана другая моя монография – «Двадцать первый век: мир без России». А рецензируемая, хотя и переведена на английский, еще не опубликована¹. И в данный момент лекций на Западе я не читаю по многим причинам, в том числе и потому, что втянут в исследовательский процесс и написание обещанной второй части трилогии «Общество: сила и прогресс».

А теперь по сути. Проф. Семенов похвалил меня за предыдущие работы, а также за то, что в данной монографии я популяризирую «идеи материалистической философии», «диалектический материализм» и взгляды прогрессивных западных и российских ученых. Конечно, большое спасибо за похвалу, но все это не совсем так.

Я «популяризирую» ученых не за их «прогрессивность», а за вклад в исследование той или иной проблемы, которая мной анализируется. Применительно к ученым-натуралистам и философам слово «прогрессивный» для меня не имеет смысла, а именно с этой когортой ученых я имел дело при написании данной работы. Что же касается материализма и диалектики, то они являются для меня основополагающими научными инструментами в познании бытия, что, однако, не мешает мне использовать другие исследо-

¹ Она была издана в США только значительно позже написания разбираемой рецензии. Alex Battler. *Dialectic of Force: Ontobia*. New York, 2013 (прим. 2015 г.).

вательские средства (например, системный подход) и идеи, порожденные другими мировоззрениями, если они оказываются плодотворными. К сожалению, на популяризацию материалистической философии и диалектики времени не остается, хотя делать это необходимо. Необходимо уже потому, что становится все более очевидным банкротство буржуазного обществоведения. Оно по сути угробило себя идеологическими догмами. Но это отдельная тема.

Итак, после поощрительной похвалы проф. Семенов четко выражает свое отрицательное мнение о моей концепции силы. Напомню читателю свое определение: «Онто́бия, или онтологическая сила, есть **философская категория** для обозначения атрибута бытия, которая определяет его сущность посредством движения, пространства и времени» (с. 78). В ответ Семенов пишет: «Подобные суждения о силе как источнике и первоначале движения материи известны, их можно обнаружить еще у древних натурфилософов. А затем развивающаяся диалектическая мысль отказалась от этой идеи, гипотезы, идеологемы».

Уважаемый Вадим Сергеевич! Где у меня сказано о силе как «первоначале движения»? Я постоянно подчеркивал как раз *одновременность* всех атрибутов бытия: *материи, движения, пространства, времени и силы*. Далее: «А затем» – это когда? По логике абзаца получается, что «после древних натурфилософов» недревние отказались от идеи силы. Но я как раз привожу целый ряд «после-древних» философов, которые почему-то продолжали исследовать эту тему. Может быть, после Гегеля, Маркса, Спенсера? – Нет ответа. «Развивающаяся диалектическая мысль» в чьем лице или лицах отказалась от идеи? Или эта «мысль» существовала сама по себе, так сказать, без ее «материального носителя»? Но это уже, дорогой профессор, идеализм. А вы, вроде бы, «числите» себя в материалистах. Где, в какой работе зафиксирован этот «отказ»?

Обращаю внимание читателей на способ «аргументации», характерный для работ многих русских исследователей. Это выражения типа «говорят», «всем известно», «считается». Кто говорит, кому известно, кто считает? Особенно меня потрясает «мы»: мы полагаем, народы отверга-

ют, большинство человечества и т.д.

После приведенной бессмысленной фразы начинается старый пересказ о самодвижущейся материи, о борьбе противоположностей и т.д. в духе советских учебников по диамату, против чего я и не возражаю. Но против чего же возражает наш профессор? А против того, что раз «силу» пощупать, схватить, поймать, зафиксировать, измерить нельзя, то никакой силы в материи и не существует. «Таким образом, в философском понимании, в философском осмыслении мира термин “сила” не имеет собственного, самостоятельного онтологического содержания подобно материи, движению, времени и пространству. Это условное понятие, характеризующее по аналогии, в виде синонима различные стороны и проявления развивающейся материи и сознания».

Интересно, «измерить силу нельзя», а ее почему-то измеряют и в классической механике, и в квантовой, на ее основе формулируют законы и даже за это Нобелевские премии получают. Тоже «условно» в виде синонима?

Этот уважаемый «материалист» не понял, что силу я обозначил как онто́бию (как бытийную силу), т.е. как атрибут бытия, который содержит в себе не только материю, но и сознание. Это, во-первых. Во-вторых, я многократно подчеркиваю, что распознается она в *проявлениях*, выступая в различных ипостасях, *меняя свой облик в соответствии с бытийной сущностью* тех или иных миров (неорганического, органического и общественного).

Судя по работам самого Семенова, он относит себя к марксистам, но Маркса, похоже, как следует, не понял. Думаю, вряд ли ему попадалась на глаза оценка Марксом книги Грова «Соотношение физических сил». Говоря о Грове, Маркс пишет: «Он доказывает, что сила механического движения, теплота, свет, электричество, магнетизм и химические свойства являются, собственно, лишь видоизменениями одной и той же силы, взаимно друг друга порождают, заменяют, переходят одно в другое и т.д.» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 30, с. 533). Видите, Вадим Сергеевич, одна и та же сила проявляется в различных обличьях. Но эта же сила уже в органическом мире проявляется в виде оргáбии

(органической силы), видоизменяясь в биологии в биобию (биологическую силу).

Естественно бы ожидать ее проявления и в человеке и в обществе, о чем пишет рецензент: «Оно широко применяется практически во всех общественных науках: экономике, социологии, политологии, праве, международных отношениях и других. Обычно в метафорическом значении и переносном, иносказательном смысле как удобный синоним и заменитель».

Как раз «в метафорическом значении и переносном смысле», т.е. без смысла, употребляют слово «сила» болтуны-политологи и международники. Именно поэтому они не могут разобраться в понятиях *центр силы*, *центр мощи* или *международный полюс*. В каждой из перечисленных дисциплин существуют своя сила. Задача исследователей как раз и заключается в том, чтобы «поймать и измерить» ее и на этой основе вскрыть закономерность движения того или иного общественного поля.

Семенов с иронией цитирует мои слова о том, что «в конечном счете знания, их накопление и есть сила, есть основа, фундамент человеческого развития», подчеркивая, что это общеизвестная вещь. Он при этом забывает сообщить, что знания я сопрягаю с негэнтропией – единственной силой в природе, которая вступает в борьбу с законом возрастания энтропии, т.е. в борьбу за увеличение дельты жизни человека, что я называю прогрессом. И если бы Семенов назвал хотя бы одну работу с подобными выводами, я согласился бы с ним, что написанное мной «общеизвестная вещь».

У меня не было намерений критиковать рецензию В.С. Семенова. Наоборот, я обязан его поблагодарить хотя бы уже за то, что он прочитал этот непростой труд. Тем не менее у меня осталось чувство полного неудовлетворения тем, как философ, считающий себя материалистом и марксистом, столь слабо отстаивает свое несогласие. Пустые декларации вместо аргументов. Он мог бы написать: да, в истории философии пытались увязать силу с материей, например, тот-то и тот-то, но у них ничего не вышло, потому что, допустим, сила – это не субстанция, это отношение и т.д. И ваша концепция Большого взрыва противоречит ва-

шей же категории силы на онтологическом уровне. В органике же вообще глупость: жизнь начинается с человека. Это что же, собака вам не жизнь? Но ведь ничего подобного нет!

Такое ощущение, что «диалектическая мысль» покинула Россию вместе с распадом СССР. И ее место заняло околонатурное словоблудие обо всем и ни о чем.

Примером может служить статья философа В.В. Васильева («Мозг и сознание: выходы из лабиринта»), помещенная в том же журнале. Совершенно справедливо негативно отозвавшись о «скептиках» (в возможности познать сознание) Н. Чомском (русские почему-то пишут Хомский) и К. Макгини, русский философ с энтузиазмом обращается к Дж. Сёрлю, Д. Чалмерсу и некоторым другим специалистам в области темы сознания. Мне как раз пришлось подробно разбирать в «Диалектике силы» взгляды этих «специалистов», которые на протяжении десятилетий не сказали ни одного путного слова о сознании. Они не смогли дать научного объяснения разницы между сознанием и мыслью и продолжают мусолить искусственную проблему разума/тела (или разума/мозга); некоторые из них увязли в теории «квейла», так и не раскрыв, что это такое. И это продолжается у них почти 150 лет. В чем дело? Васильев же всерьез воспринимает их белиберду, видимо, столь же склонный, как он выражается, к «имматериализму» (т.е. к элементарному идеализму), как вся цитируемая им компания. Почему бы тому же В.С. Семенову, раз уж он не согласен с моей концепцией силы, не сравнить подходы, допустим, Чалмерса и мой в понимании сознания? Не разобраться, почему мой подход решает проблемы разума/тела и сознания/мысли, а их подходы не решают?

То же самое я мог бы сказать и о теории Большого взрыва и о проблемах живого/неживого. Сравнивая работы на эти темы в советские времена и нынешние, не могу не поражаться глубине падения научной мысли в современной России, примитивности и узости научного сознания. Такое ощущение, что теология вытеснила философию, дилетантство – профессионализм. Остались одни «оказиональные и имматериальные конвенции и нарративы». Вот уж «попик» Беркли порадовался бы!

V

Что такое наука и кто такой ученый

Ученый – это кто?

Я много раз писал о низком научном уровне общественной науки в России, утверждая, например, что даже академическое звание не делает человека ученым. Прошедшая кампания по приему в членкоры и академики РАН подтверждает мои и многих других авторов выводы, что наука в России оказалась на пороге разрушения. Косвенно подобный вывод содержится во многих моих работах при анализе трудов российских «ученых». Однако те же «ученые» столь же нелестно могут оценить и мой научный уровень, тем более что я не испытываю недостатка в устной критике своих работ. Большинство из этих критиков, правда, их не читали, но они плохи уже потому, что написаны мной, человеком, «никогда не уживавшимся с начальством» и постоянно разоблачающим потуги этих «ученых».

Действительно, я не оцениваю людей при науке по их академическим званиям и степеням. Более того, утверждаю, что почти все академики и членкоры РАН по профилю обществоведение (историки, политологи, международники, социологи, философы), за крайне редким исключением (поэтому «почти»), не являются учеными, а чаще всего

представляют собой пронырливых бюрократов, обеспечивших себе лавры «ученых» должностями, лизоблюдством и гнусными правилами игры «я – тебе, ты – мне». Ну как можно назвать ученым известного академика, которому я посвятил главу в этой книге, работы которого состоят из докладов на международных конференциях, написанных к тому же определенно не им. Хотя РАН и предъявляет весьма размытые требования для того чтобы стать академиком или член-корреспондентом¹, но даже им не отвечают нынешние академики, ибо невозможно назвать их работы, которые «обогадили науку трудами первостепенного или выдающегося значения». Об академике Примакове я даже не говорю, поскольку его так называемые научные работы – это скорее журналистский и сгущенно политизированный взгляд на проблемы международного характера. Тем не менее именно такие как он определяли уровень науки даже в советские времена. Хорошо помню, как его команда (К. Саркисов, Ю. Кунадзе, В. Иванов и примкнувшие к ним С. Вербицкий, В. Лешке) пыталась «завалить» меня на защите докторской диссертации в ИМЭМО. Один из главных формальных поводов для атаки – мои сомнения в реальности создания «Тихоокеанского сообщества». Они же и тогда и позже почему-то уверовали в глупость о том, что в «АТР» будет сформировано сообщество, которое станет главным центром мировой политики и экономики к началу XXI в. Этот век наступил. Где же это пресловутое сообщество? Нет и никогда не будет!

Так вот, эти ангажированные кандидаты исторических наук, издавшие по одной книжке (сделанной из кандидатской диссертации), по прошествии более 20 лет так и не защитили свои докторские². Любой человек при средних способностях может ее написать. (Сейчас, правда, и писать

1 Действительными членами Российской академии наук избираются ученые, обогатившие науку трудами первостепенного научного значения. Член-корреспондентами Российской академии наук избираются ученые, обогатившие науку выдающимися научными трудами.

2 Один из них, С.И. Вербицкий, вроде бы все-таки защитил докторскую диссертацию.

не надо – можно просто купить.) Правда, к науке такие диссертации чаще всего отношения не имеют. Они просто свидетельствуют о знаниях по той или иной проблеме. То есть доктор наук – это специалист, скажем, по внешней политике Японии (или по Ницше). В нынешнее же время и специалистом-то не надо быть. Диссертации покупаются, защиты устраиваются.

В связи с такими разночтениями возникает вопрос: что же такое ученый?

Кратко: это исследователь, способный анализировать явления на понятийно-категориальном уровне; это способность прогнозировать, которая зависит от истинного, т.е. научного понимания тех или иных явлений или тенденций. И самое главное – это человек, совершающий открытия, сформулированные в форме законов и закономерностей.

Именно из этих главных критериев я исхожу, когда утверждаю, что в России ученых среди обществоведов почти нет. На Западе их тоже почти нет, правда, по другой причине. Спору нет: в общественных дисциплинах открывать закономерности значительно сложнее, чем в естественных науках хотя бы уже потому, что законы и закономерности в обществе вследствие краткосрочного существования самого человечества еще не сложились, они формируются как тенденции. Выявить эти тенденции крайне трудно. Тем не менее существует ряд признаков, которые позволяют отнести того или иного исследователя к классу ученых. В истории было немало случаев, когда настоящий ученый вообще не обладал никакими степенями и званиями. Примеры: Г. Спенсер и Ф. Энгельс.

О науке и учености

В обыденной речи часто используют слова, которые нередко искажают смысл явления. К таким словам относятся писатель, поэт, художник, композитор, ученый. Например, говорят: писатель Лев Толстой. И в то же время могут сказать: писатель Юрий Лебединский. Поэт Пушкин и поэт Андрей

Дементьев. Из того же ряда художник Рафаэль и художник Марк Ротко. Композитор Бетховен и композитор Игорь Николаев. Философ Кант и философ В. Семенов. Ученый Эйнштейн и ученый В. Рубаков.

Каждый должен почувствовать, что здесь что-то не то. Слишком несопоставимые фигуры, чтобы быть «под одной крышей». Если Дементьев поэт, тогда Пушкин кто-то другой. Если Ротко художник, тогда Рафаэль точно не из этого ряда. Точно так же Кант не философ, Бетховен не композитор, Эйнштейн не ученый.

Такое несоответствие происходит потому, что мы употребили слова, не наполнив их понятийным содержанием. Для обывателей этого вполне достаточно. Если же нет, то он удовлетворится такими дополнениями: Лев Толстой – великий писатель, а Лебединский просто писатель советского периода. Используются также прилагательные гениальный, великий, крупный, средний. Обыватель доволен. Он понял разницу.

Для науки же и, соответственно, научной, т.е. объективной оценки названных личностей этого недостаточно. Прилагательные не спасают от того, что они все попадают в одну ячейку «писателей» или «поэтов». На самом деле они не писатели и не поэты. Для них требуются другие слова, чтобы отделить их от первого ряда. Типа графоманы, рифмовщики, маляры и т.д. Иначе возникает путаница в понимании явлений.

В данной статье я попытаюсь обобщить соображения, высказанные в некоторых своих предыдущих статьях о науке и ученых, именно на примере слова *ученый*. Хочу заранее предупредить, что данная заметка не является науковедческой работой в духе Карла Поппера, Томаса Куна или Имре Лакатоса. Такого типа работа потребовала бы от меня определений нижеразбираемых слов на уровне понятий, что предполагает углубленность в тему с науковедческих позиций. Но эта сфера знаний не является моим исследовательским полем, поэтому я ограничусь определениями на уровне терминов. Заинтересованные же в данной проблематике исследователи могут, отталкиваясь от этого, перейти в сферу понятий.

Слова, слова...

Для обывательского мышления слово *ученый* обычно обозначает человека, который осуществляет научные исследования. В мире в 2007 г., как явствует из доклада ЮНЕСКО за 2010 г., работало 7,2 млн ученых. Но в этот разряд попадают все, кто так или иначе причастен к науке в рамках НИОКР: это и ученые, и инженеры, и технический персонал. Очевидно, что названные три категории не однопорядковые явления. Потому что, если исходить из такой формулировки, в студенческие годы я тоже был «ученым», поскольку на 3-м курсе провел исследование по теме японского рабства, в котором вдрызг «разгромил» академика Н. Конрада. Причем ученик этого академика и мой учитель профессор Д.И. Гольдберг поддержал меня (видимо, почувствовав во мне задатки исследователя). Тогда я очень гордился собой и тоже считал себя ученым¹. На самом деле никаким ученым я не был, а был просто начинающим исследователем. Именно это слово *исследователь* вполне подходит под то определение, которое обывательское сознание придает слову *ученый*.

Между прочим, в докладе ЮНЕСКО на английском языке² слово *ученый* обозначено как *researcher* – исследователь. Хотя и это слово не подходит для обозначения армии участников НИОКР.

Русский язык плохо дифференцирует некоторые слова, мало заботясь о нюансах явлений, которые они обозначают. Из-за этого бывает довольно сложно перевести термин с английского языка, в котором посредством раз-

1 «Разгромить» же академика Конрада было легко, поскольку он был жертвой «пятизвенной» парадигмы о формациях (первобытное общество, рабство, феодализм и т.д.), а я не считал нужным ее придерживаться, доказав на фактах, что в Японии рабовладательства как формации не существовало.

2 Хочу отметить, что этот доклад опубликован на основных западных языках и даже польском, но не на русском. Показатель отношения к России!

личных слов уточняется нюансировка значений. Например, слово *сила*. У Ньютона есть словосочетание *strengths of forces, power to resist force*. В переводе на русский получается «сила сил», «сила, которая сопротивляется силе».

Чтобы читатель понял нюансировки в английском языке, для начала приведу синонимы слова *ученый* в русском и английском языках. В одном из русских словарей синонимов я нашел такой ряд: *научный работник, деятель науки, грамотей, эрудит*¹. Негусто. К этому ряду есть смысл добавить слова *научный сотрудник, исследователь*. В качестве обозначения большого ученого русские применяют и слово *академик*, который, по общему мнению, не может быть неученым.

В английском языке словом *academic* или *academician* называют всех исследователей и преподавателей и даже студентов. Слово *academician* отражает также факт вхождения в какую-нибудь академическую ассоциацию. Это не звание, а просто обозначение людей, причастных к науке.

Словом *scientist* чаще всего обозначают исследователей в области естественных наук; *scholar* – в сфере общественных наук. *Pundit* – это обозначение ученого, имеющее шуточный оттенок («как бы ученый»), но иногда вполне серьезное. Под словом *savant* имеется в виду известный, крупный ученый. Слово *boffin* чаще всего обозначает специалиста по какой-то конкретной проблематике, т.е. эксперта, а иногда изобретателя.

«Ученый» как понятие

В предыдущих статьях я уже неоднократно формулировал понятие ученого, но вынужден повторить его и здесь, чтобы читателю было легче сопрягать его с определениями других категорий научного сообщества.

Ученый – это человек, который открывает законы природы и общества. Его масштаб зависит от того, на каком уровне познания действуют открытые им законы: все-

¹ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969, с. 573.

общего, особенного или частного. К первому уровню относятся ученые-гении, которых за всю историю человечества наберется не так много. Их открытия носят **всеобщий** характер, то есть охватывают как онтологию, так и гносеологию (эпистемологию). На этом уровне находятся Платон, Сократ, Аристотель, Гегель, Кант, Коперник, Лейбниц, Ньютон, Р. Клаузиус, лорд Кельвин, Л. Больцман, Эйнштейн, Маркс и некоторые другие. Это ученые энциклопедических знаний. Это те ученые, которые ускоряли развитие прогресса всего человечества.

Ко второму уровню – **особенное** – относится значительно большая часть ученых, открывавших законы в конкретных науках. Это такие, как Ом, Ампер, Менделеев, Гаусс, Лобачевский, Паскаль, семья Кюри, Шредингер, Гейзенберг и др. К третьему уровню – **частное** – примыкает еще большее количество ученых, открывающих законы или закономерности по частным проблемам внутри конкретных наук. К таковым относятся, например, лауреаты Нобелевской премии последних двадцати-тридцати лет.

Главный признак подлинного ученого – открытие законов или закономерностей. Обычно это происходит в сфере фундаментальных наук, которые концентрируются на поиске общих закономерностей окружающего мира. Их не надо путать с учеными-прикладниками. Последние занимаются внедрением результатов фундаментальных открытий в практику (в конкретные отрасли науки и производства). Как раз именно эта категория составляет подавляющую часть «ученых» в рамках НИОКР. Не уверен, что их можно назвать учеными, хотя их роль нельзя недооценивать. Без них ученые – никто.

Классификация научных работников в России

А теперь взглянем на российскую действительность с точки зрения слов, определяющих звание ученого. В немалой степени сказанное ниже относится и к западной науке.

Начнем с низшего ранга – **кандидат наук**. Это первая научная степень, которая утверждается после написа-

ния определенной работы по узкой тематике. От претендента на эту степень требуется знание научной литературы по конкретной теме и умение изложить его на страницах 150. Никаких открытий для получения данной степени не требуется. Этот кандидат становится специалистом или экспертом по конкретной проблеме или теме. К примеру, я, защитив кандидатскую диссертацию, стал специалистом по японо-китайским отношениям. И в различных ситуационных анализах меня привлекали как эксперта именно по данной узкой тематике. Кстати, уровню российской кандидатской диссертации в гуманитарных науках англоязычных стран соответствует степень Ph.D. (дословно «доктор философских наук»), которую российские кандидаты очень любят обозначать на своих визитках на английском языке.

Доктор наук. У доктора тема шире и глубже. Глубина определяется темой, в которой могут быть какие-либо спорные проблемы, и доктор решает их на основе своих исследований. Хотя все кандидаты и доктора в своих диссертациях пишут, что они внесли что-то новое, на самом деле это «новое», кроме самого диссертанта или узкого круга исследователей, никого не волнует. Влияние ни на что оно не оказывает. Это в массе своей. Но бывают и исключения, обычно в естественных науках, в частности в физике. Почти 100% советских естествоиспытателей, ставших впоследствии академиками, свои открытия сделали именно на уровне докторской диссертации. В общественных же науках в рамках докторской диссертации, повторяю, фундаментальных открытий не было, хотя многие из них (имею в виду советское время) действительно носили научный характер (о признаках науки будет сказано ниже), а некоторые и новаторский. Среди таких я могу припомнить, например, докторскую диссертацию по экономике А.В. Сергиева, который впервые сформулировал термин *внешнеполитический потенциал государства*, впоследствии использованный мной для выведения закона *центра силы*. Я мог бы назвать и другие, но сейчас речь не об этом. А о том, что доктор наук в современных условиях – это просто специалист-эксперт по широкой проблеме.

Можно ли работы кандидатов и докторов наук относить к разряду научных (напоминаю, что я говорю об об-

щественных науках)? Конечно, можно. Хотя все они узкие специалисты, но без их работ невозможно было бы выйти на фундаментальный уровень, поскольку ни у одного ученого просто не хватило бы времени изучать детали той или иной науки. Тем более что «фундаменталист» работает на стыке многих наук. Их работы ценны своими обобщениями, систематизацией написанного, сбором необходимой статистики и многими такими вещами, которые необходимы для последующих прорывов в форме открытия закономерностей и законов.

Еще раз. Научные сотрудники (м.н.с., с.н.с., в.н.с., г.н.с.) еще не ученые, а специалисты по определенным проблемам. Обычно всю свою жизнь они и пребывают в таком статусе. И крайне редко переходят в разряд ученых.

Член-корреспондент и академик. Это уже не степени, а звания. Рвутся туда все, поскольку эти звания сулят массу материальных благ. Сразу же колоссальный скачок в окладах, дача, квартира, поездки за границу, приоритетные публикации и масса других льгот. Отличная кормушка. Так было в советские времена, так сохранилось и сейчас. За эти звания идет ожесточенная борьба, перерастающая в целые войны между группами жаждущих. К самой науке эти звания отношения не имеют вообще. Обычно их в первую очередь получают директора крупных институтов и их замы. В отделениях Академии Сибири и на Дальнем Востоке существуют квоты. Они как-то расписываются на местах в соответствии с местными правилами борьбы. Многие москвичи едут в дальние края, чтобы заполучить эти звания, а затем возвращаются на «родину». Ныне механизм получения этих званий и упростился и усложнился. Упростился в том смысле, что в «обойму» стали попадать нужные или денежные люди, а это усложнило попадание обычным подковерным путем. Больше средств стало уходить на подпитку-подкармливание и обхаживание тех, кто голосует.

Короче, современный член-корреспондент или академик – это сверхпронырливый или нужный человек, не имеющий отношения к званию Ученый. Исключения возможны (в основном из старой советской плеяды), но в целом...

я постеснялся бы носить звание академика или членкора в современной России.

Вузы. В высших учебных заведениях существуют должности преподавателей, доцентов и профессоров. В советские времена обычно простыми преподавателями были неостепененные, доцентами – кандидаты наук, профессорами – доктора. Но часто все эти должности занимали люди без всяких степеней, получив их в основном за выслугу лет или за подготовку какого-то количества кандидатов наук. Сейчас бывшие закономерности нарушены. Знаю многих на профессорской должности при степени кандидата наук. Преподавание с наукой почти не связано или если и связано, то очень редко. Так было в СССР, где наукой занимались в научно-исследовательских институтах. На Западе же наука и университеты всегда совмещались. Сейчас в России пытаются сделать то же самое, пока без видимых результатов. Хотя вообще-то преподаватель вуза не обязательно должен заниматься наукой. Ему достаточно знать исследования других в той или иной области, чтобы донести эти знания до студентов.

В целом же надо иметь в виду, что профессора и доценты высших учебных заведений самостоятельно научными исследованиями не занимаются, и посему к ученым их относить нельзя. Бывают, правда, случаи, когда профессор – гениальный ученый, но ужасный преподаватель. В свое время таким был Гегель, у которого после двух-трех лекций осталось всего лишь несколько студентов (среди которых был Генрих Гейне).

Журналист и публицист

Во многих научных работах российских исследователей можно встретить ссылки на статьи из журналов или газет, написанных журналистами. Помню довольно частые ссылки на В. Цветова, В. Овчинникова, В. Зорина и т.д. Такого типа ссылки научно некорректны, поскольку журналист не только не ученый, а самый непрофессиональный «авторитет» в любой области, по какой бы он ни писал. Знания

журналистов крайне поверхностны: они описывают «увиденное», а не «обдуманное». В принципе это было бы и неплохо для рядового читателя, если бы очень часто «увиденное» они не подавали как «обдуманное». И немало людей, включая многих исследователей, воспринимают всерьез их «мудрые» статьи, на которые ссылаются в своих книгах даже академики. На самом деле профессия журналиста заключается в том, чтобы заинтересовать читателя даже путем всяческих искажений действительности. К тому же ему надо писать обо всем: сегодня об императоре, завтра о съезде правящей партии, послезавтра о некой внешнеполитической доктрине политика, а еще через день о футболе и сексе. И все по верхам. Такова профессия. Поэтому смешно выглядят ссылки ученых со степенями на статьи, скажем, из «Асахи» или «Нью-Йорк таймс».

В то же время не следует путать журналиста с публицистом. Публицист – это человек с серьезным научным потенциалом, который через прессу распространяет свои идеи, используя язык журналистики. Публицистов надо четко отделять от журналистов. Например, в газете «Нью-Йорк таймс» есть колонка Пола Кругмана, экономиста, лауреата Нобелевской премии, блестящие статьи на экономические темы которого достойны серьезного внимания. В «Интернешнл геральд трибун» есть публицист Вильям Пфафф, явно с научными корнями, поскольку его анализ событий однозначно носит научный характер, изложенный блестящим журналистским языком. Между прочим, из этого ряда публицистов был и Рихард Зорге, досконально знавший Японию и писавший фактически научные статьи об этой стране, которые советские гзэрушники (ГРУ) не смогли верно оценить. Обращаю внимание на такой журнал, как «Экономист». Хотя для меня этот журнал идеологически чужд, я не могу не оценить профессионализм авторов (имена их никогда не указываются), которые на рафинированном английском языке со своей идеологической колокольни анализируют все события в мире. С точки зрения компоновки материалов и вообще структуры журнала я считаю, что равных ему нет в прессе подобного рода.

В конце данного сборника я решил воспроизвести два параграфа из первого тома «Мирологии»¹, в которой разбираемая тема подана в научном формате. Правда, я сознательно убрал ссылки на источники цитируемых авторов, чтобы вынудить читателя, действительно интересующегося темой «наука и ученые», обратиться к первому тому «Мирологии», в которой детально разобран данный сюжет с философских и науковедческих позиций.

Так что же такое наука?

Посмотрим, как на эту тему размышляли советские ученые. Оказывается, в сфере науковедения в советское время работало немалое количество ученых. И приверженность марксизму как общей для них методологии не вела к автоматическому согласию между ними по многим проблемам науковедения. Одна из интересных монографий на эту тему написана В.С. Черняком, который, демонстрируя профессиональное знакомство с западными исследованиями, излагает собственные суждения, в том числе и на предмет определения науки. Поначалу он коротко определяет науку как «производство новых знаний». Этого явно недостаточно, поскольку еще не ясно, что следует понимать под внутренним содержанием науки. Добавление к понятию науки «научного метода» опять же еще не проводит «демаркационную» линию, отделяющую науку от ненауки, точно так же, как и эксперимент и практика – любимые детища позитивистов. Ответ Черняк нашел в работах Вернадского и особенно в «Капитале» Маркса в форме «оборачивания метода». В результате он приходит к выводу о том, что «науку

1 Алекс Бэттлер [Олег Арин]. Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. Т. I. Введение в мирологию. М.: Издательство ИТРК, 2014.

можно рассматривать как целостную систему с точки зрения внутренней логики ее развития, основным законом которой является *постоянная воспроизводимость* ее результатов на качественно новой основе путем оборачивания метода – превращения предпосылок некоторого знания в следствие дальнейшего его развития и наоборот».

В этом определении науки отсутствует объект науки и поэтому, на мой взгляд, оно не точно.

Другой советский науковед, Э.М. Чудинов, обращает внимание на иную сторону науки, точнее – на научную теорию, которая у него воспринимается как процесс, а не как застывший термин. Напомню, неопозитивисты анализируют теорию с разных сторон: верная – неверная, отражает факты – не отражает и т.д., фиксируя ее как данность. Чудинов же предлагает:

Для рационального понимания становления научной теории, на наш взгляд, требуется ввести понятие строительных лесов научной теории, или, сокращенно, СЛЕНТа. Под СЛЕНТом будем понимать такую формулировку теории – систему ее изложения, интерпретации и обоснования, – которая неадекватна сущности самой теории, но тем не менее исторически неизбежна при ее становлении.

То есть на данном этапе формулируются сумбурные и хаотичные идеи и мысли, которые могут обозначить только контуры некоей целостной теории. Эти идеи даже могут быть научно некорректны, но они становятся первыми шагами в разработке теории. Требуя с самого начала научной стерильности, логичности и чуть ли не предсказанного результата, «руководители партии и правительства» в Советском Союзе тем самым тормозили творческие порывы многих ученых. Как бы то ни было, по мнению Чудинова, первоначальный период «туманности» теории является одним из элементов СЛЕНТа. И он совершенно справедливо пишет:

Уместно заметить, что гипертрофирование требования логической строгости, игнорирование СЛЕНТа – одна из главных причин бесплодности логического позитивизма и оппозиции по отношению к нему со стороны ученых. Нео-

позитивистская доктрина научного знания не согласуется с развивающейся наукой. Принятие ее означало бы конец науки, ибо СЛЕНТ, служащий ее предпосылкой, представляет с точки зрения логического позитивизма иррациональную конструкцию, которая подлежит элиминации. Естественно, что такая концепция не может быть принята большинством ученых.

К сожалению, она как раз и была принята многими учеными, в частности Карлом Гауссом, который из-за своей логической строгости и скрупулезности воздерживался от публикации многих своих «незавершенков», в частности неевклидовой геометрии, в отношении которой он мог бы быть соавтором Н.И. Лобачевского. Здесь важно подчеркнуть главное: как теория, так и наука – это процесс взаимодействия субъекта и объекта, причем не только во времени, но и в пространстве. Если первое понятно, второе может оказаться непонятным. Пространство – это общественная среда, в которой осуществляется наука. Одни и те же исследования в одной среде, скажем, в стране с развитым научным сообществом, могут считаться наукой, а в неразвитой среде могут оказаться просто забавой одиночек, поскольку они не могут быть ни оценены, ни тем более реализованы.

В контексте относительности знаний, казалось бы, эту же идею фиксирует Патрик Джексон со ссылкой на одну из работ Пола Богосьяна, говоря о том, что для различных групп одни и те же «куски знания» могут казаться противоречивыми и непротиворечивыми, или по-другому: «от того, где находится говорящий, сказанное может быть верным или неверным, в результате проблема не решается». Если доводить эту мысль до логического конца, как это делают аналитисты, то можно прийти к выводу об относительности самих знаний: они зависят от восприятия наблюдателя или наблюдателей (групп). Это как раз тот плюралистический случай, когда, скажем, о массе солнца или скорости света каждый будет иметь свое «мнение», противоречащее мнениям других. Этим примером я хотел бы подчеркнуть, что относительность самой науки или знаний имеет совершенно другой характер, чем относительность восприятия среды тех же самых знаний. Постпозитивисты и другие не-

марксистские течения смешивают эти два типа относительности. Для них они фактически тождества.

Теперь я попытаюсь коротко изложить свое представление о науке. Мой подход к понятию *наука* опирается на диалектический материализм, для которого проблемы монизма, дуализма и прочих идеалистических «измов» давно решены. Также не существует искусственной проблемы, является философия наукой или нет. «Философия способна быть объективной, доказательной наукой» вследствие самих критериев научности, которые представлены в обширной марксистской литературе по данному поводу. Если же говорить о функциональной роли философии, то она сводится к: а) интерпретации знаний, б) обоснованности научных теорий, в) постановке новых тем и вопросов, г) саморазвитию как науке познания. Но поскольку данная работа не является «чисто» философской, я не буду слишком детально останавливаться на доказательствах некоторых своих утверждений философского характера, ограничиваясь ссылками на соответствующих авторов и литературу.

Для начала воспроизведу определение науки в одной из философских энциклопедий, изданной в советское время. В ней написано: «Наука – сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности». Коротко говоря, наука продуцирует знания, но не житейски-субъективные, а объективные, т.е. истинные. В этом смысле наука универсальна, она не имеет национальных оттенков или личностных пристрастий. У законов, к примеру термодинамики, нет гражданства. Законы науки одинаково понимаются что в Англии, что в Китае, что в Анголе.

Очень часто науку отождествляют с научной теорией. Вот как, например, американские авторы одной методологической работы определяют термин *теория* со ссылкой на American Heritage Dictionary: «Теория определяется как систематически организованные знания, применимые к относительно широкому кругу обстоятельств, к примеру системам допущений, принятых принципов и процедурных правил в сфере анализа, прогноза, или, иначе, для объясне-

ния природы поведения специфических феноменов». Такое определение слишком широкое, оно фактически распространяется на всю науку. И это не случайно, поскольку для очень многих исследователей *наука* и *теория* являются синонимами.

На самом деле теория – это одна из форм научного познания, хотя и более фундированная, чем, скажем, *гипотеза*. Любая теория обычно является предварительным формулированием неких закономерностей, которые еще не прошли апробацию практикой. Поэтому теории, даже научные, могут производить ложные, или в данном случае уместнее сказать – ошибочные, знания, не отражающие объективную действительность. Такое бывает очень часто. Просто в ходе их дальнейшей практической проверки (или, по Карлу Попперу, экспериментов и фальсификаций) выявляется их истинность или ложность. В результате ошибочные теории или опровергаются, или сами избавляются от своих ошибок, сохраняя зерна истины, которые и закрепляются в науке.

В еще большей степени просматривается отличие науки и научных теорий в сфере общественных наук. В какой-то степени эту мысль выразил известный теоретик Роберт Кокс своей знаменитой фразой: «Теория всегда для кого-то и для каких-то целей». Хотя он имел в виду теории международных отношений, тем не менее его идея легко распространяется практически на все общественные науки. Они действительно политизированы и идеологизированы. Они обычно отражают интересы тех или иных классов или даже слоев населения. Они могут отражать философские, политические предпочтения и внутри тех или иных классов. Достаточно вспомнить большое количество школ в системе знаний о международных отношениях. Но такие теории могут быть и очень национальными. Некоторые теоретики, например, стали говорить о складывании ТМО с китайской и японской спецификой. ...Это действительно так. В то же время это как раз свидетельствует о том, что международные отношения еще не превратились в науку, их изучение пока осуществляется на уровне теорий, которые не произвели универсальные знания в виде законов и закономерностей, независимых от субъективных или национальных интерпретаций.

Таким образом, наука и теория – это не синонимы, каждое из этих понятий имеет свое содержание, которое необходимо постоянно учитывать.

Теперь о другом важном термине. Результаты производства знаний могут выражаться различными способами: в виде теорий, гипотез, концепций, формул и т.д., но наиболее ценным «товаром» является формулирование закона или закономерностей бытия. Мне хорошо известно многозначное толкование термина закон, поэтому, не оспаривая ничьих мнений, приведу формулировку, которую можно встретить в марксистской литературе. Закон есть такой тип знания, который фиксирует необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями, отражающее их сущность. Следовательно, закон есть такой тип знаний, который позволяет прогнозировать движение объекта исследования в той или иной системе координат, скажем, в природе и обществе. Применительно к нашей общей теме законом, к примеру, мог бы быть закон соотношения массы государства и его места в системе мировых отношений. (Здесь работает диалектический закон перехода количества в качество.)

Итак, главная функция науки – производить истинные знания, сформулированные в форме законов. В принципе такая задача ставится и теоретиками науки буржуазного направления. Разница с марксистским подходом заключается в том, что буржуазные ученые формулируют эти законы на основе проявления бытийных сущностей. Этот подход фактически отстаивает вся буржуазная философия науки. В марксистской же науке важно докопаться через явления до сути бытия и реальности. В этом ее «тактическая» слабость, но и «стратегическая» сила. Первое объясняется тем, что марксистская наука, пытаясь понять суть явлений, часто не обращает внимания на их промежуточные свойства, в то время как прагматизм и позитивизм именно на этих «промежуточных» явлениях концентрируют свое внимание, выявляя их особенности и даже закономерности их функционирования. Это позволяет им постоянно делать открытия, особенно в естественных науках, нередко и фундаментального свойства. Раскрыть же суть

бытия значительно сложнее, отсюда у марксистских ученых и не столь обильный урожай на открытия. Тем не менее их было немало в советский период, когда по совокупному научному потенциалу СССР за крайне короткий исторический период сумел не только догнать США, но на каком-то временном отрезке (конец 1950-х – середина 1960-х годов) даже опередить их. Но главное в марксистской науке другое – ее стратегическая устремленность к познанию бытийной сути природы и общества.

Отличительные признаки науки

Непрофессионалам довольно трудно отличить научную работу от ненаучной. Удивительно то, что и многие научные работники, даже со степенями кандидатов и докторов, не всегда отличают науку от не науки, поскольку многие из них не задумываются над тем, что главная цель науки – открытие законов. Видимо, все это – не простые вещи, поскольку в науковедении довольно часто вспыхивают дискуссии на тему границы между наукой и ненаукой. На самом деле разница предельна проста: первая производит знания, вторая – богов, мифы, легенды, чудеса, фантазии и т.д. Но наука не только вырабатывает знания, но и использует эти знания для дальнейшего познания, ненаука опирается на *веру*. При этом ненаука воплощается не только в религии, мистике, но и в художественных произведениях. Но надо иметь в виду и то, что та же религия или мифы могут анализироваться с научных позиций, объясняющих причины их возникновения и востребованности в обществе. Этим, например, занимаются религиоведение и мифология. Существуют и другие признаки научности.

Если в работе речь идет о законах или закономерностях, то эта работа научная (хотя сформулированный закон может оказаться впоследствии ложным). Читая Ньютоны «Математические принципы естественной философии»

или Канта «Метафизические начала естествознания», сразу видно, что это научные труды. Причем неважно, согласны вы с рассуждениями авторов или нет. Это наука. В них анализируются некие закономерности в природе. Но не все работы так однозначно научны, как упомянутые.

Существует ряд косвенных признаков, по которым можно отличить научную работу от ненаучной. Например, использование терминологического аппарата из устаревшей парадигмы, скажем, если бы нынешнее представление о Солнечной системе описывалось языком птоломеевской теории неба. Или когда современная ситуация на Дальнем Востоке или в зоне Тихого океана описывается через анализ несуществующего Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Иными словами, исследования, в которых всерьез разбираются проблемы АТР, можно не колеблясь отнести к ненаучным.

Должны вызывать подозрения работы, в которых делаются постоянные ссылки на высказывания руководителей страны. Это «старая парадигма», зародившаяся еще в советские времена, а ныне ставшая анахронизмом. Другое дело, если это – специальная работа, в которой анализируются слова и дела политиков.

Из этой же серии, претендующих на научность работ, – перечисление визитов как показатель активности политики той или иной страны. Но подсчет затрат на такие визиты и прибыль для государства от них может быть полезен для анализа эффективности политики в контексте «доходы-расходы» на внешнюю политику.

Научный труд строится на понятийном аппарате, а не на словах или даже терминах из лексикона здравого смысла. Многие научные работники не видят разницы между понятиями и словами-терминами. Это означает, что они никогда не изучали диалектику Гегеля, без знания которой вообще трудно что-то научно анализировать. Такое непонимание характерно для политологов, международников и страноведов – исследователей обществоведческого профиля. Это касается и западных исследователей. В меньшей степени это относится к экономистам, у которых понятийный аппарат хорошо разработан предшественниками.

В настоящее время любая крупная работа даже в сфере общественных наук должна быть хорошо оснащена статистикой. Без обширной статистики, которая позволяет проследить определенные закономерности, не может быть «фундаментального труда», а может быть только чисто журналистское описание «взаимоотношений». При этом надо иметь в виду одну очень важную вещь, которая часто упускается любителями статистики. Она только тогда приносит научные результаты, когда используется в рамках теорий, которые отражают или описывают объективную реальность. Но та же статистика играет крайне негативную роль, когда используется в ложных теориях или в пропагандистско-политических целях, поскольку как бы «научно» подтверждает то-то и то-то. В политкорректной форме американцы Бэр Браумоллер и Эн Сартори эту идею выразили таким образом: «Статистические проверки теорий обычно имеют малую ценность, пока сами теории, подвергаемые проверке, не являются основательными. В любом случае статистика является мощным инструментом как для подлинной, так и ложной науки.

Непрофессионального исследователя выдают такие фразы, как «с одной стороны», «с другой стороны». У любого явления «сторон» бесконечное множество, а истина одна, хотя и являет себя во многих ипостасях. Познать предмет или явление означает выявить его самую характерную черту, которая качественно отличает данное явление от другого.

В этом же контексте назойливые фразы, типа «в последнее время» что-то стало актуальным или о том, что какие-то явления «проходят стадию значительных изменений», для серьезных исследователей не несут содержательного смысла. «Последнее время» часто отражает проблему и 10-, и 20-, и 30-летней давности, «стадия значительных изменений» – пустая фраза, заполняющая словесное пространство¹.

¹ К аналогичным «пустым фразам» относятся также: предполагается, как всем известно, громадная теоретическая и практическая значимость и другие аналогичные словеса.

Если в работе появляются ссылки на бога, на библию как на авторитет в решении какой-то научной проблемы, то можно считать такую работу однозначно ненаучной. Любая мистика даже в виде космизма или всяческих УФО сразу же отбрасывает работу за пределы науки.

Следующее замечание касается только русских исследователей. Признаком квазинаучности следует считать злоупотребление англоязыком, на что я сразу же обратил внимание в Предисловии. Конечно, каждая наука имеет свой специфический словарь, который за полтора-два десятилетия в основном забит английскими словами. Это естественно, поскольку поначалу именно Англия, а затем США доминировали и сейчас доминируют в науках. И тем не менее во всех общественных науках можно без труда обойтись без многих англоязычных слов, которыми особенно злоупотребляет пробуржасная часть российского научного сообщества.

У русских почему-то сложилось мнение, что научные работы надо писать наукообразным языком. Такое впечатление, что они не читали работы великих ученых, которые всегда писали живо и нередко «весело». Классическим примером могут служить книги Норберта Винера о кибернетике. «Наукообразность» – это косвенный признак незрелости исследователя.

Современная российская наука плохо финансируется. Для многих низкие зарплаты стали поводом для оправдания отсутствия работ и вообще низкой научной отдачи. Любой, кто ссылается на финансовую сторону в своей деятельности, не может называться не только ученым, но даже исследователем. Сидящий в человеке «ген науки» будет заставлять его работать и при отсутствии зарплаты. Можно привести множество примеров, когда наука создавалась учеными, которые зарабатывали на жизнь не наукой, а какими-нибудь другими занятиями. Известный случай с российским математиком Перельманом подтверждает этот тезис, хотя, конечно, для современной России это исключение. Научная значимость не определяется зарплатой. Самые большие зарплаты в российской науке получают академики и членкоры. Их научная производительность вызывает большие сомнения. Чаще всего они фигурируют

в качестве главных редакторов коллективных трудов, которые зачастую они и в глаза не видели. Так что деньги и научная продукция не находятся в прямо пропорциональной связи.

Одним из признаков научной значимости ученого являются ссылки на его работы, на основе которых определяется индекс цитируемости (ИЦ). В какой-то степени это, может быть, и верно в отношении естественных наук. В сфере же общественных наук этот индекс, наоборот, искажает значимость работы. Поскольку фактически все общественные науки идеологизированы и политизированы, то очень часто ссылаются именно на те работы, которые подвергаются критике. А в соответствии с ИЦ критикуемый автор окажется наиболее «ученым». Кроме того, обычно по этому признаку берутся в расчет статьи, а не монографии. И в этой связи возникает несколько проблем. Во-первых, на публикацию статьи, даже если она принята к печати, в наиболее популярных научных журналах уходит от года до пяти лет (например, в американских журналах типа «Science» или «Nature»). Во-вторых, общественные журналы идеологизированы и публикуют статьи только из своей мировоззренческой ниши. В-третьих, у англоязычных журналов весьма высокие требования к языку, что создает чрезвычайные трудности для зарубежных исследователей. В-четвертых, из-за политизации этих журналов они предпочитают публиковать «труды» людей во власти или занимавших в ней высокие посты. Например, в журнале «Foreign Affairs» несколько раз публиковались проамериканские статьи А. Козырева в бытность его министром иностранных дел РФ. Можно добавить еще ряд других моментов, которые вынуждают с подозрением относиться к данному признаку «научности».

Шарлатаны и фальсификаторы науки. Ненауку надо отличать от лженауки, которую можно определить как создание мифов о природе и обществе с использованием научного аппарата и научной терминологии. Надо отметить, что где-то с конца XX в. в науке появилась масса работ псевдонаучного свойства. В принципе в истории их было всегда

немало, но сейчас произошел как бы «Большой взрыв». Это прежде всего связано с коммерциализацией науки. Дело в том, что издание чисто научных книг не дает денежной отдачи. Если же в научную работу встроить какую-нибудь мистическую загадку, то спрос резко увеличивается. В свое время издатель заявил астрофизику С. Хокингу: «Если Вы хотите, чтобы Ваша книга покупалась в книжных киосках аэропортов, то хорошо бы где-нибудь упомянуть про бога». Атеист Хокинг не устоял и «упомянул». Тираж сразу же вырос, принес миллионные прибыли. Но еще дальше пошел математик Франк Дж. Типлер, представивший картину бессмертия. У него есть книга «Физика бессмертия. Новейшая космология, бог и воскресение из мертвых», в которой он «математически» доказал и существование бога, и процесс воскресения из мертвых. Другой пример – это российские космисты, давшие «жизнь» всей Вселенной. Возможно, некоторые из таких ученых действительно верят в свои чудеса, но большинство из них хитроумные шарлатаны, играющие на приверженности обывателей к мистике и чуду.

Два слова о фальсификаторах. Они обычно занимаются опровержением идей марксизма-ленинизма. У них много способов фальсификаций. Наиболее частый – обычная ложь. Приписывают классикам то, чего они не писали или если и писали, то в определенном контексте, о котором фальсификаторы «забывают» упомянуть. Другой способ – голословность. Часто встречаются такие фразы: как говорил Маркс, как писал Ленин... Где говорил, где писал? Не указывают. Или: Энгельс ничего нового не написал в «Диалектике природы», Ленин написал чушь в книге «Материализм и эмпириокритицизм», Маркс чего-то недопонял в своем «Капитале». Спрашиваешь: а вы читали эти работы? Нет, не читали, но все так говорят.

Обычно эти антисоветчики и антимарксисты не владеют элементарными научными методами. Многие из них искренне, не зная конкретной исторической ситуации, рассматривают ее с позиции современных ценностей и морали. Это касается и знаний об истории СССР. Другими словами, лженаука постоянно демонстрирует полное отсутствие историзма и диалектики. Антикоммунистическая

идеология застит таким «ученым» глаза. Но есть и наемные фальсификаторы, которые за идеологическую фальсификацию получают деньги. В последующем к теме фальсификации придется обращаться не раз и не два.

* * *

Я здесь не стал затрагивать тему о таких «науках», как эзотерика, уфология, оккультные науки (алхимия, астрология, хиромантия, физиогномика). Даже среди некоторых философов есть такие, которые не отвергают их научный статус. Доказывать обратное здесь было бы глупо (это заняло бы слишком много места). Но следует учесть, что такие «науки» возникли не на пустом месте. Природная тяга человека к мистике, к чудесам, к таинствам, к необъяснимости является благодатной почвой не только для религии, но и для всевозможных «наук», эксплуатирующих человеческие слабости. А может быть, не всегда это и слабости. Страстное желание и вера человека в бессмертие или в Живой космос, предполагаю, могли вдохновлять немало личностей, творивших в сфере подлинной науки. К сожалению, марксизм никогда серьезно не относился к этой стороне человеческой природы. А она требует самого внимательного изучения.

Основные научные работы Олега Арина (А. Бэттлера)

Мирология. Том 2. Борьба всех против всех (2015)

Мирология. Том I. Введение в мирологию (2014)

Правда и вымыслы о царской России России. Конец XIX – начало XX века (2010).

Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала) (2008, 2009, 2013).

О любви, семье и государстве (2006, 2008).

Диалектика Силы (2005, 2008, 2013).

Двадцать первый век: мир без России (2001, 2002, 2004, 2005).

Стратегические контуры Восточной Азии в XXI веке. Россия: ни шагу вперед (2001, 2003).

Япония: взгляд на мир, на Азию и на Россию (2001).

Россия на обочине мира (1999).

Стратегические перспективы России в Восточной Азии (1999).

Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX – начало XX века) (1999).

Россия в стратегическом капкане (1997, 2003).

Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика, безопасность (1997).

Внешняя политика Японии в 70-х – начале 80-х годов (теория и практика) (1986).

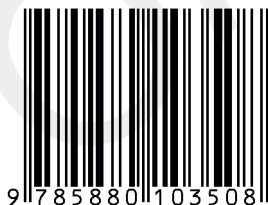
Арин Олег Алексеевич (Alex Battler)

Россия как она есть

Разрушители мозга
(Ненаучная наука России)

Главный редактор издательства *А. И. Титов*
Компьютерная верстка,
изготовление оригинал-макета *В. Бэттлер*
Оформление обложки *В. Бэттлер*

Подписано в печать 22.05.15.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 84х108/32. Печ. л. 11,5.
Уч.-изд. л. 16,2. Заказ №

Издательство ИТРК
127015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, стр. 2.
Тел.: 8(915)022-10-30, тел./факс: 8(495)685-16-87
E-mail: izdatelstvo@itrk-smi.ru, сайт: www.itrk-smi.ru